

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 5/2018

Памяти академика С.Л. Тихвинского

●
К 40-летию начала экономической
реформы в Китае

●
Аграрная стратегия XIX съезда КПК

●
Американские стратегии
денуклеаризации КНДР

●
Формирование современной
системы СМИ Японии

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

5/2018

Сентябрь — Октябрь

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках
Издается с марта 1972 года

Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
Российской академии наук

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков (доктор экономических наук, проф.)

Редакционная коллегия

О.Н. Борох, к.э.н., А.В. Виноградов, д.полит.н.,
А.Д. Воскресенский, д.полит.н., проф., А.С. Давыдов, к.и.н.
(зам. главного редактора), В.Г. Дацышен, д.и.н., проф.,
А.З. Жебин, к.полит.н., В.П. Зимонин, д.и.н., проф., А.Н. Карнеев,
к.и.н., В.О. Кистанов, д.и.н., Я.В. Лексютина, д.полит.н.,
А.В. Ломанов, д.и.н., проф. РАН, С.Г. Лузянин, д.и.н., проф.,
В.М. Мазырин, д.э.н., О.И. Мальцева (ответственный
секретарь), Н.Л. Мамаева, д.и.н., П.А. Минакир, академик
РАН, Л.В. Новоселова, д.э.н., А.В. Островский, д.э.н., проф.,
Л.С. Переломов, д.и.н., В.Е. Петровский, д.полит.н.,
Н.А. Самойлов, д.и.н., С.С. Суслина, д.э.н.

Иностранные члены редколлегии

А. Ачария, проф., директор Института китайских исследований
(Нью-Дели, Индия), М. Бастид-Брюгер, проф., Национальный
центр исследований по общественным наукам (Париж, Франция),
У Эньюань, проф., Академия общественных наук Китая (Пекин,
КНР), Ху Аньган, проф., Университет Цинхуа (Пекин, КНР), Чжу
Сяньпин, проф., Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР).

Редакция

К.В. Асмолов зав. отделом Кореи
Е.В. Белилина
зав. отделом внешней политики
А.Н. Карнеев
зав. отделом истории и
внутренней политики
А.Н. Коробова
зав. отделом культуры
А.С. Крушинский
зав. отделом экономики
Л.С. Лаврова экспедитор
Е.А. Лапшина зав. редакцией
Г.П. Манча редактор
Д.Б. Славинский оператор ЭВМ
А.Б. Старостина
зав. отделом идеологии и
философии
А.В. Шлындов зав. отделом Японии

Содержание

ПАМЯТИ АКАДЕМИКА С.Л. ТИХВИНСКОГО

От главного редактора	4
[Соболезнование Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова]	6
<i>А.С. Ипатова.</i> О Сергее Леонидовиче Тихвинском.....	7
<i>К.Ш. Хафизова.</i> Востоковеды Казахстана вспоминают академика Тихвинского	13

ПОЛИТИКА

<i>В.Я. Портяков.</i> К 40-летию начала экономической реформы в Китае (краткий экскурс)	19
<i>А.С. Шенин, С.Ю. Шенин.</i> После саммита в Сингапуре: американские стратегии денуклеаризации Северной Кореи	35

ЭКОНОМИКА

<i>В.Д. Андрианов.</i> Роль международных и региональных банков развития в индустриализации и модернизации стран Юго-Восточной Азии	48
<i>Л.Д. Бони.</i> Новая аграрная стратегия XIX съезда КПК: цели и проблемы	57

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

<i>В.Б. Кашин, Л.С. Крашенинникова.</i> Китайская академия инженерной физики — создатель китайского ядерного оружия	70
<i>П.Б. Каменов.</i> КНР: военно-гражданская интеграция	85

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

<i>Е.А. Горячева.</i> Исторические предпосылки формирования современной системы СМИ Японии	95
<i>Д.Б. Графов.</i> Экономическая модель <i>гуаньси</i> в Китае: сравнительный анализ	104

ИСТОРИЯ

<i>Е.И. Нестерова.</i> Южно-Уссурийское пограничное комиссарство: от проекта до реализации (конец 60-х – начало 70-х годов XIX века).....	118
---	-----

КУЛЬТУРА

<i>Т.Л. Гурулёва.</i> Разработка компетенций владения китайским языком как иностранным: сопоставительный анализ старой и новой систем экзаменов НСК	127
---	-----

РЕЛИГИЯ

- Л.А. Афонина.* «Положение о религиозной деятельности» 2018 года в КНР..... 138
В.Г. Шаронова. Русский храм на Янцзы155

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- А.В. Волошина.* О книге Курта М. Кэмпбелла «Поворот. Будущее американской дипломатии в Азии» (Campbell K.M. The Pivot: The Future of American Statecraft in Asia).....167

РЕЦЕНЗИИ

- А.А. Слободенюк.* Белов А.В. Япония: экономика и бизнес180

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

- Юбилей Аллы Леонидовны Верченко183
Борису Григорьевичу Доронину — 90185
Contents187
Summary189

Памяти академика С.Л. Тихвинского

От главного редактора

1 сентября 2018 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Сергея Леонидовича Тихвинского — выдающегося отечественного ученого-китаеведа и дипломата.

Ко всеобщему сожалению, Сергей Леонидович скончался 24 февраля 2018 г., не дожив до своего векового юбилея всего полгода...

Фундаментальные труды С.Л. Тихвинского о Сунь Ятсене, Чжоу Эньлае, образе России в Китае, его уникальные воспоминания очевидца о провозглашении Китайской Народной Республики и признании ее Советским Союзом хорошо известны российским востоковедам и всему научному сообществу. Они занимают видное место в шеститомном собрании его трудов. Удалось Сергею Леонидовичу познать и великую «радость законченного труда» — в конце 2017 г. было полностью закончено издание десяти томной «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века», написанной большой группой российских китаеведов по инициативе и под непосредственным руководством академика Тихвинского.

Жизненный путь патриарха отечественного китаеведения, его дипломатическая и научная деятельность подробно освещены в работе «Сергей Леонидович Тихвинский», изданной в 2008 г. Российской академией наук в серии «Материалы и биографии ученых», в специальных статьях одного из учеников и сподвижников С.Л. Тихвинского академика В.С. Мясникова, вошедших в сборники его избранных трудов «Квадратура китайского круга» (2006) и «Кастальский ключ китаеведа» (2014). Свидетельством глубокого уважения и признания заслуг С.Л. Тихвинского стал коллективный сборник «Раздвигая горизонты науки», где на 90-летие юбиляра по зову сердца откликнулись академики М.Л. Титаренко, А.А. Фурсенко, Е.П. Челышев, А.О. Чубарьян, Б.Л. Рифтин, Г.М. Бонгард-Левин, посол И.А. Рогачев, востоковеды С.Г. Лузянин, Г.Я. Смолин, Н.А. Спешнев, И.Ф. Попова, Ю.М. Галенович, китайские русисты Ли Миньбинь, Чэнь Кайкэ, Луань Цзинхэ, Ван Ци, Син Гуанчэн, многочисленные коллеги и ученики.

Впрочем, перечень тех, кто был так или иначе «прикосновен» к трудам и дням Сергея Леонидовича Тихвинского, насчитывает сотни, если не тысячи, имен и фамилий. В связи со столетием со дня рождения и в память об этом незаурядном человеке, глубококом ученом и блистательном дипломате журнал помещает воспоминания А.С. Ипатовой и К.Ш. Хафизовой, а также ранее не публиковавшееся соболезнование министра иностранных дел России С.В. Лаврова президенту РАН А.М. Сергееву по случаю кончины академика С.Л. Тихвинского.

17 сентября 2018 г. состоялось торжественное заседание Общества российско-китайской дружбы, посвященное 100-летию со дня рождения С.Л. Тихвинского. На заседании выступили Председатель Общества Д.Ф. Мезенцев, директор Института Дальнего Востока РАН С.Г. Лузянин, советник-посланник посольства КНР в РФ Су Фанцю, историк Н.А. Нарочницкая, руководитель Центра китаеведения МГИМО МИД РФ А.Д. Воскресенский, главный научный сотрудник ИДВ РАН Л.И. Кондрашова. Обстоятельный доклад о жизни, научной и дипломатической деятельности патриарха российского китаеведения сделал академик В.С. Мясников. Выступившие единодушно высоко оценили профессиональные и человеческие качества Сергея Леонидовича, охарактеризовав его по совокупности заслуг как человека-легенду.

В выступлениях прозвучали предложения об учреждении премии имени С.Л. Тихвинского за достижения в китаеведческих исследованиях и о ходатайстве перед вышестоящими инстанциями о присвоении Институту Дальнего Востока имени С.Л. Тихвинского.

Владимир Портяков

ПРЕЗИДЕНТУ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК,
АКАДЕМИКУ
А.М. СЕРГЕЕВУ

Уважаемый Александр Михайлович,

С глубоким прискорбием воспринял известие о кончине академика РАН, Чрезвычайного и Полномочного Посла С.Л. Тихвинского — одного из самых именитых российских дипломатов, посвятившего всю свою без малого вековую жизнь беззаветному служению Отечеству. Его биография отмечена участием в знаковых событиях, а профессиональные достижения стали неотъемлемой частью истории внешней политики нашей страны.

Гордимся, что с Министерством иностранных дел связаны многие вехи жизненного пути С.Л.Тихвинского. Трудно переоценить его вклад в создание фундамента отношений нашей страны с великим восточным соседом — Китайской Народной Республикой.

Всеобщее уважение снискал Сергей Леонидович и на академическом поприще, по праву считаясь патриархом российского китаеведения. Из-под его пера вышли основополагающие труды по истории и современной жизни Китая, вопросам внешней политики, являющиеся настольными книгами для многих поколений российских дипломатов. Вершиной научного творчества С.Л. Тихвинского стала подготовленная под его редакцией десяти томная «История Китая с древнейших времен до начала XXI века».

Свидетельствами заслуг С.Л. Тихвинского служат многочисленные высокие государственные награды, избрание действительным членом Академии наук СССР, присвоение высшего дипломатического ранга Чрезвычайного и Полномочного Посла.

Сотрудники Министерства иностранных дел России продолжают развивать славные традиции отечественной дипломатической школы, в «книгу» которой жизнь С.Л. Тихвинского вписана поистине золотыми страницами.

Светлая память об этом выдающемся человеке навсегда сохранится в наших сердцах.

Министр иностранных дел
Российской Федерации

С. Лавров

[26 февраля 2018 г.]

О Сергее Леонидовиче Тихвинском

Всемирно известный ученый, действительный член Российской академии наук, член Президиума РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, Почетный председатель Общества российско-китайской дружбы Сергей Леонидович Тихвинский был поистине уникальным человеком.

Органичное сочетание научного творчества с дипломатической практикой, помноженное на природное дарование, дало впечатляющие результаты. В активе историка-китаеведа С.Л. Тихвинского более 500 научных трудов, в том числе 12 монографий, многие из которых переведены и переводятся на иностранные языки, участие в коллективных монографиях, ответственное редактирование, рецензирование и 35 лет дипломатической службы.

Плодотворная деятельность С.Л. Тихвинского отмечена многими правительственными наградами, включая Орден Ленина, дважды он был удостоен Государственной премии (СССР, РФ). Есть у него международные награды и награды других государств.

Как дипломат, ученый и общественный деятель С.Л. Тихвинский был участником многих международных форумов, съездов, конгрессов и конференций, в их числе Генеральные ассамблеи ООН, Генеральные конференции ЮНЕСКО, Конгресс Всемирного движения сторонников мира, международные конгрессы востоковедов, историков, Международные конференции молодых китаеведов (впоследствии Европейская ассоциация китаеведов) и др.

Выход на широкий международный научный уровень позволил ему постоянно находиться в курсе последних достижений мировой исторической науки, науки о Востоке. Свободное владение несколькими западными и восточными языками давало возможность непосредственного общения с зарубежными коллегами, государственными и политическими деятелями, прославленными военачальниками, учеными, представителями мировой культуры, религиозными деятелями различных конфессий. Такая деятельность на международном уровне требовала много времени и сил, но и отдача была велика, все шло в копилку знаний и опыта.

О Сергее Леонидовиче Тихвинском, ученом, дипломате, педагоге, общественном деятеле, о его заслугах перед Отечеством и Наукой написано немало. Думаю, еще больше напишут потомки, штудировав его труды. Совсем немного времени прошло со дня его кончины. Может быть, сейчас, когда еще свежи многие эпизоды из его жизни, высказывания, размышления, планы, написать об этом, пока не стерлись воспоминания. К сожалению, ведь и память не совершенна.

Большое видится на расстоянии. Мои воспоминания — подтверждение тому. Уникальная жизнь уникального человека требует вдумчивого, нестандартного жизнеописания. Попробуем начать с малого.

Детские годы и учеба в Ленинградском государственном университете подробно описаны в воспоминаниях самого Сергея Леонидовича (Возвращение к Воротам Небесного спокойствия. М., 2002 и др.) Обратим внимание лишь на некоторые факты этого периода его жизни, повлиявшие на выбор им профессии и последующую деятельность ученого и дипломата.

Однажды Тихвинские сняли на лето дачу в деревне Большие Ижоры (под Ленинградом). На соседней даче отдыхал известный академик-китаевед Василий Михайлович Алексеев. Отец Сергея Леонидовича, Леонид Дмитриевич часто беседовал со знаменитым соседом. Сережа с любопытством прислушивался к рассказам ученого о Китае. Так, еще в детстве, Китай вошел в круг интересов Сергея Тихвинского, переросших в увлечение, а затем и в специальность.

В Ленинградском государственном университете, куда поступил Сергей Леонидович, академик В.М. Алексеев стал главным его наставником. В первый день занятий, вспоминал он, Василий Михайлович предложил студентам к следующему занятию выучить небольшой текст на китайском языке и перевести его на русский. Никто из студентов не справился с заданием. А было это изречение Конфуция: «Учиться и постоянно совершенствовать свои знания — это ли не радость!».

Впоследствии этот афоризм стал, по словам С.Л. Тихвинского, своего рода его жизненным девизом, подпитывавшимся общением ученика с учителем. До конца дней В.М. Алексеева (ум. в 1950 г.) Сергей Леонидович, находясь в Китае на дипломатической работе (1946–1950), посылал своему учителю карточки с появлявшейся в китайском языке новой лексикой для китайско-русского словаря, над которым тот работал. Бурные события, потрясавшие Китай в те годы, обогащали язык многими новыми словами, идиомами, весьма популярными в Китае.

Боевым крещением на дипломатическом поприще для вчерашнего 3-курсника, по комсомольскому набору принятого на работу в Наркомат иностранных дел СССР письменным переводчиком китайского языка, был устный перевод беседы И.В. Сталина с председателем Законодательного юаня (палаты) китайского парламента, сыном Сунь Ятсена, Сунь Фо.

Как впоследствии вспоминал Сергей Леонидович, в ожидании приглашения в кабинет он робко по-китайски представился гостю. В ответ Сунь Фо неожиданно обратился к переводчику на английском языке с вопросом, говорит ли тот по-английски. Получив утвердительный ответ, обрадовался и перешел на английский, пояснив, что воспитывался за границей, а из китайских диалектов знает только гуандунский (кантонский), понятный даже не всем китайцам. Тут их пригласили в кабинет.

Дебют устного перевода начинающего переводчика прошел спокойно. С переводом специальных терминов выручал зам. народного комиссара иностранных дел В.П. Потемкин. Словом, лиха беда начало. Спустя годы Сергею Леонидовичу доводилось переводить Мао Цзэдуна с его сильно выраженным хунаньским диалектом, беседовать с ним. Правда, к тому времени и практика устной китайской речи у Сергея Леонидовича уже была наработана.

В 1957 г. доктор исторических наук С.Л. Тихвинский вошел в мир академической науки, поступив на работу в Институт китаеведения АН СССР (ИКАН) старшим научным сотрудником. А в 1958 г. по окончании Института восточных языков (ИВЯ) при МГУ и я в числе других выпускников московских вузов была принята в ИКАН на должность научно-технического сотрудника. Такова тогда была практика.

Так сложилась судьба, что с того, теперь уже далеккого, 1958 года моя научная жизнь на протяжении 60 лет была тесно связана с научной деятельностью Сергея Леонидовича. Характерной особенностью научно-педагогического творчества С.Л. Тихвинского было стремление к созданию крупнопроблемных трудов с привлечением к их написанию молодых участников, для которых это — отличная школа, особенно для аспирантов.

Сергей Леонидович, изучая прошлое, смотрел в будущее и безошибочно определял, какое научное направление наиболее востребовано в настоящем и морально не устаревает в будущем. Так произошло с коллективной монографией «Новая история Китая» (1972), ставшей первой в ряду последующих коллективных работ, выполненных китаеведами по инициативе и под руководством С.Л. Тихвинского.

За ее создание взялись вчерашние выпускники МГУ и МГИМО, а заканчивали кандидаты наук, многие из которых затем стали докторами наук.

Методика работы Сергея Леонидовича с начинающими китаеведами — особая тема. Проиллюстрирую на собственном примере. Я была аспиранткой С.Л. Тихвинского и одним из авторов «Новой истории Китая». По времени это совпало со службой Сергея Леонидовича в МИДе, поэтому наши встречи происходили всегда вечерами на квартире Тихвинских в высотке на Котельнической набережной.

Но прежде — о замечательных членах семьи, с которыми мне посчастливилось познакомиться в те годы и сохранить добрые отношения на всю жизнь.

В доме Тихвинских царил дух русского гостеприимства, хлебосољства и доброжелательности. Главной хранительницей этих традиций была бабушка, мама супруги Сергея Леонидовича Веры Никитичны. Забегая вперед, не могу не поделиться моим разговором с сыном Сергея Леонидовича, Сергеем на похоронах. До этого мы долгое время не общались. Первый вопрос его, обращенный ко мне, был: «А дочка, а Вы помните нашу бабушку?». Правда, сразу спохватившись, перешел на имя и отчество. А мне было приятно, поваяло той, прежней жизнью.

Появление аспирантов в доме Тихвинских начиналось со слов бабушки: «Верочка, девочку (мальчика) надо покормить». Вера Никитична резонно отвечала ей: «Мама, пусть сначала поработают, а потом мы их покормим». Бабушка возражала и всегда одерживала верх: в ее представлении аспиранты, что те же студенты, всегда голодные. Русская традиция «сначала гостя накорми, а потом выслушай его» сохранилась у Тихвинских и после кончины бабушки.

В доме Тихвинских царил дух демократизма: радушно принимали гостей независимо от их места в табели о рангах, был бы человек хороший и интересный.

Хозяйка дома Вера Никитична, гостеприимная и приятная в общении, соответствовала представлениям о том, какой должна быть супруга академика и дипломата столь высокого ранга. Настоящая русская красавица, она владела английским и немецким языками. Обладая лингвистическими способностями, во время пребывания в Китае Вера Никитична приобщилась и к китайскому разговорному языку. Не удивительно, что она спокойно, как положено хозяйке такого дома, принимала в квартире на Котельнической иностранных ученых, таких как Д.К. Фэрбенк, О. Латтимор, Го Можо, Гао Ман и др. Еще больше бывало там наших российских гостей.

Держалась Вера Никитична сдержанно, с достоинством, без высокомерия. Общение с ней всегда было интересным и содержательным. Жаль, что она не написала свои воспоминания, они были достойны того.

Вера Никитична и в научной работе по мере возможностей помогала мужу. Однажды Сергей Леонидович показал мне переплетенные в книжку указы императора Гуань Сюя периода «100 дней реформ». Тексты были напечатаны на машинке на бумаге плохого качества. На мой недоуменный вопрос, неужели и это плод его труда, он с гордостью сообщил, что это Вера Никитична постаралась.

Как заботливая жена, Вера Никитична всячески стремилась разгрузить главу семьи от домашних забот. Однажды, проведив Сергея Леонидовича в очередную заграникомандировку сроком на одну неделю, Вера Никитична занялась ремонтом кухни и была озабочена тем, чтобы успеть закончить до возвращения Сергея Леонидовича. Трогательным было отношение и Сергея Леонидовича к Вере Никитичне, особенно во время ее болезни.

С 2000 по 2014 г. Сергей Леонидович проводил каждое лето в пансионате РАН «Звенигородский». С 2001 по 2016 г. на июль туда приезжала и я.

Пансионат — любимое детище президента АН СССР М.В. Келдыша — обладал неповторимой интеллектуальной аурой. Там всегда было уютно, вкусно, интересно и весело. А главное — общение. В июле собирались одни и те же отдыхающие: академиче-

ские, «свои» — так нас называли сотрудники пансионата и с нетерпением ожидали массового академического сбора, привечая как родных. Встречались как родные и сами отдыхающие. К Сергею Леонидовичу и персонал, и тем более отдыхающие относились с особым пиететом.

Общение с Сергеем Леонидовичем в неформальной обстановке, на отдыхе было интересным и полезным. Его эрудиция впечатляла, память — потрясала, словарный запас был неисчерпаем. Рассказчик он был отменный. С его разрешения я кое-что записывала и сейчас включила в эти воспоминания.

В столовой всегда садились за один и тот же стол. Он был закреплен за академиком, равно как и комната № 330. Закончив очередную трапезу, Сергей Леонидович спешно покидал столовую и шел на улицу. Маршрут у него был один и тот же: вокруг пансионата, огромное здание которого напоминает скандинавский замок-крепость. При этом не уставал повторять, что один ученый античных времен утверждал, что после приема пищи нужно сделать 1000 шагов, призывал тем самым и нас последовать его примеру. А ведь ходил уже с тросточкой. Вымерив шагомером протяженность дорожек по периметру здания и убедившись, что это необходимые ему 1000 шагов, он методично три раза в день совершал свой ритуальный моцион.

Прекрасно владея китайским языком, Сергей Леонидович постоянно совершенствовал свои знания, в том числе и в иероглифике по собственной методике. Об этом я узнала также в пансионате. На следующий день по приезду он шел в библиотеку, брал там небольшой китайско-русский словарь, других не было. Ежедневно по памяти прописывал 10 иероглифов на разную тематику, каждый по 10 раз. Аккуратно, не спеша, выписывал каждый элемент иероглифа. По всему было видно, что получал он от этого удовлетворение. Потом проверял по словарю, не ошибся ли. Практически всегда оставался довольным. И так изо дня в день, без выходных и праздников. А вечерами слушал китайское радио. На следующий день сообщал мне китайские новости. Сергей Леонидович любил китайские пословицы и знал их великое множество, нередко использовал в своих работах.

В первые годы в пансионате Сергея Леонидовича довольно часто навещали не только родственники, но и мидовские коллеги, академические приезжали на выходные дни. С годами визиты коллег стали редкими. Случались посещения представителей российских и китайских СМИ, как правило, в связи со знаменательными датами. К этому уже все привыкли. Но один особый случай всколыхнул весь пансионат. Внук Мао Цзэдуна, находившийся в то время в Москве, выразил желание встретиться с С.Л. Тихвинским. Сергей Леонидович дал согласие на ту встречу. Вопрос был лишь в том, где ее провести. Решили устроить не в Москве, а в пансионате. В беседке, созданной самой природой, под купой лиственных деревьев и крупных кустов накрыли русский чай. Местные кулинары расстарались.

К сожалению, подробности этой встречи мне не известны, так как именно на этот день я уезжала в Москву.

Появление гостя, связанного с именем Мао Цзэдуна, сразу же породило среди отдыхающих толки и догадки: внук превратился в сына, и главное — зачем он приезжал, почему Ада (это я) именно в этот день уехала из пансионата. Словом, как всегда: домыслы, домыслы. А уезжала я по предварительной договоренности, пообещав принять участие в кворумном собрании сотрудников института, очень важном для будущего коллектива и самого института. Когда на следующий день я вернулась и меня забросали вопросами, лишь на один из них я могла ответить: сыновья Мао Цзэдуна давно уже покинули мир земной.

И еще один эпизод из звенигородской жизни. Директор пансионата неоднократно просил меня уговорить Сергея Леонидовича выступить на любую тему перед отдыхающими. Академик долго отказывался и, наконец, согласился. Надо сказать, что высту-

пления отдыхающих в то время практиковались в пансионате. Народ в основном из академических институтов. Каждому было чем поделиться...

На лекцию Сергея Леонидовича пришли чуть ли не все — и отдыхающие, и персонал (по мере возможности). Официантки поспешили заранее подготовить столы к ужину и тоже столпились в дверях большого зала столовой (лекции читали в малом банкетном зале). Сергей Леонидович пришел без единого листочка, никаких записей. Вначале я подробно представила его со всеми регалиями и заслугами. Слушали нашего академика, затаив дыхание. И так полтора часа. Он говорил громко без запинки, хорошо поставленным голосом, не забыв ни одного имени, названия, даты, события. Подсказывать не пришлось. Тематика лекции была глобальной: сначала Китай и российско-китайские отношения за всю их историю, затем Япония и наши отношения с ней, и все это на общеисторическом фоне. В заключение о том, как, по его мнению, будут развиваться отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и как они будут влиять на общемировые процессы. Расходились под впечатлением от услышанного и лекторского таланта ученого-китаеведа. На следующий день говорили только об этой лекции, а я едва успевала отвечать на вопросы.

С 2015 г. Сергей Леонидович перестал ездить в «Звенигородский»: боялся далеко уезжать от Москвы, здоровье понемногу сдавало, подводили ноги.

Своей жизнью и деятельностью С.Л. Тихвинский не раз доказывал, что понятие нравственности для него не пустой звук. Став в декабре 2001 г. обладателем премии «Триумф», он сразу же распорядился передать ее денежное содержание (50 тыс. долл.) на помощь молодым специалистам: половина премии была выделена Восточному факультету родного Санкт-Петербургского университета, а остальная часть — Институту Дальнего Востока РАН и Институту стран Азии и Африки при МГУ. Еще раньше, вслед за избранием его в члены Президиума АН СССР Сергей Леонидович отказался от причитающейся ему как ректору Дипломатической академии МИД СССР зарплаты. Но мало кто знает, что он постоянно переводил деньги нуждавшимся вдовам своих коллег, жертвовал средства на организацию помощи детским домам и ветеранам Великой Отечественной войны. И я дважды была в числе тех, к кому Сергей Леонидович по собственной инициативе приходил на помощь в трагические и драматические моменты моей жизни. Такое не забывается.

В заключение приведу несколько высказываний С.Л. Тихвинского, почерпнутых из бесед с ним об истории.

«История — учитель жизни».

«Рассматривать историю как универсальный учебник жизни».

«История — кладезь знаний и опыта прошлого как позитивного, так и негативного, из которого следует извлекать уроки, заимствовать мудрость просвещенных умов».

«Китайская пословица гласит: “Смотри вперед, если движущаяся впереди колесница перевернулась, значит, она столкнулась с чем-то (непредвиденным)”. Мораль ясна: следует принимать экстренные меры, менять курс (путь). Заимствовать опыт прошлого нужно очень осмотрительно, не копировать его слепо при решении глобальных или локальных проблем, не забывать о конкретных исторических условиях, об эпохе, к которым он относится. Следить за судьбою, движущейся впереди колесницы».

«При использовании исторического опыта, равно как и реализации каких-либо нововведений, реформ, необходимо действовать крайне осмотрительно, постепенно, следуя совету другой китайской пословицы: “Когда переходишь вброд бурный поток — прежде, чем сделать следующий шаг, нащупай камень, на который собираешься встать”».

«Не пренебрегать позитивным достоянием и вместе с тем учиться на ошибках прошлого, стараться избегать их повторения и тем самым преумножать достижения человечества, пополнять копилку исторических знаний и позитивного опыта».

«Историки должны работать с документами. Основываясь на первоисточниках, описывать и анализировать те или иные исторические события, вплетая их в общую канву мировой истории. Не подпадать при этом под влияние модных штампов, сиюминутных веяний и ложных тенденций, полагаясь на собственное разумение (осмысление)».

«Изучать историю своей или любой другой страны не изолированно, а в контексте всемирно-исторического процесса, не стесняться извлекать уроки и из чужого опыта. Не забывать при этом, что хотя всемирно-исторический процесс общий для всех стран и народов, однако развитие их происходит неравномерно».

«Беречь человека, беречь человечество и среду его обитания, избегать войн. Наше прошлое, настоящее и особенно будущее находятся в тесном взаимодействии со средой обитания. Извлекать из прошлого положительный опыт для путей снижения пагубного, разрушающего воздействия человека на среду обитания, нашу планету Земля. Не одно десятилетие передовые умы человечества заняты решением этой проблемы».

«Деятельность ЮНЕСКО, а также многих международных и национальных экологических организаций направлена на то, чтобы достижения научно-технического прогресса не использовались во вред человечеству и среды его обитания».

«Со студенческих лет я занимаюсь изучением Китая, его истории, истории российско-китайских отношений и хочу обратить внимание на духовную близость наших стран. Конфуцианство в Китае и православие в России придают большое значение духовным ценностям, что духовно роднит наши народы. И это очень важно, особенно если эти народы — ближайшие соседи».

© 2018

*Аида Семеновна Ипатова,
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН*

Востоковеды Казахстана вспоминают академика Тихвинского

Казахи верят, что долголетие дается как награда за благие деяния предков, души (*аруах*) которых поддерживают и оберегают потомков. А потомкам надлежит с благодарностью помнить предков, регулярно проводить поминальные и благотворительные трапезы, чтобы души усопших были ублажены (*аруахы риза болсын*). В научном плане это означает — сохранять уважение к творческому наследию ученого и объективно признать его достоинства и неизбежные недостатки, объясняемые временем и ошибками. Еще есть поверье, что благополучие приходит только в том случае, если потомки стараются угодить душам предков (*аруах риза болмай, адам баймайды*). Иначе говоря, если они стараются выполнять заветы отцов и старшего поколения, по мере сил совершать поступки, которыми те были бы довольны при жизни.

Согласно календарю Сергей Леонидович чуть не дожил до столетия. Восточный человек скажет вам, что академик не только дожил, но и покинул этот мир, перевалив за сто лет, поскольку учитывает 9 месяцев — время нахождения в утробе матери. Китайцы издревле говорили: «Человек редко доживает до семидесяти лет. Еще более, до 90 лет». При цинском императоре, правившем под девизом Цяньлун, по всей стране составлялись списки престарелых людей. Им вручались подарки, особые медали, наиболее заслуженные из них приглашались на новогодние приемы при дворе, на которых присутствовали послы других восточных стран.

Согласно же казахским обычаям, после того как человек прожил пять–семь 12-летних циклов, каждый последующий год считается за два. Но и без всех этих подсчетов человека, реально прожившего уже 90 лет (десять «девяток», цифры «7» и «9» являются сакральными), а тем более — 100 лет, у нас обычно почитают за святого в переносном и прямом смысле этого слова, ибо только жизнелюбие и доброжелательность являются следствием подобного редкого физического и творческого долголетия.

Все это говорится не для того, чтобы принизить или возвеличить традиционные воззрения того или иного народа. Не для того, чтобы подтвердить, что «Восток есть Восток, а Запад есть Запад», и что эти «близнецы» никогда не встретятся. Все богатое творчество Сергея Леонидовича показывает, что Запад и Восток встретились в его лице. И не всегда эта встреча проходила благостно. Его Учитель, академик В.М. Алексеев, верил: «Реакция западной души на душу Востока и наоборот создаст новую жизнь, новых людей, новую культуру». Сергей Леонидович является одним из предсказанных его Учителем новых людей, оставаясь при этом русским человеком. Он прожил новую жизнь по сравнению с жизнью предшествующего ему поколения китаеведов. И эта жизнь как никогда была приближена к реальности.

О жизни и трудах Сергея Леонидовича написано немало при его жизни, пишут и сейчас. Со временем вклад ученого в теоретическое и прикладное китаеведение высветится еще ярче. В 2007 г. Сергея Леонидовича наградили высшим российским общественным орденом «Гордость России» «за большой вклад в развитие российско-китайского дружеского и делового сотрудничества, за четкость и последовательность в защите на-

циональных интересов страны, за высочайший профессионализм и преданность избранному делу». Лучше не скажешь.

В связи с этим мне хотелось бы остановиться на морально-нравственных аспектах и научной этике на примере жизни и творчества мэтра синологии. Факты почерпнуты из опубликованных материалов и воспоминаний самого Сергея Леонидовича, дочери его Учителя М.В. Баньковской, а также из трудов его учеников и соратников: А.А. Волоховой, А.С. Ипатовой, В.С. Мясникова, М.Л. Титаренко, А.Н. Хохлова, Л.З. Эйдлина, китайских коллег — Ли Минбиня и др.

Отношение к Учителю. Об отношении Сергея Леонидовича к академику Василию Михайловичу Алексееву можно составить представление по их переписке. Он всю жизнь признавал себя учеником академика, запомнил его со студенческих лет: «Хотя уже пять лет мне приходится работать в области оборонной промышленности, но до сих пор во мне не угасла заложенная Вами любовь к синологии. Питаю надежду, что после войны удастся вновь вернуться к любимой науке». (Письмо от 3 октября 1943 г. В.М. Алексеев еще находился в курортном селе Боровое в Северном Казахстане).

В письмах Сергея Леонидовича проявляются искреннее уважение, деликатность, сочувствие к летам слабеющего физически Учителя. Ученик неназойливо, с большим почтением показывает, насколько ему необходимы и дороги встречи с Учителем. «Вы, видимо, находитесь сейчас в отпуску, и я, безусловно, не смею тревожить Вас» (7 марта 1950 г.) «Единственным днем, который я мог бы посвятить встрече с Вами в Ленинграде, является воскресенье, но мне не хотелось бы отрывать Вас от отдыха» (23 августа 1950 г.)

Он выполнял просьбы академика, присылал по его списку книги, газеты и словари. «Сейчас здесь можно очень дешево купить классическую литературу как по философии и истории, так и по литературе. Было бы крайне желательно получить Вашу заявку до моего отъезда на Родину с тем, чтобы я мог приобрести здесь интересующие Вас и ИВ АН книги» (4 июля 1949 г.)

Вероятно, книги в Китае и на самом деле подешевели в те годы. Однако нельзя исключить и того, что Сергей Леонидович специально приписал слова о цене литературы, чтобы престарелый академик не испытывал чувства неловкости из-за того, что приводит его, чрезвычайно занятого человека, к хлопотам и расходам. Со своей стороны, академик хотел, чтобы Институт востоковедения АН возместил бы расходы его ученика, приобретавшего литературу для библиотеки этого научного центра.

Сергей Леонидович ловит каждое слово научного руководителя, высоко ценит любое его мнение. Потому что они дают толчок новым мыслям, новому повороту в его исследованиях. Чего стоит всего один совет академика обратить главное внимание на отношение реформаторов XIX века к традиционной китайской философии. В письме от 16 июля 1946 г. говорится: «Согласно указаний, полученных от Вас перед моим отъездом, основной упор в диссертации я собираюсь сделать на проблемах интерпретации Кан Ю-взем конфуцианской философии и применения ее к тем новым условиям жизни, в которых Китай оказался к концу XIX века». Совет об интерпретации конфуцианства разными поколениями китайских идеологов имеет непреходящее научно-практическое значение в переломные моменты государственного строительства Китая. Так было на закате цинской эпохи, затем в республиканском Китае. Мы также являемся свидетелями способности конфуцианского учения к очередной модернизации.

Несмотря на пиетет, Сергей Леонидович с юмором пишет о том, как Учитель подготовил витиеватое приветствие Го Можо в старинном стиле, а китайский писатель отвечал на родном сычуаньском диалекте. Это было приметой народного Китая, основатели и руководители которого выступали каждый на своем наречии, например, Мао Цзэдун — на хунаньском и т.д.

Вспоминает, как чудаковатый на глаз студентов профессор читал лекции, доставая из чемоданчика иллюстрации, ссылки и тезисы, записанные на карточках. При этом крышка открытого чемоданчика не позволяла видеть полностью лицо лектора, о чем он, скорее всего, и не подозревал. Каждый бывший студент может вспомнить странные привычки своих преподавателей. Сергей Леонидович, вероятно, в молодости в душе удивлялся, что уважаемый и, как несправедливо считали многие, «кабинетный» ученый Алексеев исследовал творчество Пу Сунлина (Ляо Чжяя). Это естественно для 20-летнего юноши. В то же время этот молодой человек точно сформулировал свое отношение к произведениям китайского писателя: они «архаичны для своего времени по языку», а также «проникнуты эротизмом». Последнее, в целом, «не характерно для китайской литературы». Сергей Леонидович всегда излагал свои мысли четкими, ясными фразами, без вычурности и обилия заимствований из западных языков.

Сергей Леонидович явно не мог согласиться с тем, что его Учитель оторван от жизни, в чем того часто упрекали. Выше уже приводился пример с конфуцианством. Академик также писал С.Л. Тихвинскому и другим не отказать ему в приобретении новогодних лубков, заботясь, чтобы его обширная коллекция не старела вместе с ним.

Учитель постоянно напоминал ему о своем интересе к повседневной жизни китайского народа, советовал в интересах науки воспользоваться уникальным положением по службе, тем, что его ученик «наиболее близок к современности». Не раз В.М. Алексеев называл с одобрением Сергея Леонидовича «лучшим знатоком современности». Как опытный педагог, он знал о преимуществах не похожих друг на друга своих учеников. Думаю, профессор догадывался, что означает упомянутая учеником в письме работа в области «оборонной промышленности».

В тяжкие годы испытаний, затравленный и заболевший от несправедливых нападок, Учитель старался уберечь своего ученика. Он лишился уже двух любимых учеников — А.А. Штукина и Ю.К. Щуцкого, некоторых коллег. Вероятно, учитывая состояние здоровья академика и то обстоятельство, что он попал под огонь новой критики, жена академика просила Сергея Леонидовича ориентироваться на другого научного руководителя. А ученик, уже заслуженный советский чиновник, не собиравший отказываться от В.М. Алексеева, доказывая это и словами, и своими поступками. Хотя были тревожные сигналы: письма Сергея Леонидовича, отправленные через Народный комиссариат иностранных дел, а потом через Общество советско-китайской дружбы шли непозволительно долго (минимум более месяца). Первая часть диссертации шла около 5 месяцев после отправления ее из Пекина (письмо от 26 июля 1948 г.) Кое-что и вовсе не доходило до адресата. Редкие встречи расстраивались из-за того, что Учитель и ученик жили в разных странах, городах, из-за обоюдной занятости, иногда якобы по случайному(?) недоразумению, возникшему по вине отдельных людей.

Академик с одобрением и похвалой отозвался о первой части диссертации Сергея Леонидовича, предсказывал, что она «будет наиболее интересною из синологических советских диссертаций» (письмо от 10 сентября 1948 г.) Но похвала маститого ученого не вскружила голову ученику. Он писал: «К числу трудностей работы над темой в первую очередь, к сожалению, придется отнести недостаток времени, т. к. основное время занимает служебная деятельность. Преимущества же моего нынешнего положения — [благоприятная] среда, доступность первоисточников — только повышают те требования, которые Вы можете ко мне предъявить, и отнюдь не отражают основной недостаток — дефицит времени, свободного для серьезной и систематической работы» (письмо от 1 марта 1947 г.)

Достойная привычка Сергея Леонидовича ежедневно писать 10 иероглифов, должно быть, появилась оттого, что Учитель почти в каждом письме просил присылать образцы политической и другой современной терминологии из сочинений реформаторов. Они были нужны для готовящегося Большого китайско-русского словаря. Академик осу-

пал ученика словами благодарности за свежие материалы. Подготовка карточек с терминами и их разъяснениями, несомненно, была не менее полезна диссертанту для более глубокого понимания источников и наиболее верной их интерпретации. Отношения Учителя и Ученика, как мне кажется, являются доказательством подлинного взаимопонимания и уважения друг к другу. По всему видно, что они знали и учитывали индивидуальные черты и статус друг друга. Их жизнь служит примером преданности науке и чувства ответственности друг перед другом. А их отношения — примером соблюдения научной этики, о чем наши современники не очень заботятся.

Отношение к китайским коллегам. Сергей Леонидович являлся настоящим дипломатом. Даже и, в особенности, в период идеологического противоборства он был безукоризненно вежливым с оппонентами, но твердо отстаивал советскую точку зрения. Вспоминается эпизод в романе Л. Толстого о том, как русский и французский дипломаты утонченно вежливо общались друг с другом, и еще вежливее, если это возможно, когда их страны находились на стадии вражды. Со стороны этих собеседников можно было бы принять за дружей.

Сергей Леонидович тщательно изучал китайскую историческую и политическую литературу, прежде чем высказать свое мнение. В 1970-е годы в республиках Средней Азии появились работы, разоблачающие китайских фальсификаторов истории, их язык и доводы были удивительно однообразными. При этом авторам не мешало то обстоятельство, что они не знали и не могли знать китайские материалы, которые хранились в спецхране библиотек. Мнение Сергея Леонидовича китайские оппоненты не могли игнорировать, ими делались практические выводы. Мне об этом говорили китайские ученые, занимающиеся историей международных отношений в Центральной Азии. Сергей Леонидович сохранял уважение к фундаментальным исследованиям китайских ученых, признавал их достоинства и готов был учиться у некоторых из них, например, у профессора Цао Цзинхуа.

Отношение китайцев к Сергею Леонидовичу. Первым, кто писал о С.Л. Тихвинском и посетил его родителей, был Го Можо, которого С.Л. сопровождал в поездке в СССР в 1947 г. По линии ОРДК Сергей Леонидович постоянно активно поддерживал мероприятия по проведению юбилеев, собраний, посвященных политическим и общественным деятелям Китая и изданию трудов о них. Много лет он посвятил изучению Чжоу Эньлая, очевидно, весьма уважаемого им. Со многими из политических и культурных деятелей он был знаком лично по роду своей деятельности, а с возобновлением отношений с Китаем — приветствовал их родных и близких: сына маршала Чэнь И, дочь Дэн Сяопина, дочь Чжу Дэ, племянницу Чжоу Эньлая и др. Упомянутые три дамы написали книги о своих знаменитых родственниках. Сергею Леонидовичу в пансионате нанес почтительный визит внук Мао Цзэдуна. Однажды Сергей Леонидович дал мне почитать письмо, написанное скорописью на одном листе, к сожалению, не помню от кого, в котором его тепло называли «дядя» (по отцовской линии — *шуню*). У тюркских народов аналогичное обращение «ага», «ака» также являются высшим знаком уважения и признательности. Китайские коллеги с большим вниманием встречали каждую книгу Сергея Леонидовича, дорожили его мнением. Большинство его монографий и статей переведены на китайский язык и опубликованы в Китае. Китайские коллеги признают, что они помогают им «по-новому взглянуть и истолковать многие проблемы истории Китая». И это не просто вежливые слова. С нормализацией советско-китайских, а затем российско-китайских отношений китайцы признали, что Сергей Леонидович наряду с другими известнейшими европейскими учеными являются мостом для стратагем: «Запад изучает Восток» и «Восток постигает Запад». Возможно, Сергея Леонидовича китайские ученые уважали еще и потому, что он всегда был готов и желал улучшения связей с Китаем по всем направлениям и на всех уровнях.

Отношение к молодым китаеведам Средней Азии и Казахстана. Несмотря на большую занятость, Сергей Леонидович находил время для среднеазиатских китаеведов.

Сергей Леонидович был научным руководителем диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук известного китаеведа из Узбекистана А.Х. Ходжаева. В то же время заинтересованно относился к исследователям из других республик, с особым интересом к тем, кто занимался проблемами отношений цинского Китая с ханствами на территории Средней Азии, Казахстана, а также Восточного Туркестана. Внимательно слушал выступления аспирантов 1970-х годов: Даута Исиева, Ахата Ходжаева, Клары Хафизовой и др. на ежегодной конференции ИВ АН СССР (ИВ РАН) «Общество и государство в Китае». Эта конференция была для нас единственной отдушиной, так как в наших республиках весьма осторожно относились к китайской тематике, не публиковали наши статьи. В то время факультеты и институты востоковедения из пяти республик находились лишь в Узбекистане, в Ташкенте. Мы ощущали поддержку Сергея Леонидовича и его учеников. Как стало мне известно позже, по его рекомендации в Алма-Ату были командированы два корреспондента журнала «Советская женщина», чтобы взять короткое интервью у меня для номеров, издающихся для зарубежья на восточных языках. Статья сразу была замечена в Китае. После провозглашения в Китае политики «реформ и открытых дверей» китайские коллеги искали меня по этому интервью.

В свое время в Институт уйгуроведения АН КазССР, существовавший не более 10 лет, приезжали замечательные русские ученые, среди них мы встречали С.Л. Тихвинского, В.С. Мясникова и других из Москвы и Ленинграда (Санкт-Петербурга).

Я посылала по почте Сергею Леонидовичу описания некоторых документов «*Чоу бань ну шимю*» («Ведение дел с варварами от начала до конца») ведомства иностранных дел Цинской империи позднего периода «*Цзунли гэгю шю ямыня*». Не знаю, как Сергей Леонидович распорядился аннотациями, они написаны от руки в единственном экземпляре. Буду рада, если они обнаружатся в его архиве и в будущем кому-нибудь пригодятся.

Сергей Леонидович приобрел для своего Учителя энциклопедический словарь «Цы ань», возможно, именно этот словарь взял с собой в эвакуацию в Казахстан академик Алексеев. Кроме того, он привез в курортное место Боровое томик танской поэзии. Выбор был не случаен, академик учитывал, что он едет на землю древних тюрков, имевших наиболее тесные связи с династией Тан. Подобное тонкое чутье в смысле практического значения китаеведения было близко академику и его ученику. По-видимому, большая часть переводов танских поэтов была выполнена Алексеевым в Казахстане. И Сергей Леонидович не мог не знать об этом.

В 1995 г. Сергей Леонидович любезно согласился быть первым официальным оппонентом моей докторской диссертации. Она была подготовлена на основе монографии «Китайская дипломатия в Центральной Азии», а научным консультантом мною был избран Владимир Степанович Мясников, верный ученик и коллега Сергея Леонидовича, а также один из оппонентов моей кандидатской диссертации в 1973 г. Действительно, как утверждают и другие ученые, Сергей Леонидович был профессионально безупречным оппонентом. Строгим, но справедливым и доброжелательным.

При каждой поездке в Москву я старалась встретиться с Сергеем Леонидовичем. Меня удивляло, что во все годы он быстро поднимал телефонную трубку и приветливо откликнулся своим красивым баритоном. Иногда, к моей большой радости, четко и немногословно назначал время и место встречи. Я навещала его в кабинете в высотном здании МИДа на Смоленской площади, в Дипломатической академии у Красных ворот, в оригинальном здании Общества дружбы, а также у него дома на Котельнической набережной. Сергей Леонидович объяснял, как доехать до места встречи. В 1990-е годы советовал не садиться в лифт с незнакомцами, чтобы подняться до его квартиры в высотном доме. Он всегда дарил книги, а также статьи из китайских журналов. Помню, что от Сергея Ле-

онидовича я получила копии трех статей Су Бэйхая на тему присоединении казахских жузов — Младшего, Среднего и Старшего — к России, напечатанных в «Вестнике Синьцзянского университета», и других статей китайских ученых того времени. Подобная литература была совершенно не доступна нам. Ни разу не помню, чтобы Сергей Леонидович с кем-либо говорил высокомерно, с высоты своих знаний и положения. Лишь внимательно и доброжелательно выслушивал твои проблемы, задавал уточняющие вопросы. Он никогда не принимал, сидя в своем кресле начальника, приглашал садиться за отдельный чайный столик.

Сергей Леонидович весьма уважительно, но без снисходительности относился к женщинам-китаеведам. В то же время он, должно быть, помнил, как Учитель сетовал по поводу того, что в студенческих группах больше девушек и ему «очень трудно убедиться в серьезности их предприятия» (письмо от 6 октября 1946 г.)

Недавно я тщательно знакомилась с монографией С.Л. Тихвинского «Восприятие в Китае образа России» (2008) и просматриваю по мере надобности бесценные материалы трех томов новых сборников документов «Русско-китайские отношения», изданных под его редакцией. В сентябре 2017 г., будучи в Москве, я говорила с академиком по телефону. Он находился в пансионате, но живо интересовался, над чем я работаю, просил что-то прислать ему. Ему было 99 лет, он был столь же приветливым, как прежде, но голос его звучал непривычно глухо.

Сергей Леонидович понимал дело поддержания дружбы и сотрудничества между народами в период существования СССР и после его распада, но окрашивал это неподдельным теплом и доброжелательностью, искренним желанием понять собеседника и помочь ему. Такое не забывается.

В командировках в других странах часто приходится отвечать за все, что происходит в Казахстане, в особенности после распада СССР. Сергей Леонидович был среди тех, кто останавливал слишком ретивых «нападающих». Меня это поразило, так как научным языком китаеведов того времени в Казахстане оставался русский язык. Также пресекал недружественные выпады на конференциях в Китае Дай И, директор, а затем почетный директор Института цинских исследований Китайского народного университета. В годы «культурной революции» он был сослан на трудовое перевоспитание. Было время, когда эти ученые стояли по разную сторону баррикад. Но никто не может отрицать, что они оба являются крупнейшими всемирно известными исследователями Цинской империи.

Сергей Леонидович остается в моей памяти серьезным оппонентом и противником в соответствующих обстоятельствах, а также верным товарищем и умудренным опытом старшим коллегой. Ясно осознаешь, что это редко кому под силу.

В.М. Алексеев был главой и патриархом русского китаеведения для поколения Сергея Леонидовича. Судьба распорядилась так, что Сергей Леонидович также покинул этот мир признанным патриархом для своих современников и последующего поколения российских китаеведов.

Политика

К 40-летию начала экономической реформы в Китае (краткий экскурс)

© 2018

В.Я. Портяков

В статье прослежен общий ход преобразований в хозяйственном механизме и экономической системе Китайской Народной Республики за четыре десятилетия ее пореформенного развития. Отдельно показаны наиболее важные подвижки в системе собственности и финансовой сфере.

Ключевые слова: Китай, экономическая реформа, динамика и содержание преобразований в хозяйственном механизме, подвижки в структуре собственности, изменения в финансовой и банковской сферах.

DOI: 10.31857/S013128120001136-0

Общий ход преобразований и развитие рыночных отношений

Старт современной экономической реформе в Китайской Народной Республике дал партийный форум — 3-й пленум Центрального комитета правящей Коммунистической партии Китая 11-го созыва, проведенный в период с 18 по 22 декабря 1978 г. Пленум постановил перенести «центр тяжести деятельности партии, государства и всего народа на осуществление экономического строительства» и приступить к «серьезной реформе системы экономического управления и методов хозяйствования»¹.

Задача проведения экономической реформы была выдвинута не изолированно, а в увязке с целями осуществления модернизации Китая и обеспечения его внешнеэкономической открытости. Такой подход предопределил ряд базовых особенностей экономической реформы в КНР. Это, во-первых, ее подчиненность стратегической задаче «содействия развитию производительных сил» (т.е. модернизации экономики страны) и повышению уровня жизни народа и, во-вторых, относительно постепенный, соотносимый с посылностью для населения, темп продвижения новых преобразований.

Поэтому вполне закономерно, что процесс «транзита», то есть перехода экономики КНР от главенства плановых начал к опоре на рыночные рычаги управления народным хозяйством, оказался весьма протяженным по времени.

С позиций сегодняшнего дня можно выделить три крупных этапа продвижения к рыночной экономике в пореформенном Китае. В 1978–1991 гг. сохранялась ориентация на главенство плановых методов хозяйствования, а рынку отводилась вспомогательная

Портяков Владимир Яковлевич, д.э.н., профессор, г.н.с. ИДВ РАН, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока». E-mail: portyakov@ifcs-ras.ru.

роль «полезного дополнения». В 1992–2013 гг. официально проводился курс на создание в КНР «социалистической рыночной экономики», а с ноября 2013 г., в соответствии с решениями 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва, Китай вступил в этап дальнейшего углубления рыночных преобразований, ориентированный на окончательное освобождение экономики от административного вмешательства и утверждение доминирующей роли рынка во всех значимых сферах хозяйственной деятельности — от распределения ресурсов и землепользования до регулирования занятости населения.

В период 1978–1991 гг. шло активное обсуждение и осмысление соотношения плановых и рыночных методов в управлении экономикой страны, разрабатывалась и уточнялась общая концепция преобразований, создавалась институциональная структура запуска процесса реформ и контроля за ним, в народное хозяйство внедрялись первые «рыночные анклав», апробировались конкретные механизмы перехода к рынку.

По всем этим направлениям движение вперед, носившее поисковый характер, проходило неровно, с нередкими колебаниями и отступлениями. Китай шел к выбору целевой модели реформы одновременно двумя путями. Один, путь теоретических изысканий, состоял в изучении и типологизации различных вариантов экономической реформы и существующих в мире моделей социалистической экономики, «отыскании» на этой основе наиболее подходящей для конкретных условий Китая модели. В одной из наиболее фундаментальных работ по данной проблеме — «Исследование модели реформы хозяйственной системы в Китае» — было предложено выделять шесть моделей социалистической хозяйственной системы: военный коммунизм, традиционная модель централизованно планируемой экономики, усовершенствованная модель централизованно планируемой экономики, модель органического сочетания плана и рынка, экономика с косвенным административным контролем (когда директивный план ликвидирован, а система косвенного управления через рынок и экономические рычаги еще не создана), и, наконец, модель рыночного социализма².

Поскольку рыночный социализм официально считался до начала 1990-х годов неприемлемым для Китая³, то искомой целевой моделью реформы была провозглашена модель органического соединения плана и рынка.

На официальном уровне целевая модель начального этапа реформы выражалась в формуле «плановая экономика — главное, рыночное регулирование — вспомогательное». Она была выдвинута в 1979 г. Чэнь Юнем, отвечавшим за экономическую работу в высшем эшелоне китайского руководства. Вполне логично, что в духе данной формулы был выдержан и первый проект Общей концепции реформы системы хозяйственного управления в стране. Он был представлен 3 декабря 1979 г. Исследовательской группой по реформе хозяйственного управления, учрежденной в сентябре 1979 г. Финансово-экономическим комитетом Госсовета КНР. Стержнем проекта стали идеи сочетания планового регулирования с рыночным и расширения хозяйственной самостоятельности предприятий как «относительно независимых товаропроизводителей». Далеко идущее значение имело и предложение об использовании в народном хозяйстве страны трех видов цен: централизованно устанавливаемых государством (на важнейшие потребительские товары и главные виды топлива и сырья); договорных, то есть согласуемых потребителями и производителями в пределах, определенных государством (на большинство потребительских товаров и изделий перерабатывающих отраслей); и, наконец, самостоятельно устанавливаемых предприятиями-производителями.

Другой путь формировала сама логика реформенного процесса. На начальном этапе преобразований реформаторы ориентировались главным образом на совершенствование планового управления народным хозяйством. Однако предоставление на практике условий для выявления рыночным регулированием разрешенной ему «вспомогательной роли» (допущение свободных и договорных цен, развитие индивидуального сектора экономики, предоставление госпредприятиям права оставлять себе часть прибыли, произво-

дить и сбывать сверхплановую продукцию и т.п.) обернулось устойчивой тенденцией стихийного расширения ареала действия рыночных принципов и столь же спонтанным ослаблением позиций планирования. Экономическая невыгодность соблюдения плановой дисциплины резко ослабляла ее, несмотря на административные приказы и штрафные санкции. Так, в начале 1980-х годов наиболее выгодным для крестьян многих районов Китая оказалось выращивание рапса и табака, процветавшее вопреки неоднократным прямым приказам из центра не расширять посевные площади под этими культурами и солидным штрафным санкциям за отказ выращивать овощи.

В ответ на эти явления в 1982–1984 гг. было предпринято несколько попыток вернуть «птицу рынка» в «клетку плана». В датированном 25 февраля 1982 г. Общем проекте реформы хозяйственной системы отсутствовало положение о соединении планового регулирования экономики с рыночным, фигурировавшее в проекте 1979 г.⁴

Безоговорочный приоритет плана был закреплен в Конституции КНР от декабря 1982 г., констатирующей: «Государство осуществляет плановое хозяйство на основе социалистической собственности». При этом упоминания о рыночном регулировании в товарном хозяйстве отсутствовали вовсе.

Наконец, в первой половине 1984 г. сторонники сильного планового начала внесли предложения о расширении номенклатуры централизованно распределяемых ресурсов и повышении доли централизованного распределения в общем объеме оборота материальных ресурсов (в частности, предлагалось охватить прямым распределением 110 видов средств производства и 90 видов потребительской продукции). Акцент на административные рычаги, натуральное распределение, жесткое директивное планирование производства, снабжения и реализации всей промышленной продукции, входящей в государственный план, мотивировался необходимостью выполнения в период до 1990 г. масштабных задач по сооружению ключевых объектов капитального строительства и трудностями с достижением подлинной финансовой и материальной сбалансированности. Соответственно, в целом предлагалось не спешить с реформами⁵.

Однако в китайском обществе явно преобладали другие настроения. С середины 1983 г. реформа хозяйственной системы выдвигается на место центральной экономической задачи. В докладе о работе правительства на 1-й сессии ВСНП 6-го созыва (июнь 1983 г.) премьер Госсовета Чжао Цзяян декларировал необходимость ускорения шагов реформы хозяйственной системы. Впервые официально ставится задача развития единого социалистического рынка на базе выявления роли горизонтальных хозяйственных связей и слома межрегиональных и межведомственных барьеров, препятствующих нормальному функционированию сферы обращения. Провозглашается переход к трем типам управления — директивному планированию, направляющему планированию и рыночному регулированию. Что касается возникновения в процессе реформы «некоторых небольших проблем», то их, говорил Чжао Цзяян, «нетрудно преодолеть»⁶.

Совершенно очевидно, что курс на ускорение реформы был поддержан в регионах и на предприятиях, впервые за многие годы начавших распоряжаться частью производимой ими прибыли: в 1979 г. предприятиям было оставлено 6,4% реализованной прибыли, в 1980—11,9%, в 1981—13,2% и в 1982 г. — 15%.

Победу линии на ускорение реформы и одновременно переход к новой целевой модели преобразований — созданию системы «социалистического планового товарного хозяйства» — ознаменовало принятое 20 октября 1984 г. Постановление ЦК КПК относительно реформы хозяйственной системы. Документ призвал отказаться от противопоставления планового хозяйства товарному и констатировал, что полное развитие товарного хозяйства является необходимым условием осуществления модернизации экономики Китая, единственным эффективным путем оживления экономики, которого «не добиться одними административными мерами и директивными планами»⁷. Поставив в практическую плоскость задачи реформы системы цен, выявления роли экономических рычагов,

разграничения функций административных органов и хозяйственных субъектов, Постановление ЦК КПК во многом предопределило основные направления конкретной трансформации хозяйственного механизма в КНР в 1984–1988 гг.

В соответствии с идеями Постановления в 1985 г. были предприняты такие важные практические шаги, как реформа системы централизованных закупок и сбыта зерна, сужение сферы директивного планирования и централизованного распределения материальных ресурсов одновременно с расширением сферы рыночного регулирования, применением свободных цен, развитием негосударственных секторов экономики. Вместе взятые, данные преобразования позволили начать запуск и отработку так называемой двухколейной системы, то есть параллельного сосуществования аркалов и механизмов планового и рыночного регулирования. Именно эта «двухколейная», а де-факто даже многоколейная система планирования, ценообразования, кредитования явилась специфически китайским вариантом достаточно успешного перевода экономики страны на рыночные принципы функционирования. Не лишённая недостатков, основным из которых явился побочный эффект в виде крупномасштабной коррупции, «двухколейная система» сделала главное: дала Китаю возможность относительно безболезненно и плавно трансформировать плановую экономику в рыночную.

Принятые в сентябре 1985 г. Предложения ЦК КПК о 7-м пятилетнем плане экономического и социального развития Китая на период 1986–1990 гг. впервые четко обозначили контуры «социалистической хозяйственной системы нового типа», формирование которой и должно было явиться конечным результатом реформы. Речь шла о таких трех тесно взаимосвязанных аспектах, как, во-первых, усиление жизнеспособности предприятий, прежде всего крупных и средних государственных предприятий, превращение их в самостоятельно хозяйствующих, самостоятельно отвечающих за прибыли и убытки социалистических товаропроизводителей; во-вторых, дальнейшее развитие социалистического товарного рынка, постепенное совершенствование системы рынков средств производства, капиталов и т.д.; в третьих, переход от прямого контроля государства за предприятиями к главным образом косвенному, создание системы социалистического макроэкономического управления. Этот «каркас» сохранился до настоящего времени, будучи дополненным задачей реформы отношений собственности в качестве основы развития рыночной экономики и комплексом реформ в социальной сфере, облегчающих приведение системы труда, занятости и социального обеспечения в более полное соответствие с рыночным характером всего народного хозяйства.

В конкретной практике реформ в период 1984–1988 гг. особое внимание уделялось «повышению жизнеспособности» крупных и средних государственных предприятий за счет перевода их на различные формы подрядной ответственности (по аналогии с деревней). Были запущены многочисленные эксперименты по расширению рынка средств производства и товаризации жилья, укреплению макрорегулирующих функций Народного банка Китая, созданию рынка краткосрочного кредита, совершенствованию системы валютных отчислений и созданию рынка валютного регулирования, реформам системы инвестиций и системы внешней торговли, созданию рынков ценных бумаг и т.п. Рыночные принципы хозяйствования, в том числе в сфере труда и заработной платы, активно апробировались в экспериментальном порядке в специальных экономических зонах «первой волны» — в Шэньчжэне, Сямэни, Чжухае, Шаньтоу.

В целом в 1987 г. стало очевидно обретение реформенным процессом все более недвусмысленной рыночной ориентации. Политически обеспечить форсирование реформ рыночного типа попытался Чжао Цзыян, сменивший Ху Яобана на посту генсека ЦК КПК. На XIII съезде КПК (25 октября — 1 ноября 1987 г.) Чжао Цзыян констатировал, что развитие социалистического товарного хозяйства неотделимо от развития рынка, и одновременно охарактеризовал директивное планирование как не соответствующее требованиям развития социалистического товарного хозяйства⁸. В данном контексте вы-

двинутые съездом положения об «органическом единстве планирования и рынка» и о «государственном регулировании рынка и рыночном ориентировании предприятий» вряд ли могли рассматриваться иначе, чем заявка на форсирование перехода к рыночной колее.

Решающим шагом в этом направлении должна была стать реформа цен, объявленная и частично начатая в мае 1988 г. с благословения Дэн Сяопина, заявившего, что «без реформы цен не обойтись»⁹.

Однако уровень роста потребительских цен, инициированный майским решением 1988 г., оказался на деле «непосилен для масс, для предприятий, для государства»¹⁰. (В 1988 г. розничные цены в стране выросли на 18,5%, в т.ч. на продовольствие — на 23%, а на мясо — на 36,8%.)

Недовольство населения экономической ситуацией усугубил политический кризис в Китае, нараставший в первые месяцы 1989 г. Последовавшее за его драматической развязкой 4 июня устранение с политической арены Чжао Цзыяна и ряда других адептов радикального варианта преобразований отразилось и на реформе. На какое-то время заметно сузился ее диапазон, замедлилась общая динамика. Утверждалось, что «Китай не может внедрить у себя полностью рыночную экономику, ибо это привело бы к хаосу в народном хозяйстве страны»¹¹.

В то же время и ситуация в самом Китае, где наблюдалось первое за годы реформ замедление темпов роста экономики и снижение доходов населения, и международная обстановка, усложнившаяся для Пекина после распада СССР, объективно требовали возвращения к политике динамичных рыночных реформ и широкой внешнеэкономической открытости.

Решающий перелом внесла знаменитая поездка Дэн Сяопина на юг страны в январе–феврале 1992 г., в ходе которой он однозначно высказался в пользу ускорения рыночных преобразований¹².

С середины 1992 г. рыночная ориентация реформы становится свершившимся фактом. Об этом безошибочно свидетельствовали как появившиеся в центральной печати статьи с названиями типа «Социализм также должен осуществлять рыночную экономику», так и принятое в сентябре 1992 г. решение Госсовета КНР об активном использовании рыночного механизма в сельском хозяйстве. В том же направлении разворачивалась и вся экономика. К сентябрю 1992 г. количество цен на средства производства и транспортных тарифов, находящихся в ведении государственного комитета по ценам и других центральных ведомств, сокращается до 89 по сравнению с 737 в 1991 г., при этом право установления цен по 571 виду продукции было передано предприятиям¹³ (табл. 1). В более чем 400 уездах с населением в 200 млн человек к концу 1992 г. были отпущены цены на зерно¹⁴.

Началось концептуальное осмысление понятия «социалистическая рыночная экономика» и требующихся для ее развития мер.

14 ноября 1993 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 14-го созыва было принято Постановление о некоторых вопросах создания системы социалистической рыночной экономики. Оно стало программой рыночной трансформации народного хозяйства Китая в следующем десятилетии¹⁵.

Как декларировало Постановление, создание системы социалистической рыночной экономики означает выявление рынком базовой роли в размещении ресурсов под макроконтролем государства.

Отличие концепции социалистической рыночной экономики от концепции социалистического товарного хозяйства наглядно видно уже по одному только несовпадению позиций в документах 1993 и 1984 г. В 1984 г. констатировалось, что при социализме товарные отношения не являются всеохватывающими: «...Рабочая сила не есть товар, товаром не являются также земля, рудники, банки, железные дороги и все другие государственные предприятия, а также природные ресурсы»¹⁶. В 1993 г. ставилась

задача ускорить процесс «маркетизации» цен на факторы производства, сформировать рынок рабочей силы, всемерно развивать фондовый рынок, рынки недвижимости, технических достижений, информации, отладить рыночный механизм ценообразования на право землепользования.

Таблица 1

Различные виды цен в Китае (процентов от общего итога)

Наименование	1978	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992	
Закупки сельхозпродукции	Плановые	94,4	37,0	35,0	29,4	24,0	35,5	31,0	22,2	12,5
	Направляемые государством	0	23,0	21,0	16,8	19,0	24,3	27,0	20,0	5,7
	Рыночные	5,6	40,0	43,7	53,8	57,0	40,4	42,0	57,8	81,8
Реализация средств производства	Плановые	100	64,0				60,0	44,6	36,0	18,7
	Направляемые государством	0	23,0				0	19,0	18,3	7,5
	Рыночные	0	13,0				40,0	36,5	45,7	73,8
Розничная торговля	Плановые	97,0	47,0	35,0	33,7	28,9	31,3	30,0	20,9	5,9
	Направляемые государством	0	19,0	25,0	28,0	21,8	23,2	25,0	10,3	1,1
	Рыночные	3,0	34,0	40,0	38,3	49,3	45,5	45,0	68,8	93,0

Источник: Lau L. *Gain Without Pain. Why Economic Reform in China Worked* // *China's Political Economy* / Wang Gungwu and John Wong (Editors). Singapore University Press, 1998. P. 66–67.

Преобразования в конкретных сферах не заставили себя ждать. С 1 января 1994 г. началась реформа налоговой (упорядочение видов налогов и ставок налогообложения, более четкое разделение налогов на центральные и местные) и банковской системы, реформа системы валютного регулирования. В 1995 г. были приняты законы о Народном банке Китая как о центральном банке страны, о коммерческих банках, а позднее — законы о залоге, векселях, новый закон КНР о труде.

Новый подход к реформе государственных предприятий предусматривал их преобразование в разного рода компании — полностью основанные на государственном капитале, с контрольным паем государства, акционерные компании, компании с ограниченной ответственностью.

В докладе о работе правительства на 3-й сессии ВСНП 8-го созыва 5 марта 1995 г. премьер Госсовета КНР Ли Пэн подчеркнул, что к 2000 г. система социалистической рыночной экономики в Китае может быть создана только в начальном виде, а обретение ею качества зрелости потребует еще 20–30 лет¹⁷.

В период между XV и XVI съездами правящей компартии Китая, т.е. в 1997–2002 гг., в стране была проделана значительная практическая работа по переводу народного хозяйства на рыночные рельсы.

Удалось в целом выполнить трехлетнюю (1998–2000 гг.) программу финансового оздоровления примерно 6000 крупнейших государственных предприятий, повысив долю рентабельных работающих компаний до 70%. Одновременно возросло внимание к проблемам других низовых экономических агентов, что нашло отражение в принятии законов о стимулировании развития малых и средних предприятий и о системе подрядного землепользования в сельском хозяйстве.

В формировании рыночных институтов особое внимание уделялось развитию рынка ценных бумаг. Полноценно функционировали биржи ценных бумаг в Шанхае и Шэньчжэне, созданные в начале 1990-х годов. В 2001 г. было принято решение об открытии рынка акций типа «В» (валютных) для граждан КНР, имеющих валютные счета, а в 2002 г. — об открытии рынка акций типа «А» (юаневых), ранее предназначавшегося только для граждан КНР, и для «квалифицированных иностранных институциональных инвесторов». Значительное развитие получил также рынок недвижимости, особенно товарного жилья.

Доминирование в экономике КНР в 1998–2003 гг. дефляционных тенденций потребовало проведения в стране принципиально иной макроэкономической политики, направленной на оживление потребительского и инвестиционного спроса, а с ним — и экономического роста в целом. В макроэкономической инструментарии китайского руководства этого периода особое место занимали эмиссия спецоблигаций на инвестиционные цели¹⁸ и снижение до минимально приемлемого уровня процентной ставки по банковским депозитам. Были сделаны первые шаги к акционированию китайских банков, которое начало осуществляться с небольших коммерческих банков.

Новым самостоятельным направлением преобразований явилось активное реформирование социального обеспечения в стране. Создан так называемую систему трех линий гарантий — пособий рабочим, увольняемым с предприятий, выплат по безработице и на поддержание минимального уровня жизни в городах — Китай сумел без масштабных социальных потрясений провести крупное сокращение количества занятых в государственном (с 110,4 млн в 1997 г. до 76,4 млн человек в 2001 г.) и коллективном (с 28,8 млн до 12,9 млн человек) секторах экономики¹⁹.

В целом к концу 2003 г. китайское руководство пришло к заключению, что в первоначальном виде система социалистической рыночной экономики в стране уже создана.

Сменившие Цзян Цзэминя и Чжу Жунцзи на высших партийно-государственном и правительственном постах Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао намеревались существенно углубить рыночные преобразования в экономике. 3-й пленум ЦК КПК 16-го созыва (11–14 октября 2003 г.) принял специальное Постановление о некоторых вопросах совершенствования социалистической рыночной экономики. Документ ориентировал страну на определенную радикализацию реформы отношений собственности, более полное выявление потенциала частного сектора и других негосударственных экономических укладов, более сбалансированное региональное развитие и ускорение рыночной трансформации деревни.

Однако десятилетие правления четвертого поколения руководителей КНР и КПК оказалось не слишком успешным в плане реформаторства. Вступление Китая во Всемирную торговую организацию (11 декабря 2001 г.) создало уникальные возможности для наращивания объемов внешней торговли и инвестиционной накачки экономики, обеспечивающих высокие темпы роста. Возникли солидные отраслевые и региональные «группы интересов», не склонные расплачиваться за любые реформы притормаживанием, пусть даже временным, наращивания мощностей на своих предприятиях и территориях. В результате масштаб рыночных преобразований в десятилетие 2003–2013 гг. оказался существенно уже, чем изначально задумывалось.

Новому руководству КНР во главе с Си Цзиньпином пришлось по сути дела заново ставить вопрос о кардинальном усилении роли рынка в экономике страны. Была создана руководящая группа ЦК КПК по реформе, которую возглавил Си Цзиньпин.

Комплекс мероприятий по углублению в Китае преобразований рыночного типа был сформулирован в принятом 3-м пленумом ЦК КПК 18-го созыва 12 ноября 2013 г. Решении ЦК КПК о некоторых важных вопросах всестороннего углубления реформы. Оно предусматривает активизацию инвестиционной деятельности предприятий негосударственных форм собственности, реформу системы первичного распределения и совершенствование системы перераспределения доходов. В конечном итоге, как констатирует-

ся в Решении (пункт 44), в Китае должна сформироваться архитектура доходов типа «регбийного мяча» — то есть с небольшой долей лиц с очень высокими и очень низкими доходами при доминировании граждан со средними для общества доходами. Важную роль как в реализации принципа социальной справедливости, так и в стимулировании потребления (через сокращение доли средств, направляемой в сбережения) призвано сыграть создание устойчивой диверсифицированной системы социального обеспечения²⁰.

Ряд направлений преобразований получил дальнейшую конкретизацию в специальных документах. Так, в сентябре 2015 г. были обнародованы «Мнения» ЦК КПК и Госсовета КНР об углублении реформы предприятий государственной собственности и о строительстве новой системы экономики открытого типа. Второй документ в известной мере опирается на опыт уже функционирующей зоны свободной торговли в районе Пудун Шанхая. Подобные зоны созданы также в провинциях Фуцзянь и Гуандун с включением в их состав части территорий Сямэньской и Шэньчжэньской специальных экономических зон.

Кроме того, Госсовет КНР принял решение сократить число видов товаров и услуг, цены на которые устанавливаются правительством, с 13 до 7 (газ, электроэнергия, водоснабжение), при этом число конкретных наименований товаров и услуг, подпадающих под централизованное определение, сократится со 100 до 20²¹.

Хотя настрой нынешних лидеров Китая на углубление рыночных реформ очевиден, вряд ли можно ожидать здесь быстрых успехов. И дело не в приверженности градуалистским методам, а в трудности преобразований самих по себе. Ведь объектами реформ выступают ныне, помимо прочих, такие тяжелые сферы (или, как говорят в Китае, «твердые кости»), как землепользование, денежно-кредитная и налогово-финансовая политика, защита окружающей среды, деятельность госпредприятий и административное управление.

Реформа отношений собственности

В КНР реформа отношений собственности формально никогда не выступала в качестве центрального звена или главного направления преобразований. В то же время опосредующая роль отношений собственности в большинстве реформ, проводившихся в Китае, чрезвычайно высока. Стимулирующая или, напротив, ограничительная политика по вопросу развития негосударственных или, шире, «необщественных» укладов народного хозяйства непосредственно играла на разных этапах реформы роль либо катализатора роста числа индивидуальных и частных предприятий, либо своеобразного «прокрустово ложа», в которое, например, не раз стремились «уместить» развитие паевой и акционерной экономики в стране. Кроме того, вследствие изначальной чрезвычайной разветвленности и всепроникающего характера экономических функций государства в Китае как собственника и как управляющего (что усиливается и особенностями политической системы страны) радикальное решение подавляющего большинства проблем реформы рано или поздно, в большей или меньшей степени, но почти неизбежно, начинало затрагивать и сферу отношений собственности. В целом, на наш взгляд, реформа отношений собственности в Китае, не будучи особенно радикальной, проделала за годы рыночной трансформации довольно существенный путь.

Период 1978–1983 г. вообрал в себя выработку первых законодательных актов, стимулирующих привлечение прямых иностранных инвестиций, теоретическое уравновешивание в правах коллективной собственности с государственной, объявление индивидуальной трудовой деятельности «полезным дополнением» к социалистической общественной собственности.

В июле 1981 г. Госсовет КНР принял постановление о политике в отношении индивидуальных хозяйств, разрешив предпринимателям найм 1–2 помощников и до

5 учеников. К концу 1982 г. численность занятых в индивидуальном секторе страны составила около 3,2 млн человек (в т. ч. 1,36 млн человек в городах и 1,84 млн — на селе). 46,1% работников были заняты в торговле, 20,8% — в общепите, 10,5% — в сфере услуг и 10,2% — в кустарной промышленности. В 1982 г. частники дали 2,9% объема розничного товарооборота, а еще 4,3% составила продажа крестьянами своей продукции на свободных рынках.

На практике наибольший размах в эти годы приобрела реформа в деревне. От до-реформенного периода Китай унаследовал систему народных коммун, совмещавших политико-административные и хозяйственные функции. В 1978 г. примерно 180 млн крестьянских дворов были объединены в 52,7 тыс. коммун, подразделявшихся на 690 тыс. больших производственных бригад и 4,8 млн производственных бригад (в среднем 7 производственных бригад составляли одну большую производственную бригаду, а 13 больших производственных бригад — народную коммуну). Формально основной хозрасчетной единицей по Положению о народных коммунах 1962 г. считалась производственная бригада (как правило — естественная деревня), однако нередко эту функцию выполняли большие производственные бригады (в 1980 г. — свыше 42 тыс.) и даже коммуны.

В то же время китайское руководство поначалу не собиралось радикально менять саму систему организации сельхозпроизводства. На 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва был рассмотрен экспериментальный проект нового Положения о работе сельских народных коммун. Разрешив крестьянам иметь небольшие приусадебные участки и более свободно заниматься подсобными промыслами, лидеры страны рассчитывали в целом сохранить жесткий контроль за экономической жизнью деревни через почти тотальное планирование на селе и обязательные закупки основных видов сельхозпродукции.

Вместе с тем в целях укрепления статуса производственной бригады как основной хозрасчетной единицы было проведено разукрупнение больших производственных бригад и народных коммун. К 1981 г. количество коммун выросло до 54,4 тыс., больших производственных бригад до 718 тыс. и производственных бригад — до 6 млн.

На практике, однако, события развивались по-другому. В 1979 г. стихийно возникло движение за организацию сельхозпроизводства на подрядной основе. Почин был сделан в уезде Фэнъян провинции Аньхой, где весной 1979 г. началось выделение в составе производственных бригад более мелких операционных групп. Группы, которым передавались в пользование пахотная земля, рабочий скот, инвентарь, брали на себя обязательства по выполнению согласованных с бригадой производственного плана, объема закупок различных видов сельхозпродукции и отчислений в коллективные фонды. Взамен группа получала право свободного распоряжения оставшейся частью продукции. Основным принципом «большого подряда», получившего поддержку первого секретаря провинциального парткома Вань Ли, стала формула «обеспечь причитающееся государству, отчисли причитающееся коллективу и возьми остальное себе». К осени 1979 г. закрепление заданий по группам было внедрено в 85% производственных бригад уезда Фэнъян.

Тогда же, весной 1979 г. в одной из беднейших в провинции производственной бригаде Сяоган коммуны Лиюань 18 семей решили распределить землю по дворам. Так возник «подворный подряд», давший в первый же год применения удивительные результаты: по душевому производству зерна и масличных производственная бригада вышла на 1-е место в уезде, а среднедушевой доход 105 членов бригады вырос в 6 раз. Посетивший бригаду в праздник весны 1980 г. Вань Ли поддержал крестьян из Сяогана, действовавших до этого фактически тайно.

В сентябре 1980 г., когда переход к подряду стал свершившимся фактом, китайское руководство официально одобрило его (документ ЦК КПК № 75), стремясь в то же время ограничить применение подворного подряда только беднейшими и отдаленными районами страны, где проживало около 20% сельского населения. Приоритет же официально отдавался другим видам подряда с заметно более выраженным коллективистским

началом — «системе производственной ответственности, соединяющей единое хозяйствование и доведение заданий до конкретных работников», и специализированному подряду (на какой-либо конкретный вид деятельности, например, откорм скота). В случае применения метода «полной ответственности двора за производство» запрещалась сдача подрядной земли в субаренду, использование наемного труда, а отчисления в коллективные фонды устанавливались не менее чем в 15% доходов от подрядного хозяйствования. В реальной жизни подворный подряд оказался исключительно жизнеспособным и в считанные годы вытеснил остальные формы подряда. Так, если в январе 1980 г. его применял 1% производственных бригад страны, в декабре 1980 г. — 15%, то уже в октябре 1981 г. — 49%, а в октябре 1982 г. — свыше 78%. В 1983 г. большинство народных коммун было распущено.

Период 1984–1988 гг. отмечен первым официальным закреплением в документах КПК курса на «развитие многообразных форм экономики и способов хозяйствования» при главенстве общественной собственности на средства производства.

В один из проектов реформы на 7-ю пятилетку впервые были включены конкретные ориентиры развития многоукладности. В 1990 г., то есть в конце пятилетки, доля госсектора в стоимости промышленного производства должна была составить около 60%, доля коллективного сектора — 30%, а доля индивидуального сектора и других форм хозяйствования — 10%²².

На селе наблюдалось бурное развитие волостных и поселковых предприятий, появились «новые хозяйственные объединения». Активно внедрялась аренда государственных и коллективных предприятий. С 1987 г. политически разрешено функционирование частных предприятий с 8 и более наемными работниками. Начались эксперименты с паевыми акционерными предприятиями, принят первый вариант закона о банкротстве предприятий. Созданы первые административные организации по управлению государственным имуществом. Более разнообразный по формам и экономически все более значимый характер приобрело привлечение прямых иностранных инвестиций.

Подвижки в структуре собственности содействовали динамичному становлению рынка двояким образом: с одной стороны, рост индивидуального сектора (11,68 млн «точек» с 17,56 млн занятых к началу 1986 г.), массовое появление смешанных предприятий с участием иностранного капитала и т.п. количественно наращивали «массу» субъектов рынка. С другой стороны, опережающее развитие негосударственных секторов экономики и преобразование части мелких государственных предприятий промышленности и торговли в коллективные или сдача их в аренду предопределили расширение ареала «маркетизации» народного хозяйства страны. Например, доля занятых на коллективных предприятиях городов и поселков в общей численности занятых в городах возросла с 23% в 1980 г. до 26,9% в 1985 г., доля коллективного сектора в промышленном производстве (по валу) выросла с 20,7% до 28,1%, а в общественном розничном товарообороте — с 12,1% до 36,7%. Доля индивидуального сектора выросла за тот же период с 0,7% до 15,7% общественного розничного товарооборота. В 1987 г. доля госсектора в объеме промышленного производства составила 69,7% по сравнению с 80,8% в 1978 г., а доля индивидуальных, частных и смешанных предприятий с нулевой отметки выросла до 2,4%.

В 1989–1991 гг. реформа отношений собственности была фактически приостановлена. Изменение макроэкономических условий хозяйствования вынудило большинство низовых экономических агентов в промышленности отказаться от подрядных отношений с государством. Однако уже вскоре призывы Дэн Сяопина к ускорению поступи реформ, критика им левачества в экономической работе как «главной опасности» дали толчок новым преобразованиям отношений собственности. Взрывной эффект начиная с 1992 г. был достигнут в привлечении иностранных инвестиций. На новый уровень вышли акционирование и развитие на этой основе рынка акций в Китае. Массовый характер приобрели преобразование мелких государственных и коллективных предприятий

в частные и отказ псевдоколлективных хозяйств от так называемых красных шапок, т.е. формально коллективного статуса.

С конца 1992 г. в КНР стали выделять девять экономических укладов: экономика государственной собственности; коллективная; индивидуальная; частная; совместная; паевая экономика; экономика, основанная на средствах зарубежных инвесторов; экономика, основанная на инвестициях из Тайваня, Гонконга и Макао; прочие уклады, не поддающиеся четкой классификации²³.

В целом в 1990-е годы формирование в Китае многоукладной экономики стало свершившимся фактом.

В период с 1992 по 1996 г. доля экономики, основанной на государственной собственности, в валовой промышленной продукции страны снизилась с 51,5 до 28,8%, доля экономики коллективной собственности выросла, соответственно, с 35,1 до 40,4%, а экономики необобществленных укладов — с 13,4 до 30,8%. В общественном розничном товарообороте доли государственной и коллективной торговли снизились за эти годы соответственно с 46,8 до 27,6 и с 35,1 до 19% при росте доли в нем предприятий необобществленной торговли с 21,6 до 53,4%²⁴.

Важно констатировать отсутствие резких скачков в «дезаттизации» ведущего сектора экономики страны — промышленности. Сдвиг в пользу негосударственных укладов был достигнут относительно постепенно, за счет их более быстрого развития, а не путем форсированного перевода государственных предприятий в негосударственные. В этом проявилась очевидная специфика преобразований в Китае в сравнении, например, с Россией.

В 1997 г. на XV съезде правящей компартии впервые было заявлено об ориентации КНР на создание смешанной экономики. Эта концепция сохранилась и в дальнейшем, уточняясь в теории и неизбежно эволюционируя в реальной практике. Существенно трансформировалось представление о государственной экономике — теперь к ней относятся не только унитарные предприятия, принадлежащие государству, но и доля государства в паевых и акционерных компаниях.

Таблица 2

Структура занятости в городах Китая по формам собственности (млн человек)

Наименование	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Города, всего	346,27	359,14	371,02	382,40	393,10	404,10	414,28
Государственная собственность	65,16	67,04	68,39	63,65	63,12	82,08	61,70
Коллективная собственность	5,97	6,03	5,89	5,66	5,37	4,81	4,53
Паевая кооперативная собственность	1,56	1,49	1,49	1,08	1,03	0,92	0,86
Совместное хозяйствование	0,36	0,37	0,39	0,25	0,22	0,20	0,18
Паявые компании с ограниченной ответственностью	10,24	11,83	12,43	17,21	17,51	17,98	18,24
Компании с ограниченной ответственностью	26,13	32,69	37,87	69,69	63,15	63,89	63,81
Частные предприятия	60,71	69,12	75,57	82,42	92,57	111,80	120,83
Предприятия, основанные на капитале Гонконга, Макао и Тайваня	7,70	9,32	9,69	13,97	13,93	13,44	13,05
Предприятия, основанные на иностранных инвестициях	10,53	12,17	12,46	15,66	15,62	14,46	13,61
Индивидуальные предприятия	44,67	52,27	56,43	61,42	70,09	78,00	86,27

Источник: Чжунго тунци чжайяо — 2017: [Краткая статистика Китая — 2017]. Пекин, 2017, С. 40–41. (На кит. яз.)

Быстро сокращаются масштабы коллективного сектора. В то же время количество паевых и частных предприятий стабильно растет.

В Китае в последние годы не публикуют статистических данных о доле различных экономических укладов в ВВП страны. Некоторое представление об изменении структуры собственности дает официальная статистика занятости (табл. 2), однако сомнений в полной сопоставимости данных она не развенчает.

Один из основных путей практического развития смешанной экономики в Китае видят в поощрении взаимного перекрестного инвестирования предприятий и компаний различных форм собственности через прямые капиталовложения, приобретение паев, акций, облигаций и т.п.

Пока не найдены удовлетворяющие большинство населения подходы к реформе землепользования. Поставленная 3-м пленумом ЦК КПК 18-го созыва задача «создания единого для города и деревни рынка земли, используемой под строительство», подвергается в китайских СМИ критике как сужающая потенциальный масштаб земельного рынка²⁵.

В целом же, на наш взгляд, сложность, глубина, масштабность преобразований в сфере собственности в Китае в обозримой перспективе имеют все шансы намного превзойти достигнутое здесь ранее.

Финансовая реформа

В условиях перехода экономики КНР на преимущественно рыночные рельсы функционирования финансовые и денежно-кредитные рычаги выдвинулись на позицию ведущих инструментов макроэкономического регулирования в стране.

Налоговая система КНР за годы реформ прошла два крупных этапа преобразований.

В 1985 г. было осуществлено разделение важнейшего единого торгово-промышленного налога на три самостоятельных налога: на продукцию, на добавленную стоимость и на хозяйственную деятельность. Существенно увеличено общее количество взимаемых налогов, а также осуществлен переход от изъятия части прибыли предприятий государством к взиманию с них подоходного налога.

В период 1985–1993 гг. в КНР взималось около 40 видов налогов, подразделявшихся на группы: налоги типа налога с оборота, подоходные, налоги на пользование ресурсами, налоги на специальные цели, налоги на имущество и некоторые виды деятельности (например, забой скота), сельскохозяйственный налог, таможенные пошлины, сборы в специальные фонды (например, фонд строительства ключевых объектов энергетики и транспорта).

Ставка подоходного налога с крупных и средних государственных предприятий составляла 55% (с 1994 г. — 33%). С малых госпредприятий и коллективных предприятий взимался прогрессивный налог по 8-разрядной шкале от 10 до 55%. Ставка налога с частных предприятий (с числом наемных работников более 8 человек) составляла 35%, с предприятий с участием иностранного капитала — 30% и 3% — местный налог (в специальных экономических зонах ставка — 15%, в зонах технико-экономического развития — 24%). С индивидуальных предприятий (с числом наемных работников до 8 человек) взимался прогрессивный подоходный налог по 10-разрядной шкале от 7% (доход до 1000 юаней в год), до 60% (доход более 30 тыс. юаней в год).

В структуре внутренних доходов госбюджета (без внешних займов) доля налогов в конце 1980-х — начале 1990-х годов неизменно составляла более 90% (в 1991 г. — 91,4%), в т.ч. налоги по типу налога с оборота давали 54,6% доходов госбюджета (1991 г.), подоходные налоги — 20%, налоги на недвижимое имущество и операции с ним — приблизительно 2%, таможенные сборы — 4,8% и сельскохозяйственные налоги — 2,7% (1990 г.)

Начавшаяся с 1994 г. налоговая реформа ознаменовала переход к упрощенной схеме налогообложения для китайских предприятий. 18 видов налогов (за исключением сельскохозяйственного и таможенных пошлин) были сведены в 6 крупных групп: налог на хозяйственную деятельность, на добавленную стоимость, подоходный, на ресурсы (на добычу полезных ископаемых), потребительский (по 11 товарным позициям, включая легковые автомобили, бензин, спиртное, табак) и налог на добавленную стоимость на землю (речь прежде всего идет о налогообложении операций по купле-продаже права пользования землей).

Налоговая реформа была призвана перенести центр тяжести налоговых сборов с подоходного налога с предприятий на другие виды налогов и тем самым несколько облегчить их налоговое бремя и сделать более стабильным поступление налогов в госбюджет. На одну из ключевых ролей выдвинулся налог на добавленную стоимость, существенно отличающийся от ранее действовавшего налога с тем же названием универсальностью и унифицированностью. Вместо прежней шкалы из 80 ставок были введены 2 ставки налогообложения: 17 и 13% (водопровод, горячее водоснабжение, зерно и растительное масло, печатная продукция и продукция сельхозназначения).

Еще одним направлением налоговой реформы стало более четкое разделение налогов на местные и центральные.

Вступление КНР в ВТО (11 декабря 2001 г.) сопровождалось быстрым и существенным снижением таможенных пошлин: с 15,3% в 2001 г. (средневзвешенный уровень) до 9,8% в 2007 г., в т.ч. на промышленную продукцию с 14,7 до 8,9%, на продукцию сельского хозяйства — с 23,2 до 15,2%²⁶.

Кроме того, членство в ВТО потребовало унификации подоходного налога. В 2007 г. была введена его единая 25-процентная ставка. Повышение ставки налога в специальных экономических зонах с 15% до 25% было осуществлено постепенно, в 2008–2012 гг. Был существенно повышен необлагаемый минимум при начислении индивидуального подоходного налога.

В 2016 г. налоговые сборы в КНР превысили 13 трлн юаней, что составило 17,5% ВВП страны и 81,6% общих доходов бюджета. Налог на добавленную стоимость дал 4,07 трлн юаней, потребительский налог — 1,02 трлн, налог на хозяйственную деятельность — 1,15 трлн., подоходный налог с предприятий — 2,88 трлн, индивидуальный подоходный налог — 1 трлн и таможенные сборы 0,26 трлн юаней²⁷.

Программа углубления рыночных преобразований, принятая в ноябре 2013 г., наметила ряд конкретных направлений дальнейшего совершенствования налоговой системы Китая. Это реформа налога на добавленную стоимость, урегулирование сферы взимания и ставок потребительского налога (с его распространением на энергоемкие и загрязняющие окружающую среду виды продукции), разработка законодательства и постепенное введение налога на недвижимое имущество.

Для Китая характерен крайне осторожный подход к реформированию кредитно-денежной системы. Тем не менее, для активизации перевода экономики страны на рыночные принципы функционирования в данной сфере с 1994 г. был предпринят ряд крупных шагов.

— С принятием Закона КНР о Народном банке Китая (18 марта 1995 г.) был закреплён и упрочен статус центрального банка страны как руководящего института в осуществлении макроуправления в кредитно-денежной сфере, разработке и проведении денежной политики, направленной, как декларировано в Законе, на поддержание стабильной покупательной способности денег и тем самым на содействие экономическому росту. О придаваемом в Китае центральному банку значении свидетельствует тот факт, что с середины 1993 до конца 1995 г. его возглавлял член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Чжу Жунцзи, в 1998–2003 гг. бывший премьером Госсовета КНР.

– В 1994 г. учреждены так называемые политические банки — Банк развития, Банк развития сельского хозяйства, Экспортно-импортный банк. Их создание призвано обеспечить «политическое» кредитование отстающих районов страны, экспорт Китаем комплектного оборудования, а в целом — разграничение коммерческих и некоммерческих кредитно-денежных операций.

– Ускорен переход крупнейших специализированных банков Китая — Банка Китая, Стройбанка, Торгово-промышленного банка и Сельхозбанка — на коммерческие принципы хозяйственной деятельности. Закон о коммерческих банках, принятый 10 мая 1995 г. и распространявшийся также на действующие в стране акционерный Транспортный банк и небольшие коммерческие банки (Банки развития Гуандуна, Фуцзяни, Хайнаня, Шэньчжэня. Пудуна, а также Гуанда, Хуася, Чжаошан, Миньшэн, Промышленный банк Китайской международной поручительской инвестиционной корпорации), более четко определил допустимые виды банковских операций, правила создания коммерческих банков, установил ряд обязательных пропорций между активами и пассивами банков.

– Расширены масштабы допуска на китайский рынок кредитно-денежных операций иностранных финансовых институтов.

– Проведены эксперименты по преобразованию сети городской кредитной кооперации в городские банки. К 2010 г. такие банки были созданы в большинстве крупных городов страны.

После акционирования в середине 2000-х годов ведущие коммерческие банка КНР — Торгово-промышленный, Строительный и Банк Китая — вошли в число крупнейших компаний мира.

Китай активно использует регулирование уровня процентной ставки по банковским кредитам и депозитам в качестве инструмента стимулирования экономического роста (снижение ставок) и антиинфляционной политики (повышение ставок). Для большинства низовых хозяйствующих субъектов именно банковские кредиты являются основным источником средств, обеспечивающих их стабильную деятельность. Мало-помалу набирает оборот рынок акций, торговля которыми ведется на биржах ценных бумаг в Шанхае, Шэньчжэне и частично в Гонконге. В Шэньчжэне также созданы площадки торговли акциями высокотехнологичных компаний и малых и средних предприятий.

В 2010, 2014 и 2015 г. объем торговли акциями превышал ВВП страны. Однако в целом для КНР характерны заметные перепады в годовых объемах торгов акциями и, по общему мнению, определенная асинхронность колебаний курса акций и подвижек в самой экономике.

В последнее десятилетие предметом повышенного внимания стал обменный курс национальной валюты КНР — юаня. Первая серьезная реформа в этой сфере была проведена в 1994 г. Вместо двух ранее действовавших валютных курсов — официально-го, находившегося к концу 1993 г. на уровне 5,7–5,8 юаня за доллар, и курса рынков валютного регулирования, служившего «ориентиром» и для операций на черном валютном рынке (к концу года он колебался на уровне 8,6–8,7 юаня за доллар), с 1 января 1994 г. введен единый курс, объявляемый центральным банком ежедневно в соответствии с курсом сделок на межбанковском валютном рынке в предыдущий день (фактически в 1994 г. он сохранился на уровне 8,7 юаня за доллар, а в 1995 г. понизился до 8,3 юаня). Одновременно было объявлено о прекращении эмиссии валютных сертификатов и постепенном изъятии их из обращения, о запрете на обращение в Китае иностранной валюты²⁸.

Быстрый рост экспорта Китая после 2001 г. предопределил усиление претензий со стороны США по поводу будто бы заниженного обменного курса юаня. 21 июля 2005 г. правительство КНР отказалось от жесткой привязки юаня к доллару, что привело к стабильному повышению его обменного курса до 6,14 юаня за доллар в среднем за 2014 г. Однако в августе 2015 г. в связи со спадом во внешней торговле страны Пекин впервые с 2005 г. скорректировал порядок формирования обменного курса юаня, что

привело к его снижению до примерно 6,4 юаня за доллар. Более гибкий обменный курс национальной валюты, расширение масштабов торговли в юанях призваны проложить путь к интернационализации юаня в достаточно скорой перспективе.

КНР располагает крупнейшими в мире золотовалютными резервами. На конец 2014 г. они достигли пика в 3843 млрд долл., а к концу 2016 г. снизились до 3010 млрд долл. В период мирового финансового кризиса КНР нарастила свой золотой запас с 19,29 млн тройских унций до 33,89 млн унций, а к концу 2016 г. довела его до 59,24 млн унций. Часть валютных резервов страны (стабильно свыше 1 трлн долларов) размещена в государственных ценных бумагах США.

В 2015 г. КНР пересмотрела параметры своего внешнего долга, приведя его структуру в соответствие с критериями Международного валютного фонда. В результате остаток внешнего долга страны по состоянию на конец 2014 г. увеличился с 895 млрд долл., по прежней оценке, до 1780 млрд по новой. К концу 2016 г. задолженность снизилась до 1420 млрд долл. Бремя задолженности (соотношение остатка долга и ВВП) составило в 2016 г. 12,7%, а коэффициент обслуживания долга (соотношение остатка долга и валютных доходов от торговых и неторговых операций) — 64,6%. По мнению китайских экспертов, эти параметры находятся ниже критической линии безопасности, которая составляет 20% для первого и 100% для второго показателя²⁹.

* * *

В целом за четыре десятилетия экономической реформы Китай существенно продвинулся по пути рыночных преобразований. Вместе с тем на ряде важных направлений этот процесс далек от завершения. Судя по всему, некоторые коррективы в дальнейшее проведение реформ будут вносить меняющаяся макроэкономическая ситуация в стране и переход КНР к менее динамичному экономическому росту. В целом неоспоримые успехи Пекина в сфере перехода к рынку связаны не с наличием каких-либо особых путей и методов, которые можно было бы объединить в универсальный «Пекинский консенсус», а с последовательностью действий, неизменной подчиненностью реформы общим стратегическим целям развития страны, наконец, с высокой компетентностью и профессионализмом лидеров страны.

1. Жэньминь жибао. 23.12.1978.
2. Лю Гогуан Чжу бянь. Чжунго цзинцзи тичжи гайгэ дэ моши яньцзю: [Лю Гогуан (гл. ред.) Исследование модели реформы хозяйственной системы в Китае]. Пекин, 1988. С. 9–10: 62–67.
3. В записке Чжао Цзыяна (тогда — премьер Госсовета КНР) Ху Яобану, Дэн Сяопину, Ли Сяньняню, Чэнь Юню «Мнения о трех вопросах реформы хозяйственной системы» от 9 сентября 1984 г. прямо констатируется: «В Китае осуществляется плановое хозяйство, а не рыночная экономика». Чжунго цзинцзи тичжи гайгэ ши нянь: [Десять лет реформы хозяйственной системы в Китае]. Пекин, 1988. С. 41. Непригодность для Китая экономической модели «рыночного социализма» объяснялась не только идеологическими, но и чисто экономическими причинами, в частности, отсутствием, как декларировалось, в рамках данной модели необходимых для направления деятельности предприятий средств макроэкономического регулирования и контроля.
4. Чжунго цзинцзи тичжи гайгэ гуйхуа цзи (1979–1987): [Сборник проектов реформы хозяйственной системы Китая]. Пекин, 1988. С. 57, 61.
5. Сборник проектов реформы хозяйственной системы Китая. С. 113.
6. Цзинцзи жибао. 26.06.1983.
7. Постановление ЦК КПК относительно реформы хозяйственной системы. Пекин, 1984. С. 17.
8. Документы XIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (1987). Пекин, 1988. С. 32–34.
9. Дэн Сяопин вэньсюань. Ди сань цзюань: [Избранное. Том 3]. С. 262–263.

10. Жэньминь жибао. 13.10.1988.
11. Жэньминь жибао. 13.12.1989; Гуанмин жибао. 05.01.1990.
12. Подробнее см.: Портяков В. Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. М., 1998. С. 73–74.
13. Гуанмин жибао. 02.09.1992.
14. Цзинцзи жибао. 10.12.1992.
15. Чжунгун чжунъян гуаньюй цзяньли шэуэйчжун шинан цзинцзи тичжи жогань взньти дэ цзюедин: [Постановление ЦК КПК о некоторых вопросах создания системы социалистической рыночной экономики]. Жэньминь жибао. 17.11.1993.
16. Постановление ЦК КПК относительно реформы хозяйственной системы. С. 18.
17. Жэньминь жибао. 20.03.1995.
18. В рамках так называемой активной финансовой политики эмиссия облигаций госзайма составила 50 млрд юаней в 1998 г., 100 млрд — в 1999 г., по 150 млрд юаней ежегодно в 2000–2002 гг., 140 млрд юаней в 2003 г.
19. Чжунго тунци чжайяо 2002: [Краткая статистика Китая]. Пекин, 2002. С. 38; Чжунго тунци чжайяо 2001. Пекин, 2001. С. 40.
20. Чжунгун чжунъян гуаньюй шоаньянь шэньхуа гайгэ жогань чжунда взньти дэ цзюедин: [Решение ЦК КПК о некоторых важных вопросах всестороннего углубления реформы]. Пекин, 2013.
21. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0924/c31518-8954426.html>.
22. Сборник проектов реформы хозяйственной системы Китая. С. 159.
23. Жэньминь жибао. 19.12.1992.
24. 1998 нянь Чжунго шэуэй синши фэньси юй юйцэ: [Китай в 1998 году. анализ и прогноз социальной обстановки]. Пекин, 1998. С. 26.
25. Ян Цзюньфэн. Туди шинанхуа гайгэ взй хэ чихуань: [Почему тормозится реформа по маркетизации земли] // Синьхуа юэбао. Пекин, 2015, апрель. № 8. С. 22–23.
26. 30-летие китайских реформ в глазах китайских и зарубежных ученых. Пекин. Издательство литературы на иностранных языках, 2008. С. 216–218.
27. Данные и расчет по: Чжунго тунци чжайяо 2017: [Краткая статистика Китая 2017]. Пекин, 2017. С. 8. 71.
28. Жэньминь жибао. 30.12.1993.
29. Чжунго тунци чжайяо 2017: [Краткая статистика Китая 2017]. Пекин, 2017. С. 166, 172.

После саммита в Сингапуре: американские стратегии денуклеаризации Северной Кореи

© 2018

А.С. Шенин, С.Ю. Шенин

Статья посвящена изучению процесса обсуждения американскими политиками и экспертами проблемы денуклеаризации Корейского полуострова с точки зрения возможности достижения внутривнутриполитического консенсуса в США. В контексте текущих событий в регионе исследуются взгляды самых влиятельных групп американского истеблишмента в Демократической и в Республиканской партиях. Авторы делают вывод, что, поскольку эти взгляды во многом сочетаются с политикой денуклеаризации президента Д. Трампа, администрация и Конгресс вполне смогут достичь консенсуса по данной проблеме.

Ключевые слова: Соединенные Штаты, Северная Корея, Д. Трамп, денуклеаризация, Китай, неолибералы, реалисты, консерваторы.

DOI: 10.31857/S013128120001137-1

Промежуточные выборы в Конгресс в ноябре 2018 г. ожидаются крайне ожесточенными, поскольку рассматриваются многими в США как «вотум доверия» президенту Трампу. Этот вотум распадается на множество проблемных сегментов (миграция, торговые войны, «вмешательство в выборы» и т.д.), вокруг которых бушуют небывалые страсти. Среди самых острых — проблема денуклеаризации КНДР, поскольку ядерное оружие на Корейском полуострове, без сомнения, стало не просто дестабилизирующим фактором, но и глобальной угрозой.

На протяжении всей послевоенной истории раскол некогда единой Кореи на два государства серьезно осложнял региональную ситуацию. В начале 1990-х годов на Западе ожидали, что в атмосфере либерально-демократического триумфа и «конца истории» коммунистический режим Кимов в Северной Корее обязательно рухнет. Однако последний решил спасти себя сам и принял за разработку ядерного оружия.

В 1994 г. президент Б. Клинтон, получив информацию о планах Пхеньяна по обогащению отработанного топлива плутониевого реактора в Йонбене, оказался перед дилеммой — использовать военные меры по конвенциональному высокоточному уничтожению ядерных объектов или дипломатический диалог, основанный на давлении и уступках.

Опасения начала большого военного конфликта на полуострове, демонстративная готовность Пхеньяна отступить и общая благодушная атмосфера в США привели к заключению в 1994 г. так называемого рамочного соглашения, которое предполагало консервацию реактора в Йонбене в обмен на помощь США в решении экономических

Шенин Андрей Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва (Республика Казахстан, г. Астана). E-mail: shenin.andrei@gmail.com;

Шенин Сергей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Саратовского гос. ун-та им. Н.Г. Чернышевского (Российская Федерация, г. Саратов). E-mail: shenins@yahoo.com.

и энергетических проблем КНДР, включая строительство безопасных реакторов на «легкой воде». Однако эти договоренности не сработали — США так и не начали строить «легкие» реакторы, а Пхеньян продолжал скрытно работать над ядерным проектом через обогащение урана, а также конструирование и испытание баллистических ракет.

Администрация Дж. Буша-мл. знала об этом, но с самого начала была перегружена «войной с терроризмом» и, конечно, не планировала начинать еще одну войну. Дело ограничилось включением КНДР в состав «оси зла».

Ответственность за денуклеаризацию полуострова была переложена на международное сообщество. В 2003 г. была сформирована «шестисторонняя комиссия», в которую, кроме США, входили Республика Корея, КНР, РФ и Япония. Такой подход был нетипичен для республиканской администрации Буша-мл. и ее неоконсервативных приоритетов. По сути, он означал отсутствие общей стратегии в отношении данной проблемы и определенное безразличие к ней.

В рамках шестисторонних переговоров рассматривались самые разные меры — ликвидация инфраструктуры, контроль МАГАТЭ, усиление санкций, принимались многочисленные резолюции СБ ООН (№ 1695, 1718, 1874). В качестве поощрения Дж. Буш-мл. даже обещал исключить Северную Корею из «террористических списков». Пхеньян при этом постоянно маневрировал, то отрицая работу над ядерным оружием, то идя на уступки (например, в 2008 г. он передал декларацию о своей ядерной активности). В результате комиссия так и не смогла остановить северокорейский проект, и в 2006 г. произошло первое официальное испытание ядерного заряда.

Президент-демократ Б. Обама изначально рассчитывал на дипломатический диалог и смягчение отношений, однако вскоре его ждал неприятный сюрприз: в апреле–мае 2009 г. Ким Чен Ир осуществил испытания ядерного заряда и МБР. После этого госсекретарь Х. Клинтон объявила о политике «стратегического терпения» в отношении Пхеньяна «при тесном взаимодействии с нашими партнерами по шестисторонним переговорам». Смысл стратегии заключался в том, что в тактическом плане многосторонние санкции должны были затормозить развитие ядерной программы Пхеньяна, а в долгосрочном — привести к падению режима.

Кроме того, резолюции ООН, особенно № 1874, серьезно ужесточали меры против Пхеньяна, остановив все переговоры, в том числе в рамках «шестисторонней комиссии». Пользуясь этим, КНДР активизировала свою ракетно-ядерную программу. В США такой подход Б. Обамы активно критиковался за медлительность и нерешительность. В ответ администрация настаивала на безальтернативности «стратегического терпения» и многосторонних санкций, поскольку, с одной стороны, радикальное военное решение могло привести к катастрофе, а с другой — попытки задобрить Кимов разными уступками, как продемонстрировал прошлый опыт, приводили только к укреплению режима и ускорению его ракетно-ядерной программы.

Тем не менее можно констатировать, что в отличие от предыдущих подходов (Б. Клинтона и Дж. Буша-мл.), которые в основном состояли из ad hoc мероприятий, нацеленных на ликвидацию северокорейского ядерного оружия, Б. Обама предложил некое подобие стратегии, предполагающей наличие долгосрочной цели и тактических задач.

Д. Трамп с самого начала своего президентства категорически отверг концепцию «стратегического терпения» и «шестисторонний» формат для решения проблемы КНДР. Его подход — это жесткая сделка в условиях военного устрашения и экономического давления, но с учетом влияния других акторов-посредников в регионе, особенно Китая. Данный подход не ставит в качестве краткосрочной цели «свержение режима» и ориентируется пока на денуклеаризацию.

В рамках своего плана, сразу после кампании запугивания Пхеньяна с использованием авианосных соединений и угроз применения ядерного оружия, Трамп неожиданно согласился на американско-северокорейский саммит в Сингапуре в июне 2018 г. В результате лидерами двух стран был подписан меморандум, в рамках которого глава КНДР

не дал никаких гарантий скорого разоружения, а президент США уклонился от прямых гарантий безопасности, но пообещал не проводить ежегодные американо-южнокорейские учения. Главным триумфатором, по общему мнению, стал Ким Чен Ын, сумевший за полгода вывести «страну-изгоя» из изоляции и добиться того, чего не удалось ни его отцу, ни деду — признания равноправности со стороны США.

Одновременно Трамп пообещал, что продолжение будет стремительным: по его словам, дипломаты США и КНДР договорились «как можно скорее встретиться для конкретного воплощения достигнутых договоренностей». Он подтвердил, что санкции против Пхеньяна останутся в силе до полного ядерного разоружения КНДР. Сразу после саммита госсекретарь М. Помпео потребовал от Пхеньяна денуклеаризации по «ливийской модели», т.е. «полной, проверяемой и необратимой». «Это единственный результат, который мы примем, — заявил он. — Если дипломатия не сдвинет дело в нужном направлении, санкции будут увеличены»¹.

Туманные результаты сингапурского саммита обострили в США и без того ожесточенные споры в отношении корейской политики нынешней администрации. Различные политические силы стали очень активно высказываться по поводу перспектив достижения денуклеаризации КНДР. Поскольку Трамп, находясь в уязвимом внутривнутриполитическом положении, обещал любое соглашение с Кимом представить в Конгресс как международное соглашение для ратификации, будущее решение проблемы во многом зависит от расстановки сил внутри американской политической элиты, в первую очередь, на Капитолийском холме.

Демократическая партия, которая в целом достаточно сплоченно выступает против республиканской администрации, по данному вопросу оказалась на грани серьезного раскола.

Представители ее неолиберального крыла* весьма критично оценивают предыдущий опыт денуклеаризации Северной Кореи. Своего однопартийца Б. Обаму они критикуют за то, что он очень «вяло» проводил в целом правильный курс на санкционное давление. В итоге умеренный курс на «стратегическое терпение» не остановил Кима и даже в некоторой степени укрепил устои режима, который успешно находил «отдушину», особенно на китайском направлении. С другой стороны, констатируется, что санкционная политика все же ограничила финансовые возможности Кима, притормозила его ядерную программу и вынудила начать дипломатическую активность. Но в целом, стратегия Обамы, произведя противоречивый и ограниченный эффект, цели достичь не смогла.

Несмотря на пафос саммита в Сингапуре, неолиберальные эксперты считают его безрезультатным, яростно критикуют заявление Трампа о прекращении совместных учений с Южной Кореей и фактическое признание северокорейских ядерных арсеналов. Они считают, что все это ведет к расколу среди союзников, которые опасаются, что Трамп в критический момент может отказать в «ядерном зонтике» Южной Корее и Японии («размен Лос-Анджелеса на Сеул»). Политика Трампа «пошатнет доверие союзников в Южной Корее и Японии, которые не признают ядерный статус КНДР. Более того, такое положение дел будет стимулировать Токно и Сеул к разработке собственного ядерного оружия и даст, в свою очередь, Пхеньяну повод наращивать свои ядерные и ракетные арсеналы»². В этом контексте предполагается, что предложение со стороны М. Помпео Киму «ливийской модели», которую в Северной Корее интерпретируют как капитуляцию, вряд ли сработает³.

Таким образом, в своей северокорейской политике Трамп может остаться ни с чем. Это очень плохой подход — политика денуклеаризации с наскака обречена на провал. «Команде Помпео придется вернуться к тяжелой планомерной работе по давлению на Пхеньян и координации действий союзников», — считают эксперты неолиберальных центров⁴.

* Наиболее заметными политиками и теоретиками группы являются Х. Клинтон, С. Тэлбот, Дж. Торнтон, С. Паифер, М. Макфол и др., а среди неолиберальных аналитических центров можно выделить Институт Брукингса и Совет по международным делам.

В поисках своей модели решения неосолибералы отбраковывают практически все рассматриваемые экспертным сообществом подходы к проблеме денуклеаризации. Так, они указывают, что в рамках дипломатических усилий режиму Кимов предлагались все возможные «пряники» — экономические стимулы, гарантии безопасности, активная интеграция в мировые дела и т.д., однако это не остановило режим. Мирные переговоры по объединению полуострова до решения вопроса о денуклеаризации также считаются неприемлемыми, поскольку опыт показывает, что Пхеньян ни разу не следовал условиям договоренностей — ни в 1994 г., ни в рамках шестистороннего соглашения в 2005 г., и не принимает никаких инспекций на своей территории. По причине полного недоверия режиму, а также разных исходных условий, невозможно подписание с ним договора типа иранского СВПД (на чем ранее настаивал Р. Тиллерсон).

С точки зрения экспертов-неосолибералов, расширение военного присутствия США на полуострове, включая развертывание комплексов ТНААД, нежелательно, поскольку может быть негативно воспринято в Пекине, который расценивает появление ПРО на своих границах как попытку нейтрализации стратегических сил Китая. Прямое вторжение объединенных американско-южнокорейских войск могло бы гарантировать им однозначную победу, но в этом случае можно нарваться на ядерный «удар возмездия». Превентивный ядерный удар также не выглядит приемлемой альтернативой, поскольку нет достоверной информации относительно размещения всех ядерных объектов КНДР.

Исходя из вышесказанного, неосолибералы считают неправильным общий подход предшественников, когда вся политика фокусируется только на поощрении или наказании отдельных шагов Пхеньяна в ракетно-ядерной сфере. В ситуации, когда, кроме угрозы соседям, коммунистический режим Кима может участвовать в передаче ядерного оружия террористическим группировкам, самыми продуктивными в отношении КНДР остаются методы холодной войны, классического «сдерживания». Весь этот подход должен быть нацелен, в первую очередь, на «смену режима» и идеологии, а ликвидация ядерной угрозы, денуклеаризация должны стать его побочным результатом (как в случае с СССР)⁵.

Предполагается, что в рамках «сдерживания» КНДР особый акцент США должны сделать на следующих направлениях. Во-первых, экономические санкции необходимо расширить и ужесточить, в том числе в отношении китайских компаний, торгующих с КНДР в обход существующих ограничений.

Во-вторых, необходимо проведение «агрессивной дипломатии», которая должна включать непризнание КНДР как ядерного государства, замораживание ядерного и ракетного проектов в качестве первого шага к денуклеаризации, вовлечение Китая в дискуссию о судьбе Корейского полуострова.

В-третьих, особое внимание необходимо уделить наращиванию как обычного, так и ядерного военного потенциала альянса США — РК — Япония, включая увеличение бомбардировщиков и атомных подводных лодок (АПЛ) на авиабазах и в портах Южной Кореи, усиление ПРО через размещение систем Patriot, Aegis, ТНААД, а также сохранение режима ДНЯО, не допуская создания собственных ядерных арсеналов Японии и Южной Кореи.

В-четвертых, ни в коем случае не следует забывать про права человека, подчеркивая их вопиющее нарушение режимом Кима: это позволит противопоставить этот режим всему цивилизованному миру. РК и США должны сосредоточить внимание на проведении пропагандистских мероприятий, например, использовать громкоговорители и большие экраны на границе с демилитаризованной зоной, максимально увеличить теле- и радиовещание на Северную Корею, использовать уязвимости в мобильной связи, передавать информационный материал контрабандой на DVD-дисках и USB-носителях, а также переправлять радиоприемники через границу (около 30–40% граждан Северной Кореи слушают запрещенные радиоканалы)⁶.

После того как позиции Кима внутри страны будут ослаблены возросшим давлением и снаружи, и изнутри, США должны быть готовы начать содержательный диалог о денуклеаризации Северной Кореи. При этом надо дать понять Киму, что США могут

пойти и дальше — к «смене режима», что наличие ядерного оружия будет для него контрпродуктивно: «Если выживание режима является главной целью Кима, то ядерное оружие должно помешать ему достичь этой цели»⁷.

Таким образом, на первом этапе реализации доктрины «сдерживания» КНДР должны быть созданы условия для обмена денуклеаризации (или хотя бы заморозки ракетно-ядерной программы) на сохранение режима. Однако если Ким не примет такой подход, что вполне вероятно, то необходимо двигаться по пути дальнейшей реализации этой программы, активно используя не только давление по линии «прав человека», но и такие безотказные рычаги, как возможное наличие у Пхеньяна химического и биологического оружия, а также расширение масштабов учений с союзниками.

Китай рассматривается неолиберальными экспертами не как ключ к решению проблемы денуклеаризации, а как часть проблемы. Пекин опасается дестабилизации «своей беднейшей провинции», появления 4 млн беженцев на своей территории, утраты рынков, объединения Кореи под эгидой Сеула. Поэтому он неохотно поддерживает международные санкции и при возможности оказывает помощь КНДР. Чтобы реализовать вышеуказанный курс, «США должны добиваться расширения сотрудничества с Пекином, но в то же время не должны бездействовать в случае отсутствия активной поддержки со стороны Китая». Такая позиция, уверены неолибералы, приведет к консолидации альянса Вашингтона, Сеула и Токио, продемонстрирует верность США союзникам, усилит американское влияние в АТР⁸.

Эксперты, принадлежащие к классическому либеральному крылу* Демократической партии, разделяют точку зрения неолибералов в том, что Трамп своей агрессивной риторикой, сопровождаемой угрозами военного удара по ядерным объектам КНДР, повышает риск конфликта и фактически раскалывает альянс США с Южной Кореей и Японией. В этих странах преобладает мнение, что в Америке рассматривают превентивный удар по КНДР без учета массовой гибели людей в РК и Японии, а в случае ядерного нападения со стороны Пхеньяна США не нанесут ответный удар, опасаясь атаки МБР на американские города.

С таким подходом, считают «либералы-классики», Трампу будет трудно добиться выполнения требований «о полной, проверяемой и необратимой денуклеаризации». Ким легко может углубить раскол союзников, а кроме того, от саммита в Сингапуре он получил то, что хотел и поэтому на серьезные и необратимые уступки, как это сделали Ирак или Ливия, не пойдет. Силовое решение вопроса денуклеаризации также абсолютно неприемлемо, поскольку ядерный «удар возмездия» никто исключить не может.

Соответственно, эксперты-либералы согласны с мнением, что в отношении КНДР необходимо использовать комплексное «сдерживание». В связи с этим предлагается очень похожий набор мер: он должен быть основан на усилении санкций и «агрессивной дипломатии». Подчеркивается, что «дипломатия, идущая вместе с давлением, была единственной политикой на протяжении последних десятилетий, которая приносила хоть какой-то результат». Также США не должны бояться применения ограничений в отношении китайских компаний, торгующих с Северной Кореей (через Пекин проходит до 90% торгового оборота КНДР)⁹. Наконец, надо тесно координировать свои усилия с Сеулом и Токио, наращивать ПРО, невзирая на протесты Китая, а Трамп должен прекратить говорить о превентивных ракетных ударах по КНДР, чтобы не вызывать панику в Японии и РК.

Тем не менее к методам осуществления «сдерживания» эксперты-либералы подходят более осторожно, чем их неолиберальные коллеги, поскольку опасаются провокаций, силового конфликта, попыток военного объединения полуострова. Поэтому предложенный ими набор мер имеет несколько отличную от неолиберального подхода фокусировку.

* В данную группировку в разные периоды входили, например, М. Олбрайт, Зб. Бжезинский, Дж. Либерман, Дж. Эдвардс и др. В качестве ведущих «мозговых центров» направления можно выделить Center for American Progress и Фонд Карнеги.

Во-первых, чтобы снизить указанные риски, они предлагают убедить Кима в том, что США не станут осуществлять «смену режима».

Во-вторых, указывается, что элиты КНДР очень чувствительны к американским санкциям. Поэтому акцент в санкциях должен сместиться в сторону ограничения импорта, а кроме того, предлагается арестовывать активы элит в международных банках. Либералы считают элиты новым слабым местом режима: они могут надавить на Кима, вернуть его политику, если их образ жизни и доступ к зарубежным материальным благам будет поставлен под угрозу.

В-третьих, режиму нужно предложить ряд стимулов для поэтапной денуклеаризации (смягчение санкций, предоставление гуманитарной или экономической помощи и т.д.), а в рамках «агрессивной дипломатии» сформировать инфраструктуру постоянного диалога с Пхеньяном — назначение спецпосланника США по Северной Корее, создание необходимого дипломатического персонала и т.д.

Таким образом, объединяющими параметрами для двух данных групп, формирующих условную фракцию «сдерживания», являются:

1. Полное неприятие стратегии и тактики администрации Трампа.
2. Стратегическая нацеленность на комплексное «сдерживание» режима КНДР, его конечная ликвидация, следствием которой должна стать денуклеаризация.
3. Максимальное и бескомпромиссное санкционное давление, включая китайские организации, а также военное укрепление альянса и ослабление режима Кима изнутри.

Однако подходы к реализации стратегии у групп заметно отличаются. Политики и эксперты фракции классических либералов более осторожно подходят к методам «сдерживания», чем неолибералы, то есть стремятся снизить риск конфликта, для чего считают нужным вступить в диалог с Кимом, привлечь элиты КНДР, использовать стимулы в процессе денуклеаризации.

Особняком от вышерассмотренных подходов стоит позиция демократов-прогрессистов. В отличие от своих однопартийцев лидер прогрессистов сенатор Берни Сандерс отнесся одобрительно к саммиту в Сингапуре, заявив, что он стал «позитивным шагом в процессе дэскалации напряженности при решении вопроса угрозы северокорейского ядерного оружия»¹⁰.

При этом сторонники Сандерса согласны, что в документах Сингапура нет ничего нового по сравнению с предыдущими невыполненными обязательствами Пхеньяна. Более того, указывается, что в последние месяцы разведка докладывает о наращивании Пхеньяном производства обогащенного урана и активных попытках спрятать часть своей ядерной инфраструктуры.

С другой стороны, прогрессисты указывают на многообещающие новые черты диалога Трампа и Кима в Сингапуре: КНДР явно пытается договариваться серьезно, проявляя большую заинтересованность в использовании дипломатии в качестве основного инструмента. По-видимому, это связано с тем, что условия диалога изменились: Пхеньян более, чем раньше, уверен в своих переговорных позициях, ибо имеет ядерное оружие, а США не готовы больше использовать ядерный шантаж, поскольку в случае конфликта системы ПРО могут не сработать идеально не только в отношении союзников, но и американской территории (характерно, что об этом говорит бывший глава Пентагона У. Перри).

Имея уже испытанное ядерное оружие, Ким считает, что на данном этапе его можно обменять на экономическое развитие своей страны без «смены режима». Задача американской дипломатии заключается в том, чтобы убедить лидера КНДР в безопасности такого размена (с учетом негативного опыта Ливии и Ирака) и разработать поэтапный график денуклеаризации, реализация которого может занять годы. Каждый ее этап должен быть обеспечен стимулами по экономическому развитию и, соответственно, мерами жесткого контроля. Особо подчеркивается необходимость активизировать диалог Север — Юг, поскольку к настоящему времени Южная Корея стала самостоятельным актором, готовым

к нормализации отношений с КНДР. Такая же готовность присутствует у Трампа и у Кима. А кроме того, на стороне Трампа Конгресс США, который его поддержит¹¹.

В целом, у прогрессистов речь не идет ни о сдерживании, ни об усилении санкционного давления, ни о «смене режима». Они базируют свой подход на высоком уровне доверия между тремя главными акторами и их стремлении решить наконец проблему денуклеаризации. Китай при этом даже не упоминается. Соответственно, это самый мягкий, бесконфликтный вариант решения проблемы ядерного оружия на Корейском полуострове.

В Республиканской партии также присутствует серьезный раскол в отношении северокаорейской политики. В данном вопросе очень активную позицию занимает группа так называемых осторожных реалистов*, которые разделяют мнение о сингапурском саммите как неэффективном и непродуктивном в долгосрочном плане, а также соглашались с необходимостью применения стратегии «сдерживания» Пхеньяна, хотя результаты ее реализации они представляют несколько иначе, чем демократы¹².

Они согласны с тем, что предлагаемый администрацией в лице Дж. Болтона «ливийский» сценарий разоружения технически и политически реализовать невозможно — режим Кима не может пойти на такой шаг по определению, ибо он означал бы отказ от всех стратегических приобретений саммита в Сингапуре. От предложения М. Помпео отдать часть боеголовок или ракет в качестве доказательства серьезности своих намерений Пхеньян также отказался. К тому же, невозможно говорить о денуклеаризации, не зная, сколько ракет есть у Кима, а он этого никогда не расскажет.

Тем не менее «осторожные» реалисты считают положительным сам факт такой встречи, поскольку для начала надо выиграть время и инициировать «заморозку» процесса развития ракетно-ядерного оружия. Кроме того, саммит показал, что дипломатия не приносит плодов, поскольку Пхеньян в очередной раз попытался прикрыться своим «стремлением к разоружению», чтобы ослабить санкции, на время заморозить разговоры о ПРО, внести разлад в налаженную схему совместных американо-южнокорейских военных учений.

С другой стороны, силовые попытки заставить Северную Корею разоружиться несут в себе серьезные риски, поскольку никто в США не может с полной уверенностью сказать, что ему известно местонахождение всех складов и мест дислокации ядерного оружия. Не только ракетные шахты, но и некоторые взлетно-посадочные полосы для бомбардировщиков находятся под землей. Кроме того, сложно вернуться к разговорам о превентивном ударе, когда КНДР не совершает провокационных испытаний и вроде даже пытается наладить отношения с Южной Кореей. Подталкивать денуклеаризацию с помощью мирного договора двух Корей также бессмысленно, ибо «печальная правда состоит в том, что подобный шаг не уменьшит угрозу развития ядерного потенциала КНДР»¹³.

В итоге «осторожные» реалисты приходят к выводу, что самой разумной политикой остается долгосрочная стратегия «сдерживания», которая должна включать в себя несколько направлений. Во-первых, активизацию санкционной политики, направленной на социальную дестабилизацию через сокращение притока валюты в страну (эмбарго на покупку угля из КНДР, санкции на транспортировку товаров через аэропорты всего мира, ограничения судоходства северокаорейских судов, запреты на найм северокаорейских рабочих и т.п.)

Во-вторых, надо усилить блокировку военных возможностей КНДР через развитие и усовершенствование средств обнаружения МБР, которые могут быть развернуты вдоль северокаорейских границ. Режим Кима должен почувствовать, что в какой-то момент его средства доставки могут оказаться бесполезными.

В-третьих, дипломатия США должна показать, что вера Пхеньяна в то, что «Китай не позволит Северной Корее рухнуть» стоит на достаточно шатком основании. Хотя Пекин не хочет разрывать связи со своим соседом, полагая, что поддержка и определен-

* Среди наиболее заметных фигур в данной группировке можно назвать таких политиков, как Р. Пол, Дж. Аманш, Ч. Хейгел, Б. Скоукрофт, К. Пауэлл, Р. Гейтс и др.

ное политическое влияние на Северную Корею лучше, «чем загнанный в угол зверь с ядерными когтями». Пхеньян регулярно игнорирует рекомендации из Пекина, и последняя поддержка Китаем санкций ООН была именно публичным упреком, сигналом для КНДР. В конечном итоге провокационная политика Кима может привести к началу военных действий, а это автоматически означает появление американских войск у восточных границ Китая. Поэтому, если Пхеньян будет сам вести дело к дестабилизации, провоцировать, наращивая ядерный арсенал, то Китай может перестать поддерживать КНДР.

Таким образом, экспертами группы предлагается достаточно жесткий вариант «сдерживания» — без смягчающих или стимулирующих элементов, что сближает его с неолиберальной моделью. Однако результаты такой политики «осторожные» реалисты представляют иначе и в двух вариантах.

Одна группа (в основном представлена экспертами из Корпорации RAND) видит в Киме слабого лидера, охваченного паранойей и «крайне непопулярного» среди населения¹⁴. В результате северокорейский вождь пытается удержаться у власти путем репрессий и убийств, что крайне опасно для США, поскольку в случае насильственного падения его режима Соединенным Штатам придется отправлять десятки тысяч тонн гуманитарной помощи, чтобы предотвратить гуманитарную катастрофу и хаос в КНДР, а кроме того, непонятно, кто после такого поворота окажется ближе к рычагам управления страной — Китай, Южная Корея, Россия?

Поэтому в RAND не хотят насильственного неконтролируемого свержения режима, но предлагают использовать возможности давления на Кима, не только ужесточив санкции, но и через рост информированности населения. Например, пригрозить северокорейскому лидеру, что в случае продолжения ядерных испытаний США сбросят на Северную Корею тысячи листовок с предложением денег любому потенциальному перебежчику, обладающему информацией о ядерных объектах. «Даже одно такое дезертирство может больно ударить по Киму». Более того, рассматриваются предложения о съемках сериала про Ким Чен Ына специально для северокорейского зрителя, где будет подробно рассказано про его образ жизни, алкоголь, еду, женщин и т.д.¹⁵

Такую активность, нацеленную на подрыв авторитета вождя, предполагается дополнить работой с северокорейскими элитами, которые в случае получения определенных гарантий и стимулов могут оказаться более сговорчивыми, чем Ким. Наиболее значимыми из таких гарантий представляются обеспечение их индивидуальной безопасности, сохранение общественного статуса и богатства, предоставление возможности сделать что-то важное для своей страны (например, участвовать в объединении Севера и Юга и т.п.)

В дополнение необходимо сохранить режим жестких санкций, поскольку, по информации экспертов RAND, уже к октябрю 2018 г. у правительства может закончиться твердая валюта, что будет действовать на элиты гораздо сильнее, чем любые пропагандистские заявления. Таким образом, расчет делается на то, чтобы без больших внутренних потрясений привлечь на свою сторону северокорейские элиты, которые сместят Кима или заставят его пойти на объединение под эгидой Сеула, что само по себе может решить и проблему денуклеаризации¹⁶.

Другая группа экспертов (в основном представлена аналитическим центром CSIS¹⁷) исходит из того, что Ким, напротив, является современным государственным лидером, который, в отличие от своих отца и деда, не хочет править отсталой и бедной страной. Он уже принес в Северную Корею многие атрибуты современности — обновил аэропорт, построил парк развлечений, дельфинарий, открыл клуб верховой езды и т.д. Создается впечатление, что в условиях бескомпромиссного давления молодой вождь действительно может поставить на карту ядерное разоружение в обмен на реформирование своего государства.

Еще одним следствием такой жесткой политики может стать неожиданное изменение стратегического баланса сил в Восточной Азии. Очевидно, что с помощью ядерно-

го оружия Северная Корея защищает себя не только от США, но и от Китая. Имея определенный запас ОМУ, Пхеньян вынуждает Вашингтон делать какие-то шаги по направлению к стратегическим отношениям. Если довести эту логику до конца, то идея, что КНДР может стать союзником США против Китая, не покажется такой уж нелепой, как на первый взгляд. Вопрос в том, готовы ли США платить за такое сотрудничество¹⁸.

Таким образом, для экспертов и политиков обеих групп, составляющих условно фракцию «контролируемой интеграции», характерны следующие общие представления об американской политике в отношении КНДР:

1. Политика Трампа неэффективна, а «ливийская модель» в существующих условиях нерработоспособна.

2. В качестве долгосрочной стратегии надо ориентироваться на жесткий вариант комплексного «сдерживания» без смягчающих или стимулирующих элементов.

3. Используя максимальное давление и подрывную активность, обеспечить контроль над Северной Кореей, интегрировать ее в свою сферу влияния, при этом проблема денуклеаризация будет носить производный характер.

Однако пути решения поставленных задач видятся экспертами по-разному. Аналитики в Корпорации RAND считают возможным использовать для этого привлечение на свою сторону местных элит, которые либо свергнут, либо развернут Кима в нужную США сторону. Эксперты из CSIS строят свой расчет на том, что в условиях мощного санкционного давления Ким сам может пойти на либерализацию режима и/или подключиться к антикитайской политике.

Эксперты и политики консервативной и неоконсервативной ориентации, а также «жесткая» часть реалистов* формируют большую фракцию республиканцев, которая отрицает стратегию «сдерживания» в отношении КНДР, вычлняя из всего спектра проблем только ядерное разоружение, т.е. «прямую денуклеаризацию».

В отличие от ранее рассмотренных групп, представители данного направления относятся к северокорейской политике Трампа скорее положительно. Они подчеркивают, что достоинством стратегии Трампа является то, что она последовательно защищает интересы США независимо от зигзагов политики Пхеньяна. Кроме того, такой подход не требует сотрудничества Китая и России, поскольку эти две страны не смогут сделать больше того, что они уже сделали¹⁹. Отрицательной стороной подхода Трампа является то, что он превратил решение проблемы в двухстороннюю схватку США и КНДР, игнорируя потенциал союзников²⁰.

Эксперты фракции считают, что Сингапур стал следствием политики давления Трампа, а не «стратегического терпения» Обамы, как утверждают неоллибералы²¹. Нынешняя администрация представляет собой очень сильную команду (М. Помпео, Дж. Мэттис, Дж. Болтон), возглавляемую «отличным переговорщиком» — президентом Трампом. Впервые после 1999 г. нынешняя администрация создала реальную возможность для переговоров с режимом в КНДР. Так, Госдепартамент активно поддерживал союзников — Японию и Южную Корею, Пентагон продолжал оказывать давление по линии наращивания военных приготовлений на случай вооруженного столкновения. Минфин нашел возможности для дополнительного экономического давления на Северную Корею, посол США в ООН «протасил» два раунда односторонних санкций, вице-президент активно привлекал внимание общественности к состоянию прав человека в КНДР, а Трамп «продавливал» не только новые санкции со стороны США, но и выступил лицом медийной кампании давления, вернув КНДР в список стран — спонсоров терроризма. Все это и заставило Кима предложить Трампу встретиться в Сингапуре²².

* Среди лидеров данной группировки можно выделить Дж. Болтона, ныне покойного Дж. Маккейна, Л. Грэм, Р. Кагана, М. Бута, Р. Шейнемана, а среди аналитических центров – Американский институт предпринимательства, Фонд наследия и Атлантический совет.

С одной стороны, указывается, что результаты саммита выглядят односторонней уступкой со стороны США, причем достаточно небрежной, принятой без консультаций с Сеулом. Особо негативное отношение демонстрируется к желанию Трампа вывести американские войска из Южной Кореи, что после отказа от Транстихоокеанского партнерства (ТТП) будет означать критическое ослабление позиций США в Азии.

С другой стороны, отмечаются и положительные аспекты саммита. Например, стороны смогли согласовать общий набор целей и видение конечного результата. Также отмена учений демонстрирует, что США готовы идти на уступки ради того, чтобы не допустить военного конфликта. Саммит сам по себе является результатом, который демонстрирует эффективность давления. Ошибки Трампа лишь отражают слабость его самого как дипломата, но политика давления — верна²³.

Кроме того, саммит дал важную информацию в отношении того, насколько серьезно Ким относится к переговорам. Он продолжает маневрировать, комбинирует агрессивную риторику с видимостью уступок, что позволяет ему заручиться поддержкой Китая, России и Южной Кореи по некоторым вопросам, внушая им, что КНДР вот-вот согласится на разоружение и нужно не перестараться с давлением²⁴.

Саммит подтвердил, что дипломатия Северной Кореи строится на незначительных уступках, лжи и обмане. Из последних примеров можно вспомнить показательное уничтожение главного ядерного полигона страны, который к тому моменту уже частично рухнул под воздействием многочисленных взрывов. Таким образом, подобная демонстрация «доброй воли» является ничем иным, как инсценировкой.

Более того, официальная идеология КНДР рассматривает США как врага, который позволил выжить «подлым южнокорейским марионеткам». Ядерный арсенал в таком контексте служит средством изгнания «дяди Сэма» с полуострова, и никакие уступки по нему для Пхеньяна неприемлемы. Обман врага при этом является совершенно нормальным делом²⁵. Поэтому в новых условиях консервативные эксперты не видят перспектив для переговорной стратегии, дипломатии: правящий режим имеет очевидные мотивы для сохранения ядерного оружия и не намерен его отдавать. Соответственно, к денуклеаризации его можно принудить только через усиление давления²⁶.

Тем не менее диалог необходим. Очевидно, что на данном этапе переговоров Северная Корея будет категорически отрицать предложенную Дж. Болтоном «ливийскую модель» денуклеаризации. Ким, аргументируя свою позицию примером свержения режимов Хусейна и Каддафи, будет настаивать на условиях, которые Обама предоставил Ирану — смягчение санкций, миллиарды долларов наличными, отсутствие строгих инспекционных проверок и т.д.

Трамп должен твердо показать, что такого не произойдет, и Ким получит деньги и возможности для процветания Северной Кореи только за полную и проверяемую денуклеаризацию, а не какие-то отдельные уступки. Кроме того, США могут предложить защиту режима от свержения и убийств.

Чтобы гарантировать взаимное доверие в рамках «ливийской модели», процесс необходимо разбить на четыре этапа: заморозка испытаний, остановка производства ядерных материалов, ликвидация его инфраструктуры, уничтожение запасов ядерного оружия. Каждый этап должен сопровождаться не только глубокими инспекциями, но и очень щедрыми стимулами со стороны США. Процесс потребует терпения, поскольку займет не один год (как настаивает Дж. Болтон) и даже не два с половиной года (как полагает М. Помпео), а много больше²⁷.

При отказе Кима от модернизированной поэтапной «ливийской модели» Трамп должен проводить максимально жесткую линию в отношении КНДР. Она должна включать в себя такие меры, как усиление санкционной политики против северокорейских организаций и третьих стран, способствующих обходу ограничений, наложенных на Пхеньян мировым сообществом. В первую очередь надо заставить Пекин более серьезно относиться к санкциям против КНДР, прежде всего это касается экспорта угля в Китай.

Кроме того, необходимо перекрыть Пхеньяну доступ к валюте, ввести эмбарго на нефть и газ, на участие в культурных мероприятиях, расширить доступ населения Северной Кореи к информации и т.п.

За расширение военного давления наиболее активно ратует группа неоконсерваторов. Последние считают, что одним из наилучших решений было бы объявление совместного американо-японского проекта по разработке системы ПРО, способной сбивать северокорейские МБР на фазе взлета из шахт. Также Северную Корею нужно объявить «бесполетной зоной» и «зоной, свободной от ядерных испытаний». Трамп должен дать понять Киму, что если переговоры провалятся, то он будет всерьез рассматривает военный вариант принуждения (предлагаются даже тайные операции по уничтожению подлодок КНДР, чтобы послать четкий сигнал режиму). Одновременно с этим необходимо будет поощрять северокорейские элиты к свержению своего лидера, обещая им прекращение изоляции страны²⁸.

Консерваторы полагают, что акцент надо сделать на более тесном сплочении международного сообщества в вопросе санкций. Для этого Вашингтон должен обратить самое пристальное внимание на нарушения в КНДР прав человека (на недавнем межкорейском саммите стороны вычеркнули этот вопрос из повестки дня, а зря), подтверждая их свидетельствами северокорейских перебежчиков.

США должны быть готовы к тому, что постоянное давление по всем направлениям может привести к неконтролируемой дестабилизации внутренней политики КНДР, сопровождаемой переворотами, гуманитарным кризисом, агрессивными действиями иностранных держав, военными действиями со стороны режима. Чтобы не допустить или минимизировать последствия такого развития событий, Вашингтон должен укреплять альянс с Сеулом и Токио, который сейчас несколько пошатнулся. Трампу необходимо подтвердить свои «железные обязательства» по защите союзников, а также консультироваться с ними по вопросу развертывания системы THAAD, включить в ежегодные военные учения использование бомбардировщиков B-52 и B-2 и т. п. Консерваторы согласны, что военного решения проблемы Северной Кореи не существует, но уверены, что в случае кризиса или ядерной угрозы надо быть готовым к любым ответным действиям²⁹.

Группа «жестких» реалистов считает, что ключом к денуклеаризации все же является позиция Китая, поскольку Пекин — единственный союзник Пхеньяна, и на его долю приходится 90% торговли с КНДР. Аналитики группы полагают, что США необходимо привлечь Китай к санкциям и полностью перекрыть КНДР доступ к международной финансовой системе, как это было сделано с Ираном. Без помощи Китая санкции будут слабы и не заставят режим разоружаться.

Правда, США и Китай имеют различные взгляды на проблему. Так, Пекин опасается, что если общее давление на КНДР приведет к дестабилизации, то он может получить кроме нескольких миллионов беженцев на своей границе еще и расстройство механизма торговли, а также создание объединенной (возможно, ядерной) Кореи под фактическим руководством США. Тем не менее, в целом, эксперты группы настроены оптимистично, считая, что Пекин стремится к стабильности, Вашингтон — к ликвидации ядерной угрозы, а Южная Корея — к примирению. Это означает, что все игроки, кроме Пхеньяна, заинтересованы в уничтожении ядерного оружия³⁰.

Таким образом, для всех групп, входящих во фракцию «прямой денуклеаризации», общими являются следующие взгляды и подходы:

1. Ориентация не на стратегию «сдерживания», а исключительно на ядерное разоружение КНДР.
2. Скорее положительное отношение к северокорейской политике Трампа.
3. Необходимость модернизировать в сторону поэтапности «ливийскую модель».
4. В случае отказа Пхеньяна от последней, необходимо наращивать санкционное давление для достижения денуклеаризации с позиции силы.

Однако каждая из этих групп по-своему представляет пути достижения главной цели. Так, консерваторы считают ключевым аспектом укрепление альянса, чтобы адекватно ответить на неизбежный кризис режима: неоконсерваторы фокусируются на военном давлении и подрывной «цветной» активности; «жесткие» реалисты уверены в необходимости привлечь на свою сторону Китай.

На основании вышесказанного можно констатировать, что внутри внешнеполитической элиты США нет единства по северокорейской проблеме, обе партии раскололись в отношении стратегических подходов к решению вопроса денуклеаризации КНДР. Тем не менее большинство в обеих партиях разделяет мнение о том, что предлагаемая администрацией Трампа «ливнийская модель» нежизнеспособна. Кроме того, есть общее согласие, что на первом этапе необходимо вести с режимом Ким Чен Ына дипломатический диалог, итогом которого должна стать заморозка нынешнего состояния ракетно-ядерной программы Пхеньяна, чтобы затем поэтапно осуществить денуклеаризацию. В случае если Ким откажется от такого подхода, различными группами предлагаются три стратегии — «сдерживания», «контролируемой интеграции» и «прямой денуклеаризации» (есть, правда, еще четвертая, «стратегия доверия» прогрессистов Б. Сандерса, но она явно выпадает из общего тренда и ею можно пренебречь).

Хотя фракции по-разному представляют конечные цели своих программ, они используют в основном общие инструменты — экономические санкции (в том числе в отношении Китая), военное и дипломатическое давление, подрывную («цветную») активность. В конечном итоге, большинство групп согласны с тем, что в той или иной степени Соединенные Штаты должны наращивать санкционное давление на режим, укреплять единство и военный потенциал альянса США — РК — Япония, ослаблять режим Ким Чен Ына изнутри. В отношении роли Китая, мирного договора Севера и Юга, необходимости поэтапности и стимулов для процесса денуклеаризации единства нет.

Учитывая, что промежуточные выборы в ноябре 2018 г. вряд ли сильно изменят соотношение сил на Капитолийском холме (хотя небольшое преобладание демократов вполне реально), можно предположить, что в отсутствие радикальных сдвигов на переговорах Трампа и Кима в Конгрессе, с большой долей вероятности, может сложиться консенсус в отношении необходимости принятия указанных мер. Поскольку администрация также планирует ужесточить политику в случае непринятия Кимом «ливнийской модели», то Трамп, скорее всего, должен будет двигаться в русле данного консенсуса.

1. *Коростиков М.* Северная Корея поравнялась с Америкой. 13 июня 2018 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3656844>.
2. *Revere E.* The North Korea Challenge. December 2, 2014. URL: <https://www.brookings.edu/on-the-record/the-north-korea-challenge/>
3. U.S. Congress. The Trump-Kim Summit: Outcomes and Oversight. Hearing before the Subcommittee on Asia and the Pacific of the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, One Hundred Fifteenth Congress, Second Session. June 20, 2018. Washington, D.C.: GPO, 2018. P. 32–40.
4. *Snyder S.* Singapore Summit: The Meeting Is The Message. June 12, 2018. URL: <https://www.cfr.org/blog/singapore-summit-meeting-message>; *Einhorn R.* Approaching the North Korea challenge realistically. August 14, 2017. URL: <https://www.cfr.org/blog/singapore-summit-meeting-message>.
5. *Abrams E.* The North Korea Nuclear Agreement and Human Rights. June 12, 2018. URL: <https://www.cfr.org/blog/north-korea-nuclear-agreement-and-human-rights>.
6. *Snyder S.* Using PSYOP against North Korea. June 12, 2018. URL: <https://www.cfr.org/blog/using-psyop-against-north-korea>; U.S. Congress. The Trump-Kim Summit. P. 37–39.
7. *O'Hanlon M.* It's Finally Time to Deal With North Korea // The New York Times. July 5, 2017. URL: <https://www.nytimes.com/2017/07/05/opinion/north-korea-military->

- sanctions.html?action=click&pgtype=Homepage&clickSource=story-heading&module=opinion-c-col-left-region®ion=opinion-c-col-left-region&WT.nav=opinion-c-col-left-region.
8. *Pollack J.* North Korea has tested an ICBM. Now what? July 6, 2017.
URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2017/07/06/north-korea-has-tested-an-icbm-now-what/>
 9. Interview by Ankit Panda with Col. Daniel S. Morgan. Avoiding War With North Korea. February 16, 2018. URL: <https://www.cfr.org/interview/avoiding-war-north-korea>.
 10. Bernie Sanders Calls Trump, Kim Jong Un Meeting A 'Positive Step' by Rebecca Shapiro. June 12, 2018. URL: https://www.huffingtonpost.com/entry/bernie-sanders-calls-trump-kim-jong-un-meeting-a-positive-step_us_5b201b62e4b0adfb826ea86f.
 11. *Perry W.* Why I'm Still Hopeful About Trump's North Korea Deal // PoliticoMagazine. July 02, 2018. URL: <https://www.politico.com/magazine/story/2018/07/02/why-im-still-hopeful-about-trumps-north-korea-deal-218943>.
 12. U.S. Congress. The Trump-Kim Summit. P. 27–29.
 13. Press Briefing: Preview of the Trump-Kim Summit. June 8, 2018.
URL: <https://www.csis.org/analysis/press-briefing-preview-trump-kim-summit>.
 14. *Irving D.* Understanding North Korea. August 18, 2017. URL: <https://www.rand.org/blog/rand-review/2017/08/understanding-north-korea.html>.
 15. *Peterson G.* Preparing for U.S.-North Korea Talks: Insights from Researcher Bruce Bennett. April 5, 2018. URL: <https://www.rand.org/blog/2018/04/preparing-for-us-north-korea-talks.html>.
 16. *Bennet, B.* Preparing North Korean Elites for Unification. 2017.
URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1985.html.
 17. Центр стратегических и международных исследований.
 18. Press Briefing: Preview of the Trump-Kim Summit. URL: <https://www.csis.org/analysis/press-briefing-preview-trump-kim-summit>; *Cordesman, A.* Looking Beyond the Nuclear Dimension. June 25, 2018. URL: <https://www.csis.org/analysis/looking-beyond-nuclear-dimension-other-side-north-korean-threat>.
 19. *Carafano J.* So Much for North Korea Summit. Now What? May 29, 2018.
URL: <https://www.heritage.org/defense/commentary/so-much-north-korea-summit-now-what>.
 20. *Kumar A.* Trump-Kim Summit: Expect the Unexpected. June 11, 2018.
URL: <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/trump-kim-summit-expect-the-unexpected>.
 21. *Feulner E.* The Road to the U.S.-North Korea Summit. June 6, 2018.
URL: <https://www.heritage.org/asia/commentary/the-road-the-us-north-korea-summit>.
 22. Ibid.
 23. Trump and Kim Jong-un Make History. June 12, 2018.
URL: <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/trump-and-kim-jong-un-make-history>.
 24. *Feulner E.* Neutralizing a Nuclear-Armed North Korea. April 25, 2018.
URL: <https://www.heritage.org/asia/commentary/neutralizing-nuclear-armed-north-korea>.
 25. *Kumar A.* North Korea May Be Trying to Drive a Wedge Between the United States and South Korea. January 3, 2018. URL: <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/north-korea-may-be-trying-to-drive-a-wedge-between-the-united-states-and-south-korea>.
 26. *Kumar A.* Entering a 'Very Dangerous Era' With North Korea. July 5, 2017.
URL: <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/entering-a-very-dangerous-era-with-north-korea>.
 27. *Milos K.* North Korea Denuclearization Step-By-Step Process. May 16, 2008.
URL: <http://foreignpolicyi.org/north-korea-denuclearization-step-by-step-process/>; *Milos K.* Trump is Delusional About His Relationship with Kim Jong-Un. July 3, 2018.
URL: <http://foreignpolicyi.org/trump-is-delusional-about-his-relationship-with-kim-jong-un/>
 28. *Thiessen M.* Trump needs to be clear about one thing in meeting with Kim Jong Un. March 17, 2018. URL: <http://www.aei.org/publication/trump-needs-to-be-clear-about-one-thing-in-meeting-with-kim-jong-un/>; *Eberstadt N.* With Kim Jong Un, there's no 'win-win'. May 23, 2018.
URL: <http://www.aei.org/publication/with-kim-jong-un-theres-no-win-win/>
 29. *Klingner B.* North Korea Tests a Missile, and Donald Trump. February 13, 2017.
URL: <https://www.heritage.org/missile-defense/commentary/north-korea-tests-missile-and-donald-trump>.
 30. Trump and Kim Jong-un Make History. June 12, 2018; *Kumar A.* Trump-Kim Summit: Expect the Unexpected. June 11, 2018.

Экономика

Роль международных и региональных банков развития в индустриализации и модернизации стран Юго-Восточной Азии

© 2018

В.Д. Андрианов

В статье анализируется роль международных и региональных банков развития в динамичном росте и трансформации экономик стран ЮВА. Показан вклад финансовых институтов в приоритетное развитие экспортных отраслей, ориентирование национальных экономик на мировой рынок. Рассматривается финансовое содействие инновациям, внедрению современных технологий, модернизации объектов инфраструктуры, развитию институциональной среды рыночной экономики, решению задач экологической безопасности стран ЮВА и др.

Ключевые слова: страны Юго-Восточной Азии, международные и региональные банки развития, инвестиционное сотрудничество, субсидии, гранты, займы, кредиты, техническая и консультационная помощь.

DOI: 10.31857/S013128120001138-2

Очевидные экономические успехи стран Юго-Восточной Азии (к которой относятся Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Мьянма, Таиланд, Малайзия, Индонезия, Филиппины, Сингапур, Бруней, Восточный Тимор) во многом обусловлено правильным выбором стратегии и модели развития, эффективным использованием внутренних и внешних факторов экономического роста, среди которых особая роль принадлежит *финансовым институтам развития*.

Основные цели деятельности этих институтов состоят в стимулировании экономического роста, модернизации приоритетных отраслей экономики, создании современной инфраструктуры, решении социальных, демографических и экологических проблем суверенных государств. Финансовые институты развития осуществляют особые функции по аккумулярованию и перераспределению финансовых ресурсов на реализацию масштабных инвестиционных проектов и общественно значимых социально-экономических программ развития. Финансовые институты развития имеют ряд преимуществ перед традиционными методами и механизмами государственного стимулирования диверсификации и трансформации структуры экономики.

В мировой практике такие институты создавались как специализированные банковские учреждения, кредитные организации или государственные корпорации с особым юридическим статусом. В отличие от коммерческих банков, инвестиционных фондов, лизинговых компаний, частных финансовых организаций они не стремятся к максимизации прибыли, будучи нацелены на решение стратегических задач и реализацию основных направлений экономической политики государства.

В настоящее время в мире функционируют около 800 финансовых институтов развития, большинство из которых являются банками или корпорациями развития.

В международной практике финансовые институты развития подразделяются на международные (глобальные, многосторонние), региональные, субрегиональные (межрегиональные), национальные.

Международные финансовые институты развития

Международные (глобальные) финансовые институты развития¹ представляют собой одно из важнейших звеньев мировой финансовой системы и являются основным источником необходимых финансовых ресурсов для модернизации экономики, прежде всего стран с развивающейся и переходной экономикой. Иногда такие организации именуют *многосторонними банками развития (multilateral development banks)*, поскольку они являются некоммерческими организациями, чья деятельность направлена на решение социально-экономических проблем стран-бенефициаров.

Международные финансовые институты развития осуществляют деятельность практически во всех регионах мира. Именно они дали импульс началу экономического роста и трансформации национальных экономик стран ЮВА. Под эгидой таких организаций и при их непосредственном участии во многих странах региона разрабатывались долгосрочные стратегии и планы экономического развития, определялись оптимальные модели модернизации экономики.

В частности, эксперты МВФ и Всемирного банка подготовили рекомендации отдельным странам ЮВА — как начать модернизацию и повысить темпы экономического роста за счет приоритетного развития экспортных отраслей и ориентироваться на мировой рынок.

В интересах реализации стратегии экспортной ориентации международные финансовые институты развития предоставляли странам ЮВА гранты, льготные займы и кредиты, оказывали техническую и консультационную помощь. Эти рекомендации и кредиты способствовали созданию крупных экспортных секторов, росту и диверсификации внешней торговли. В результате Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия, Вьетнам превратились в крупных экспортеров конкурентоспособной промышленной продукции. В менее развитых странах (Камбодже, Лаосе, Мьянме, Восточном Тиморе) кредиты международных финансовых организаций направлялись на развитие земледелия, борьбу с бедностью, образование, решение экологических проблем.

В 2013 г. в ходе поездки по странам Юго-Восточной Азии председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул в беседе с президентом Индонезии Сисилой Банбангом Юдойоно идею создания еще одного международного финансового института развития — *Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, АБИИ (Asian Infrastructure Investment Bank, AIIB)*, основная задача которого — содействовать развитию и экономической интеграции Азиатско-Тихоокеанского региона².

Руководители большинства стран ЮВА поддержали эту инициативу. После проведения организационно-подготовительных мероприятий и подписания уставных документов в конце 2016 г. АБИИ приступил к работе³. Он является открытой многосторонней финансовой организацией, странами — учредителями которой стали 57 государств.

в том числе 37 азиатских (включая 10 стран ЮВА). О желании стать полноправными членами банка заявили еще 25 стран (например, Ирландия, Канада, Эфиопия, Судан).

Уставный капитал АБИИ составляет 100 млрд долл. Из них около 30 млрд предоставила КНР, которой принадлежит 26,06% голосов учредителей банка. При определении долей стран-акционеров учитывались размеры их ВВП. Соответственно, следующими по доле в акционерном капитале и по числу голосов стали Индия (7,50%) и Россия (5,92%).

Правовой основой деятельности АБИИ является Соглашение о создании банка, подписанное 57 странами-учредителями в июне 2015 г. Оно состоит из 11 глав и 60 статей, в которых определены цели деятельности банка, мандаты членов, размер акционерного капитала и распределение голосов, регламент операционной деятельности, структура управления, механизм принятия решений и прочие ключевые правовые аспекты.

Согласно Соглашению члены банка разделены на две группы — региональные и нерегиональные. Такое разделение должно учитываться при предоставлении финансирования в соотношении 75:25.

Штаб-квартира АБИИ располагается в Пекине. Президентом был избран Цзинь Лицунь, бывший заместитель министра финансов КНР.

Изначально создание новой мощной финансовой структуры задумывалось Китаем как противовес существующим международным и региональным банкам развития и как инструмент расширения своего экономического влияния в Азии и на мировых финансовых рынках. Руководство КНР было недовольно ходом реформ в международных и региональных финансовых организациях, прежде всего в МВФ, Всемирном банке и Азиатском банке развития. К тому же деятельность этих банков в большей мере отражала интересы США, стран Европы и Японии, нежели интересы азиатских государств. Впрочем, позднее китайское руководство позиционировало АБИИ в официальных заявлениях как дополнение к действующей мировой кредитно-банковской системе.

Предполагается что АБИИ и другие, ранее сформировавшиеся международные и региональные финансовые институты развития будут активно взаимодействовать в реализации масштабных инвестиционных проектов в регионе. При этом Всемирный банк и Азиатский банк развития сохранят свою специализацию на борьбе с бедностью, решении социальных и экологических проблем, тогда как АБИИ призван сосредоточиться в основном на реализации масштабных инфраструктурных проектов (которые косвенно содействуют решению тех же задач: росту экономики и повышению благосостояния жителей азиатского региона).

Как отмечалось выше, в последние годы азиатская экономика развивается весьма динамично, финансовое и инвестиционное сотрудничество в регионе непрерывно углубляется. Налицо, однако, и серьезные проблемы. В частности, инфраструктура отдельных развивающихся стран и стран с переходной экономикой не отвечает современным требованиям и потому нуждается в модернизации. По оценкам экспертов, потребности региона в инвестициях для модернизации и развития промышленной, транспортной и энергетической инфраструктур в период до 2030 г. оцениваются примерно в 1,7 трлн долл. в год⁴.

Таким образом, важной задачей АБИИ будет финансовая поддержка строительства инфраструктурных объектов в регионе, включая масштабный проект Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века.

В 2016 г. были одобрены первые 9 инвестиционных проектов АБИИ на сумму 1,7 млрд долл. В 2017 г. в банке рассматривалось 15 проектов на 2,5 млрд долл. (в энергетике, сферах транспортной и городской инфраструктуры). По два одобренных проекта подлежат реализации в Индонезии и Пакистане, по одному — в Бангладеш, Таджикистане, Омане, Мьянме, Азербайджане.

С самого начала АБИИ стал активно сотрудничать с другими международными и региональными финансовыми институтами развития — Всемирным банком (ВБ), Азиатским банком развития (АБР), Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР), Европейским инвестиционным банком (ЕИБ), что способствовало повышению репутационного имиджа АБИИ, снижению расходов на разработку проектов и рисков их кредитования. Благодаря сотрудничеству с международными и региональными банками развития и опираясь на их многолетний опыт, АБИИ смог достаточно быстро сформировать первый инвестиционный портфель. Эта новая международная финансовая организация сумела найти свою нишу в мировой финансовой системе, стала равноправной участницей системы многосторонних международных организаций развития.

В ближайшие 5–6 лет АБИИ предполагает нарастить объемы кредитования до 4–6 млрд долл. в год с последующим возможным увеличением до 10–15 млрд ежегодно. С целью привлечения средств с мирового рынка капиталов для финансирования проектов банк выпустит облигации в юанях, долларах США, фунтах стерлингов и японских иенах.

В перспективе планируется создание трастового фонда АБИИ, который под суверенные гарантии сможет привлекать средства суверенных фондов благосостояния, пенсионных фондов и частных инвесторов для софинансирования строительства инфраструктурных объектов.

Очевидно, что создание этого крупного финансового института развития придаст импульс дальнейшему развитию азиатского региона, в том числе стран ЮВА, которые смогут получать доступ к кредитам на строительство дорог, портов, аэропортов, модернизацию промышленной, энергетической, телекоммуникационной и других видов инфраструктуры.

Региональные финансовые институты развития

Финансовые учреждения этой категории сформировались и успешно функционируют на всех континентах⁵. Создавались они обычно по инициативе развивающихся стран, которые испытывают трудности с долгосрочными инвестициями и доступом на мировой рынок ссудных капиталов. В отличие от международных финансовых институтов развития (осуществляющих свою деятельность практически во всех странах и регионах мира), функционирование региональных организаций ограничено географическими рамками конкретного региона.

Азиатский банк развития, АБР (Asian Development Bank, ADB) внес в сравнении с прочими региональными финансовыми институтами наиболее существенный вклад в модернизацию экономик стран ЮВА. При его учреждении (1966 г.) в число акционеров входила 31 страна, уставный капитал составлял 1,3 млрд долл. (к настоящему времени возрос до 55 млрд). Цель создания АБР состояла в содействии социальному и экономическому развитию стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

В настоящее время статусом учредителей АБР (и его акционерами) обладают 67 стран, из которых 48 — представители региона (включая все страны ЮВА). Крупнейшие акционеры — Япония и США, владеющие по 15,8% акций банка.

Средства АБР формируются за счет взносов стран-членов, доходов от кредитования и заимствований на международном рынке капитала путем выпуска и размещения облигаций и других ценных бумаг.

Высший административный орган АБР — Совет управляющих, в состав которого входят по одному представителю от каждой страны. Численность штатных сотрудников — около 3 тыс. человек. Штаб-квартира находится в Маниле (Филиппины).

В 2006 г. было принято решение ввести в финансовый оборот расчетную «азиатскую валютную единицу» (Asian currency unit, ACU), призванную отражать котировки

акций денежных единиц 13 стран региона, и которая, возможно, превратится со временем в азиатский аналог евро.

В настоящее время АБР представляет устойчивую финансовую организацию с высоким международным кредитным рейтингом, является крупнейшим финансовым институтом развития в АТР. В его структуру входят: Азиатский фонд развития (Asian Development Fund), Специальный фонд технической помощи (Technical Assistance Special Fund) и Японский специальный фонд (Japan Special Fund).

Свою миссию АБР усматривает в том, чтобы оказывать помощь развивающимся странам-членам в снижении уровня бедности, улучшении условий и качества жизни населения в Азиатско-Тихоокеанский регионе.

За полвека деятельности АБР (1966–2016 гг.) было выдано займов и кредитов на общую сумму свыше 300 млрд долл. Кредитный портфель банка имел следующую динамику: 1966–2010 гг. — 181,6 млрд долл., 2011–2015 гг. — 65,6 млрд, 2014 г. — 22,9 млрд, 2015 г. — 15,4 млрд, 2016 г. — 31,7 млрд долл. Свой юбилейный 2016 год АБР отметил максимальным показателем годового финансирования — 31,7 млрд долл.⁶ В 2017 г. банк предоставил странам финансовые ресурсы в объеме 28,9 млрд долл.

Следует отметить, что кредитный портфель АБР отличается высоким качеством, что обусловлено успешным применением передовых банковских технологий при подготовке, мониторинге и управлении проектами. Кроме того, АБР имеет значительный положительный опыт в области проектного финансирования.

Основными формами и финансовыми инструментами поддержки банком социально-экономического развития и модернизации стран-членов являются:

- предоставление грантов, субсидий, льготных кредитов, коммерческих займов;
- долговое финансирование путем выпуска и размещения облигаций и других ценных бумаг;
- торговое финансирование;
- выпуск и софинансирование гарантий;
- прямое инвестирование и участие в акционерном капитале компаний;
- продвижение инвестиций для целей развития Азиатско-Тихоокеанского региона;
- помощь в выработке и координации социально-экономической политики стран-членов;
- техническое содействие в планировании и осуществлении проектов и программ развития;
- оказание консультационных услуг.

Большинство займов и кредитов выдаются странам из двух фондов банка: специального и обычного.

Специальный фонд предназначен для долгосрочного кредитования сроком на 25–40 лет по льготной процентной ставке (1–3%). Льготный период для кредитов из специального фонда составляет, как правило, 10 лет.

Обычный фонд предоставляет кредитные ресурсы на коммерческих условиях, т.е. по рыночной процентной ставке и на более короткий срок, обычно 15–25 лет. Льготный период для кредитов из этого фонда составляет 3–5 лет.

Средняя сумма одного кредита АБР составляет 15 млн долл., максимальный объем кредита из этого фонда не превышает 50 млн долл.

Подготовку, планирование и осуществление инвестиционных проектов и программ в странах ЮВА организует и координирует специальное подразделение банка — *Департамент Юго-Восточной Азии*.

Поначалу деятельность АБР в странах ЮВА была направлена на поддержку развития сельского хозяйства, увеличение его производительности и достижение обеспеченности населения продовольствием. В 1970-е годы банк расширил свою деятельность

в регионе за счет реализации проектов в сфере образования, здравоохранения, развития инфраструктуры и промышленности.

Во время энергетического кризиса, в 1973 г. АБР усилил поддержку энергетического сектора тех стран ЮВА, экономика которых зависела от внешних поставок энергоносителей.

В 1980-е годы банк начал использовать инструмент прямого инвестирования в капиталы частных компаний, а также свой высокий финансовый рейтинг для привлечения дополнительных финансовых ресурсов частного бизнеса в проекты социального развития стран ЮВА.

В начале 1990-х годов АБР начал создавать программы региональной экономической интеграции. Первой была масштабная программа экономического сотрудничества соседних государств в субрегионе Большого Меконга⁷.

В 1995 г. этот банк стал первой региональной финансовой организацией, утвердившей политику по борьбе с бедностью, поддержке вынужденных переселенцев и коренных народов⁸. Важной задачей АБР, наряду с выполнением функций по стимулированию устойчивого экономического роста, стала антикризисная поддержка экономики в кризисные периоды.

В периоды финансово-экономических кризисов банки развития реализуют антикризисные программы, разработанные и принятые правительствами или другими органами государственной власти, используя выделяемые им для этих целей централизованные финансовые ресурсы. АБР также активно участвовал в реализации планов и программ антикризисного характера правительств стран ЮВА.

В период Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. АБР разработал и реализовал специальную антикризисную программу поддержки валют стран ЮВА, укрепления финансового сектора, поддержки беднейших слоев населения.

Для стабилизации финансового положения стран ЮВА в условиях глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. АБР применял как традиционные инструменты денежно-кредитной политики, так и экстренные меры финансовой поддержки⁹. Оперативная работа АБР по доведению средств до стратегически важных секторов, отраслей и субъектов национальных экономик позволила значительно снизить для многих стран ЮВА негативные последствия острой фазы финансового кризиса.

В начале текущего столетия важными направлениями деятельности АБР в странах ЮВА стало микрофинансирование с целью поддержки и развития малого бизнеса в странах региона, а также реализация проектов на принципах государственно-частного партнерства. В последние годы в наиболее развитых странах ЮВА займы и кредиты АБР способствовали внедрению инновационных технологий, модернизации объектов инфраструктуры, развитию институциональной среды рыночной экономики, решению вопросов экологической безопасности, включая проблемы изменения климата.

На протяжении всей своей деятельности АБР оказывал финансовую поддержку странам, пострадавшим от беспрецедентных природных катастроф. В частности, за счет средств банка был реализован проект экстренной помощи Индонезии, пострадавшей от землетрясения и цунами.

В 1966–2016 гг. АБР предоставил странам ЮВА финансовые ресурсы на общую сумму более 35 млрд долл., что составило примерно 12% от общего кредитного портфеля банка: 16,0 млрд долл. досталось Вьетнаму; 8,5 млрд — Филиппинам; 6,8 млрд — Таиланду; 2,9 млрд — Камбодже; 1,1 млрд — Индонезии¹⁰.

Во *Вьетнаме* первые проекты АБР, реализованные еще в 1968–1970 гг., были направлены на развитие рыболовства, создание финансовой системы в сельских районах и поддержку малого и среднего бизнеса.

В последние годы банк финансировал разработку Стратегии развития Вьетнама на период 2016–2020 гг. В рамках стратегии был реализован ряд проектов по повыше-

нию устойчивости экономического роста, повышению конкурентоспособности экономики, модернизации инфраструктуры, созданию новых рабочих мест, защите окружающей среды и др.

В 2016–2017 гг. АБР одобрил для Вьетнама проект по поддержке Вьетнамской академии социальных наук, подготовке менеджеров, в том числе в сфере государственных финансов. Продолжилась реализация второй фазы проекта «Зеленый город».

В последние 10 лет *Филиппины* ежегодно получали от АБР в среднем по 745 млн долл. займов и кредитов. Наиболее успешными считаются проект стратегического партнерства с частным сектором по борьбе с бедностью, инфраструктурный проект в рамках реализации масштабной строительной программы (100 млн долл.), проект по повышению эффективности государственного управления и финансового сектора, проекты региональной интеграции на Минданао и Висайских островах¹¹.

В перспективе банк планирует принять активное участие в финансировании реализации долгосрочной стратегии развития страны «Амбисион Натин 2040» (Ambisyon Natin 2040) и пятилетнего Плана развития Филиппин на 2017–2022 гг.

Объем финансовой помощи *Таиланду* со стороны АБР с 1966 по 2016 г. составил 6,79 млрд долл. Было реализовано 278 проектов и программ социально-экономического развития. Банк оказывал техническую, консультационную помощь и финансировал реализацию «Таиландского плана развития инфраструктуры» на принципах государственно-частного партнерства (ГЧП). В последние годы приоритетными сферами кредитования Таиланда были развитие цифровой и креативной экономики, формирование человеческого капитала и т.д.

Камбоджа с момента основания АБР получила 2,86 млрд долл. в форме грантов, займов, кредитов и технической помощи на реализацию социально-экономических проектов и программ.

В период с 2010 по 2017 г. на средства банка было построено 1084 км дорог, электрифицировано 40 тыс. домохозяйств в сельских районах, 96 тыс. хозяйств получили доступ к централизованному водоснабжению. Для 72 тыс. домохозяйств были модернизированы водопровод и канализация, 206 тыс. выпускников средних школ получили возможность продолжить образование.

Для *Индонезии* АБР предоставил 894 млн долл. в форме грантов и технической помощи, 100 млн — на выпуск и размещение облигаций в индонезийских рупиях, 33 млн — в форме суверенных займов и кредитов частному сектору. Среди целевых установок финансирования преобладали борьба с бедностью, обеспечение населения продовольствием, развитие рыболовства, ирригация в сельскохозяйственных районах, защита окружающей среды.

Были также реализованы проекты в области энергетики, в том числе по повышению энергетической безопасности, внедрению энергосбережения, развитию возобновляемых источников энергии, модернизации инфраструктуры,

В *Мьянме* в 2016–2017 гг. АБР поддержал несколько инфраструктурных проектов: строительство и модернизацию автомобильных дорог в субрегионе Большого Меконга, реформу финансовой системы, улучшение работы городских служб в городе Мандалае и др.

В *Лаосе* АБР одобрил в 2016–2017 гг. проект по разработке экономической политики в сфере повышения производительности труда и увеличения занятости, проект по поддержке производства экологически чистой сельскохозяйственной продукции и др.

Сингапур в отличие от других стран ЮВА является не столько клиентом АБР, сколько его донором: со дня основания банка он внес в капитал 485,6 млн долл. Плюс к тому — 24,7 млн долл. в Специальный фонд технической поддержки¹². Указанные средства использовались на финансирование проектов развития в странах ЮВА.

Деятельность АБР осуществляется в соответствии с долгосрочной корпоративной стратегией развития. Ныне действующая стратегия развития до 2020 г., была разработана с учетом региональных, национальных и отраслевых приоритетов, целей, сформулированных в Декларации тысячелетия ООН, и задачи повышения эффективности проектов развития¹³.

Руководство АБР планирует в 2018 г. доработать и принять новую корпоративную стратегию банка — «Стратегию 2030». В ней, как полагают эксперты, найдут свое отражение современные процессы глобализации, изменения технологических укладов на основе инноваций, развития цифровой экономики, тренды изменения климата и интеграционных процессов в регионе¹⁴.

* * *

Проведенный анализ показал, что международные и региональные банки развития дали важный импульс динамичному экономическому росту и глубокой модернизации национальных экономик стран ЮВА. При непосредственном участии этих организаций во многих странах ЮВА были разработаны и реализованы соответственно их социально-экономическому потенциалу и национальной специфике свои стратегии развития и долгосрочные планы экономического роста.

Финансовые ресурсы этих организаций обеспечивали возможность реализации масштабных проектов, коммерческое финансирование которых затруднено из-за более высоких рисков, длительного срока окупаемости, низкой доходности и необходимости значительных стартовых капиталовложений.

Кроме финансирования конкретных проектов и программ развития зарубежные международные банки предоставляли суверенным правительствам и субъектам частного бизнеса стран ЮВА техническую помощь, экспертное и консультационно-аналитическое содействие.

В странах региона стали создаваться крупные национальные экспортные сектора экономики, начался рост и диверсификация внешней торговли, что в свою очередь стало драйвером экономического роста.

В результате, такие страны, как Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия и Вьетнам, превратились в крупных мировых экспортеров, поставщиков промышленной конкурентоспособной продукции на мировые рынки.

Практически все страны ЮВА успешно преодолели последствия мирового финансового кризиса и вышли на траекторию устойчивого роста. В последние годы в наиболее развитых странах ЮВА международные и региональные банки оказывают финансовое содействие приоритетному развитию инноваций, внедрению современных технологий, модернизации объектов инфраструктуры, развитию институциональной среды рыночной экономики, решению вопросов экологической безопасности, защиты окружающей среды и т.д.

В последние годы многие страны ЮВА демонстрируют высокие темпы экономического роста. Некоторым из них удалось не только модернизировать народное хозяйство, но и снискать репутацию «новых индустриальных стран» (НИС), встроиться в международные производственные цепочки, увеличить свою долю в мировой экономике и международной торговле, поднять конкурентоспособность. Совокупный ВВП стран ЮВА составил в 2016 г. 2 450 млрд долларов, или 3,2% от мирового. Индонезия, Таиланд, Малайзия и Филиппины вошли по объему ВВП (считая по паритету покупательной способности) в число 30 наиболее сильных экономик мира¹⁵.

1. Международный банк реконструкции и развития, МБРР (International Bank for Reconstruction and Development, IBRD); Всемирный банк, ВБ (World Bank, WB); Международный валютный фонд, МВФ (International Monetary Fund, IMF); Международная Ассоциация развития, МАР (International Development Association, IDA); Международная Финансовая Корпорация, МФК (International Finance Corporation, IFC); Многостороннее агентство гарантирования инвестиций, МАГИ (Multilateral Investment Guarantee Agency, MIGA).
2. An Asian infrastructure bank: Only connect // The Economist. 2013. 4 Oct.
3. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/49279>.
4. Meeting Asia's Infrastructure Needs. ADB publications. 2017.
5. Азиатский банк развития, АБР (Asian Development Bank, ADB); Африканский банк развития, АФБР (African Development Bank, AfDB); Европейский банк реконструкции и развития, ЕБРР (The European Bank for Reconstruction and Development, EBRD); Европейский инвестиционный банк, ЕИБ (European Investment Bank, EIB); Банк развития Совета Европы, БРСЕ (Banque de Development du Conseil de l'Europe, CEB); Межамериканский банк развития, МАБР (Banco Interamericano de Desarrollo, IADB).
6. ADB Annual Report 2016. URL: <https://www.adb.org/documents/adb-annual-report-2016>.
7. Asian Economic Integration Report 2017. URL: <https://www.adb.org/publications/asian-economic-integration-report-2017>.
8. Кучерявый П., Андропова И. Азиатский банк развития: инвестиции в развитие // Вестник международных организаций. 2011. С. 61–67.
9. Информационно-аналитический доклад «Антикризисные программы стран-членов АТЭС и роль институтов развития в их реализации» / Департамент стратегического анализа и разработок. ГК «Внешэкономбанк». 2010.
10. Asian Development Bank (ADB), Data and Research, 2018. URL: <https://www.adb.org/>
11. Asian Economic Integration Report 2017. URL: <https://www.adb.org/publications/asian-economic-integration-report-2017>.
12. Asian Development Bank (ADB). Data and Research, 2018. URL: <https://www.adb.org/>
13. Стратегическое управление в зарубежных финансовых институтах развития / под ред. В.Д. Андрианова. М.: Консалтбанкир, 2012. 272 с.
14. Asian Development Bank (ADB), Data and Research, 2018. URL: <https://www.adb.org/>
15. International Financial Statistics (IFS). Yearbook 2017 / Statistics Department. International Monetary Fund (IMF). Washington, D.C. Vol. LXX.

Новая аграрная стратегия XIX съезда КПК: цели и проблемы

© 2018

Л.Д. Бони

В статье исследуется новая аграрная стратегия Китая, выдвинутая XIX съездом КПК: ее цели, роль и значение; рассматривается специфика основного социального противоречия, новые вызовы и новые перспективы на пути развития китайской деревни.

Ключевые слова: стратегия подъема деревни, модернизация, «возрождение производства», качественное сельское хозяйство, «зеленое» сельское хозяйство, доходы крестьян, урбанизация, сельские мигранты, взаимоотношения города и деревни.

DOI: 10.31857/S013128120001139-3

КПК разворачивается лицом к деревне

Китайская деревня дождалась своего часа: XIX съезд КПК (октябрь 2017 г.) выдвинул новую аграрную стратегию — *стратегию подъема деревни (нунцунь чжэнсин)*. Обозначив аграрные проблемы как «коренные, касающиеся национальной экономики и благосостояния народа» и указав на необходимость расценивать их решение как «важнейшую задачу всей работы партии», съезд поставил задачу: обеспечивая приоритетное развитие сельского хозяйства и деревни и исходя из общих требований *стратегии подъема деревни*, форсировать модернизацию сельского хозяйства и деревни¹.

Согласно «Документу ЦК КПК и Госсовета КНР № 1, 2018 г.» (далее — Документ № 1) осуществление *стратегии подъема деревни* — важный политический проект XIX съезда партии, нацеленный на окончательное решение задач полного построения общества среднего достатка (*сяокан*) и модернизированной социалистической державы, «окончательный проект решения аграрной проблемы в новую эпоху»².

Таким образом, выдвижение новой аграрной стратегии напрямую увязано с реализацией двух основных исторических задач КНР на первую половину XXI века — преодоления бедности и осуществления социалистической модернизации — двух главных вех и основного содержания строительства социализма с китайской спецификой новой эпохи. Но если первая из этих задач (полное построение общества *сяокан*) вполне понятна, то роль *новой аграрной стратегии* в решении второй исторической задачи обозначена в Документе № 1 слишком абстрактно. Ниже нам предстоит ее конкретизировать.

Роль и место *новой аграрной стратегии* в решении вышеназванных «двух главных задач столетней борьбы» в общем и целом состоит в преодолении основного социального противоречия Китая новой эпохи, обозначенного в докладе XIX съезду как «противоречие между постоянным стремлением народа к прекрасной жизни и несбалансированностью и неполнотой развития»³. Документ № 1 подчеркивает, что сегодня проблема

несбалансированного, недостаточного развития в стране в самой острой форме присутствует в деревне, и осуществление *стратегии подъема деревни* является насущно необходимым для разрешения этого противоречия, для достижения двух целей «столетней борьбы», осуществления мечты всего народа об общем благосостоянии (*гунтун фуюй*)⁴.

Несомненно, центральным звеном в преодолении главного социального противоречия в деревне выступает кардинальное решение аграрной проблемы Китая, что подтверждает и полное совпадение этапов реализации *стратегии подъема деревни* с этапами построения общества полного *сяокан* и осуществления социалистической модернизации страны в целом: к 2020, 2035 и 2050 г.

К концу 3-го из названных рубежей (2050 г.) должна быть выполнена задача превращения КНР «в богатую и могущественную, демократическую и цивилизованную, гармоничную и прекрасную, модернизированную социалистическую державу»⁵. Именно к 2050 г. предполагается полностью решить задачи *стратегии подъема деревни* и сделать «сельское хозяйство сильным, деревню — красивой, крестьян — богатыми»⁶.

Известно, что идея «сильного, красивого, богатого» (*цян-мэй-фу сысян*) в приложении к понятию *сань нун*⁷ как образный символ мечты китайского крестьянина была предложена Председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. в качестве абстрактного критерия конечной цели решения аграрной проблемы. Китайские ученые намерены придать этому понятию-символу внутреннее содержание и обоснование на основе научных критериев⁸.

«Главное противоречие новой эпохи» в деревне: причины и следствия

Выдвижение XIX съездом КПК *стратегии подъема деревни* как важнейшей программы общенационального уровня по преодолению основного социального противоречия в деревне обусловлено рядом факторов, включая причины хронического характера (объективные и субъективные), изменение социально-экономического положения деревни в процессе урбанизации и индустриализации последних десятилетий, переход к новому этапу развития (так называемому этапу новой нормальности).

С начала 2000-х годов основным направлением борьбы с очевидным отставанием аграрной сферы стал курс на решение аграрной проблемы *сань нун* с акцентом на ее ключевые звенья — сельское хозяйство (в основном — производство продовольствия) и крестьянство (в основном — повышение доходов крестьян). Важным успехом этого курса стало последовательное решение проблемы продовольственного обеспечения населения страны и соответствующий рост доходов крестьян. Однако в целом отставание деревни, агросферы в силу ряда причин преодолеть не удалось, разрыв в темпах роста экономики города и деревни, в уровне доходов горожан и крестьян продолжал нарастать.

Первым важным шагом нового китайского руководства в решении этих проблем стали установки XVIII съезда КПК (2012 г.) и 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва (2013 г.) по вопросам углубления реформ в деревне и модернизации сельского хозяйства. Последние пять лет в разных районах КНР шли эксперименты по отработке основных направлений этих реформ, готовились теоретические, институциональные и правовые основы грядущих преобразований, нацеленных на смену модели развития аграрной экономики.

Тогда же реализация стратегической задачи полного построения общества «среднего достатка» (*сяокан*), вступившая в заключительную стадию (период 13-й пятилетки, 2016–2020 гг.), вплотную столкнулась с наличием серьезного отставания деревни, аграрной сферы от критериев «полного *сяокан*». Хотя по двум основным критериям (удвоение ВВП и удвоение душевых доходов населения города и деревни за период 2010–2020 гг.) дела обстояли относительно благополучно (их выполнение тесно увязано с планом 13-й пятилетки по темпам роста экономики, доходов населения и фактически гарантировано самим успешным его выполнением), по всем прочим критериям деревня

официально отнесена к «самому отсталому звену». Эти критерии, характеризующие в большей мере качество развития общества «полного *сяокан*» («сбалансированное, согласованное и устойчивое развитие», «общедоступность результатов реформ и развития» и др.)⁹, резко контрастируют с реальным социально-экономическим состоянием и уровнем развития деревни и всей аграрной сферы. Ниже мы рассмотрим причины и факторы, повлекшие перерастание отставания деревни, связанного с более низкой производительностью труда в агросфере, в острейшее социально-экономическое противоречие.

Это, прежде всего, *основной объективный фактор*, неизбежно сдерживающий развитие аграрной сферы, — острый дефицит природных ресурсов, особенно земельных, при огромной численности населения, обусловивший *крайне малый подушевой размер пашни*, с годами все менее способный обеспечить адекватное существование основной массы сельских производителей и их семей¹⁰.

Хотя за годы урбанизации более 40% сельскохозяйственной рабочей силы покинуло земледелие и тенденция дальнейшего сокращения подушевого размера пашни приостановлена, тем не менее средний земельный надел эффективного хозяйства должен быть в разы больше нынешнего. Свою роль в этом сыграл и принцип уравнительного распределения земли при подряде между крестьянскими дворами, принятый на вооружение в 1978–1983 гг. Приветствовавшийся крестьянами как акт справедливости, он позволил поднять интенсификацию простого труда, темпы роста производства и доходов, решить на базовом уровне продовольственную проблему страны, стабилизировать деревенское общество. Однако с годами, при непрерывном росте сельского населения и дефиците земельных ресурсов, уравнительный характер распределения земли оказался тугоплавким, ибо лишь усиливал измелчание земельных наделов, парцеллярность хозяйств, рост издержек и неэффективности мелкого распыленного производства крестьянского двора, снижая способность земельного надела поддерживать существование земледельцев в основной массе районов. В итоге чистый распределяемый доход двора от сельского хозяйства (1-й сферы) составил в 2014–2016 гг. только 14,7% всего дохода¹¹. Прирост дохода крестьянского подрядного хозяйства сегодня опирается в основном на источники вне сельского хозяйства, деревни. Нужна глубокая реформа нынешней системы землепользования в КНР, переход от административного уравнительного распределения земли к более эффективному принципу размещения земельных ресурсов, т.е. на основе рыночного обращения, чтобы создать условия для концентрации земли и развития укрупненных хозяйств как важного шага к развитию современного, рентабельного сельского хозяйства.

Главным субъективным факторам, повлекшим превращение деревни в «главное отстающее звено», является система «двухосновной структуры города и деревни» (*эрюань чэнсянь цзегоу*), т.е. система раздельного управления городом и деревней. Возникшая в конце 1950-х годов как инструмент мобилизации внутренних накоплений сельского хозяйства, деревни на нужды индустриализации страны, эта система, выполнив данную задачу, продолжает функционировать и поныне. Исходя из принципа «раздельное управление городом и деревней» и опираясь на установки — «сельское хозяйство поставляет промышленность», «деревня поддерживает город», «брать больше, давать меньше, управлять жестче»¹², — эта система долгие годы осуществляла перераспределение ресурсов между деревней и городом в пользу последнего. Следствием этих системных «урегулирований» стало резкое ограничение основных прав субъектов коллективной формы собственности и имущественных прав крестьян, что неизбежно привело к диспаритету правовых и институциональных начал в отношениях двух основных сфер китайской экономики — промышленности и сельского хозяйства, — искусственно разделившего город и деревню на два изолированных неравных мира, способствуя все более серьезному отставанию деревни.

Финансовая система страны была перестроена в соответствии с этими принципами и установками, на протяжении десятилетий обеспечивая перераспределение (а фактически изъятие) внутренних ресурсов деревни для нужд города¹³. Все это во многом

определило успех индустриализации, мирное возвышение Китая, однако крестьянство, деревня оказались в конечном счете выведенными за пределы процесса модернизации. Сельское хозяйство, деревня по мере развития промышленности и городов, ускорения темпов экономического роста КНР все больше отставали в своем развитии, постепенно превратившись в «отстающее звено».

Содержание явления «неравномерности, недостаточности развития» китайский источник объясняет как неизбежные последствия экономических реформ, чрезмерной нагрузки на экологию и природные ресурсы, относя их в целом к объективным факторам¹⁴. Однако не меньшую роль в формировании «феномена отставания», несомненно, сыграл такой субъективный фактор, как стратегия государства.

4-й пленум ЦК КПК 16-го созыва (2004 г.) принял важное решение о формировании новых отношений между городом и деревней, отмене старых установок, провозгласив новые установки: «возврат промышленности ее долгов сельскому хозяйству», «город поддерживает деревню», «больше давать, меньше брать, оживлять». Однако система «двухосновной структуры города и деревни» не была демонтирована, основные ее механизмы продолжают функционировать. Это подтверждает и тенденция сокращения удельного веса общественных инвестиций в основные фонды деревни во всех общественных инвестициях в экономику страны в целом: 23,8% (1996 г.), 20,3% (2000 г.), 15,2% (2005 г.), 12,5% (2014 г.)¹⁵ Что же касается собственно сельского хозяйства, ситуация еще хуже: в 2016 г. инвестиции в сельское, лесное, рыбное хозяйство и животноводство (вместе взятые), включая инвестиции крестьянских дворов, составили лишь 5,7% от всех общественных инвестиций в основные фонды страны¹⁶. Притом что сегодня в деревне постоянно проживает 42,7% всего населения КНР (более полумиллиарда граждан).

Китайский специалист Вань Баожуй называет подобный способ «разрешения отношений между сельским хозяйством и другими отраслями экономики» «оптимизацией размещения ресурсов между ними», представляя его одним из основных положительных опытов за 40 лет экономической реформы в китайской деревне, исходя лишь из факта смены политических установок¹⁷. Однако реальная китайская действительность не согласуется с данным выводом.

В силу указанных выше факторов диспропорции в темпах и уровне развития экономики и жизни горожан и сельчан — серьезней, чем принято считать. *Разрыв в уровне подушевого чистого (денежного) дохода населения города и деревни*, оказавшийся более чем трехкратным, удалось сократить в последние годы (2008–2015) лишь на 11,1%¹⁸ (главным образом путем регулярного повышения закупочных цен на основные виды продукции и дотаций под зерновые). Пару лет назад эта политика претерпела изменения, и стимулировать рост крестьянских доходов стало труднее. В 2016 г. разрыв в уровне доходов составил 2,72: 1¹⁹. По мере замедления темпов экономического роста темпы роста доходов населения города и деревни в последние годы также снизились, при этом снижение темпов прироста доходов крестьян оказалось гораздо значительнее. С 2014 по 2016 г. среднедушевой располагаемый доход населения страны снизился на 1,7 процентных пункта, в том числе горожан — на 1,2 п.п., а сельского населения — на целых 3,0 п.п. Если в 2014 г. темпы прироста располагаемого подушевого дохода крестьян составляли 9,2%, или на 2,4 п.п. выше чем у горожан, то в 2016 г. они составили только 6,2%, или лишь на 0,6 п.п. выше таковых у горожан. То есть темпы прироста доходов населения города и деревни фактически сблизились²⁰.

Если же принять во внимание степень доступа к здравоохранению, образованию, социальному страхованию и другим основным общественным услугам, то уровень разрыва в доходах населения двух социумов окажется не менее чем 4–5-кратным²¹. Еще более глубокое отставание налицо в отношении основных бытовых услуг — водо- и теплоснабжение, канализация и пр. В более чем 30% административных деревень страны нет водопровода, в 80% отсутствует контроль за загрязнением воды, в 35% — не решена проблема бытовых отходов²².

Третий вид неравенства горожан и сельчан связан с разницей в наличии имущества. У крестьянина фактически нет никакого источника имущественного дохода: он имеет лишь право пользования по подряду коллективной землей (которую могут реквизируют для общественных целей в любой момент), он не может продать или сдать под залог свой дом, так как тот стоит на коллективной земле, а купля-продажа коллективной земли категорически запрещена. В итоге доля имущественного дохода в чистом располагаемом душевом доходе крестьянина в 2016 г. составила лишь 2,2%²³. По мнению китайских ученых, отсутствие необходимых имущественных прав у крестьян, обеспечивающих источники имущественного дохода, — главная причина бедности деревни. Необходима глубокая реформа системы имущественного права в деревне, чтобы оживить имущество коллективной собственности, превратить его в реальный источник доходов крестьян²⁴.

Совершенно очевидно, что преодоление хронического отставания деревни и ускорение темпов роста доходов сельского населения невозможно без глубоких системных и структурных реформ в деревне. Как уже говорилось выше, реформы, начатые после XVIII съезда КПК, пока проходят стадию подготовки и экспериментов. В оставшиеся годы 13-й пятилетки основной упор по «расшивке узких мест» в сельском хозяйстве и деревне в рамках программы «полного сяокан» руководство КНР делало на двух направлениях, тоже крайне важных для китайской деревни: выравнивание уровня доступа к основным общественным услугам в городе и деревне и расширение борьбы с бедностью и ликвидация абсолютной бедности в стране. Успехи в обеих сферах достигнуты существенные²⁵.

Однако сохранение объективных ограничителей роста и глубины хронического отставания деревни, с одной стороны, растущий тормозящий эффект отставания деревни на развитие и модернизацию сопредельных сфер национальной экономики, а с другой — замедление темпов экономического роста и переход к этапу смены модели развития, — все это требовало от руководства страны искать в срочном порядке концептуально новые подходы, чтобы резко ускорить процесс преодоления основного социального противоречия главным образом в деревне. Так появилась новая неординарная аграрная стратегия — *стратегия подъема деревни*.

Социально-экономические сдвиги в деревне

Необходимость новых подходов к решению аграрной проблемы, преодолению серьезного отставания аграрной сферы обусловлена и глубокими изменениями в социально-экономическом развитии деревни в процессе ускоренной урбанизации, индустриализации, демографических изменений. Все это стимулировало новые тенденции в жизни сельского социума, порождая новые вызовы и новые перспективы. А именно:

– *Снизилась значимость экономики земледелия:* крайне малый размер земельного надела у основной хозяйственной единицы — подрядного хозяйства крестьянского двора — перестал обеспечивать существование семьи. В 2014–2016 гг. 46,7% прироста дохода крестьян составили поступления от заработка вне сельского хозяйства, преимущественно от переводов части зарплаты мигрантов, отбывших в города (т.е. практически от городской экономики)²⁶. Как отмечают китайские ученые, при такой «модели» роста доходов (хотя они и росли) любое сокращение или потеря занятости мигрантов-рабочих в городе сразу же сказывается на положении крестьянского двора в деревне.

– *Изменилась структура сельской занятости, возник структурный дефицит рабочей силы:* в поисках источников дохода и новой жизни практически вся молодая и здоровая часть ее ушла в города, на земле остались работать в основном старики, женщины и дети. Упали уровень образования работников, качество работ. Произошло постарение основной части рабочей силы. Согласно данным 3-й Всекитайской сельскохозяйственной переписи, из 314,22 млн занятых в сельском хозяйстве в 2017 г. работники в возрастной группе до 35 лет составили лишь 19,17%, в группе свыше 55 лет — 33,58%. Обработка земли стала не под силу главе двора, приходится обращаться к услугам

со стороны («внешний подряд»), отсюда — резкий рост спроса на механизацию сельхозработ и другие услуги в поле. Механизация и производственно-хозяйственные услуги становятся важной частью производства, а целью развития сельского хозяйства — повышение производительности труда.

– *Соответственно эволюционируют функции сельского хозяйства*: снизилась роль социальной функции земли, усиливается ее имущественная сторона. Потребность в новых источниках доходов стимулирует реструктуризацию производства, развитие других отраслей, ширится сфера услуг в деревне. С ростом доходов населения и изменением общественного спроса (преимущественно у горожан, все более ориентирующихся на качество продуктов питания, чистоту окружающей среды) многообразные ресурсы деревни начинают привлекать внимание, возникают совершенно новые функции — такие, как «зеленое земледелие», сельский туризм и пр.

– *Усиливается дифференциация крестьянства по характеру занятости и доходов*: помимо резкого различия типов занятости в сельской и городской экономиках, первое и второе поколения крестьян сильно отличаются уровнем дохода. Доходы *нунминьгун* (крестьян-рабочих) от заработка в городской экономике в разы выше, чем у отцов-крестьян «первого поколения»: месячный заработок мигрантов подчас равен годовому доходу их отцов, примерно каждый пятый из них сегодня имеет машину. В 2017 г. соотношение дохода верхнего и нижнего децилей (5958 юаней и 64 934 юаней) составило 10,89 раза против 8,2 раза в 2012 г.²⁷ В самое последнее время отмечено новое явление — спад темпов прироста располагаемого среднедушевого дохода крестьян в группе с наименьшим доходом (т.е. в самом нижнем из пяти уровней децилей): в 2016 г. они упали на 2,6%, хотя в тот год число малоимущих (бедных) в деревне сократилось на 12,4 млн человек²⁸.

– *Меняется модель деревни*. Указанные выше процессы повлекли резкое изменение ее облика. По всей стране множится число полупустых и умирающих деревень, что китайские ученые объясняют последствиями урбанизации и отсутствием достаточных и стабильных источников доходов крестьян в деревне.

– *Налицо перемены отношений в системе «город — деревня»*. Односторонний поток рабочей силы (из деревни — в город) отчасти меняется на двусторонний: за последние два года (2016–2017) в деревню вернулось до 8 млн мигрантов-рабочих, а всего на их долю в сельской занятости (при сокращении занятости сельскохозяйственной) приходилось в 2016 г. уже более 10% сельской рабочей силы²⁹; одновременно капитал начал искать шансы приложения в деревне.

«Двухколейная» урбанизация порождена начавшейся глубокой структурной перестройкой городской экономики как основы перехода к новой модели развития, вытесняющей из ряда отраслей излишки рабочей силы (особенно неквалифицированной). Это обусловлено законами развития самого города. Порвав с сельским хозяйством, не имея навыков и желаний работать на земле, вернувшиеся мигранты предпочитают искать работу (и находят ее) в уездных центрах и городских поселках вблизи от дома (*бэнь ди*). Так их родная земля в деревне (*сянь ту*) превратилась «в родные края» (*зу ту*)³⁰.

«Двухколейная урбанизация»: новые вызовы и шансы

Главная особенность нового этапа развития Китая — переход от урбанизации как процесса односторонней сельской миграции в город к «двустороннему движению» рабочей силы в город и деревню, к так называемой двухколейной урбанизации. «Урбанизация подошла сегодня к этапу, когда размещение ресурсов и направление развития с первоначальной ориентации на город поворачивает к равномерному развитию города и деревни. Деревня получает больше шансов для развития, идет формирование новой формы отношений между сельским хозяйством и деревней, с одной стороны, и национальной экономикой, с другой стороны», — утверждает известный китайский экономист Лю Шоун³¹.

Определенное снижение темпов экономического роста в последние годы неизбежно сопровождается замедлением темпов урбанизации. Впрочем, если исходить из официальной статистики, прирост городского населения оставался на высоком уровне (2013 г. — 13,1 млн, 2017 г. — 13,51 млн человек), а уровень урбанизации в 2017 г. достиг 58,5% (если учитывать лишь лиц с городской пропиской — 42,35%)³².

По данным ГСУ КНР, общая численность мигрантов-рабочих в 2017 г. составила 286,52 млн человек, прирост по сравнению с тем же периодом предшествующего года — 1,7%, при этом 171,85 млн человек заняты далеко от дома (в городе) — прирост на 1,5%, а 114,67 млн человек — вблизи от дома, прирост — 2,0%³³. Можно заметить тенденцию опережающих темпов роста числа мигрантов, занятых недалеко от дома. Однако, согласно данным китайских ученых, реальный вклад прироста численности мигрантов-рабочих в повышение уровня урбанизации резко сократился в последние годы, а данные прироста городского населения во многом не отражают реальностей процесса урбанизации. Во-первых, оказалось, что более половины этого годового прироста численности горожан составил фактор статистики³⁴. Во-вторых, такой источник рабочей силы, непрерывно поступающей в город, как *нунминьгун*, уже не является таковым и ныне практически иссякает³⁵. В итоге: вклад прироста численности мигрантов-рабочих в повышение уровня урбанизации с 31% в 2010 г. упал до 2,3% к 2016 г.³⁶

Возникшая ситуация фактически поставила в повестку дня вопрос о дальнейших тенденциях *урбанизации нового типа*³⁷. С одной стороны, пока доход от земледелия мал для поддержания существования крестьянских семей, другие сферы сельской экономики недостаточно развиты, а условия жизни во многом уступают городским, миграция из деревни в город будет продолжаться. С другой стороны, снижение темпов урбанизации положило начало процессу возвращения некоторой части мигрантов-рабочих обратно в деревню.

Дальнейшие перспективы урбанизации волнуют и руководство КНР, и ученых. Объясняя причины замедления темпов урбанизации, Чэнь Ивэнь (зам. главы Комитета по сельскому хозяйству и деревне ВСНП КНР, долгие годы возглавлявший в ЦК КПК Кабинет по работе в деревне) связывает это со снижением возможностей городской экономики в условиях старой модели развития и процессом реструктуризации производства: «Развитие города до настоящего уровня таково, что у него нет возможностей (как раньше) принимать ежегодно от нескольких до более десяти млн сельских мигрантов. Как решать вопрос с занятостью крестьян?.. Если мы рассматривали пашню как первое пространство занятости, то его оказалось недостаточно. Тогда освоили второе пространство занятости: а именно город и несельскохозяйственные отрасли. Но сегодня, на новом этапе, этого все же недостаточно. Поэтому надо осваивать третье пространство занятости, а именно дать крестьянам возможность оставаться в деревне, но не опираться на пашню»³⁸. «Предстоит большая работа: сделать деревню красивой и привлекательной, чтобы оттуда не уходили люди и, более того, чтобы создать в деревне новую сферу занятости несельскохозяйственного направления, позволяющую обеспечить достаточный рост доходов сельского населения, максимально сократив разрыв в уровне доходов с городским»³⁹.

Из программы *стратегии подъема деревни* (ее экономического раздела) явствует, что одной из основных задач 2-го этапа является максимальное расширение занятости в деревне, создание нового, «третьего пространства занятости»⁴⁰.

Цай Фан — ведущий специалист по проблемам урбанизации и вице-президент Академии общественных наук Китая — в статье «Как поддержать более длительный путь урбанизации нового типа»⁴¹, касаясь снижения темпов урбанизации на новом этапе развития, поднимает вопрос о серьезном вызове, вставшем перед процессом урбанизации, модернизации страны. Прежде всего, согласно общим законам развития, уровень урбанизации является одним из признаков степени развитости страны, ни одна страна не может осуществить модернизацию при сравнительно низком уровне урбанизации. Это касается и Китая. Согласно Цай Фану, реальный уровень урбанизации в стране сегодня еще низок, она еще далеко не выполнила свои задачи, поэтому урбанизация нового типа

по-прежнему должна оставаться важным двигателем роста экономики и структурных преобразований. Поскольку весь процесс урбанизации есть перемещение рабочей силы и других факторов производства из сферы с низкой производительностью труда (сельского хозяйства) в сферу с более высокой производительностью, то ее предназначение заключается как раз в том, чтобы представлять собой непрерывный процесс повышения производительности труда. В период реформ и политики открытости (1978–2015 гг.) производительность труда рабочей силы в стране в целом выросла в 16,7 раза, и вклад факторов производства в этот процесс составил для 1-й, 2-й и 3-й сфер экономики соответственно: 23%, 32% и 11%, или в целом 56%, пишет далее Цай Фан. В то же время вклад в рост производительности труда от перемещения рабочей силы из сельского хозяйства во 2-ю и 3-ю сферы экономики составил остальные 44%. Таким образом, перемещение рабочей силы из деревни в город является важной движущей силой урбанизации в Китае, и по этой причине проявленный эффект от перераспределения рабочей силы между тремя сферами производства также реализуется в процессе урбанизации⁴².

Если посмотреть на проблему «обратной миграции» путем простого сравнения производительности труда рабочей силы в отдельной сфере со средним базовым уровнем, то окажется, что обратный поток мигрантов-рабочих из города в деревню как раз соответствует возвращению рабочей силы из сферы занятости с высокой производительностью труда в сферу занятости с низкой, что может означать откат назад от процесса повышения производительности труда. А это полностью противоречит стратегии развития этапа «новой нормальности», требующей перевода всей общественной экономики на колею роста производительности труда, причем эффективность перегруппировки ресурсов сегодня остается главным источником повышения производительности труда, считает Цай Фан⁴³. И в связи с этим он задается вопросом: «Приведет ли обратное перемещение мигрантов-рабочих в деревню к повышению производительности труда в этой сфере и отсюда — к ее повышению во всей экономике или наоборот?».

Обеспечить восходящую тенденцию роста производительности труда в условиях «двухколейной урбанизации» — задача огромной трудности. Как ее выполнить? Здесь все надежды возлагаются как раз на *стратегию подъема деревни*, выдвинутую XIX съездом КПК: «Осуществление стратегии подъема деревни и урбанизация нового типа не противостоят друг другу, у них одна и та же сфера деятельности, они взаимосвязаны, взаимно дополняют и стимулируют друг друга. Особенно важно знать, что лишь при совместной реализации *стратегии подъема деревни и урбанизации нового типа* можно лучше уяснить цели последней, более согласованно использовать методы ее реализации. *Стратегия подъема деревни и урбанизация нового типа — неизбежный путь создания современной экономической системы и осуществления модернизации страны*»⁴⁴ (выделено мной. — Л.Б.)

Наконец, существуют крайне важные аспекты «увязки» *стратегии подъема деревни с урбанизацией нового типа*, касающиеся непосредственно модернизации сельского хозяйства, деревни. С точки зрения реализации *стратегии подъема деревни*, осуществление модернизации сельского хозяйства, деревни неизбежно требует развития масштабного хозяйствования, а размеры масштабных хозяйств, возможности их укрупнения в силу острого дефицита пашни могут быть лишь ограниченными, иначе при быстром укрупнении размеров хозяйств может возникнуть безработица, т.е. темпы развития современных форм хозяйств напрямую зависят от урбанизации. С точки зрения развития урбанизации, перемещение рабочей силы с земли также требует своим предварительным условием повышения производительности труда в сельском хозяйстве (чтобы возник излишек рабочей силы), что испытывает ограничения со стороны малых размеров самих «масштабных хозяйств». Таким образом, необходимость тесной взаимосвязи модернизации сельского хозяйства, деревни и урбанизации нового типа объективно важна и насущна. Эту трудную проблему их взаимозависимости призваны решать *стратегия подъема деревни* и другие меры.

Все вышеназванные тенденции свидетельствуют о серьезно изменившемся положении деревни в системе отношений «город — деревня», о новой исторической роли деревни как сельского социума в решении аграрной проблемы и социалистической модернизации страны в целом, которое китайская наука трактует в качестве нового периода социально-экономического развития страны на пути исторической трансформации от традиционного к современному обществу. Упомянувшийся в статье ученый-аграрник Лю Шоунь первым обратил на это внимание и дал определение этому новому периоду в развитии страны: «*Индустриально-аграрный Китай — вот основное социально-экономическое состояние страны на значительно длительный период времени*»⁴⁵. Это новое стадияльное состояние Китая характеризуется существенной эволюцией отношений в системе «город — деревня» и объективной необходимостью полноценного развития деревни, сельского социума, сохраняющего такие обширные масштабы и значение в силу исторических причин, так называемой основной обстановки, ибо страна не может сразу перейти в положение индустриальной, ей предстоит длительный переходный период индустриально-аграрного развития. И на этом новом этапе китайская деревня получила новую аграрную стратегию — *стратегию подъема и развития*.

Содержание и концептуальная новизна стратегии подъема деревни

Содержание *стратегии подъема деревни* богато, в нем сочетаются преимущество и новизна.

Первый план новой стратегии, именуемый кратко «опыт последнего пятилетия», фундаментален, он фактически представляет собой комплекс направлений основных системных и структурных реформ в деревне (в стадии экспериментов или реализации), включая проблему продовольственной безопасности страны, лежащих в основе аграрной политики и подтвержденных полностью в докладе XIX съезду КПК.

Второй план новой стратегии — ряд инновационных системных установок, которые в теоретическом, институциональном и правовом отношениях призваны обеспечить необходимые условия для реализации *стратегии подъема деревни*, аграрной политики и реформ в деревне в новых условиях.

Оба плана, взаимно соединяясь, дают новые концепции и подходы к решению модернизации сельского хозяйства и деревни, аграрной проблемы. Эти восемь инновационных положений таковы:

- 1) «осуществлять приоритетное развитие сельского хозяйства, деревни»;
- 2) проводить пять направлений «модернизации сельского хозяйства, деревни» — «возрождение производства», «благоустроенность с точки зрения экологии», «цивилизованность местных нравов», «эффективность управления» и «зажиточность жизни»;
- 3) «создавать здоровый системный механизм и систему политик интеграционно-го развития города и деревни»;
- 4) «форсировать модернизацию сельского хозяйства, деревни»;
- 5) «установить срок в 30 лет для продления земельного подряда после завершения его второго срока действия (2028 г.)»;
- 6) «осуществлять органическое единство в развитии хозяйств мелких крестьянских дворов и современного сельского хозяйства»;
- 7) «оздоровить систему управления в деревне, увязывая самоуправление, управление на основе закона и управление на основе морали»;
- 8) «воспитать отряд тружеников аграрного фронта, понимающих сельское хозяйство, любящих деревню, любящих крестьян»⁴⁶.

Важнейшие из новых концепций следующие:

— XIX съезд КПК предложил комплексный подход к решению аграрной проблемы, впервые поставив китайскую деревню на первое место в аграрной политике, наряду с двумя другими сторонами проблемы «*сань цун*» — сельским хозяйством и крестьянст-

вом. Взяв за основу первоначально выдвинутую задачу модернизации сельского хозяйства, съезд предложил новую концепцию *«модернизации сельского хозяйства и деревни»*.

– Неотъемлемой составной частью *стратегии подъема деревни* выступает новая концепция отношений города и деревни, включающая две установки: *«интегрированное развитие города и деревни»* (*чэн сянь жунхэ фачжань*) и *«создание здорового системного механизма и системы политик интегрированного развития города и деревни»*. Первая установка гарантирует равное и одинаково важное место деревни и города, вторая направлена на решение проблемы неравного положения деревни, демонтаж двухосновной структуры города и деревни.

Центральная задача *стратегии подъема деревни* в докладе XIX съезду КПК поставлена предельно четко: *форсировать модернизацию сельского хозяйства и деревни, решить в корне аграрную проблему, поднять деревню*. Осуществление модернизации сельского хозяйства и деревни носит комплексный характер, охватывая пять основных сфер общественного производства и жизни сельского социума: экономическая, экологическая, культурная, управление и социальная. По-китайски: «возрождение производства» (*чанье синван*), «благоустроенность с точки зрения экологии» (*шэнтай цзюй*), «цивилизованность местных нравов» (*сяньфэн веньмин*), «эффективность управления» (*чжили еусяо*) и «зажиточность жизни» (*шэнхо фуюй*)⁴⁷.

Главная задача *модернизации сельского хозяйства, деревни*, в свете новой аграрной стратегии XIX съезда КПК, по разделу экономики сформулирована так: *«поднять качество развития сельского хозяйства, сформировать потенциал новых движущих сил для развития деревни»*⁴⁸.

Реализация *стратегии подъема деревни* рассчитана на три этапа (шага).

I этап (2018–2020 гг.) включает решение двух «ключевых задач» — создание стабильной институциональной основы *стратегии подъема деревни* и полное преодоление бедности в стране. Первая задача: формирование системной (институциональной и правовой) основы *стратегии подъема деревни*, охватывающей все пять основных ее направлений: экономическое, политическое, культурное, социальное, экологическое. Вторая задача — завершающий этап борьбы по преодолению бедности. «Борьба по преодолению бедности — это фактически “нижняя граница” первого этапа осуществления *стратегии подъема деревни*. Нельзя допустить, чтобы, проблема бедности мешала началу *стратегии подъема деревни*, но в еще большей мере нельзя допустить, чтобы проблема бедности тянула эту стратегию вспять»⁴⁹.

II этап (2021–2035 гг.) включает реализацию *стратегии подъема деревни* на основе созданного институционального (системного) «каркаса». Его главная задача — форсирование модернизации сельского хозяйства, деревни. «Ключевые задачи» второго этапа (15 лет): *преобразование отношений города и деревни, развитие коллективной экономики деревни* (как основы развития современного сельского хозяйства, гаранта продовольственной безопасности Китая), увязка мелкого крестьянского двора с развитием современного сельского хозяйства, *развитие всех направлений стратегии подъема деревни (экономического, экологического, культурного и пр.)*

III этап (2036–2050 гг.): поскольку к 2035 г. будет в основном осуществлена модернизация сельского хозяйства, деревни, подъем ее войдет в завершающую стадию. На этом последнем стратегическом этапе основные усилия будут направлены на решение самых трудных ключевых проблем: особо усилено внимание к развитию культурного и экологического строительства, к созданию новой системы управления в деревне.

Согласно последним данным, уже завершена разработка конкретной программы реализации *стратегии подъема деревни*, которая была рассмотрена на заседании Политбюро ЦК КПК. Осуществление стратегии подъема деревни уже практически началось — с ее экономического блока («возрождения производства»).

Новые исторические шансы

Главное социальное противоречие в деревне, как мы убедились, является весьма глубоким. По признанию китайских ученых, из всех стоящих перед новой аграрной стратегией проблем самые трудные три: кадры, дефицит средств, стимулирование роста доходов крестьян⁵⁰ (эти проблемы в статье были частично затронуты). Но имеются и еще более сложные вызовы — обеспечить в целом последовательный транзит от традиционного общества к современному, к реализации «китайской мечты». И на все это остается лишь три десятилетия. К тому же, как отметил Си Цзиньпин на заседании Политбюро ЦК КПК, посвященном очередной теме коллективной учебы «Осуществление стратегии подъема деревни», «это невиданный, великий проект, которому нет аналога ни в прошлом, ни в настоящем, и нет опыта, который можно было бы заимствовать»⁵¹. Другими словами, самая большая трудность — в сложности самих целей и задач *стратегии подъема деревни*.

При этом впервые за долгие годы у деревни появились реальные шансы возрождения и активного развития. Это, прежде всего, *объективная необходимость преодоления отставания деревни как одно из незаменимых условий решения задачи построения общества «полного сяокан», преодоления бедности и социалистической модернизации страны, реализации «китайской мечты»*. Выдвижение *стратегии подъема деревни* — свидетельство признания руководством КНР этой объективной необходимости.

Это — новое положение деревни в системе отношений «город — деревня», которое может обеспечить ей вторую жизнь как полноценного социума наряду с городом путем тесной увязки урбанизации с модернизацией. Новейшей истории страны стало угодно, чтобы деревня, ее ресурсы — пространственно-территориальные, природные, людские, производственные, экономические, экологические, рекреационные и прочие — оказались в одночасье востребованными. Их значимость начинает расти. Задача *стратегии подъема деревни* как раз в том, чтобы максимально вовлечь эти ресурсы деревни в общественное производство, в процесс модернизации.

Главное здесь в том, что *дальнейшее поступательное социально-экономическое развитие страны (и социалистической модернизации особенно) может быть обеспечено во многом (или даже только так) за счет создания «нового пространства занятости», место которого оказывается в деревне, причем обеспечено на должном технологическом уровне (т.е. прогресса производительности труда) и с сохранением экологии*.

Иначе говоря, второй шанс деревни — возрождение через сельскую урбанизацию. По оценкам, чтобы поднять эффективность сельского хозяйства на современный уровень с земли должно уйти еще порядка 150–200 млн человек сельскохозяйственной рабочей силы, но теперь задачу обеспечения несельскохозяйственной занятости будут между собой делить город и деревня.

Для этого необходимо полноценное возрождение и всестороннее развитие деревни как равноправного субъекта национальной экономики. Нужны огромные средства и сильная поддержка государства. Не случайно XIX съезд КПК одним из принципов реализации новой стратегии назвал *первоочередное развитие сельского хозяйства, деревни, а стратегия подъема деревни вписана в новый Устав КПК*.

Этот шанс китайской деревни уникален. Удается ли в полной мере воспользоваться им, реализовать его, покажет время. Только тогда Китай сможет действительно превратиться в экономически сильную современную ведущую державу.

1. Полный текст доклада Си Цзиньпина XIX съезду КПК. URL: <http://china/caixin.com/2017-10-18/101158185.html/source EntityId=101158466> (на кит.яз.)
2. Документ ЦК КПК и Госсовета КНР № 1 (2018 г.). URL: http://www.gov.cn/zhence/2018-02/04/content_5263807.htm.

3. Полный текст доклада Си Цзиньпина XIX съезду КПК.
4. Там же.
5. Там же.
6. Документ ЦК КПК и Госсовета КНР № 1 (2018 г.)
7. Три составные части, или ключевые звена аграрной проблемы Китая (сельское хозяйство — деревня — крестьяне).
8. URL: <http://rdi.cass.cn/gzsn/201806/PO201806134608073836.pdf>.
9. Чжунго нунцунь цзинцизи. 2016. № 10. С. 3.
10. Согласно данным Министерства сельского хозяйства КНР, земельный надел подрядного двора за 26 лет (1986–2008) сократился почти на 40%. По статистике, в начале 2000-х годов в 1/3 провинций душевой размер земли был менее 1 му (0,067 га), а в 1/3 уездов — менее 0,046 га. Т.е. к началу 2000-х годов в 1/3 провинций способность земли обеспечить существование крестьян опустилась до нижней черты.
11. URL: <http://rdi.cass.cn/gzsn/201806/PO201806134608073836.pdf>.
12. Чжунго нунцунь цзинцизи. 2003. № 1. С. 23.
13. Подробнее см.: Бони Л.Д. Аграрная проблема Китая. М.: ИДВ РАН, 2009. С. 17–22.
14. Виноградов А.В. XIX съезд КПК: великий поход к возрождению // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 1. С. 77.
15. Нунцунь цзинцизи люйпишу. 2006–2007 гг. С. 51–52; 2014–2015 гг. С. 30–31.
16. URL: <http://rdi.cass.cn/gzsn/201806/PO201806134608073836.pdf>.
17. Вань Баожуй. Вого нунцунь гайгэ ды гуанхуэй личэн юй цзибэньцзиньян: [Блестящий процесс и основной опыт реформы в деревне страны] // Жэньминь жибао. 23.07.2018. URL: [http://theory/people.com.cn/n1/2018/0723/c40531-30162888.html](http://theory.people.com.cn/n1/2018/0723/c40531-30162888.html).
18. Чжунго нунцунь цзинцизи. 2016. № 10. С. 3.
19. URL: <http://rdi.cass.cn/gzsn/201806/PO201806134608073836.pdf>.
20. Там же.
21. Чжунго нунцунь яньцзю баогао. 2004 / Центр изучения аграрной экономики МСХ КНР. С. 28.
22. URL: <http://rdi.cass.cn/gzsn/201806/PO201806134608073836.pdf>.
23. Там же. С. 7.
24. Лю Шанси. Совершенствовать систему имущественного права в деревне, сокращать разрыв в уровне доходов в городе и деревне. URL: http://rdi.cass.cn/show_News.asp?id=36691.
25. Бони Л.Д. Деревня — «ключевое звено» построения общества сяокан // Азия и Африка сегодня. 2017. № 12. С. 46–53.
26. URL: <http://rdi.cass.cn/gzsn/201806/PO201806134608073836.pdf>.
27. ГСУ КНР. 2018 г. Е-КНР. 2012–2013 г. С. 164.
28. URL: <http://rdi.cass.cn/gzsn/201806/PO201806134608073836.pdf>.
29. Liang Liang Gao, Jiao Yan, Yue Du. Identifying the Turning Point of the Urban-Rural Relationship: Evidence from Macro Data // China and World Economy. 2018. Vol. 26. № 1. P. 9.
30. URL: <http://china.caixin.com/2017-03-15/101066409.html?source=EntityId=101141682>.
31. URL: <http://china.caixin.com/2017-10-16/101158466.html>.
32. Чжунхуа жэньминь чунхэго 2017 нянь гоин цзинцизи хэ шэхуэй фачжань туцизи баогао: [Доклад о развитии национальной экономики и социальной сферы КНР за 2017 г.] / ГСУ КНР. URL: http://WWW.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201802/t20180228_1585631.html.
33. Там же.
34. Сегодня в структуре прироста городского населения: 16% составляет естественный прирост, 5% — бывшие мигранты, получившие городскую прописку, 26% — прирост числа мигрантов-рабочих, а остальные 53% — это т.н. местные мигранты (*биньди*). Данные этой части структуры городского населения, т.е. «переместившегося населения недалеко от дома», представляют собой в основном результаты изменений административного районирования, как, например, перевод уезда в город, перевод волости — в поселок, деревни — в поселок и других способов фиксации прироста городского населения. Т.е. это — чисто статистические изменения, хотя многие лица из этой категории даже получили городскую прописку. Это, по сути, не затронуло ни характер занятости, ни места проживания и не явилось итогом новой перегруппировки рабочей силы (Цай Фан. Как поддержать более длительный путь урбанизации нового типа // Сюэси жибао. 27.04.2018. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2018/0427/c40531-29953600.html>).

35. Эти так называемые сельские мигранты — вновь сформировавшаяся рабочая сила из числа учащихся и выпускников начально-средних, высших и средних учебных заведений (в том числе бросивших учебу), в основном соответствующих возрастной группе сельского населения от 16 до 19 лет. Долгое время численность этой особой возрастной группы быстро росла, вплоть до 2014 г., после чего началось быстрое сокращение ее прироста, пока он не исчерпался. И как раз с 2014 г. начал также сокращаться прирост рабочей силы, приходивший из деревни в город (т.е. вдали от дома). См.: Сюэси шибао. 27.04.2018. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2018/0427/c40531-29953600.html>.
36. Там же.
37. Под понятием «урбанизация нового типа» китайские ученые имеют в виду миграцию сельского населения в город, когда получение занятости сопровождается получением городской прописки и пакета основных социальных услуг.
38. URL: http://www.agri.cn/V20SC/jjps/201801/t20180124_6040519.htm.
39. URL: http://agri.cn/V20/SC/jjps/201801/t20180124_6040521.htm.
40. Жэньминь жибао. 13.04.2018. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2018/0413/c40531-29923855.html>.
41. Сюэси шибао. 27.04.2018. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2018/0427/c40531-29953600.html>.
42. Там же.
43. Там же.
44. Там же.
45. URL: http://rdi.cass.cn/xsdu/201704/t20170419_341221.shtml.
46. Полный текст доклада Си Цзиньпина XIX съезду КПК.
47. Там же.
48. Документ ЦК КПК и Госсовета КНР № 1 (2018 г.)
49. Ван Яхуа. Как осуществлять стратегию подъема деревни в « три шага» // Жэньминь жибао. 13.04.2018. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2018/0413/c40531-29923855.html>.
50. URL: <http://rdi.cass.cn/gzsn/201806/PO201806134608073836.pdf>.
51. Жэньминь жибао. 23.09.2018. URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2018/0923/c1024-30309375.html>.

Военное строительство

Китайская академия инженерной физики — создатель китайского ядерного оружия

© 2018

В.Б. Кашин, Л.С. Крашенинникова

В статье рассматриваются основные этапы становления Китайской академии инженерной физики, единственной в Китае организации, отвечающей за разработку и производство ядерного оружия. Академия является относительно малоизвестным, при этом важным и быстро растущим компонентом китайского военно-промышленного комплекса. Ее деятельность не ограничивается ядерным оружием, но включает в себя работы над лазерным оружием, оружием на новых физических принципах и некоторые перспективные направления гражданских инноваций.

Ключевые слова: Китайская академия инженерной физики (CAEP), Китай, ядерное оружие, НИОКР, производство.

DOI: 10.31857/S013128120001140-5

Китайская академия инженерной физики (China Academy of Engineering Physics, CAEP) — особое по своему положению предприятие оборонно-промышленного комплекса КНР, ответственное за разработку и производство всех типов ядерных боеприпасов. Академия подчинена напрямую Госуправлению по оборонной науке, технике и промышленности Министерства промышленности и информатизации КНР, не входя в состав какой-либо другой оборонно-промышленной корпорации.

Сосредоточивая в своих стенах на протяжении десятилетий лучшие кадры китайских физиков-ядерщиков и специалистов по ряду других дисциплин, Академия не ограничивается работами по созданию ядерных боеприпасов. Она выполняет существенный объем фундаментальных исследований и участвует в важных проектах других корпораций ОПК, отвечая за элементы комплексных оборонно-технических проектов, связанных с разработкой новых материалов и систем оружия на новых физических принципах. Академия является важнейшим центром разработки перспективных технологий для нужд национальной обороны и промышленности КНР.

Кашин Василий Борисович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, доцент Факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: v_kashin@yahoo.com;

Крашенинникова Любовь Сергеевна, аспирант Факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: liubovkrashennikova@gmail.com.

В настоящей статье сделана попытка показать организационную структуру САЕР, некоторые количественные показатели ее работы, выявить ее отношения с другими госструктурами и предприятиями ОПК, по мере возможностей на основе анализа идентифицировать признаки количественных изменений в ядерном арсенале КНР. Последний вопрос приобрел актуальность, когда стало очевидным, что Китай — единственный из постоянных членов Совета Безопасности ООН, который постепенно наращивает число ядерных боеголовок, развернутых на стратегических носителях.

Место САЕР в оборонной промышленности и системе ядерной отрасли КНР

САЕР является научно-производственным учреждением примерно с 23 тыс. работников, включая 22 (или 23) академика Академии наук и Академии инженерных наук КНР¹, находящимся в прямом подчинении Госуправлению по оборонной науке, технике и промышленности Министерства промышленности и информатизации КНР, которое отвечает за государственное регулирование в сфере оборонной промышленности, выработку научно-технической политики, координацию крупных проектов. По своему положению она, таким образом, равноценна 10 оборонно-промышленным корпорациям, контролирующим основные активы китайского ОПК и также подчиненным Госуправлению напрямую, хотя и имеет намного меньшие размеры (основные китайские военно-промышленные конгломераты имеют 100 и более тысяч работников). В рамках некоторых подразделений академии (НИИ) функционируют «приоритетные государственные лаборатории» (guojiaji zhongdian shiyanshi) для проведения оборонных НИОКР, которые получают дополнительную финансовую поддержку правительства КНР. В систему ОПК входят две другие ключевые компании ядерной промышленности КНР — Китайская национальная ядерная корпорация (China National Nuclear Corporation, CNNC) и Китайская ядерная инженерно-строительная корпорация (China Nuclear Engineering and Construction Group Corporation, CNECC).

CNNC контролирует все этапы ядерного топливного цикла, начиная от добычи урановой руды и заканчивая производством топливных сборок (за их производство отвечает дочерняя China Nuclear Fuel Corporation)², занимая в этом отношении в Китае монопольные позиции, а также является крупным (но не единственным) разработчиком и производителем оборудования для предприятий, производящих компоненты ядерного оружия и гражданской атомной энергетики. CNECC является крупнейшей китайской компанией, специализирующейся на возведении ядерных объектов как гражданского, так и военного назначения и, как следует из информации на сайте компании, технически сложных объектов ОПК в целом³. Компания, таким образом, отчасти соответствует по своим функциям упраздненному некоторое время назад российскому Федеральному агентству специального строительства.

В отличие от них, САЕР является единственным в Китае центром создания ядерного оружия⁴, ответственным за проведение соответствующих перспективных исследований, разработку и непосредственно производство новых ядерных боезарядов и продление срока уже стоящих на вооружении⁵. Отдельные подразделения САЕР задействованы в исследованиях с компьютерным моделированием ядерных взрывов, гидродинамических исследованиях, проведении подкритических ядерных испытаний с использованием обычных взрывчатых веществ, а также в разработке неядерных компонентов и сборке ядерных головных частей, подготовке расщепляющихся материалов, изучении физики плазмы и нейтронов и пр. Отнесение САЕР к CNNC является часто встречающейся ошибкой, хотя взаимодействие САЕР с CNNC и CNECC является весьма тесным. До 1988 г. САЕР и CNNC были частями Министерства атомной промышленности КНР⁶. САЕР также выполняет значительный объем фундаментальных исследований, работы в интересах гражданских заказчиков, а также ведет проекты оборонно-промышленного характера, не имеющие отношения к производству ядерных боезарядов. Ее деятельность во многом подчинена принципу

«интеграции военной и гражданской промышленности»⁷. САЕР осуществляет венчурные инвестиции и владеет акциями многочисленных узкоспециализированных компаний, выпускающих продукцию военного и двойного назначения в соответствии с профилями НИИ в ее составе. Этот процесс осуществляется с помощью системы аффилированных структур, формирование которой пришлось на середину — вторую половину 2000-х годов⁸: главные из них — Sichuan-CAEP-Tech co., Ltd (известный также как «Центр передачи технологий») и находящаяся в совместном владении с Guangdong Ruibang Venture Capital компания Sichuan-CAEP VC-Co., Ltd⁹, холдинг Sichuan Forever Holding Co.¹⁰ Известные разработки связаны, в частности, с созданием материалов для производства ракетных систем. Академия также играет важную роль в разработке различных образцов лазерной техники военного и двойного назначения. В частности, разрабатываются технологии лазерной локации (лидары) и с 1990-х годов ведутся перспективные исследования в области создания лазерного оружия¹¹. Кроме того, подразделения САЕР задействованы в разработке микроволнового оружия¹², исследованиях и внедрении радиоволновых технологий, радаров и приборов телеметрии, композитных и полимерных материалов для оборонной промышленности, участвуют в осуществлении программы международного экспериментального термоядерного реактора (ITER) и др.

Правовой статус САЕР определен совместным решением Центрального военного совета (ЦВС) КНР и Госсовета КНР от 26 февраля 1990 г., постановивших, что Академия является самостоятельной организацией, напрямую подчиненной Комитету по оборонной науке, технике и промышленности КНР (КОНТОП), правительственному органу, наследником которого является упомянутое выше Госуправление в составе Министерства промышленности и информатизации¹³. Указывалось также, что Академия должна учитываться как отдельная единица при планировании (очевидно, бюджетном)¹⁴. 8 декабря 2000 г. Госсовет и ЦВС приняли еще одно решение, упоминаемое в ряде случаев как «Постановление № 40», в котором было «уточнено распределение ответственности государственных органов» в отношении академии и, что важно, «усилено единство руководства партии и государства» в отношении САЕР¹⁵.

Последнюю фразу можно интерпретировать как подтверждение факта, что главные вопросы управления Академией, включая основные кадровые назначения, находятся в исключительном ведении ЦВС, как специфического единого органа «с двумя вывесками», имеющего статус и госструктуры, и структуры ЦК КПК. Глава Академии имеет ранг заместителя министра.

История возникновения и развития САЕР

История существования САЕР насчитывает почти шесть десятилетий, в течение которых эволюционировала ее структура, изменялись название и принадлежность. Политическое решение о начале разработки ядерного оружия было принято на расширенном заседании секретариата ЦК КПК под председательством Мао Цзэдуна 15 января 1955 г. Китайская академия инженерной физики вошла в число ключевых структур по реализации программы «две бомбы и спутник» — практического оформления решения от 15 января 1955 г., а также выдвинутой Мао Цзэдуном (в ходе расширенного заседания ЦВС от 21 июня 1958 г.) идеи создания атомной и водородной бомб и межконтинентального средства их доставки в течение одного десятилетия¹⁶. Реализацию программы курировал премьер Госсовета Чжоу Эньлай, непосредственно руководил маршал Не Жунчжэнь.

16 ноября 1956 г. на 11-й сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 1-го созыва было утверждено создание Третьего министерства машиностроения КНР, ответственного за разработки и производство ядерного оружия. 8 января 1958 г. в министерстве появилась специальная структура, ответственная за проект создания ядерного оружия, включая его разработку, производство и формирование производственной базы. Она получила название Девятое управление (бюро) Третьего министерства машиностроения КНР. Уже в феврале Третье министерство было в связи с реорганиза-

цией правительства переименовано во Второе (решение было узаконено постановлением ВСНП в ноябре 1958 г.) Однако номер 9 закрепился с тех пор за китайской структурой по созданию ядерного оружия и был пронесен через все реорганизации (САЕР до сих пор часто для краткости, в особенности в оборонно-промышленных кругах, называют «Девятая Академия»). Наряду с существованием Девятого управления, в октябре 1958 г. был создан НИИ № 9 в Пекине. По не вполне ясным причинам несколько месяцев существования Девятого управления до образования НИИ (январь—октябрь 1958 г.) сейчас принято игнорировать, и именно дата основания этого НИИ, находившегося в Пекине, до сих пор отмечается в качестве даты основания САЕР.

К 1960 г. в работе 9-го Бюро и НИИ были задействованы более 4300 человек. Приоритетность проекта по созданию ядерного оружия поставила управление 9-й Академии выше, чем Академия наук КНР. К работе привлекались ученые АН КНР, при формальном сохранении мест в обеих структурах приоритет отдавался 9-й Академии.

В «Заметках об учебнике “Политическая экономия”» Мао Цзэдуна, написанных в 1960 г., есть негативное упоминание о том, что «физики-атомщики говорят, что партия не может руководить наукой»¹⁷. Возможно, ученые Академии в силу своего особого статуса проявляли признаки вольнодумства, что и вызвало недовольство вождя.

В течение первых четырех лет работа над созданием ядерного оружия была сконцентрирована в НИИ № 9 в Пекине. Однако размещение ключевого НИИ в столице не отвечало требованиям ни безопасности, ни секретности, а потому изначально считалось временной мерой. До 1960 г. в КНР работало более 230 советских специалистов в области ядерной промышленности. После их полного отъезда летом 1960 г. работа над постройкой производственных мощностей для поточной наработки урана-235 продолжилась самостоятельно.

Еще в 1958 г. ЦК КПК одобрил строительство новой производственной и научно-исследовательской базы Цзиньиньтань в уезде Хайянь провинции Цинхай («Завод № 221», или «База 221»). В декабре 1962 г. сюда перевели часть технического персонала и исследовательского оборудования, в марте 1963 г. на Завод № 221 прибыла большая часть исследовательского состава НИИ № 9, включая ведущих физиков-ядерщиков¹⁸.

25 февраля 1964 г. входившие в состав Второго министерства машиностроения 9-е управление и 9-й НИИ были объединены в единую структуру — 9-ю конструкторско-исследовательскую академию Второго министерства. Новая «База 221» получила статус отделения новой академии. В Пекине остались отдел теоретических исследований, конструкторское бюро, испытательная база, а также часть производственных мощностей.

Была создана отдельная система обеспечения безопасности и охраны государственной тайны на ядерных объектах. В 1956 г. для решения этой задачи было образовано специальное подразделение в рамках Министерства общественной безопасности (МОБ) КНР — Управление безопасности ядерной промышленности, в последующем сменявшее несколько названий (22-е, 13-е, 4-е управление МОБ).

Таким образом, к 1964 г. вся деятельность по разработке и производству ядерного оружия была сконцентрирована в 9-й Академии, которая вобрала в себя структуры бывших 9-го управления, 9-го НИИ в Пекине и новую производственную базу в провинции Цинхай. Консолидация состоялась незадолго до первых китайских испытаний атомной бомбы 16 октября 1964 г. Последующая работа Академии осуществлялась в тесном сотрудничестве с другой важнейшей структурой китайского оборонно-промышленного комплекса — 5-й академией Министерства обороны КНР, ответственной за создание баллистических ракет. 27 октября 1966 г. Китай впервые успешно испытал баллистическую ракету DF-2 с атомной боеголовкой, а 17 июня 1967 г. — термоядерный боеприпас.

База в Цинхэе стала лишь первым инфраструктурным проектом, спустя 3 года (в мае 1965 г.) ЦК КПК было одобрено создание более совершенной «базы № 902» в гористой местности пров. Сычуань (уезд Цзытун городского округа Мянъян). За годы рабо-

ты на цинхайской базе были созданы и успешно испытаны атомная (16 октября 1964 г.) и водородная (17 июня 1967 г.) бомбы.

Политико-экономические процессы первых десятилетий становления КНР (события «большого скачка», голод начала 1960-х, «культурная революция») негативно отразились на развитии многих отраслей промышленности КНР. Вопреки распространенным представлениям об «особом статусе» предприятий, участвовавших в создании стратегических вооружений, китайская атомная промышленность в значительной мере пострадала от нападков левацких студенческих и рабочих организаций, а их кадровый состав впоследствии подвергся репрессиям.

В годы активной фазы «культурной революции» (с 1967 по 1973 г.) Академия была частью армейской структуры (9-я Академия НОАК). Она подчинялась Комитету по научно-техническим вопросам оборонных технологий НОАК. В этот период к работе завода подключилось значительное число военных, что, по словам очевидцев, негативно отразилось на работе гражданских специалистов¹⁹.

Тем не менее перевод Академии в структуру НОАК, вероятно, был продиктован интересами безопасности, удержания контроля над предприятием и сохранения непрерывности исследовательских и производственных процессов.

Решение о переводе было принято 5 марта 1967 г. по непосредственному предложению куратора программы создания «двух бомб и спутника» маршала Не Жунчжэня. Причиной стали опасения руководства КНР относительно безопасности предприятия с началом массовых погромов, организованных хунвэйбинами в Синине (пров. Цинхай). В течение некоторого времени группировка хунвэйбинов действовала и на самом предприятии.

События культурной революции негативно отразились на работе многих отраслей промышленности КНР, и ядерный оружейный комплекс не был исключением. Перенос научно-исследовательских и производственных мощностей в 1969 г. также сопровождался кровавыми чистками, которые, по воспоминаниям очевидцев, отличались массовостью и жестокостью²⁰.

В 1969 г. учреждения 9-ой академии начали постепенный переезд на новую базу в уезде Цзытун в провинции Сычуань. На этот раз китайское руководство решило сконцентрировать в данном районе все учреждения 9-й Академии. Помимо главной производственной базы в уезде Цзытун (база 902), 12 входивших к этому времени в состав Академии НИИ и другие учреждения были перебазированы в близлежащие уезды, в города Мяньян и Гуаньюань.

После 1973 г. ЦВС и Госсовет приняли решение о возвращении Академии в структуру 2-го Министерства машиностроения (9-я Академия Второго министерства машиностроения).

В 1983 г. началось строительство нового полноценного «научного городка», расположенного в г. Мяньян пров. Сычуань («объект 839»), куда Академия переместилась в 1990 г. и располагается по сей день. Тогда же Академия получила статус отдельного хозрасчетного субъекта в государственном планировании с относительной степенью автономности под кураторством КОНТОП. Объект в Цзытуне пребывал в запустении, но в 2013 г. был отреставрирован и открыт для посещения публикой в качестве достопримечательности для патриотического «красного туризма»²¹. Считается, что важнейшим достижением Академии в «цзытунский» период стала успешная разработка нейтронной бомбы (испытана в 1988 г.)

«Научный городок», в котором находится головной офис САЕР, расположен на окраине г. Мяньян вдоль берега р. Фуцзян (сегодня его общая площадь составляет 5,6 кв. км). Ряд научно-исследовательских и административных филиалов вынесены в крупные промышленные города — Пекин, Шанхай, Чэнду, Шэньчжэнь и др. Крупнейшее из предприятий (НИИ № 907) расположилось в 40 км от г. Мяньян — в г. Цзянью.

С 1982 г., в связи с переименованием Второго министерства машиностроения в Министерство атомной энергетики, 9-я Академия стала называться 9-й Академией

атомной энергетики. В 1985 г. она получила второе полуофициальное название для «внешнего использования» (Китайская академия инженерной физики), которое официально используется сегодня. Министерство атомной промышленности было расформировано тремя годами позже, на его основе была создана упомянутая выше Китайская национальная ядерная корпорация (CNNC) и выделена САЕР (9-я Академия атомной промышленности) как отдельный субъект. С 1984 г. на базе ряда НИИ Академии открываются магистратуры и аспирантуры, устанавливаются связи с зарубежными научными центрами.

В 2016 г. правительство пров. Сычуань подписало соглашения о сотрудничестве с 11 корпорациями ОПК и САЕР в интересах коммерциализации военных технологий и их внедрения в гражданскую сферу²².

Основные структурные подразделения САЕР

НИИ-901 — Институт физики жидкостей

Одним из важных структурных подразделений САЕР является Институт физики жидкостей (НИИ-901). НИИ оформился в отдельную структурную единицу в конце 1969 г. путем объединения исследовательских лабораторий (2-й, 19-й, 21-й, 22-й и 24-й) Базы 221. В 1970 г. НИИ-901 был переведен г. Гуаньюань пров. Сычуань, а в 1990 г. разместились в научном городке САЕР в Мяньяне и получил свое нынешнее название.

В настоящий момент НИИ занят разработкой и частичной коммерциализацией технологий военного и двойного назначения, представляет высокотехнологичный сегмент предприятий китайского ОПК (высокотехнологичные виды вооружений) и входит в цепочку предприятий по разработке ядерных боеприпасов. Основной специализацией НИИ-901 является разработка технологий и проведение гидродинамических исследований и экспериментов, связанных с разработкой ядерных боеприпасов. Наряду с этим НИИ вовлечен в разработку неядерных боевых частей для современных видов оружия, проводя исследования в сфере физики детонации и физики ударных волн. Другие исследования связаны с разработкой и эксплуатацией ускорителей, работы ведутся в сферах оптической электроники, лазерного воздействия на вещество, вычислительной математики и механики.

Тематика работы данного НИИ, связанная с проведением докритических испытаний ядерных зарядов, приобрела особое значение для КНР после того, как страна приняла на себя обязательства соблюдать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний в 1996 г.²³

НИИ обладает рядом полигонов для проведения испытаний и уникальным оборудованием, в том числе линейными ускорителями индукционного типа «Шэньлун-1», «Шэньлун-2», импульсным ускорителем «Цзюйлун-1», а также источником рентгеновского излучения, подобным известной Z-машине в американской национальной лаборатории Сандия.

Одними из ключевых подразделений НИИ являются Лаборатория физики взрыва и ударных волн, а также Центр испытания и оценки параметров взрыва и ударных волн.

За 6 лет (2009–2015) количество штатных сотрудников НИИ-901 увеличилось с 750²⁴ до 900 человек²⁵. Среди них количество высококвалифицированных специалистов возросло с 160 до 300 человек, работников с ученой степенью магистра и выше — с 280 до 400 человек и, судя по данным рекрутинговых веб-сайтов, привлечение новых квалифицированных сотрудников продолжается. В частности, привлекаются кадры для исследования физических характеристик и систем безопасности оружейных систем и работы с техникой в условиях высокой компрессии.

Институт пользуется большим признанием, он отмечен различными государственными наградами (на 2015 г. — в общей сложности 600 наград за технологические достижения). НИИ-901 курирует два периодических издания на китайском языке — «Взрывы и ударная волна» и «Вестник физики высоких давлений».

НИИ-902 — Институт ядерной физики и химии

Другое ключевое предприятие в составе САОР — Институт ядерной физики и химии — функционирует с момента основания Академии (1958 г.). Как и НИИ-901, данное подразделение вовлечено в проекты и гражданского, и военного назначения. НИИ специализируется на исследованиях в области ядерной физики низких энергий, в частности, нейтронной физики, радиационного излучения, физики реакторов, ускорителей, обеспечении радиационной безопасности.

В распоряжении НИИ имеются нейтронные реакторы, в частности реактор на тепловых нейтронах, импульсный реактор на быстрых нейтронах, ускорители, спектрометрическое оборудование, лазерные установки, используемые для изучения физики плазмы, радиохимии и других дисциплин. Ключевыми подразделениями являются Лаборатория нейтронной физики, Центр тестирования материалов, Центр анализа свойств изотопов.

Помимо финансирования в рамках САОР, институт получает государственную поддержку по линии естественнонаучных исследований и передовых оборонных технологий, является участником национальных конференций по вопросам применения инфраструктуры в области нейтронной физики и лауреатом многочисленных государственных премий.

В последние годы штат предприятия расширяется наиболее динамичными темпами: за 5 лет, с 2011 по 2016 г., он увеличился более чем на треть, с 600²⁶ до 810²⁷ сотрудников, причем три четверти из них имеют высшее техническое образование. Процесс привлечения сотрудников продолжается, около половины текущих вакантных позиций предназначены для специалистов высокой квалификации. НИИ инициирует программы повышения квалификации в сфере нейтронной физики (в рамках лаборатории нейтронной физики для оборонных нужд). В 2015 г. курс обучения «технологические вопросы примененные слабого рассеивания и отражения нейтронов» провел авторитетный специалист в области нейтронной физики Чарльз Кан²⁸.

НИИ-903 — Институт химических материалов

НИИ создан в 1958 г. и располагается в городе Мьянган. По официальной информации. Институт курирует или принимает участие в фундаментальных исследованиях для оборонных структур и ОПК, проектах «Оборонного плана 973» (запущен в 2004 г.), исследованиях курируемых Управлением оборонной науки, техники и промышленности. Институт получил около 400 наград за вклад в развитие научно-технического прогресса в ВПК.

Основная специализация работы — анализ свойств энергетических материалов (взрывчатых веществ, твердого ракетного топлива и т.п.), а также покрытий и связующих материалов. Кроме того, институт занимается вопросами внедрения энергетических материалов в военное производство на основе нанотехнологий, молекулярного синтеза, химии кристаллов и др. Помимо исследования физики веществ для создания боеприпасов, НИИ-903 занимается сбором микроэлектромеханических детонаторов (имеет соответствующие патенты на производство слэппер-детонаторов, которые могут относиться к системам подрыва ядерных боезарядов).

При НИИ-903 действует отдельный *Центр исследования и оценки энергетических материалов*, который проводит исследования свойств взрывчатых веществ, необходимых для создания ядерных боезарядов пластинчатых — тротила (TATB), гексогена (RDX), а также октогена (HMX) и тринитротолуола (TNT). Кроме того, Центр занимается тестированием сложных химических соединений, применяемых в аэрокосмической технике (PAPI, MDI), а также НТРВ (используется для реакций в ракетных двигателях)²⁹, обычной взрывчатки (пороха), и сопутствующими исследованиями. В работе Центра участвуют 30 человек, в том числе 5 докторов наук, 11 приглашенных исследователей, работают 4 профильные группы: по материаловедческим расчетам, синтезу молекул энергетических веществ, изучению кристаллических энергетических соединений и группа по нанотехнологиям.

Динамика прироста кадрового состава НИИ-903 ощутима: за 6 лет, с 2010 по 2016 г. штат увеличился на 25% (с 800³⁰ до 1000³¹ человек).

НИИ-904 — Институт общего проектирования

Штаб-квартира Института общего проектирования САЕР располагается в Мьян-яне, также имеются филиалы в Пекине, Шэньчжэне, Чэнду, Шанхае. НИИ-904 создан в 1958 г., является центром для проведения испытаний систем вооружения и компонентов ядерного оружия, а также разработки испытательного оборудования.

НИИ-904 вовлечен в проведение многопрофильных военных НИОКР, а также разработку технологий двойного назначения. По официальной информации, приоритетными направлениями исследований являются: 1) проектирование сложных систем, негабаритного центрифужного и крупногабаритного оптико-механического оборудования; 2) техническая термодинамика, расчет характеристик систем при работе в различных условиях (устойчивость при воздействии высоких температур, электромагнитных ударных волн и импульсов); 3) тестирование оружейных систем в заданных условиях; 4) прикладные исследования материалов, включая энергетические материалы и сверхпрочные покрытия.

В инфраструктуру НИИ входит 6 лабораторий и испытательный центр. В его распоряжении самая большая в Азии испытательная центрифуга и единственная в КНР центрифуга для комплексного исследования аэродинамической и центробежной сил.

Продукция НИИ, представленная на официальном сайте, включает разнокалиберные модификации типового центрифужного оборудования для «тестирования головных частей и бортовых электронных систем ракет в заданных условиях», геотехнические центрифуги и др.

НИИ предоставляет спектр услуг по проведению испытаний различных систем вооружения и военной техники: тестирование на воздействие ускорений (радиационное оборудование, взрывчатые вещества и запальные системы) с использованием центрифуг, тестирование в заданных условиях, испытания на ударную нагрузку, звуковое воздействие в различных диапазонах частот, воздействие температурных условий, огнеупорность и др.

Динамика наращивания кадрового состава недоступна. Информация о количестве «более 700 человек», содержащаяся на официальном сайте НИИ, обновлялась в 2009 г. Из них — 450 специализированных технических работников, 190 инженеров, 90 инженеров высшей категории и младших научных сотрудников, 25 научных сотрудников. Также, исходя из информации рекрутинговых сайтов, в НИИ работают 11 академиком АН и Академии инженерных наук КНР³².

НИИ-905 — Институт электронной инженерии

НИИ-905 создан в 1960 г., сегодня расположен в научном городке САЕР в Мьян-яне. Его специализацией является системное проектирование и создание систем автоматизированного управления и контроля, микроволновые и электромагнитные технологии, применение терагерцового излучения, разработка радиолокационной техники, микроэлектроники и электроники, устойчивой к радиационному воздействию. Институт занимается производством измерительного оборудования и систем дистанционного управления, радаров, антенн, приборов телеметрии, разного рода датчиков, сенсоров, проводит исследования с применением электрического тока в вакууме и разработку электрохимических источников электроэнергии.

Инфраструктура включает 16 исследовательских лабораторий, в том числе лабораторию по исследованию электромагнитной совместимости, центр оценки программного обеспечения, центр прикладных научно-технологических исследований компонентов, 2 производственных цеха, центр контроля качества. Встречаются аналогии с американскими национальными лабораториями Сандия³³, которые вовлечены в производство ядерных компонентов для ядерных вооружений.

Наблюдается умеренная динамика увеличения кадрового состава. С 2005 по 2014 г. количество сотрудников выросло на 15% (с 1300³⁴ до 1500 человек). В их число входят 2 академика, более 500 инженеров (включая 50 PhD), более 400 младших научных сотрудников. Институт продолжает набор сотрудников с приоритетом для PhD. По данным

рекрутингового сайта. по состоянию на 2014 г., средняя заработная плата составляла 120–150 тыс. юаней, для сотрудника более высокой категории — от 140 тыс. юаней в год³⁵.

НИИ-906 — Институт технологий машиностроения

НИИ-906 был создан в 1959 г. Его основная часть расположена в комплексе САЕР в г. Мянъян, также имеется исследовательский центр в г. Чэнду. Работа НИИ связана с точным станкостроением, интеграцией механических и электронных систем, ракетостроением. Инфраструктурное обеспечение включает большое количество единиц оборудования для высокоточных измерений, «первоклассные» по государственным меркам лаборатории для тестирования станков. Направления исследований, соответственно, включают высокоточные измерения, высокоскоростную обработку и разработку высокотехнологичного оборудования. В сфере ОПК работа института заключается во внедрении технологий точной обработки.

Судя по данным рекрутинговых сайтов, динамики роста кадрового состава с 2002³⁶ по 2015 г. не наблюдается (около 1000 человек). Тем не менее на протяжении этого периода встречаются данные о привлечении небольшого числа квалифицированных специалистов с приоритетом для выпускников вузов — участников престижной программы «211». Не менее 40% работников по каждому направлению — технические специалисты, из них около 45% имеют степень магистра или доктора наук. Уровень заработной платы магистра составляет 100–140 тыс. юаней в год, доктора — 140–180 тыс. юаней в год³⁷.

НИИ-907 — НИИ материаловедения

Согласно ряду официальных публикаций, НИИ-907 — «самый большой НИИ САЕР». Одним из структурных подразделений НИИ является Завод № 903, отвечающий за разработку и финальное производство ядерных боеприпасов. Завод № 903, в свою очередь, известен как Сычуаньский институт материалов и технологий³⁸.

НИИ был создан в 1969 г. Он расположен в городе Цзянью пров. Сычуань, в 150 км от столицы провинции Чэнду и 40 км от города Мянъян. НИИ представляет собой самодостаточный городок с высокоразвитой инфраструктурой (здравоохранение, ЖКХ, образование, рекреация, собственная телевизионная станция и т.д.) Завод № 903 по серийному производству ядерных боезарядов расположен в гористой местности между уездом Пинъю и Сяньянь³⁹, к северу от г. Цзянью. Это предприятие примерно с 1000 работников, около 200 из них имеют ученые степени докторов наук. Здесь также работают все три члена Академии инженерных наук КНР, которые числятся за НИИ-903.

НИИ-907 проводит исследования фундаментального и прикладного характера и предоставляет консолидирующую базу для проведения НИОКР военного назначения, располагает передовым оборудованием и технологической базой для проведения подготовки, обработки, синтеза и расщепления материалов, ядерных исследований, изучения материалов в экстремальных условиях.

Главным направлением данного НИИ является работа со специальными (гелий, водород, тяжелый водород (дейтерий), тритий, бериллий) и расщепляющимися (уран, плутоний) материалами. Научно-исследовательские работы направлены на изучение ядерного топливного цикла, систем защиты от радиационного излучения, охраны окружающей среды и радиационного контроля, физики плазмы и конденсированных состояний. Кроме того, среди направлений его работы упоминается сфера порошковой металлургии (используется в авиа- и ракетостроении, космонавтике) и нанотехнологиях.

В структуру НИИ-907 входит более 20 лабораторий и инженеринговых центров, 3 научно-исследовательских центра, расположенных в г. Чэнду (включая Центр исследований динамики и устойчивости поверхностей и Центр инженерно-технических исследований дейтерий-третиевого топливного цикла) и 2 корпорации (в том числе Sichuan Yijing SciTech Ltd.). Известно о том, что НИИ-907 готовится к созданию собственного синхротрона (источника синхронного излучения), ускорителя тяжелых ионов, центра исследований изотопов водорода и других масштабных НИОКР.

Центр исследований динамики и устойчивости поверхностей в составе НИИ-907 причастен к международной программе ITER и участвует в исследованиях китайского термоядерного реактора Experimental Advanced Superconducting Tokamak, который управляется группой институтов естественнонаучных испытаний г. Хэфэй под эгидой АН КНР. Центр исследований динамики и устойчивости поверхностей одновременно входит в Центр научно-технологических разработок САЕР в г. Чэнду с уровнем зарплат 100–200 тыс. юаней в год для высококвалифицированных сотрудников⁴⁰. В 2013 г. к созданию и управлению Центром привлечен проф. Аарт Клейн из Лейденского университета (Нидерланды)⁴¹.

Центр инженерно-технических исследований дейтерий-тритиевого топливного цикла создан в 2013 г. Занимается технологиями водородной энергетики, включая вопросы реакторных технологий (инженерия и безопасность).

НИИ-907 сотрудничает со многими техническими вузами КНР, в том числе Юго-западным научно-технологическим университетом, Научно-техническим университетом КНР и др.

За непродолжительное время, с 2014⁴² по 2015⁴³ г., в штат принято 60 сотрудников со степенями докторов наук и 20 специалистов. По состоянию на 2017 г., в штате сотрудников работало более 220 докторов наук, более 300 специалистов, 3 китайских и 1 иностранный академик⁴⁴, 50 профессоров и более 300 доцентов, 1 группа по разработке технических инноваций для оборонных нужд. Годовой заработок доктора наук составлял 130–180 тыс. юаней⁴⁵.

НИИ-908 — Центр исследований лазерного термоядерного синтеза

Основная часть расположена в научном городке в г. Мяньян, также имеется филиал в г. Чэнду. Центр был создан в апреле 2000 г.

НИИ на сегодняшний день является единственным в КНР центром, который специализируется на технологиях лазерного термоядерного синтеза (inertial confinement fusion, ICF). Это одно из ключевых исследовательских подразделений САЕР.

Предположительно, в рамках работы над ICF, проводятся исследования на мощных лазерных установках (последнее поколение — лазер Шэньгуан-3), супермощных короткоимпульсных лазерных системах (более 100 ТВтЭЛ).

Разработки сосредоточены на лазерных технологиях в физике высоких плотностей и энергий, неустойчивых состояниях, измерениях эффективного сечения ядерных реакций (т.е., вероятности возникновения ядерной реакции в заданных условиях), передовых оптических технологиях, прецизионной оптике.

С момента своего создания Центр получил от государства не менее 114 поощрений, в том числе более 60 поощрений за разработку передовых технологий военного назначения.

НИИ состоит из 8 подразделений. В его состав также входит 1 ключевая государственная лаборатория для исследований физики плазмы высоких плотностей и температур.

По состоянию на 2013 г., штат Центра насчитывает более 700 сотрудников. Начальный уровень заработной платы составляет около 80 тыс. юаней в год для бакалавра и 110 тыс. юаней для доктора⁴⁶.

НИИ-909 — Пекинский институт прикладной физики и компьютерных вычислений

Институт был создан в 1958 г. с целью проведения фундаментальных теоретических и практических исследований⁴⁷. Он проводит ряд научных и прикладных (инженерных) вычислений, включая математические способы решения сложных задач в разных сферах, цифровое моделирование, управление оружейными системами и имеет тесные связи с другими китайскими и западными институтами. Физические исследования охватывают большинство ключевых сфер САЕР: теоретическая физика, физика плазмы, лазеров, атомных и элементарных частиц. В инфраструктуру входит «ключевая государственная лаборатория» вычислительной физики, вычислительный центр, центр исследования

нелинейной физики, лаборатория изучения мощных излучений, центр анализа атомно-молекулярных данных.

По данным за 2016 г., в штате состоит 400 квалифицированных специалистов, более 100 научных сотрудников (из них от 12 до 14 академиков АН и Академии инженерных наук КНР), 30 человек получают особую господдержку, есть стипендиаты Фонда выдающихся молодых ученых⁴⁸.

НИИ-910 — Юго-западный институт прикладной электроники

Создан в 1969 г. По открытой информации, НИИ-910 занимается разработкой передовых оборонных технологий, с конца 1980-х годов в рамках Плана 863 осуществляет НИОКР в сфере создания мощных лазеров, применения высокочастотных микроволновых, радиоволновых и терагерцевых излучений. Практическое применение в оборонной промышленности связано с разработкой современных видов вооружения: развитием систем ПРО, слежения, наведения и целеуказания (для противоспутникового оружия), совершенствованием РЛС оборудования и техники. По информации американских экспертов, Институт прикладной электроники участвует в разработке высокоомощных микроволновых систем вооружения и военной техники (совместно с Северо-восточным институтом ядерных технологий, расположенном в г. Сиань)⁴⁹.

В инфраструктуру НИИ входят несколько ключевых лабораторий государственного значения, которые проводят НИОКР для ОПК. В рамках реализации Плана 863 функционируют ключевая государственная лаборатория по изучению интенсивного излучения, контрольная лаборатория по регулированию лучепотоков и Центр исследования терагерцевого излучения. Кроме того, в инфраструктуру НИИ-910 входит ключевая оборонная лаборатория по изучению высокочастотного микроволнового излучения, подразделение Национального центра по внедрению атомных технологий, которое специализируется на пусковых установках-ускорителях⁵⁰, имеются «образцовая база» по использованию промышленной томографии и крупный центр по оцифровке данных излучений. Структура Института включает отдел по лазерным исследованиям, который в некоторых источниках именуется «лазерным центром».

Известно о сотрудничестве НИИ-910 с Институтом физики жидкостей (НИИ-901) по проектам создания противоспутникового оружия направленного действия на основе лазеров свободных электронов (free electron laser, FEL). Работы по созданию подобного оружия начались еще в середине 1980-х годов, в 1993 г. НИИ-901 протестировал первую FEL-установку «Шугуан-1»⁵¹, разработанную совместно с НИИ-910 в 2000-х годах. НИИ-910 были разработаны линейный ускоритель электронов с малым фокусным пятном мощностью 9МВт «с функциональными характеристиками мирового уровня» (2003 г.), контрольно-измерительное устройство, основанное на плоских детекторах (2004 г.), лазер свободных электронов — источник терагерцевого излучения (2005 г.)

О перспективных разработках в сфере лазерного и противовоздушного/противоракетного оружия свидетельствуют и другие виды исследовательской инфраструктуры НИИ-910 — оборудование для создания высокочастотного микроволнового излучения и мощный твердотельный лазер. Установленный на мобильный носитель, например, истребитель, твердотопливный лазер способен поражать воздушные и наземные цели и является более совершенным видом лазерного оружия, чем химические лазеры. В инфраструктуру НИИ также входят некоторые виды крупногабаритной высокотехнологичной аппаратуры — высокоомощная электронная микроволновая пушка, импульсная установка-ускоритель «Шангуан-1» собственной разработки, линейный ускоритель электронов в диапазоне 30MeV, электродный фотокатодный инжектор высокой яркости.

Институт является лауреатом множества премий и отмечен 52 поощрениями от государства за достижения в разработке инновационных технологий оборонного назначения. 7 сотрудников получают специальную государственную надбавку.

По состоянию на 2014 г., штат НИИ составлял не менее 400 человек, в том числе 300 технических, 100 специалистов с высшим образованием⁵². Имеется отдел аспирантуры.

Кроме проведения высокотехнологичных НИОКР и кооперации в разработке оружия на новых физических принципах, НИИ № 910 занимает довольно важное место на рынке компонентов высокотехнологичного вооружения, реализуя продукцию через аффилированные предприятия, а также занимается монетизацией наработок в рамках транзита технологий из сферы ОПК в сферу гражданского назначения.

НИИ-911 — Шанхайский НИИ исследования лазеров и плазмы

Создан в 1984 г. Специализируется на исследованиях технологий лазеров высокой мощности и исследованиях физики плазмы и конденсированных состояний. Конкретные направления исследований включают комплексные НИОКР по созданию мощных лазерных установок, создание и усовершенствование крупногабаритного неодимового лазера, исследования лазерной реперкуссии (отражения) и др. Имеет тесные связи с Шанхайским институтом информационных технологий, оптики и механики.

По состоянию на 2012 г., штат сотрудников включал 46 человек, в том числе 18 с высшим техническим образованием, 3 академика АН и Академии инженерных наук КНР, 37 технических специалистов⁵³.

НИИ-912 — Юго-западный вычислительный центр

Подразделения НИИ расположены в Мянъяне и Чэнду. Институт проводит НИОКР в сфере информатизации в ОПК: внедрение и поддержка информационных систем, обеспечение информационной безопасности, тестирование, внедрение и поддержка систем автоматизированного проектирования (CAD/CAE)), компьютерное моделирование, а также разработка и тестирование программного обеспечения центров управления и других структур НОАК. НИИ имеет патенты и государственные награды.

В структуру Института входят 6 научно-исследовательских центров: технологий информатизации, тестирования информационных систем, информационных технологий нового поколения, технологий автоматизированного управления, компьютерного моделирования, центр по применению информационных технологий. Штат 600–700 человек, в том числе 100 высококвалифицированных инженеров, 200 инженеров высшей категории, 10 докторов наук.

Выводы

САЕР — важнейшая научно-исследовательская организация китайского оборонно-промышленного комплекса, контролирующая разработку, производство и испытания ядерного оружия КНР. Академия также играет ключевую роль в развитии целого ряда других прорывных технологий военного и двойного назначения. К ним относятся разработки лазерного и микроволнового оружия, создание новых типов радиолокационной техники, инновационные вычислительные технологии, перспективные технологии ядерной энергетики. Исследования Академии также имеют большое значение для развития современных видов ракетной техники и неядерных боеприпасов. Академия выступает в роли важнейшего технологического донора для 10 китайских государственных военно-промышленных конгломератов, контролирующих большинство активов китайского ОПК.

Имеющиеся данные о динамике численности персонала ряда исследовательских центров САЕР говорят об устойчивом росте масштабов деятельности Академии.

В то же время многообразие решаемых Академией задач не позволяет сделать однозначный вывод о том, какие именно направления ее работы развиваются быстрее всего. Имеющиеся данные говорят о наиболее быстром росте именно НИИ-907, в рамках которого существует предприятие по финальной сборке ядерного оружия (хотя присутствуют и другие направления).

Академия, несмотря на специфический профиль своей деятельности, не является закрытой организацией. Подобно американским «национальным лабораториям», она поддерживает активные международные контакты и привлекает к отдельным исследовательским программам иностранных ученых.

Данные о зарплатах, приобретаемом и строящемся оборудовании, темпах найма выпускников и сотрудников ведущих вузов, свидетельствуют об очень крупных инвестициях в кадровую и материальную базу Академии, которую планируется довести до уровня ведущих мировых исследовательских центров в ядерной сфере.

Постепенный рост китайского военного потенциала в ядерной сфере при фактически полной закрытости китайских ядерных программ делает необходимым всестороннее изучение развития работы САЕР с целью получения информации о возможных изменениях в масштабах производства ядерных боеприпасов КНР.

1. Zhongguo gongcheng wuli yanjiuyuan di shi yanjiuyuan: [Справка о НИИ-910 на вебсайте Пекинского университета]. URL: http://urp.nku.cn/_upload/article/fe/f/a0027e3340fa9e307d1aa51dad7d/c6239899-1e23-4ed5-a61f-1b810e204c7c.pdf (дата обращения: 11.05.2018).
2. Exclusive Nuclear Supplier in China. CNNC Website. 01.02.2016. URL: http://en.cnncc.com.cn/2016-02/01/c_49196.htm (дата обращения: 11.05.2018).
3. Справка о деятельности CNECC на официальном сайте. URL: http://www.cnecc.com_g279.aspx (дата обращения: 11.05.2018).
4. Справка о САЕР на официальном вебсайте. URL: <http://www.caep.ac.cn/zjzwy/index.shtml> (дата обращения: 11.05.2018).
5. Stokes M. China's Nuclear Warhead and Storage system. URL: https://project2049.net/documents/chinas_nuclear_warhead_storage_and_handling_system.pdf (дата обращения: 08.05.2018).
6. Zhongguo gongchengwuli yanjiuyuan: lishi zuji: [Исторические этапы становления САЕР]. URL: <http://www.caep.ac.cn/zjzwy/lszj/index.shtml> (дата обращения: 14.04.2018).
7. Zhongguo gongchengwuli yanjiuyuan: jianchi zou junmin ronghe fazhan daolu: [САЕР: настойчиво идти по пути развития интеграции военной и гражданской промышленности, способствовать инновационному развитию страны]. 11.01.2016. URL: http://www.most.gov.cn/ztlz/qgkjgzhy/2016/2016j1cl/2016j1zylgjjg/201601/20160111_123457.htm (дата обращения: 10.05.2018).
8. Zhongguoyuan jishu zhuan yi zhongxin chuanjian banian huigu yu fazhan: [8 лет с момента создания Центра передачи технологий САЕР: ретроспектива и развитие]. URL: <http://www.caep.ac.cn/jszy/jlh/12490.shtml> (дата обращения: 07.05.2018).
9. Sichuan Caep-VC Co., Ltd. Справка с вебсайта компании. URL: <http://www.caep-vc.com/Article.asp?cateId=2&id=58> (дата обращения: 08.05.2018).
10. Sichuan Forever Holding Co., Ltd. Справка с вебсайта компании. URL: <http://www.caep-forever.com.cn/MAbout/Default.asp?ChannelSign=MAbout&ChannelMenuSign>About> (дата обращения: 14.04.2018).
11. Yangshi baoguangde zhongguo gongchengwuli yanjiuyuan shi zhongguo jianduan jiguanjishu dangshengdi: [Центральное телевидение показало САЕР — родину передовых лазерных технологий Китая]. 04.09.2013. URL: http://laser.ofweek.com/2013-09/ART-240002-8120-28718035_5.html (дата обращения: 22.04.2018); Zhongguo jiguan wuqi cheng bashijie chenggong lanjie xunhang hangdan: [Китайское лазерное оружие называют лучшим в мире — успешный перехват крылатой ракеты]. 22.07.2016. URL: http://laser.ofweek.com/2016-07/ART-8500-2400-30013692_3.html (дата обращения: 22.04.2018).
12. Stokes M. China's Strategic Modernization: Implications for the United States. Sep. 1999. P. 201. URL: <http://ssi.armywarcollege.edu/pdf/files/00071.pdf> (дата обращения: 08.05.2018).
13. Zhongguo gongchengwuli yanjiuyuan: lishi zuji: [Исторические этапы становления САЕР]. URL: <http://www.caep.ac.cn/zjzwy/lszj/index.shtml> (дата обращения: 14.04.2018).
14. Историческая справка о развитии отрасли на вебсайте CNNC. URL: <http://www.cnncc.com.cn/publish/portal0/tab904/info87996.htm> (дата обращения: 06.05.2018).
15. Lishi de tiankong: jiuju — jiusuo — jiuyuan: [Небо истории: Девятое бюро-Девятый институт — Девятая академия]. 16.08.2016. URL: <http://bbs.tianya.cn/post-1089-46438-1.shtml> (дата обращения: 08.05.2018).
16. Woguo "liangdan — yixing" lishi yanjiu xianzhuang yu qianzhan: [Современное состояние и перспективы исторических исследований отечественной программы "Две бомбы и спутник"].

- 15.06.2016. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2016-06/15/c_129063456.htm (дата обращения: 04.05.2018).
17. *Мао Цзэдун*. Заметки об учебнике “Политическая экономия” (1960 г.) URL: <http://maoism.ru/wp-content/uploads/admin/PDF/Шеститомник-3.pdf> (дата обращения: 08.05.2018).
18. Huiyi wo de fuqin Zhao Jingpu (er): [Воспоминания о моем отце Чжао Цзинпу (часть 2)]. URL: <http://jiangsutongshan.blog.sohu.com/309326058.html> (дата обращения: 05.05.2018).
19. Там же.
20. Там же.
21. Tanyuan jiu yuan cong Qinghai banqian zhi Zitong de naduan lishi: [Исследуя историю переноса 9-й Академии из Цинхя в Цытун]. URL: <http://www.lvveyun.com/art/271122.html?lang=hk> (дата обращения: 06.05.2018).
22. Wo sheng yi 11 jia jungong jituan he Zhongwuyuan qianshu hezuo xieyi: [Наша провинция подписала соглашение о сотрудничестве с 11 военными военно-промышленными холдингами и САЕР]. Вебсайт правительства провинции Сычуань. 13.04.2016. URL: <http://www.sc.gov.cn/10462/10464/10797/2016/4/13/10375936.shtml> (дата обращения: 06.05.2018).
23. Zhongguo shida hekejijinzhan fabu “Shenlong erhao” zhixianganying jiasuqi shoudu gongkai [На церемонии «Top 10 Nuclear Achievements» Китайского ядерного сообщества впервые представлен линейный индукционный ускоритель «Шеньлун-2». 23.09.2015. URL: http://m.guancha.cn/Industry/2015_09_23_335353.shtml (дата обращения: 08.05.2018).
24. Liuwusuo jianjie: [Справка с вебсайта Института физики жидкостей]. URL: <http://ifp.caep.ac.cn/skjj.htm> (дата обращения: 06.05.2018).
25. Zhongguo gongchengwuli yanjiuyuan liuti wuli yuanjiusuo zhaopin xinxi: [Информация о приеме на работу сотрудников Института физики жидкостей САЕР]. 14.09.2015. URL: <http://www.yingjiesheng.com/job-002-128-872.html> (дата обращения: 06.05.2018).
26. Zhongguo gongchengwuli yanjiuyuan hewuli yu huaxue yanjiusuo: [Справка о НИИ № 902 с официального вебсайта]. 16.09.2010. URL: http://www.ihep.cas.cn/xh/hdzx/nedszuzhi/nedszuzhi-tthy/201009/t20100916_2964560.html (дата обращения: 06.03.2018).
27. Zhongguo gongchengwuli yanjiuyuan hewuli yu huaxue yanjiusuo 2016 zhaopin [Информация о вакансиях НИИ № 902 САЕР в 2016 году]. 18.09.2015. URL: <http://www.yingjiesheng.com/job-002-132-791.html> (дата обращения: 06.03.2018).
28. Zhongwuyuan zhongzhi xiaojiaosanshe he fanshejishu yu yingyong jiangxiban: [Семинар САЕР по технологиям малоуглового нейтронного рассеивания и нейтронных отражателей, а также их применению]. 12.12.2014. URL: <http://npl.caep.ac.cn/images/tz/2014/12/15/6A47689ECA20484AAED78C699F3B3C83.pdf> (дата обращения: 10.05.2018).
29. Jigou mingcheng: Zhongguo gongchengwuli yanjiuyuan hanneng cailiao ceshi pingjia zhongxin: [Справка о Центре исследования энергетических материалов САЕР]. 05.01.2014. URL: www.docin.com/p-751056483.html (дата обращения: 08.05.2018).
30. Zhongguo gongchengwuli yanjiuyuan (huagongcailiao yanjiusuo) yanjiusheng xinxi: [Информация об исследовательских вакансиях НИИ № 903 САЕР]. URL: http://souky.col.cn/HomePage/index_644.html (дата обращения: 08.05.2018).
31. Zhongguo gongchengwuli yanjiuyuan huagongcailiao yanjiusuo 2015 zhaopin: [Информация о вакансиях НИИ № 903 САЕР в 2015 году]. 11.09.2015. URL: <http://www.yingjiesheng.com/job-002-127-277.html> (дата обращения: 08.05.2018).
32. Zhongguo gongchengwuli yanjiuyuan zongtigoncheng yanjiusuo + zhaopin: [Справка и данные о вакансиях НИИ № 904 САЕР]. 02.11.2015. URL: <http://www.yjbys.com/gaoxiao/340455.html> (дата обращения: 11.05.2018).
33. *Cirincione J, Wolfsthal Jon B., Rajkumar M.* Deadly Arsenals. Carnegie Endowment. 2011. P. 182.
34. Zhongguo gongchengwuli yanjiuyuan dianzi gongcheng yanjiusuo (wusuo) 510 shi zhaopin: [Справка о НИИ-905 САЕР в публикации о вакансиях Лаборатории № 501]. 2005 г. URL: <http://m.openlab.co/forums/thread/1031221/1> (дата обращения: 08.05.2018).
35. Zhongguo gongchengwuli yanjiuyuan dianzi gongcheng yanjiusuo 2016 nian zhaopin jianzhang: [Информация о вакансиях НИИ-905 САЕР в 2016 году]. 14.09.2015. URL: <http://www.yjbys.com/gaoxiao/3380951.html> (дата обращения: 11.05.2018).
36. Zhongguo gongchengwuli yanjiu yuanjiqi zhizao gongyi yanjiusuo: [Справка о НИИ-906 САЕР]. 2002. URL: <http://jobs.51job.com/all/co3768438.html> (дата обращения: 11.05.2018).

37. Zhongguo gongchengwuli yanjiu yuanjiqi zhizao gongyi yanjiusuo 2011 zhaopin: [Информация о вакансиях в НИИ-906 САЕР в 2011 г.] 10.04.2011. URL: <http://www.yingjiesheng.com/job-000-935-606.html> (дата обращения: 11.05.2018).
38. Sichuan cailiao yu gongyi yanjiusuo zhaopin: [Информация о вакансиях Сычуаньского института материаловедения на вебсайте Пекинского университета]. 28.11.2012. URL: <http://www.chem.pku.edu.cn/news.php?id=3213> (дата обращения: 11.05.2018).
39. Zhongguo chengongchang yijian: [Путеводитель по военным заводам Китая]. URL: <https://www.douban.com/note/119258293/?type=like> (дата обращения: 11.05.2018).
40. Zhongwuyuan Chengdu kexuejishu fazhan zhongxin: [Справка о Центре научно-технологических разработок в Чэнду]. URL: <http://company.zhaopin.com/CC455866428.htm> (дата обращения: 08.05.2018).
41. Aart Kleijn, Prof. Dr. — Profile on Leiden Institute of Chemistry Website. URL: <http://casc.lic.leidenuniv.nl/people/kleijn-0> (дата обращения: 09.05.2018).
42. Zhongguo gongchengwuli yanjiuyuan cailiao yanjiusuo 2015 nian zhaopin: [Информация о вакансиях НИИ-907 САЕР на вебсайте Ханчжоуского научно-технологического университета]. 03.12.2014. URL: <http://mat.hust.edu.cn/jy/category/265/2014-12-03/9399865.html> (дата обращения: 08.05.2018).
43. Zhongguo gongchengwuli yanjiuyuan cailiao yanjiusuo: [НИИ-907 САЕР]. Справка с вебсайта Университета нефти КНР. 02.12.2015. URL: <http://www.cup.edu.cn/career/empty/120204.htm> (дата обращения: 08.05.2018).
44. Zhongguo gongchengwuli yanjiuyuan cailiao yanjiusuo 2017 nian xiaoyuan zhaopin: [Информация о вакансиях в учебном городке НИИ-907 САЕР]. 06.01.2017. URL: <http://heuc.hrbeu.edu.cn/2017/0106/e1501a103135/page.htm> (дата обращения: 09.05.2018).
45. Там же.
46. Zhongguo gongchengwuli yanjiuyuan jiguang jubian yanjiu zhongxin zhaopin: [Информация о вакансиях НИИ-908 САЕР]. 2013. URL: <http://www.job.ustc.edu.cn/info.php?id=276&MenuID=002004> (дата обращения: 08.05.2018).
47. Beijing daxue yingyongwuli yu jishu yanjiu zhongxin wangzhan: [Вебсайт Центра исследований прикладной физики и техники Пекинского университета]. URL: <http://cap.pku.edu.cn/member-web/ZHANGPING.htm> (дата обращения: 08.05.2018).
48. Beijing yingyong wuli yu jisuan shuxue yanjiusuo: [Справка об Институте прикладной физики и компьютерных технологий]. 31.12.2015. Доступ: <http://www.yingjiesheng.com/job-002-206-819.html> (дата обращения: 09.05.2018).
49. Stokes M. China's Strategic Modernization: Implications for the United States. Sep. 1999. p. 212. URL: <http://ssi.armywarcollege.edu/pdfFiles/00071.pdf> (дата обращения: 08.08.2017).
50. Zhongguo gongchengwuli yanjiuyuan di shi yanjiuyuan: [Справка о НИИ № 910 на вебсайте Пекинского университета]. URL: http://urp.nku.cn/_upload/article/fe/f7/a0027e3340fa9e307d1aa51dad7d/c6239899-1e23-4ed5-a61f-1b810e204c7c.pdf (дата обращения: 11.05.2018).
51. Stokes M., 1999. P. 119.
52. Zhongguo gongchengwuli yanjiuyuan yingyong dianzi xue yanjiusuo jinxing xuanjianghui de tongzhi: [Вакансии и справочный материал отдела кадров НИИ-910 САЕР]. 05.11.2014. URL: http://lib.semi.ac.cn:8080/info_www/news/detailnewsb5.asp?infoNo=18153 (дата обращения: 11.05.2018).
53. Zhongguo gongchengwuli yanjiuyuan shanghai jiguang deng liziti yanjiusuo: [Справка о Шанхайском НИИ исследования лазеров и плазмы САЕР]. 2012. URL: <http://jobs.51job.com/all/co2969807.html> (дата обращения: 08.05.2018).

КНР: военно-гражданская интеграция

© 2018

П.Б. Каменнов

Автор рассматривает проблемы развития военно-гражданской интеграции в КНР, заключающейся в углублении взаимодействия китайских военно-промышленных корпораций с гражданским сектором в информационной, научно-исследовательской, технологической и производственной сферах. Данный процесс осуществляется в условиях реализации государственной стратегии, направленной на превращение Китая к 2020 г. в инновационную державу, и имеет целью обеспечение качественного роста экономического и военного потенциала страны на основе достижений науки при рациональном использовании ресурсов.

Ключевые слова: военно-промышленные корпорации, интеграция военных и гражданских технологий, привлечение частного и иностранного капитала; акционирование части предприятий ВПК, участие ВПК в коммерческой деятельности.

DOI: 10.31857/S013128120001141-6

Военно-гражданской интеграции, как имеющей важнейшее значение для развития Китая в контексте подъема технологического потенциала военного и гражданского секторов при рациональном использовании ресурсов, было уделено большое внимание на XIX съезде КПК (октябрь 2017 г.) В разделе доклада генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина, посвященном армейскому строительству, указано на необходимость «...твердо стоять на позиции единства наращивания экономического и военного потенциала страны, на основе научно-технических достижений и инноваций сформировать архитектуру углубленной военно-гражданской интеграции и создать интегрированную государственную стратегическую систему с соответствующим потенциалом»¹.

Военно-гражданская интеграция в общем виде заключается в создании условий, позволяющих эффективное использование научно-технических, технологических, производственных и людских ресурсов страны в интересах как экономического, так и оборонного строительства, и в том или ином виде присуща большинству развитых стран мира. В Китае военно-гражданская интеграция прошла долгий путь. Осознание ее необходимости следует отнести к концу 70-х годов XX века, когда огромный по масштабам ВПК, поглощавший значительную часть бюджетных военных ассигнований страны, в силу ряда причин оказался отсталым и неадекватным потребностям обороны в условиях мировой революции в военной сфере; в то же время изолированность ВПК от гражданского сектора экономики режимом секретности делали невозможным его использование в интересах экономического строительства.

Проблема особенно обострилась в 1960-е — 1970-е годы, когда, исходя из предположения о том, что будущая «большая» война будет вестись с применением ядерного оружия, китайское руководство приняло решение в целях рассредоточения оборонного

Каменнов Павел Борисович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: kamennov@ifcs-ras.ru.

комплекса переместить до 55% его предприятий в Центральный и Западный Китай, где предполагалось создать мощную производственную и исследовательскую базу, получившую наименование «третьей линии», предназначенную для обеспечения армии всем необходимым в случае возникновения войны и выхода из строя оборонных предприятий «первой» и «второй» линий (приморские провинции и промышленные районы, расположенные вдоль железнодорожной магистрали Пекин — Гуанчжоу). Географически «третья линия» включала 13 провинций и автономных районов, находящихся к югу от Великой китайской стены, к северу от г. Шаогуань (пров. Гуандун), к западу от магистрали Пекин — Гуанчжоу и к востоку от вершины Уцяолин (пров. Ганьсу)².

Китайская печать сообщала, что за период с 1965 по 1990 г. в регионах «третьей линии» было построено свыше 2500 крупных и средних предприятий и учреждений, на которых занято более 7 млн человек³. При этом непосредственно оборонная промышленность «третьей линии» насчитывала 483 предприятия и 92 научно-исследовательских организации (включая НИИ) при общей численности занятых 1,35 млн человек, в том числе 160 тыс. человек инженерно-технического персонала⁴.

Идея создания «третьей линии» неслась в себе рациональное начало, поскольку предусматривало крупное стратегическое перемещение производительных сил в интересах решения двух задач: рассредоточение оборонных мощностей на случай войны и одновременно развитие экономики внутренних районов страны. Однако в связи с тем, что основным периодом формирования этой линии приходился на годы самонезависимости КНР, «культурной революции» и особо острой конфронтации с СССР, строительство велось в условиях спешки и без должной координации работ, что привело к нерациональной структуре капиталовложений и чрезмерной разобщенности заводов и НИИ. Основная масса предприятий была построена в отдаленных районах с неразвитыми коммуникациями. В итоге, став составной частью национальной экономики и промышленной базы с большим исследовательским и производственным потенциалом, имеющим общегосударственное значение, промышленность «третьей линии» оказалась изолированной от других регионов и в течение многих лет оставалась дотационной⁵.

Наиболее серьезной проблемой китайского ВПК являлось научно-техническое и технологическое отставание страны от мирового уровня как следствие полуколониального прошлого, которое в силу объективных и субъективных причин оказалось законсервированным на многие годы. Из других причин следует выделить приверженность руководства страны доктрине «народной войны» в ее ортодоксальной трактовке, которая не придавала должного значения военно-техническому фактору, а также вовлеченность партийного и государственного руководства страны во внутривластную борьбу.

В силу изложенных причин к концу 1970-х годов огромный по масштабам ВПК, насчитывающий более 2000 предприятий с числом занятых 3 млн человек, 200 НИИ (300 тыс. человек)⁶ и поглощавший значительную часть бюджетных военных ассигнований, оказался неадекватным как потребностям обороны, так и задачам экономического строительства. Изолированность ВПК от гражданского сектора вследствие режима секретности, технологическая отсталость и ограниченная производственная мобильность делали практически невозможным использование части оборонного научно-технического и производственного потенциала в гражданском секторе. Все это вызвало необходимость глубокого реформирования и модернизации ВПК, что стало возможным только в условиях политики открытости Китая внешнему миру и рыночных преобразований китайской экономики.

Исходным моментом для реформирования ВПК послужила эволюция взглядов Пекина по проблемам войны и мира в конце 1970-х — начале 1980-х годов, суть которой заключалась в отходе от концепции неизбежности новой мировой войны. Это привело к коренному пересмотру военной политики: прежняя стратегическая концепция постоянной готовности к ширококомасштабной войне по отражению нападения была изменена на концепцию военного строительства в мирное время.

Выдвинутая Дэн Сяопином идея реформирования ВПК, которая была принята военно-политическим руководством страны и по существу стала *первым шагом в направлении военно-гражданской интеграции*, получила выражение в виде так называемого курса 16 иероглифов: «Сочетание военного и гражданского, мирного и немирного, приоритет военного производства и его развитие с опорой на выпуск гражданской продукции»⁷.

Важной составной частью начального этапа процесса в рамках сохраняющейся отраслевой структуры стала *конверсия* избыточных или технологически устаревших мощностей оборонной промышленности. Результатом этого сложного и трудоемкого процесса стал *перевод ВПК из производителя чисто военной продукции в производителя военной и гражданской продукции*. К 1996 г. доля выпуска гражданской продукции на предприятиях ВПК достигла 75%, что послужило весомым вкладом в развитие национальной экономики. Одновременно переключение на гражданские нужды научно-технического и производственного потенциала ВПК способствовало модернизации традиционных отраслей экономики (машиностроения, авиастроения, судостроения, электронной промышленности и др.) и развитию новых высокотехнологичных отраслей — ядерной и космической промышленности, информационных технологий, биотехнологии и др.

Проводимая КНР политика открытости и рыночных преобразований экономики сделала возможным участие в конверсионных процессах иностранного капитала, что позволило Китаю в короткие сроки повысить экспортный потенциал и активизировать участие в мировых и региональных интеграционных процессах.

Анализ мероприятий по реформированию ВПК Китая в течение последних двух десятилетий XX века позволяет выделить в этом процессе два основных этапа:

— первый (начальный) этап — 1985–1998 гг. — проводился в рамках существовавшей в этот период централизованной отраслевой системы и включал конверсию, предоставление оборонным предприятиям хозяйственной самостоятельности и создание при сохраняющихся министерствах оборонной промышленности внешнеторговых компаний;

— второй (новый) этап берет свое начало с реформирования министерств оборонной промышленности в 1998 г. в рамках общегосударственной кампании по сокращению государственного аппарата (общее количество центральных ведомств при Госсовете КНР было сокращено с 42 до 29⁸) и характеризуется созданием на их основе *государственных военно-промышленных корпораций, выпускающих как военную, так и гражданскую продукцию и открытых для частного и иностранного капитала*.

В начале XXI века развитие ВПК осуществляется в направлении создания инновационной системы науки и технологий, интегрирующей военные и гражданские научно-технологические ресурсы, включая фундаментальные научные исследования, НИОКР, проектирование и производство военной и гражданской продукции с конечной целью создания эффективной структуры, позволяющей свободно использовать технологии военного и гражданского назначения в интересах как оборонного, так и гражданского секторов⁹. Одной из мер в данном направлении стало объединение функций управления промышленностью и информатизацией в рамках Госсовета КНР. С этой целью в 2008 г. было создано Министерство промышленности и информатизации, которому, в частности, было подчинено вновь сформированное Государственное управление оборонной науки, техники и промышленности (ГУОНТП). Одновременно свое существование прекратили соответствующие прежние структуры — Госкомитет по оборонной науке, технике и промышленности, Министерство информатики и Канцелярия Госсовета по информатизации¹⁰. В настоящее время экономические аспекты деятельности военно-промышленных корпораций находятся под контролем Комиссии по надзору и управлению государственными активами (*State-owned Assets Supervision & Administration Commission, SASAC*) Госсовета КНР¹¹; военные направления — в ведении ГУОНТП¹², функционирующего в структуре Министерства промышленности и информатизации Госсовета КНР. Кроме того, в структуре Министерства промышленности и информатизации создан Де-

партамент продвижения интеграции военных и гражданских программ, отвечающий за работу по передаче научно-технических достижений ВПК в гражданскую промышленность и использование в военной и гражданских сферах единых технических стандартов (там, где это возможно)¹³.

В стратегическом плане с целью расширения технологической и производственной базы ВПК в структурном отношении преобразуется в новую систему оборонной науки, технологий и промышленности, в центре которой ядро ВПК (военно-промышленные корпорации), имеющее обширные научные и производственные связи с учреждениями и предприятиями гражданского сектора. Последовательно осуществляется процесс преобразования государственных оборонных предприятий и учреждений в предприятия, основанные на смешанном капитале различных форм собственности при сохранении контрольного пакета акций в руках государства.

Общей тенденцией последнего времени является внутренняя реструктуризация военно-промышленных корпораций с объединением активов в дочерние холдинговые компании и попытки вывести эти холдинговые компании на фондовые рынки материкового Китая и Гонконга. При этом особенности китайского рынка ценных бумаг, предполагающего деление акций китайских компаний на несколько типов, доступных либо иностранцам, либо китайским покупателям, позволяют исключить переход контроля над любым предприятием ВПК в руки иностранцев. По состоянию на март 2016 г. 10 военно-промышленных корпораций Китая имели 80 дочерних предприятий, зарегистрированных на биржах Китая, что составляло 25% их общих активов¹⁴. В 2017 г. было принято решение распространить процесс акционирования на государственные научно-исследовательские институты и академии оборонного профиля. В первой партии научно-исследовательских учреждений, подлежащих реформированию, находятся около 40 НИИ, входящих в структуру двух важнейших военно-промышленных корпораций — Корпорация аэрокосмической науки и технологии Китая (*China Aerospace Science and Technology Corporation, CASTC*) и Корпорация аэрокосмической науки и промышленности Китая (*China Aerospace Science and Industry Corporation, CASIC*). Другим направлением реформы является создание внутри научно-исследовательской системы оборонного профиля серии инновационных центров, которым отводится роль локомотивов развития науки и технологий в основных производственных секторах. В настоящее время созданы 10 инновационных центров, в основном в секторах ракетостроения и производства военно-морской и аэрокосмической техники¹⁵.

Наряду с этим военно-промышленные корпорации китайского ВПК широко развивают международное экономическое и научно-техническое сотрудничество с зарубежными фирмами, направленное на заимствование новейших технологий двойного (военного и гражданского) назначения.

Обращаясь к мировому опыту, можно отметить, что военно-гражданская интеграция ныне является мировой тенденцией, направленной на усиление военно-технического потенциала и одновременно — на повышение научно-исследовательского, технологического и производственного потенциала гражданского сектора экономики. В таких странах, как США, Великобритания и Германия, на военные цели используется менее 15% военных технологий, а большая их часть — около 80% реализуется в гражданских проектах. В Китае в настоящее время 30% потенциала ВПК задействовано для выпуска военной техники и 70% — для выпуска гражданской продукции; тем не менее по состоянию на октябрь 2016 г. большое число военных технологических новшеств оставались без применения в гражданском секторе из-за существовавшего разделения военной и гражданской сфер¹⁶.

Планом КНР на 13-ю пятилетку (2016–2020 гг.) определены приоритетные сферы научных исследований, разработок и производства, многие из которых имеют оборонное значение, в их числе авиационные двигатели (включая турбовентиляторные и газотурбин-

ные); quantum-коммуникации, вычислительная техника, инновационная электронная техника и программное обеспечение, автоматика и робототехника, специальные материалы, нанотехнологии, искусственный интеллект, исследования дальнего космоса, орбитальные системы. Из других сфер исследований можно выделить термоядерные реакции, гиперзвуковые технологии, проблемы развертывания на околоземных орбитах групп многофункциональных ИСЗ. Решению этих задач будет способствовать участие в исследованиях институтов и лабораторий фундаментальной и отраслевой науки гражданского сектора, в том числе главных научных центров — Академии наук Китая и Инженерной академии Китая, и углубление военно-гражданской интеграции в сфере науки и технологий.

Руководство страны во главе с председателем Си Цзиньпином предпринимает энергичные меры для обновления модели развития страны, в которой центральное место должны занять наука, технологии и инновации; безусловно, данный процесс в первую очередь затрагивает военно-промышленный комплекс. В 2016 г. был принят ряд среднесрочных и долгосрочных программ, направленных на трансформацию Китая в течение ближайших десятилетий из реципиента зарубежных технологий в глобального лидера инноваций, в особенности в таких стратегических областях, как оборона, системы двойного (военного и гражданского) назначения, высокие (наукоемкие) технологии, инновационное производство.

Из общего объема исследовательских проектов и программ в Китае выделены имеющие оборонное значение и требующие поддержки и финансирования со стороны государства, в их числе: 1) проектирование материалов с заданными свойствами; производство в условиях критически неблагоприятной экологии; аэрокосмическая механика, развитие информационных технологий; нанотехнологии; технологии создания высокоэффективных энергоносителей; 2) передовые высокоэффективные производственные технологии, металлорежущие станки с искусственным интеллектом; 3) передовые высокоэффективные энергетические технологии, в том числе водородная энергетика; технологии топливных элементов; альтернативные виды топлива; передовые технологии создания транспортных средств; 4) морские технологии, в первую очередь технологии мониторинга морской среды в трех измерениях; технологии мультипараметрических исследований дна океанов; 5) технологии глубоководных операций; 6) лазерные и аэрокосмические технологии, позволяющие создавать лазерные системы оружия наземного и воздушного базирования.

В начале 2016 г. Государственным управлением по делам оборонной науки и техники и оборонной промышленности (ГУОНТП) разработан ряд новых программных документов развития ВПК на средне- и долгосрочную перспективу. Основным из них является 13-й пятилетний план развития оборонной науки, технологий и промышленности (*13th Defence Science, Technology, and Industry Five Year Plan*), в котором поставлены следующие шесть главных задач на перспективу до 2020 г.: осуществление прорывного развития вооружения и военной техники (ВВТ), увеличение инновационного потенциала в ключевых областях, улучшение качества и общей эффективности, оптимизация структуры оборонной промышленности и **всемерное развитие военно-гражданской интеграции**; увеличение экспорта ВВТ; участие в экономическом и социальном строительстве страны. В данном плане в отличие от предыдущих сделан акцент на собственные инновации.

В целях оказания содействия руководству страны в выработке долгосрочной стратегии развития военных НИОКР на перспективу в 20–30 лет по инициативе ГУОНТП учрежден новый орган — Комитет стратегии развития военной науки и технологий, главными задачами которого является проведение в жизнь стратегических планов и решений руководства КПК; сосредоточение усилий на перспективных научных исследованиях; консультации и выработка рекомендаций относительно политики в области военной науки, технологического развития и инноваций. Комитет возглавляет директор ГУОНТП, а его членами являются многие выдающиеся ученые и специалисты в области оборонной науки, включая академиков Академии наук Китая и Инженерной академии Китая¹⁷.

В целом процесс военно-гражданской интеграции развивается медленно. Причиной заключается в том, что преодоление существовавшего до сих пор разделения гражданского и военного секторов оказалось гораздо более трудным, чем ожидалось. Кроме того, сказывается сохраняющееся отставание машиностроительного комплекса страны от мирового уровня. Одной из новых мер, провозглашенных в марте 2015 г., стал *подъем процесса с отраслевого уровня с участием ГУОНТП и Министерства промышленности и информатизации до уровня национальной стратегии* с включением в него более мощных и влиятельных инстанций и, прежде всего, Комитета по делам развития и реформ. ГУОНТП также проявило новый подход к военно-гражданской интеграции, выразившийся в разработке и выпуске первого ежегодного Плана стратегических действий в области военно-гражданской интеграции-2015, которым был предложен комплекс реалистичных и осуществимых мер на ближайшую перспективу. Данный шаг оказался успешным, и за ним последовал второй ежегодный план — План-2016¹⁸.

Согласно Плану национальных научно-технических инноваций на период 13-й пятилетки (2016–2020 гг.) Китай намерен к 2020 г. подняться с 18-го на 15-е место в мировом рейтинге инновационных возможностей; научно-технические достижения будут обеспечивать до 60% роста национальной экономики (в 2015 г. этот показатель составил 55,3%): при этом доля добавленной стоимости в сфере наукоемких услуг в национальном ВВП вырастет с нынешних 15,6% до 20%.¹⁹ Отмеченные на 1-й сессии ВСНП КНР 13-го созыва (март 2018 г.) успехи в сфере инновационного развития дают основание полагать, что планируемые показатели будут успешно выполнены. Так, согласно докладу премьер-министра КНР Ли Кэцзяна о работе правительства за последние пять лет, среднегодовые темпы роста инвестиций в НИОКР составили 11%, переместив Китай по этому показателю на 2-е место в мире; вклад научно-технического прогресса в экономический рост страны в 2017 г. составил 57,5%²⁰.

Фактором, способствующим модернизации ВПК и военно-гражданской интеграции, является реализация курса на превращение страны из мирового «сборочного цеха» в государство с современной высокотехнологичной промышленностью, предполагающего разработку и коммерциализацию технологий в области новых материалов, искусственного интеллекта, интегральных схем, промышленной робототехники, мобильной связи пятого поколения и т.д.

Руководство работой в данной сфере, ставшей с 2015 г. национальным приоритетом, возложено на Центральную комиссию по военно-гражданской интеграции (ЦКВГИ), которую возглавляет Председатель КНР Си Цзиньпин, являющийся одновременно председателем Центрального военного совета (ЦВС) КНР и председателем Военного совета ЦК КПК. Отметим, что заместителем Си Цзиньпина в качестве председателя ЦКВГИ назначен премьер Госсовета КНР Ли Кэцян. Работа нового органа поставлена на плановую основу, на что указывает издание ЦКВГИ в сентябре 2017 г. серии планов и программ по военно-гражданской интеграции, согласованных с Планом 13-й пятилетки, развитием военно-промышленного комплекса и системы тылового обеспечения НОАК. Наряду с этим объявлено о работе по созданию системы закупок, имеющей здоровый рыночный механизм ценообразования, систему защиты прав на интеллектуальную собственность, систему контроля за выполнением заключенных контрактов, а также систему стандартов на военную и гражданскую продукцию²¹.

По оценке руководства страны, в конце 2017 г. военно-гражданская интеграция вступила в новый этап, характеризующийся расширением и углублением. Согласно документу Госсовета КНР «Предложения об ускорении и углублении военно-гражданской интеграции оборонной науки и промышленности» 2017 г.²², среди важнейших предприятий, имеющих лицензии на проведение военных НИОКР и производство ВВТ, частные гражданские предприятия на сегодня составляют свыше двух третей их общего числа. Определилась тенденция расширения доступа гражданского производственного сектора

к ресурсам и технологиям ВПК, а также повышения количественных и качественных параметров интеграции. Ныне свыше 3000 различных видов испытательного оборудования и около трети проектов ВПК открыты для гражданского сектора, что способствовало осуществлению ряда выдающихся научно-технических достижений, в том числе создание спутниковой навигационной системы «Бэйдоу», орбитальной космической станции «Тяньгун-2», пилотируемого космического корабля «Шэньчжоу-11», пассажирского авиалайнера C919 и др. В 2017 г. китайские компьютерные системы *Sunway TaihuLight* и *Tianhe-2 (Milkyway-2)* заняли первые два места в мировом рейтинге суперкомпьютеров. Китайский *Sunway TaihuLight*, полностью разработанный в Китае, стал лидером рейтинга во второй раз; мощность компьютера составляет 93 петафлопса²³.

В Китае военно-гражданская интеграция рассматривается в качестве важного драйвера роста экономики. Частный капитал поощряется к участию в военных проектах. При этом существенно упрощается и делается более прозрачной процедура оформления доступа гражданских предприятий на военные объекты, за исключением стратегических; для военных предприятий расширяются возможности заказов продукции в гражданском секторе. С целью активизировать процесс военно-гражданской интеграции Центральный военный совет (ЦВС) КНР осуществляет практику финансирования размещения военных заказов на гражданских предприятиях и в научных учреждениях; так, в 2017 г. ЦВС объявил о выделении частным учреждениям и фирмам 870 млн долл. на исследования 2000 проектов, связанных с созданием военной техники²⁴. Одновременно, как отмечено выше, научно-технические, технологические и производственные возможности ВПК Китая широко используются в экономическом строительстве.

Атомная промышленность китайского ВПК, в том числе Ядерная инженерная и строительная корпорация Китая (*China Nuclear Engineering and Construction Corporation, CNECC*), следует курсом «использовать атом во всех сферах хозяйствования». К числу основных направлений деятельности отрасли относятся строительство атомных электростанций, широкое развитие техники изотопов и другой ядерной техники. В интересах строительства объектов атомной энергетики отрасль выполняет работы по созданию атомных реакторов различной мощности — 300 МВт, 600 МВт, 700 МВт и 1000 МВт²⁵, участвует в реализации перспективных планов развития атомной энергетики, согласно которым Китай намерен к 2030 г. увеличить количество атомных реакторов на атомных электростанциях (АЭС) до 110 и стать одним из крупнейших в мире потребителей атомной энергии. Проектом плана 13-й пятилетки (2016–2020 гг.) предусмотрено выделение 500 млрд юаней (78 млрд долл.) на строительство атомных станций с использованием своих технологий с вводом в эксплуатацию от шести до восьми атомных реакторов ежегодно начиная с 2016 г.²⁶

В связи с катастрофой на японской АЭС Фукусима (2011 г.) в Китае совместно с военными специалистами осуществлен комплекс мер по повышению безопасности атомной энергетики. Оптимизирована административная структура реагирования на чрезвычайные ситуации в атомной энергетике. Сегодня за это отвечает Национальный координационный комитет по ядерным чрезвычайным ситуациям (ЧС), который состоит из представителей 24 министерств и ведомств Госсовета КНР и Народно-освободительной армии Китая. В частности, Министерством охраны окружающей среды создана сеть мониторинга утечек радиации. Госкомитетом по демографической политике и плановому деторождению — сеть распространения противорадиационных препаратов. Кроме того, приняты меры по созданию четырех национальных центров технической поддержки и восьми команд оперативного реагирования на случай катастроф на АЭС, их филиалы действуют в 16 провинциях и городах центрального подчинения КНР. Создан парк из 60 мобильных станций мониторинга радиации²⁷.

Перспективной задачей ракетно-космической отрасли ВПК является превращение Китая в мощную космическую державу, обладающую потенциалом по долговремен-

ному обслуживанию потребностей социально-экономического развития, надежной и эффективной способностью по обеспечению национальной безопасности, осуществлению управления процессами жизни страны и общества на основе достижений науки, потенциалом инновационного развития. Отметим, что в годы 12-й пятилетки (2011–2015) Корпорацией аэрокосмической науки и технологии Китая было осуществлено 78 космических запусков различного назначения, из которых 97% были успешными, что означает выход отрасли по показателю надежности на 1-е место в мире. За этот период на околоземную орбиту было выведено 128 космических объектов Китая и других стран — вдвое больше, чем за предшествующий период (2006–2010 гг.)²⁸. Ныне на околоземных орбитах находятся 140 ИСЗ Китая различного назначения, по этому показателю Китай занимает 2-е место в мире после США²⁹.

В процессе создания и поэтапного ввода в эксплуатацию находится спутниковая навигационная система «Бэйдоу», которая после завершения работ будет включать 35 спутников — 5 на геостационарных орбитах и 30 на средних околоземных орбитах. В 2012 г. введена в эксплуатацию часть системы, охватывающая Азиатско-Тихоокеанский регион: к 2020 г. система будет охватывать земной шар и иметь два уровня предоставления услуг — открытый и закрытый (для военных)³⁰. По заявлению китайской стороны с запуском в ноябре 2017 г. двух новых спутников положено начало этапа выхода системы на глобальный уровень. Отметим, что спутниковая навигационная система Китая совместима с аналогичными системами Glonass (Россия), GPS (США), Galileo (ЕС)³¹.

Авиационная отрасль ВПК принимает участие в гражданском авиастроении. Главная роль здесь принадлежит Авиационной коммерческой корпорации Китая (*China Commercial Aircraft Company Ltd. COMAC*), которая является разработчиком и производителем гражданских самолетов и, как предполагается, будущим конкурентом ведущих мировых авиастроительных корпораций «Эйрбас» (Airbus) и «Боинг» (Boeing)³². В апреле 2017 г. завершена разработка авиалайнера C919; проект базируется на углубленном исследовании зарубежных предшественников — в особенности самолетов «Боинг-737» и «А-320» — и создании на этой основе ряда проектных и технологических инноваций. В конструкции самолета использованы новейшие композитные материалы, позволяющие существенно снизить его вес и обеспечить экономию топлива; доля этих материалов в фюзеляже составляет 20%, что выше аналогичного показателя самолетов «Боинг-737» и «А-320». В настоящее время самолет находится на заключительном этапе испытаний³³.

Наряду с этим *военно-гражданская интеграция активно используется Китаем для развития отношений экономического и научно-технического сотрудничества с зарубежными странами*, в том числе с Россией, что способствует не только достижению экономического эффекта, но и подъему технологического уровня стратегически важных отраслей как гражданского, так и оборонного секторов.

Атомная отрасль китайского ВПК расширяет сотрудничество с Росатомом в области атомной энергетики за счет увеличения количества атомных электростанций в КНР, а также путем научно-технического взаимодействия в данной сфере. В настоящее время на Тяньваньской АЭС (пров. Цзяньсу, КНР) работают два энергоблока российского производства. Ведется строительство 2-й очереди Тяньваньской АЭС в составе 3-го и 4-го энергоблоков, ввод в эксплуатацию которых согласно контракту должен состояться в течение 2018 года³⁴.

Ракетно-космическая отрасль широко участвует в международном сотрудничестве в области освоения космоса. В период с 2011 по 2016 г. Китай подписал 43 соглашения и меморандума о взаимопонимании в области космического сотрудничества с 29 странами, космическими структурами и международными организациями. В октябре 2017 г. Россия и Китай приняли программу сотрудничества в космосе на 2018–2022 гг., согласно которой предусматривается взаимодействие в сфере ракето- и двигателестроения, зондирования Луны и Марса, а также в исследовании дальнего космоса и в других областях.

В рамках Китайско-европейской совместной комиссии по космическому сотрудничеству Китай и Европейское космическое агентство реализуют «Программу китайско-европейского космического сотрудничества на период 2015–2020 гг.», взаимодействуя в таких областях, как зондирование дальнего космоса, космическая наука, зондирование Земли, услуги слежения и управления космическими полетами, образование и подготовка кадров. Проводятся совместные исследования в рамках космической миссии *SMILE (Solar Wind Magnetosphere Ionosphere Link Explorer)*, нацеленной на изучение воздействия солнечного ветра на магнитное поле Земли³⁵.

В июне 2016 г. во время визита в КНР Президента РФ В.В. Путина подписано соглашение о совместной разработке Корпорацией авиационной промышленности Китая (*Aviation Industry Corporation of China (AVIC)*) ВПК Китая и компанией «Вертолеты России» тяжелого транспортного вертолета *AHL (Advanced Heavy Lifter)* грузоподъемностью 15 т. Другой пример — соглашение между Авиационной коммерческой корпорацией Китая (*China Commercial Aircraft Company Ltd (COMAC)*) и Объединенной авиационной корпорацией (ОАК) России о совместной разработке широкофюзеляжного дальнемагистрального авиалайнера вместимостью 280 пассажиров и с дальностью полета 12 000 км³⁶.

Вместе с тем на пути дальнейшего углубления военно-гражданской интеграции в КНР существует ряд препятствий и нерешенных проблем, среди которых все еще недостаточная открытость ВПК, недостаточное финансирование процесса, неурегулированность структуры научных исследований и производства военной и гражданской продукции в направлении их сближения. Для разрешения этих и других проблем ГУОНТП и Министерство промышленности и информатизации Госсовета КНР совместными усилиями создают платформу содействия военно-гражданской интеграции, в которой важное место занимает единая информационная система, доступная для военных и гражданских пользователей, а также система защиты прав на интеллектуальную собственность.

В перспективе предполагается использовать преимущества научно-технической и производственной базы ВПК по следующим стратегически важным направлениям:

первое — гражданская атомная энергетика, гражданская авиация и космонавтика, высокотехнологичное судостроение; развитие высокотехнологичных отраслей, выпускающих электронную технику двойного (военного и гражданского) назначения;

второе — развитие новых высокотехнологичных отраслей производства;

третье — производство технических средств обеспечения безопасности и средств предупреждения угроз в сфере безопасности.

Ставится задача распространения военно-гражданской интеграции на региональный уровень: ГУОНТП намерено изучить вопрос о создании ряда образцовых баз развития инноваций на основе слияния военных и гражданских научно-исследовательских учреждений.

В контексте расширения масштабов и углубления военно-гражданской интеграции в настоящее время в Китае ведется работа по подготовке Плана развития оборонной науки, технологий и промышленности КНР-2025, сопряженного с национальным Планом передового производства «Сделано в Китае»-2025. Оба плана направлены на подъем качественного уровня производственной базы страны и снижение зависимости от импорта ключевых зарубежных технологий и комплектующих компонентов³⁷.

1. Синьхуа. 03.11.2017.

2. Синьхуа. 30.05.1997.

3. Жэньминь жибао. 24.05.1990.

4. Цзиньцзи жибао. 14.07.1989.

5. Вэньпи юй яньцзю. Тайбэй. 2000. Т. 39. № 3. С. 1–17.

6. The Chinese Armed Forces in the 21st Century, 1999 / US Army War College, Strategic Studies Institute, Carlisle, USA. P. 166.
7. Ляован. 1989. № 48. С. 20.
8. Цзинцзи жибао. 11.03.1998.
9. U.S. Department of Defense. Annual Report to Congress on the Military Power of the People's Republic of China 2005/Department of Defense, USA, //http://defenselink.mil/news/Jul 2005/d20050719 china. pdf. P. 18.
10. Жэньминь жибао он-лайн. 30.06.2008.
11. В. Кашин. Авиационная промышленность КНР переживает период радикального реформирования // Экспорт вооружений. 2010. № 3 (83).
12. URL: http://www.uschina.org/public/china/govstructure/govstructure_part5/12.html.
13. Барабанов А.С., Кашин В.Б., Макиенко К.В. Оборонная промышленность и торговля вооружениями КНР/Центр анализа стратегий и технологий; Российский институт стратегических исследований. М., 2013. С. 16–17.
14. The Military Balance 2017. The International Institute For Strategic Studies, London. 2017. P. 262.
15. The Military Balance 2018. By The International Institute For Strategic Studies, London. 2017. P. 234.
16. URL: http://www.china.org.cn/business/2017-12/12/content_50098911.htm.
17. The Military Balance 2017. By The International Institute For Strategic Studies, London. 2017. P. 260, 261.
18. Ibid.
19. Ван Фан. Сильная держава — передовая наука и техника //Китай. 2016. № 10. С. 16.
20. URL: <https://aftershock.news/?q=node/623240&full>.
21. The Military Balance 2018. By The International Institute For Strategic Studies, London. 2018. P. 234.
22. Жэньминь жибао, 10.12.17.
23. URL: <http://ekd.me/2017/11/dva-kitajskix-superkompyutera-stali-moshhnejshimi-v-mire/>.
24. Chinese strategy to boost Scientific and Military Innovation through Civilian Military Integration, National R&D plans and Chinese DARPA/ URL: <http://idsich.com/home5/international-defence-security-and-technology/industry/china-lays-its-strategy-to-boost-scientific-and-military-innovation/?print=print>.
25. China Nuclear Engineering and Construction Corporation (CNEC). URL: <http://www.cnecc.com/g591.aspx>.
26. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Атомная_энергетика_Китая.
27. Шепин К. Ядерная весна: Китай переживает бум атомной энергетики. 27.06.2014. URL: southinsight.com/node/161.
28. China Daily. 28.10.2015.
29. Chinese strategy to boost Scientific and Military Innovation through Civilian Military Integration, National R&D plans and Chinese DARPA/ URL: <http://idstch.com/home5/international-defence-security-and-technology/industry/china-lays-its-strategy-to-boost-scientific-and-military-innovation/?print=print>.
30. URL: <http://www.gps.ru/terminology/sputnikovaya-sistema-beydou/>
31. URL: <https://regnum.ru/news/2342372.html>.
32. Guoji Xianqu Daobao. 09.06.2009.
33. China Daily. April 24, 2017. URL: <https://regnum.ru/news/2342372.html>.
33. Guoji Xianqu Daobao. 09.06.2009.
34. URL: <https://neftegaz.ru/news/view/150383-Rossiya-i-Kitay-rasshiryat-sotrudnichestvo-v-oblasti-atomnoy-energetiki.-I-ne-tolko>.
35. Космическая индустрия Китая в 2016 году / Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Декабрь 2016 г. Пекин. С. 38.
36. China Daily. April 28. 2017.
37. The Military Balance 2017. By The International Institute For Strategic Studies, London. 2017. P. 260–261.

Государство и общество

Исторические предпосылки формирования современной системы СМИ Японии

© 2018

Е.А. Горячева

В статье рассматриваются исторические предпосылки формирования современной системы традиционных СМИ Японии (телевидения, радио, печатных СМИ, информационных агентств), истоки зарождения практики взаимодействия СМИ и правительства в процессе создания и трансляции информационного продукта. Кроме того дается краткий обзор основных этапов развития системы СМИ Японии, а также проводится анализ ключевых факторов, оказывающих влияние на процесс формирования медиасферы Японии.

Ключевые слова: средства массовой информации, Япония, массмедиа, телевидение, пресс-клубы, история СМИ.

DOI: 10.31857/S013128120001142-7

Современное состояние и особенности функционирования японских СМИ, особенно взаимоотношения СМИ и правительства Японии в настоящее время, обусловлены особенностями исторического процесса формирования японской медиасреды. Этот процесс шел с самого зарождения средств массовой информации Японии, с начала XVII века, пройдя несколько этапов в своем развитии, и окончательно сложился во второй половине XX века.

В настоящее время тема взаимодействия СМИ и власти в Японии становится все более актуальной. В начале XXI века ряд исследователей СМИ Японии и независимые объединения журналистов (НКО Reporters without borders) все чаще высказывают озабоченность в связи со все более заметной тенденцией к явному сдвигу СМИ в более консервативное русло, а также увеличением степени взаимодействия СМИ с правительством и ростом их зависимости от курса правящей Либерально-демократической партии Японии. Это подтверждает тот факт, что Япония опустилась в мировом рейтинге свободы прессы с 12-го места в 2010 г. до 72-го места в 2017 г.¹ Для того, чтобы понять, по каким причинам в стране, которая является одним из первых демократических государств в Азии (а свобода СМИ — это одно из необходимых условий функционирования демократического государства), возникла подобная ситуация и чем обусловлен нынешний

Горячева Елена Александровна, младший научный сотрудник Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований ИИАЭ ДВО РАН (г. Владивосток). E-mail: solo888@yandex.ru.

крен СМИ в правое русло, необходимо рассмотреть процесс формирования системы взаимодействия СМИ и государства в Японии, выявить его особенности.

Вопросам формирования системы СМИ Японии посвящено несколько трудов российских исследователей — Лазарева А.М., Поляковой Н.А., Смирнова Б.В.², Сеферовой М.В.³, Фесюна А.Г.⁴, Лукина С.С.⁵ и других, но если число подобных исследований на русском языке невелико, то можно с уверенностью сказать, что более широко эта проблема рассматривалась в трудах многочисленных зарубежных ученых: А. Харухара⁶, К. Морита⁷, М. Ито⁸, К. Нисимура⁹, А. Ямамура¹⁰, К. Накано¹¹, Г. Дж. Касза¹², Дж. Л. Хаффмена¹³, Э. Джонсона¹⁴, Э. Краусса¹⁵, Л. Фримен¹⁶, Дж. Кингстона¹⁷, Б. Кушнера¹⁸ и других. Однако в связи с тем, что исследований данной тематики на русском языке немного и они в основном рассматривают проблему функционирования СМИ Японии с точки зрения журналистики и правовых аспектов, представляется целесообразным рассмотреть проблему истории формирования системы СМИ Японии, опираясь на малоизвестные широкому кругу российских исследователей новейшие труды зарубежных исследователей истории СМИ Японии.

Основываясь на российских и зарубежных исследованиях СМИ Японии, формирование системы СМИ Японии можно условно разделить на несколько основных этапов:

1. Эпоха «допечатных» СМИ (начало XVII в. — начало XIX в.)
2. Эпоха зарождения и широкого распространения общенациональных печатных изданий (середина XIX в. — начало XX в.)
3. СМИ на службе имперской пропаганды Японии (начало XX в. — 1945 г.)
4. Реформа СМИ под влиянием оккупационных властей США. Формирование системы принципов функционирования и независимости СМИ (1945–1952 гг.)
5. Формирование и распространение современных медиаконгломератов (вторая половина XX в.)
6. Зарождение «новых медиа»¹⁹ и процесс их встраивания в медиарынок наряду с традиционными СМИ (телевидение, радио, печатные СМИ) (начало XXI в.)

Среди российских исследователей СМИ Японии принято считать, что история японских средств массовой информации берет свое начало в 60-е годы XIX века, во время реставрации Мэйдзи, а существовавшие до этого времени в Японии газеты и журналы являлись по факту переводами зарубежных изданий: «Сэйю дзасси», «Коко симбун», «Тюгай симбун» и т.д.²⁰ Однако японские исследователи истории СМИ А. Харухара, К. Морита и другие относят к первым средствам массовой информации в Японии дощечки «кавара-бан», которые распространялись с начала XVII века в крупнейших городах Киото, Осака и Эдо (современном Токио). Они сообщали о стихийных бедствиях (землетрясениях, цунами), а также информировали о местных криминальных новостях: убийствах, двойных самоубийствах влюбленных. Содержание этих дощечек зачитывалось желающим за плату на улицах японских городов, поскольку подавляющее большинство населения Японии тогда было неграмотным²¹.

Уже со времен сёгуната Токугава закладываются основы взаимодействия зарождающихся СМИ Японии с властью: чиновники сёгуната подвергали цензуре новостной контент публикаций и контролировали издателей новостных листов путем лимитированной выдачи лицензий на разрешение заниматься их распространением. Система контроля над распространением новостей в Японии становилась все более жесткой с конца XVIII века и в конце XIX века это привело к принятию нескольких законов о контроле за печатными изданиями.

Первые японские газеты, вышедшие в 1865–1868 гг., появлялись раз в неделю небольшими тиражами. В первое время их выход и распространение никак не регламентировались. Первой регулярной японской газетой считается «Йокогама симбун», которая начала выходить ежедневно с декабря 1870 г. За ней последовало открытие ря-

да других газет: «Нитинити» (современная «Майнити», с 1872 г.), «Хоти» (с 1873 г.), «Ёмиури» (с 1874 г.)²²

Так как в этих газетах начали появляться публикации либерального толка, призывающие к реформам, в 1875 г. правительством был принят Закон о прессе (*Симбунси дзё:рёй*), который был настолько суров, что его считали фактически законом о запрете на ведение журналистской деятельности. Из-за принятия этого закона, а также Закона о клевете и последовавшего ужесточения Закона о прессе в 1883 г., была временно прекращена деятельность 174 периодических изданий, 4 были закрыты навсегда, а 198 журналистов были подвергнуты тюремному заключению. Только в 1887 г. правительство Японии несколько смягчило указанный закон, провозгласив «свободу прессы». Это было связано с подготовкой Конституции Мэйдзи — первой конституции в истории Японии, которая должна была даровать обществу традиционные свободы²³.

В дальнейшем исторические события конца XIX — начала XX века — японо-китайская война (1894–1895 гг.), русско-японская война (1904–1905 гг.), аннексия Кореи (1910 г.), экспансия Японии в Маньчжурию и Китай в 1930-е годы — способствовали развитию и росту влияния СМИ в японском обществе. Выросли потребности общества в оперативной информации с места событий (прежде всего военных действий), в Японии увеличилось число читателей газет, так как конец периода Мэйдзи (1868–1912 гг.) и период Тайсё (1912–1926 гг.) характеризовались притоком населения из деревень в крупные города Японии (в 1907 г. около 40 тыс. переселенцев), усилилась конкуренция между СМИ, выросли расходы на журналистскую деятельность издателей. Также исследователи истории японских СМИ отмечают безусловно значимую роль печатной прессы в формировании японского национализма благодаря фигурирующим в новостном контенте формулировкам, благосклонно воспринимаемым властями и обществом имперской Японии²⁴.

22 марта 1925 г. в Японии, помимо печатной прессы, появляется новый вид СМИ — радио. Вещание начала корпорация Токуо Broadcasting Station, которая была объединена Министерством связи Японии с двумя другими радиостанциями в г. Осака и г. Нагоя. Таким образом, в августе 1926 г. была создана Японская вещательная корпорация NHK (*Нихон хо:со: кё:кай*). Финансирование радиовещания осуществлялось за счет взносов радиослушателей, имеющих дома радиоприемники (с 1925 до 1926 г. их число выросло с 5455 до 258 507). Содержание радиопередач также не должно было противоречить законам о СМИ: что было запрещено к публикации в печати, не должно было передаваться и по радио. Радиопередачи в эфире в обязательном порядке подвергались цензуре Министерства связи Японии²⁵.

Параллельно с развитием средств массовой информации в Японии развивались и средства государственного контроля деятельности СМИ, а также система пропаганды. В 1924 г. был создан департамент мониторинга публикаций при Министерстве внутренних дел Японии. В 1936 г. в правительстве Японии был создан Департамент информации и пропаганды (*дзё:хо:бу*), позднее, в 1940 г. эволюционировавший до Бюро информации (*дзё:хо:кё:ку*), который объединял соответствующие подразделения в МИД, МВД и прочих министерствах Японии. Этот орган осуществлял контроль освещением всех новостных событий СМИ Японии²⁶.

К началу 1930-х годов, когда началось формирование газетного рынка Японии, в стране издавалась 7081 газета, в том числе: 1219 ежедневных газет, 470 еженедельных, 5392 газеты издавались с периодичностью до трех раз в месяц. 30% всей печатной прессы распространялись в Токио и Осаке. Тиражи наиболее известных ежедневных газет варьировались в диапазоне от 4 тыс. до почти 1,5 млн экземпляров. В Токио наиболее известными газетами того времени были «Токио Асахи симбун» (тираж 1,1 млн экз.), «Токио Нитинити симбун» (1 млн экз.), «Ёмиури симбун» (1 млн экз.)²⁷

Ряд законов, принятых японским правительством в конце 1930-х годов, включая Закон о всеобщей мобилизации нации 1938 г., внесли ощутимый вклад в процесс формирования особой системы взаимоотношений властей и прессы в Японии. Принятие этого закона стало поворотным моментом в истории японских СМИ, так как положило начало современной системе пресс-клубов (*кися курабу*) в Японии, поскольку данным законом новые СМИ в индустрию медиума не допускались, а существовавшие СМИ подвергались непосредственному правительственному контролю. Множество регламентировавших деятельность СМИ законов, неуверенность издателей в том, будет ли выпущен подготовленный новостной материал в печать, привели к развитию полностью сложившейся системы консультаций и кооперации между СМИ и правительственными органами Японии с начала 1940-х годов. Главные редакторы СМИ участвовали во встречах с чиновниками не только для того, чтобы получить директивы относительно возможности публикации или запрета на выпуск материала, но и чтобы проконсультироваться, в какой форме подавать материал, чтобы он гарантированно прошел цензуру, а их редакции не понесли финансовых потерь из-за штрафов и оплаты судебных процессов за нарушение регламента журналистской деятельности. Этот же процесс породил систему внесения неугодных правительству журналистов в «черные списки», что было важным рычагом влияния на обеспечение лояльности журналистов власти²⁸.

В Японии основные правила, определяющие современное функционирование ее медиасферы, начали складываться после Второй мировой войны, они насаждались оккупационными властями США. Этот процесс шел с 1945 по 1952 г., увенчавшись принятием Закона о вещании 1950 г. Целью оккупационных властей было формирование основ демократии в Японии. В результате Япония стала одной из первых основанных на демократических принципах страной в Азии²⁹. Свобода печати была закреплена в статье 21 Конституции Японии³⁰. После капитуляции Японии оккупационными властями США были приняты первые документы, регламентирующие новый порядок работы японских СМИ. Сначала 19 сентября 1945 г. был принят «Кодекс прессы Японии» (*Press Code for Japan*), в котором было прокламировано, что информация, содержащаяся в СМИ, должна строго соответствовать истине, быть свободной от любых проявлений пропаганды, а также избегать комментариев выпускающей редакции, представлять собой изложение фактов, соответствующих истинному положению дел, без каких-либо сокращений или умолчаний³¹. Те же положения, только для радиовещания, устанавливал принятый 22 сентября 1945 г. «Кодекс радио Японии» (*Radio Code for Japan*)³². Под «пропагандой» в данном контексте подразумевалась трансляция новостных и информационных сюжетов в духе прежнего милитаристского правительства Японии. На пропаганду правительством США эти установки в действительности не распространялись. Об этом свидетельствуют работы исследователей истории СМИ Японии. Так, они сходятся во мнении, что становление новых японских СМИ происходило под бдительным контролем США. К. Нисимура говорит о том, что Отдел гражданского образования и пропаганды оккупационных властей (*Civil Information and Educational Section of GHQ*) реквизирует часть здания, в котором располагался офис радиовещания NHK, расположил рядом с журналистами на 4 этаже и регламентировал напрямую не только содержание вещания, методы подготовки информационных и образовательных радиопрограмм, но и такие нюансы, как манера речи дикторов³³. И К. Нисимура, и А. Ямамура говорят о том, что японские СМИ периода оккупации использовались американскими властями для пропаганды антимилитаризма и прививания японцам чувства вины за развязывание войны (т.н. программа *WGIP — War Guilt Information Program*), и винят современные СМИ за умалчивание подробностей этого периода своей истории, а также за то, что корень современных проблем независимости прессы от государства в Японии лежит еще во взаимоотношениях власти и журналистов того периода³⁴. Так, когда оказалось, что известная в послевоенное время в Япо-

нии радиопередача «Теперь об этом можно говорить», авторство которой, как полагала японская общественность, принадлежала NHK, на самом деле с декабря 1945 г. создавалась специалистами из США, что вызвало шквал возмущения по всей Японии³⁵. Однако не все историки разделяют мнение, что оккупационный период негативно повлиял на развитие японских СМИ. Б. Кушнер считает, что главной целью США было создание базовой системы независимых японских СМИ, которые в новом демократическом государстве могли бы беспристрастно выполнять свою функцию без контроля со стороны государства, и что вопросы распространения антивоенной идеологии в Японии и идеи ответственности Японии за военные преступления (что в отличие от него А. Ямамура называет «промывкой мозгов» японского населения) для оккупационных властей были вторичными³⁶.

Оккупационный период истории японских СМИ ознаменовался также созданием 23 июля 1946 г. существующей и в наши дни влиятельной организации — Ассоциации газетных издателей и редакторов Японии (*Нихон симбун ке: кай, NSK*). Несмотря на название, ее членами являются и вещательные СМИ, и информационные агентства Киодо цусин, Дзидзи цусин, которые были образованы в 1945 г. после запрещения оккупационными властями деятельности новостного агентства Японской империи «Домэй цусин». В сферу ответственности этой организации входят вопросы регулирования современного информационного контента СМИ, журналистской этики. В 2000 г. под эгидой NSK был создан «Устав журналистики» (*Canon of Journalism*), в котором были сформулированы основные принципы работы журналистов (свобода выражения мнений, ответственность, независимость, беспристрастность и т.д.) Членство в подобных общественных организациях не является обязательным для журналистов, но японские СМИ стремятся участвовать в таких организациях.

Ко второй половине XX века в Японии сформировалась современная система взаимодействия ведущих акторов медиапроцесса. СМИ Японии, безусловно, имеют влияние на правительство и общество, но и сами подвергаются влиянию определенных государственных структур, которые ограничивают их самостоятельность, пытаясь использовать в интересах правительства. Ряд исследователей считают, что в современной Японии СМИ объединены в конгломераты, или картели (*media keiretsu*), и в современном японском обществе с середины XX века функционируют основные игроки медиапроцесса («три К»): *кися курабу* — пресс-клубы; *Нихон симбун кё:кай* — Ассоциация газетных издателей и редакторов Японии (NSK); *медиа кэйрэцу* — медиакартели.

Роли основных игроков процесса создания информационного продукта для населения Японии распределены следующим образом. Пресс-клубы концентрируются на отношениях между официальными источниками информации и освещающими ключевые события журналистами, а также на взаимоотношениях между журналистами из конкурирующих сообществ. Ассоциация газетных издателей и редакторов Японии курирует взаимоотношения между самими СМИ. Медиаконгломераты *кэйрэцу* обеспечивают доступ к новостям прочих СМИ³⁷. Таким образом, можно сказать, что редакционная политика того или иного японского СМИ во многом зависит от того, какой медиаконгломерат его контролирует.

Регулирование деятельности СМИ Японии в наши дни сходно с системой США и Канады: де-юре отсутствует фактор государственного регулирования (но де-факто осуществляется косвенное регулирование), действуют этические кодексы для журналистов. Однако на самом деле система регулирования СМИ достаточно жесткая, практикуется самоцензура. Также одним из факторов косвенного регулирования правительством деятельности журналистов является упомянутая выше система пресс-клубов (насчитывается более тысячи), посредством которых журналисты получают официальную информацию от правительства. Существует точка зрения, при которой существование пресс-клубов оказывает положительное влияние на журналистику, так как предоставляет собой от-

работанный канал для получения информации из первых рук, но, с другой стороны, эта информация является уже отфильтрованной государственными чиновниками, то есть, в какой-то мере она уже подвергнута цензуре правительства. Подобный путь получения информации напоминает взаимодействие журналистов с крупными японскими корпорациями при освещении их деятельности. Это делается при помощи посредников в виде пресс-службы и выпускаемых пресс-релизов³⁸.

Таким образом, привилегированные журналисты пресс-клубов составляют элитное сообщество, аналогичное пресс-корпусу Белого дома США и так называемому кремлевскому пулу России, но более сплоченное и ограниченное рядом взаимных обязательств. С.В. Чугров в своей работе, описывающей особенности современных информационных процессов в Японии, отмечает, что существование и функционирование пресс-клубов, помимо создания благоприятной атмосферы для формирования контента СМИ, обусловленную возможность доступа к первоисточникам информации — присутствия на брифингах премьер-министра, министров иностранных дел и прочих официальных лиц, имеющих прямое отношение к формированию внешнеполитического курса страны, дает журналистам возможность прогнозировать те или иные тенденции развития политических событий, но также иногда может привести к ошибкам из-за неверной интерпретации полученной «из первых уст» информации, поэтому японские журналисты предпочитают использовать расплывчатые формулировки «как представляется...», «по-видимому...» и т.д.

Подобного рода система выгодна и для СМИ, и для правительства: в обмен на доступ к оперативной информации его чиновники могут рассчитывать на лояльность СМИ³⁹. Однако все это не может не открывать возможностей и для манипуляций СМИ: право доступа в кулуары властных структур — рычаг для воздействия на «неугодные» СМИ.

В трудах исследователей японской медиасферы сложилось устойчивое мнение о «партийной принадлежности» тех или иных СМИ. Так, газету «Асахи» и аффилированную с ней телекомпанию TV Asahi относят к наиболее оппозиционным ЛДПЯ, либеральным, левоцентристским СМИ. К левому флангу относят и газету «Майнити» с телекомпанией TBS того же медиаконгломерата, однако она не настолько радикальна, как «Асахи». На позициях нейтралитета стоит газета «Нихон кэйдзай» («Никкэй»), ведущая экономическая газета Японии. Группа медиахолдинга «Ёмиури» считается исследователями японских СМИ правоцентристской, в нее входят телекомпания Nippon Television Network и газета «Ёмиури» с самым большим тиражом в Японии около 9 млн экз. (дневной выпуск, данные 2017 г.)⁴⁰ Наиболее консервативным СМИ правого фланга, отличающимся риторикой националистической направленности, считается газета «Санкэй»⁴¹.

В Японии в настоящее время, помимо коммерческих СМИ, существует и единственная общественная вещательная корпорация NHK, «Эн-Эйч-Кей», организованная по принципу общественного вещания (public broadcasting), по образу телекомпании BBC в Великобритании. Дискуссии о статусе NHK среди российских и зарубежных исследователей СМИ последнее время ведутся все активнее. Так, формально и официально NHK — это общественная телерадиовещательная корпорация. Основные принципы, которым следует общественное телевещание, перечислены в «Пояснительной записке к Типовому закону об общественном вещании». (Закон был разработан ЮНЕСКО и Международным союзом электросвязи еще в марте 1998 г.), а также в положениях Закона о СМИ 1950 г., принятого в период формирования оккупационными властями США новых стандартов работы СМИ Японии. Общественное вещание признается таковым, если оно предназначено для общества, финансируется обществом и контролируется обществом. «Общество» в данном контексте — это все население страны или региона, являющееся потенциальной аудиторией конкретного вещательного СМИ⁴². NHK при осуществлении вещания не размещает рекламу и ведет работу в Японии на средства, получаемые от каждого домохозяйства, где есть телевизор (абонентскую пла-

ту). Критика зависимости NHK от правительства Японии относительно содержания информационного контента ее программ связана с особенностями структуры ее управления. Во-первых, ежегодный бюджет NHK должен быть одобрен парламентом Японии. Во-вторых, кандидатуры 12 членов Управленческого комитета NHK, которые, в свою очередь, определяют политику управления организацией, план деятельности и принимают базовые решения о создании телепрограмм, должны быть одобрены обеими палатами японского парламента от имени граждан Японии, и эти кандидатуры должны быть одобрены лично премьер-министром Японии⁴³. Эти причины дают основания критикам говорить о том, что NHK пытается быть достойным доверия и объективным СМИ, хотя не противостоит позиции правительства, избегая остродискуссионных тем (Б. Гатцен)⁴⁴, и о том, что NHK в XXI веке продолжает быть «полунезависимой» от правительства, и эта тенденция не меняется (Э. Краусс)⁴⁵.

Сложившиеся исторически особенности функционирования медиасферы Японии служат источником ряда проблем СМИ в настоящее время. Так, в частности Дж. Кингстон, исследователь современного общества и политической ситуации Японии, дискутируя о независимости японских СМИ от правительства, утверждает, что в наши дни общественная телерадиовещательная корпорация NHK, особенно при назначенном С. Абэ ее президенте Кацудо Момии, скорее действует как пресс-служба правительства Японии, в то время как закон требует, чтобы она функционировала независимо от политических властей. Хотя NHK при освещении политических событий и трансляции политического курса безупречно соблюдает принцип диверсификации источников — получения комментариев от различных политических партий —, согласно данным исследований Дж. Кингстона, известно, что она исключала из содержимого своих программ вещи, которые могли в той или иной степени нанести ущерб правительству Абэ⁴⁶. Другой исследователь медиасферы Японии, К. Накано, также поддерживает эту точку зрения, называя корпорацию NHK «полностью контролируемой правительством», а газеты «Ёмиури симбун» и «Санкэй симбун» — «лояльными режиму сторожевыми псами»⁴⁷. Кроме того, в Японии все чаще звучит точка зрения, что газета «Асахи» подвергается различного рода критике и репрессиям со стороны японского правительства за оппозиционные взгляды и публикацию репортажей, идущих вразрез с курсом правящей Либерально-демократической партии Японии⁴⁸.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что современная система СМИ Японии сложилась под влиянием синтеза двух составляющих элементов. Первый элемент — исторические традиции взаимодействия СМИ и государства в стране с доминированием бюрократии, каковой является Япония. Второй составляющей является демократическая, «западная» модель концепции независимости прессы, привнесенная в медиасферу Японии властями США в период послевоенной оккупации. Несмотря на то, что американским правительством была сделана попытка «с нуля» создать и развить в Японии систему полностью независимых от государства СМИ. Эта попытка, по-видимому, не вполне увенчалась успехом. Созданная система, опираясь на традиции взаимодействия японского общества, в некотором смысле продолжает сохранять черты, свойственные до-демократической Японии: тесная коммуникация с правительством и трансляция в той или иной степени проводимого властями курса во внешней и внутренней политике. Тем не менее многие специалисты, изучающие японские СМИ, отдают должное высокому профессионализму журналистов и следованию принципу свободы слова в интерпретации и изложении информации, где это представляется возможным. Хотелось бы надеяться, что система СМИ Японии преодолест временный кризис, который привел к столь низкой оценке степени независимости японских СМИ мировым сообществом, и восстановит свои позиции. Однако современные тенденции развития японской медиасферы позволяют предположить, что в ближайшее время СМИ останутся не только источником информации для японского общества, но и мощным правительственным фактором регуляции

и формирования общественного мнения по ряду ключевых экономических, политических и социальных вопросов, а также внешнеполитического курса Японии в той интерпретации, которая выгодна правительству Японии.

1. World press freedom ranking 2010. URL: <https://rsf.org/en/world-press-freedom-index-2010>; World press freedom ranking 2017. URL: <https://rsf.org/en/ranking/2017>; *Kingston Jeff*. Press Freedom in Contemporary Japan. Routledge, 2016. 336 p.
2. *Лазарев А.М., Полякова Н. А., Смирнов Б. В.* Печать, радио и телевидение Японии. М., 1974. 128 с.
3. *Сеферова, М.В.* Современная печать Японии. М., 2000. 48 с.
4. *Фесюн А.Г.* Язык японских СМИ. М., 2013. 215 с.
5. *Лукин С. С.* Институционализация и механизм функционирования современной медиасферы Японии. С-Пб., 2013. [Дис.... канд. полит. наук]. 218 с.
6. Historical development of media system. Japan. UNESCO. 1979. P. 15. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0003/000378/037883eb.pdf>.
7. *Морита Кэндзи.* Эдо-но каварабан. Сёмин-о нэккё сасэта мэдиа-но сётэй: [Каварабан периода Эдо. Истоки медиа, восхищавших простонародье]. Токио, 2017. 221 с.
8. *Masami Ito.* Broadcasting in Japan: Case-studies on Broadcasting Systems. Routledge Library Editions: Japan, 2013. 144 p.
9. *Нисимуро Каю.* Ходо синай дзю. Надзэ мэдиа ва хэйки-дэ усэ-о цуку но ка: [Свобода, которую не вещают медиа. Почему СМИ так хладнокровно лгут?] East Press, 2017. 224 p.; *Он же.* NHK бококурон: [Пророчество о разрушении страны NHK]. Bestsellers, 2014. 240 p.
10. *Ямамуре Акиёси.* GHQ-но нихон сэнно 70 нэн цудзуйта. Сихай сисутэму-но дзюбаку-кара нихон-о кайхо сэё!: [Промывание мозгов командования союзными оккупационными войсками Японии длилось 70 лет. Освободим Японию от заклęcia «системы контроля»]. Токио: Кобунся, 2014. 355 p.
11. *Nakano Koichi.* The right-wing media and the rise of illiberal politics in Japan // Press Freedom in Contemporary Japan. Routledge, 2016. 336 p.
12. *Kasza Gregory J.* The State and the Mass Media in Japan, 1918–1945. University of California Press, 1993. 356 p.
13. *Huffman James L.* Creating a Public: People and Press in Meiji Japan. Honolulu, University of Hawaii'i, 1997. 573 p.
14. *Johnson Eric.* Truth hurts: censorship in the media. Re-examining the role publishers played in leading the country to and through World War II. 2015. 8 Aug. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2015/08/08/national/history/truth-hurts-censorship-media/#.WoDzXGZe№ 7M>.
15. *Krauss Ellis S.* Broadcasting Politics in Japan: NHK and Television News. Cornell University Press, 2000, 278 p.
16. *Freeman Laurie Anne.* Closing the Shop: Information Cartels and Japan's Mass Media. Princeton University Press, 2000. 256 p.
17. *Kingston Jeff.* Op. cit.
18. *Kushner Barak.* The Thought War: Japanese Imperial Propaganda. University of Hawaii Press, 2007. 256 p.
19. Согласно классификации Министерства внутренних дел и коммуникаций Японии, курирующего СМИ, к «новым медиа» относятся различные Интернет-СМИ: новостные сайты, блоги, социальные сети (Facebook и др.) и средства потокового вещания и видеохостинга (Youtube и др.)
20. *Лазарев А.М., Полякова Н. А., Смирнов Б. В.* Указ. соч. С. 6.
21. Historical development of media system... P. 15. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0003/000378/037883eb.pdf>; см. также: *Морита Кэндзи.* Указ. соч. С. 11.
22. *Лазарев А.М., Полякова Н. А., Смирнов Б. В.* Указ. соч. С. 7.
23. *Kasza Gregory J.* Op. cit. P. 5–7.
24. *Huffman James L.* Op. cit. P. 311/
25. *Masami Ito.* Op. cit. P. 8–9. См. также: History of NHK. URL: <http://www.nhk.or.jp/corporateinfo/english/history/index.html>.

26. Нихон канрёсэй сого дзитэн. 1868–2000: [Большой словарь правительства Японии (1868–2000)]. Токіо: Токё дайгаку сёппанкай, 2011. С. 397–398.
27. Сеферова М.В. Указ. соч. С. 6.
28. Johnson Eric. Op. cit.
29. Krauss Ellis S. Broadcasting Politics in Japan... P. 89–94.
30. Нихонкоку кэмпо: [Конституция Японии]. URL: http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail_main?id=174.
31. SCAPIN-33: PRESS CODE FOR JAPAN № 1945/09/19 // Цифровой архив библиотеки парламента Японии. URL: <http://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/9885095>.
32. SCAPIN-43: RADIO CODE FOR JAPAN № 1945/09/22 // Цифровой архив библиотеки парламента Японии. URL: <http://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/9885105>.
33. Нисимура Кою. Ходо синай дзю... С. 118.
34. Ямамура Акиёси. Указ. соч.; Нисимура Кою. NHK бококурон... С. 25–28.
35. Нисимура Кою. Ходо синай дзю... С. 121.
36. Kushner Barak. Op. cit. P. 178–179.
37. Freeman Laurie Anne. Op. cit. P. 13.
38. Анализ международного и отечественного опыта создания и функционирования института саморегулирования в информационном сообществе // Официальный сайт Роскомнадзора. URL: https://rkn.gov.ru/docs/Razdel_19.pdf С. 19.
39. Чугров С.В. Особенности информационных процессов и формирования общественного мнения в Японии // Меди@льманах. 2006. № 6 (17). С. 46–47.
40. Information Media Trends in Japan-2017. URL: http://www.dentsu.com/knowledgeanddata/publications/pdf/information_media_trends_in_japan_2017.pdf.
41. Japan — Media Environment Open: State Looms Large. Guide to Traditional and Interactive Digital Media. FAS Open Source Center, 2009. P. 13.
42. Опыт работы общественного телевидения в разных странах // РИА Новости. 2012. 18 июля. URL: <https://ria.ru/spravka/20120718/702757632.html>.
43. NHK Corporate Info. URL: <http://www.nhk.or.jp/pr/english/management/index.html>.
44. Gatzel Barbara. Public broadcasting, media ownership and democratic debate in Japan. 2002. 13 Feb. URL: <https://www.opendemocracy.net/node/43/%3Ca%20href%3D>.
45. Krauss Ellis S. The changing and unchanged politics of semi-independence // Press Freedom in Contemporary Japan. Routledge, 2016. 336 p.
46. Kingston Jeff. Op. cit.
47. Nakano Koichi. Op. cit.
48. Abe attacks Asahi Shimbun daily over coverage of Moritomo favoritism scandal // Майнити симбун. 2018. 21 февр. URL: <https://mainichi.jp/english/articles/20180221/p2a/00m/0na/023000c>.

Экономическая модель *гуаньси* в Китае: сравнительный анализ

© 2018

Д.Б. Графов

Статья посвящена анализу мотивации участников неформальных отношений, известных в Китае как *гуаньси*. Автор приходит к выводу, что именно экономический мотив является преобладающим в объединении участников в цепочки и группы, в которых частный интерес удовлетворяется через коллективные действия за счет перераспределения общественных или корпоративных ресурсов.

Ключевые слова: Китай, неформальные связи, *гуаньси*, групповые интересы, начальник — подчиненный.

DOI: 10.31857/S013128120001143-8

В изучении неформальных отношений *гуаньси*, распространенных в Китае, преобладает психологический подход, позволяющий описать главные внешние проявления этих отношений. Однако он не вскрывает внутренних причинно-следственных связей, предлагая считать *гуаньси* культурным конструктом, основанным на традиции, китайской модели семьи и конфуцианских принципах. Экономический подход позволяет взглянуть на неформальные отношения *гуаньси* как на систему коллективной лояльности подчиненных по отношению к руководителю, в основе которой лежит баланс материальных и нематериальных интересов. «Экономическая модель» дает возможность объяснить, почему неформальные связи образуются, как развиваются и могут ли обрываться. Все имманентные свойства *гуаньси* — доверие, взаимность, обязательства, подчиненность, которые в психологическом подходе объяснялись традицией, выступают как «органическая рациональность» в модели «экономического человека».

Дословно *гуаньси* (*guanxi*) в переводе с китайского означает связь. С точки зрения социологии, лица, вступившие в отношения *гуаньси*, представляют замкнутую или открытую группу (сеть), в которой они связаны общими интересами и разделяют определенные правила поведения. Стремление к организации в группы исторически присуще человеку и связано с более эффективным добыванием материальных благ или перераспределением таковых. Отношения *гуаньси* также связаны с обеспечением тех, кто в них вступил, преимуществами при распределении различных выгод и бенефиций. Это могут быть должности, доходы, затраты, подряды, контракты, рабочее время — любые другие материальные и нематериальные блага и ресурсы. Находящиеся в *гуаньси*-отношениях образуют неформальную группу, напоминающую семью, члены которой имеют друг перед другом определенные обязательства. Отношения основаны на доверии¹, нарушение обязательств практически невозможно, так как грозит негативными последствиями в группе².

Использование *гуаньси* в незаконных целях, например, коррупции принято обозначать отдельным термином *гуаньсисюэ* (*guānxìxié*)³. Однако коррупция — это признанный судом результат, а связи всего лишь инструмент манипуляции, характерный для китайской культуры.

Подобный вид отношений не приветствуется западным бизнесом, и в развитых районах Китая он играет меньшую роль, чем на периферии, где власть государства слаба, или, наоборот, в тех сферах, которые китайское государство оставляет без понятного регулирования и прозрачных процедур. Это и сам государственный аппарат, процедуры внутри правящей партии, отношения партийных чиновников с бизнесом. В любых сферах *гуаньси*-отношения служат тем же целям — перераспределению ресурсов в пользу связанной этими отношениями группы лиц. *Гуаньси* можно рассматривать и как форму коллективной лояльности начальнику/лидеру (не обязательно формальному), и как китайскую форму круговой поруки, которая может противостоять формальной административной структуре.

Отношения *гуаньси* существуют, как правило, за установленными процедурами делового оборота или официальных инструкций и правил. Например:

- начальник может рассчитывать, что подчиненный в нужный момент сделает больше работы, и сделает ее с гарантированным качеством (т.е. не подведет начальника);
- сокращает нарушения и ошибки начальника;
- подчиненный может рассчитывать на продвижение по службе или другое вознаграждение от начальника (в обход формальных процедур или с их использованием).

Однако это не диадические отношения клиент-патрон, где у патрона нет обязательств перед клиентом, кроме добровольно взятых. *Гуаньси* можно отнести к китайской социальной матрице, в которой у каждого ее члена есть положение и обязательства перед другими членами и, главное, — лидером группы, формальным или неформальным начальником. К.Чен и С.Чен⁴ описывают *гуаньси* как культурно-специфичный китайский конструкт, в основе которого лежат неформальные партикуляристские отношения между начальником и подчиненным (формальным или реальным), связанными имплицитным психологическим соглашением следовать правилам *гуаньси*. Отношения характеризуются долгосрочностью, обоюдной преданностью, чувством долга. К. Чен и С. Чен обращают внимание на прагматичность этих отношений в решении практических вопросов с соблюдением принципа долгосрочной справедливости.

Отношения *гуаньси* несут на себе культурно-историческую специфику. Во-первых, это заложенные в конфуцианстве принципы уважения к знанию и должности, подчинения простолыдина аристократу, младшего старшему, устройства государства как семьи, где высшая власть принадлежит отцу, которому остальные подчиняются и оказывают уважение. Во-вторых, сильные коллективистские обычаи, берущие начало в общинном устройстве и семейной и территориальной клановости традиционного китайского общества. Род — это прежде всего взаимопомощь и корпоративизм, на которые опирается *гуаньси*. Сила рода это и его историческая репутация. Отсюда важное понятие «потери лица», как «красной черты», за которой происходит потеря статуса в иерархии в *гуаньси*.

«Сохранение лица» подразумевает, с одной стороны, гарантию требуемого (минимального) уважения и защиту от неловкой ситуации⁵, а с другой — удерживает от нарушения «правил семьи» (правил *гуаньси*). До сих пор родовые отношения в Китае очень сильны. И род в определенной мере гарантирует рамки, или правила, которые не будут нарушены его членом под угрозой «потери лица».

Тем не менее верность роду и представления о долге и чести в Китае далеко не совпадают с нравственными нормами, составляющими западную цивилизационную матрицу, принципами свободного рынка и открытого общества. Практика *гуаньси*:

- отрицает равенство всех перед законом или установленными правилами;

- отрицает равенство в праве на соискание и замещение должности;
- отрицает равенство в распределении вознаграждения за одинаковую работу;
- исходит из приоритета личных договоренностей над записанными в контракте;
- использует нерыночную силу в рыночных отношениях для повышения конкурентоспособности и прибыли.

Часто отношения *гуаньси* и группы, созданные с помощью этих связей, относятся к криминальным. Это не всегда так, и вступающие в *гуаньси* не всегда ставят своей целью действия за гранью закона. В то же время такие отношения представляют собой основу для nepотизма и коррупции⁶. Поэтому западный тип бизнеса, пришедший в Поднебесную, с одной стороны, пытается бороться с неформальными связями, возникающими на основе *гуаньси*, а с другой — ищет способы, как использовать положительные стороны этих отношений. Если бизнес прозрачен, то нет ничего плохого, что руководители выделяют удобных им (верных, добросовестных) подчиненных, с которыми у них налажены связи, полезные для бизнеса, и обеспечивают им служебный рост⁷. В свою очередь подчиненные больше доверяют таким руководителям и демонстрируют лучшие результаты⁸.

У отношений *гуаньси* имеется и другая область — отношения китайцев, делающих бизнес между собой и государством. В Китае сильны коллективистские начала и в бизнесе. Отношения *гуаньси* помогают деловой практике потому, что облегчают коммуникацию, а по отношению к государству они выступают в качестве коллективного инструмента защиты. Например, опросы, проведенные на достаточно репрезентативной выборке, о значении *гуаньси*-связей в бизнесе, показали, что средний уровень поддержки (более 64%) имеют следующие высказывания:

- Я всегда готов оказать услуги коллегам по бизнесу, когда бы они меня не попросили.
- Большинство бизнесов созданы посредством связей.
- Люди бизнеса должны действовать свободно, без вмешательства государства.
- Бизнес-отношения существуют, поскольку бизнесмены могут помогать друг другу противостоять остальному миру.
- Большинство предпринимателей в Китае, как мужчин, так и женщин, принадлежат к малым группам, которые помогают друг другу, чтобы преуспеть.
- Я и мои друзья выискиваем пути обхода государственного регулирования.
- Члены большинства бизнес-групп не стремятся поступать незаконно, однако могли бы так поступить, если это даст им преимущество.

Однако у *гуаньси* как коллективного инструмента самозащиты есть предел. Это не 100-процентная круговая порука. Например, высказывание «если коллега по бизнесу идет на обман при уплате налогов, и это станет известно властям, я мог бы солгать, чтобы помочь ему» поддержали только 36%, а 46% высказались «против»⁹.

Моделирование отношений

Наиболее интересным представляется бихевиористский подход с центральным мотивом частного интереса, который лежит в основе партикуляристских отношений на всех трех этапах: вступление в *гуаньси*-отношения; распределение ресурсов между начальником и подчиненным; выход из группы. Исследования показали, что китайские руководители могут выделять среди своих подчиненных тех, кто откликается на правила *гуаньси*¹⁰ и затем предлагать больше выгод, преимуществ, возможностей карьерного роста для тех, кто вовлекается в эти отношения дальше¹¹. Со своей стороны подчиненные, принявшие правила игры, демонстрируют большую преданность своим руководителям и демонстрируют большую эффективность работы¹².

В первом приближении решение о вступлении в подобный род отношений может быть выражено двумя условиями.

1. Выгоды V (Benefit) от вступления должны в ожиданиях перевешивать их текущее состояние $V(\text{future})/V(0) > 1$.

2. Само количество выгод в будущем может быть выражено через баланс выгод и издержек. Он складывается из того, чем придется пожертвовать (Cost), например, большим рабочим временем или отказом от других перспектив, плюс выгодами, которые лицо, вступающее в *гуаньси*, получает сразу $V(1)$. А также некими выгодами $V(\text{future})$ и издержками $\text{Cost}(\text{future})$, которые могут нести эти отношения в перспективе. Эти два последних параметра носят ожидаемый вероятностный характер. Но, очевидно, их величина будет зависеть от степени вовлеченности K (engagement) в отношения и дела группы, которые предлагаются начальником и принимаются подчиненным. Во всяком случае, лицо, вступающее в отношения, надеется их контролировать. Таким образом:

$$V(\text{future}) = V(1) - \text{Cost} + K \times V(\text{future}) - K \times \text{Cost}(\text{future}).$$

Эмпирические исследования также показали, что качество личных отношений может улучшаться или ухудшаться из-за положительных или отрицательных инцидентов, которые происходят при взаимодействии¹³.

В настоящий момент известны несколько психологических подходов к моделированию отношений *гуаньси*. Категориальный подход рассматривает *гуаньси* с точки зрения прямых партикуляристских связей между двумя лицами. При этом лица относятся к различным категориям: члены семьи, близкие люди, незнакомцы. Категориальные связи имеют приоритет и детерминируют все отношения. А сами категории имеют неизменную иерархию¹⁴. Категориальная шкала *гуаньси* предполагает восемь связеобразующих категорий: родственник, однофамилец, земляк, бывший одноклассник, бывший коллега, бывший учитель/студент, бывший начальник/подчиненный, бывший сосед¹⁵. Минусом данного подхода является инвариантность отношений вне зависимости от ситуации.

Однако *гуаньси* — это динамическая система, в которой у сторон есть представление о правилах, пусть невербальных, а «категория» противоположной стороны может рассматриваться как коэффициент повышающий доверие, гарантирующий надежность данной связи. Бывший одноклассник, бывший коллега, бывший начальник/подчиненный — слово бывший является ключевым. То есть человек, проверенный временем и отношениями. Реальная жизнь — открытая динамическая недетерминированная система с неограниченным числом сценариев.

Категориальный подход мало говорит нам о целеполагании и основаниях, на которых возникают отношения, хотя и может быть использован для моделирования ограниченного числа ситуаций. Но категории не могут детерминировать действия акторов, как дипломатический протокол. Более того, традиционное китайское общество уже довольно сильно трансформировалось, в крупных городах родственные связи имеют меньший вес, чем в деревне. Исследование, проведенное в Гонконге, показало, что семейные узы с далекими родственниками настолько ослабевают, что не могут быть основой для *гуаньси*¹⁶. А дружеские узы могут быть сильнее семейных, все зависит от качества отношений¹⁷.

В динамическом подходе исследовались однокомпонентная и трехкомпонентная модели *гуаньси*. Однокомпонентная модель рассматривает в качестве системообразующего социальное взаимодействие между начальником и подчиненным вне работы¹⁸. Модель исходит из того, что особую роль в отношениях играет эмоциональная связь (отношения больше, чем работа, они существуют и во вне рабочее время). Можно признать сильную искреннюю преданность сильным эмоциональным чувством, но если в результате этих отношений перераспределяются какие-то ресурсы и выгоды, то это довольно нетвердое основание для анализа *гуаньси*.

Во-вторых, однокомпонентная модель не делает разницы между эмоциональной привязанностью органической и инструментальной, т.е. демонстрируемой подчиненным начальнику именно потому, что последний хочет ее видеть.

Но главное, нет ответа на вопрос, зачем подчиненный вступает в особые отношения со своим руководителем? Чем отношение акцептора (начальника) к донору (подчиненному) в однокомпонентной модели *гуаньси* отличается от других форм социального взаимодействия: покровительства, членства в партии, синдикате или кассе взаимопомощи.

Трехкомпонентная модель считается более разработанной и детальной. Она исходит из наличия¹⁹ в структуре *гуаньси*, во-первых, эмоциональной привязанности, не обусловленной материальными выгодами и даже готовностью помогать и следовать за руководителем; во-вторых, включенностью в личную жизнь, под которой подразумевается знакомство с семьей и участие в общих мероприятиях за пределами работы; в-третьих, почтением к руководителю, преданностью — через социализацию с ним, через признание авторитета и веру подчиненного в справедливое обращение начальника.

В развитии трехкомпонентной модели работа Y. Chen²⁰ ставит целью построить шкалу для измерения *гуаньси*, имеющую психометрическую поддержку. Концептуализируется предположение, что между начальником и подчиненным, с одной стороны, существуют «контрактные отношения» — своего рода рыночный договор между донором и властным акцептором, подразумевающий, что именно отдаст донор и что получит от акцептора взамен. А с другой стороны, в паре начальник — подчиненный устанавливаются неформальные отношения подобно тем, что в семье существуют между старшими и младшими со взаимными обязательствами. Это органично для Китая, где семья является моделью отношений в любом социальном домене²¹. Семейный коллективизм определяется как совокупность ценностей, убеждений, поведенческих норм, которые принимаются в разных сферах жизни, включая отношения вышестоящего и нижестоящего лица²².

В попытке ухватить психологическую природу этих отношений было выяснено отношение респондентов к ряду высказываний, отражающих, по мнению авторов, ситуативные проявления *гуаньси*. Изначальную основу составили 265 высказываний, предложенные 23 студентами МВА, чей средний возраст составлял 27,4 лет и стаж работы 3,5 года. Из данного массива оставили 113 высказываний, а потом отобрали 24, которые респонденты должны были оценить по 6-балльной шкале, от «совершенно не согласен» до «совершенно согласен». Их предложили оценить 386 работникам компаний из двух промышленно развитых городов Китая. Из-за противоречивости формулировок, неоднозначности ответов, возможности интерпретаций отбросили половину из 24. Оставшиеся 12 высказываний, разделенные по трем компонентам, были следующими:

Эмоциональная привязанность.

1. Мой руководитель и я всегда делимся мыслями, мнениями и чувствами относительно работы и жизни.
2. Я чувствую себя легко и комфортно, когда я общаюсь с моим начальником.
3. Я буду переживать и сожалеть, если мой руководитель решит перейти на работу в другую компанию.
4. Если у моего руководителя возникнут проблемы в личной жизни, я сделаю все возможное, чтобы помочь ему.

Включенность в личную жизнь.

1. Мой начальник мог бы попросить меня помочь ему в каких-то семейных делах.
2. Во время праздников мы с начальником вполне можем поговорить по телефону или навестить друг друга.
3. После работы мы вместе с руководителем можем поужинать вместе или посвятить время развлечениям, которые выходят за рамки рабочих отношений.

4. Я знаком с членами семьи моего руководителя и поддерживаю с ними личный контакт.

Почтение к руководителю.

1. Я готов подчиняться своему начальнику безоговорочно.

2. Если я в какой-то момент и не согласен с моим руководителем, то все равно поддержу его решения.

3. Я готов отказаться от своих целей, чтобы цели руководителя были выполнены.

4. Я готов пожертвовать своими интересами, чтобы следовать интересам руководителя.

С этими высказываниями согласилось наибольшее число опрошенных, и степень согласия была наивысшей. Y. Chen приходит к выводу, что трехкомпонентная модель лучше согласуется с фактами, чем однокомпонентная и категоричная. И эта трехкомпонентная шкала вполне пригодна для измерения такого конструкта, как *гуаньси*.

Делается вывод, что *гуаньси* — это своего рода форма псевдосемейных отношений, которые могут меняться в зависимости от качества отношений руководитель — подчиненный. И эта переменная трансформируется от контрактной основы — «экономических отношений обмена» подчиненного с начальником — в коммунальные отношения, основанные на «общедолевом» пользовании / распределении, которое устанавливается властным актором (руководителем). Два компонента *гуаньси* — эмоциональная привязанность и включенность в личную жизнь — отражают «общедолевое» пользование / распределение. А третий компонент, «почтение к руководителю», отражает значение власти в отношениях руководитель — подчиненный, характерных для коллективистских культур с большой дистанцией от власти закона.

Соотношение личного интереса и традиционных норм в *гуаньси*

Первое замечание относительно трехкомпонентной модели состоит в том, что и сам источник высказываний, предлагаемых Y. Chen для опроса, и дальнейшая их фильтрация несут печать субъективизма. Если конвергентная и дискриминантная валидность формально проверку проходят, то содержательная валидность неочевидна. Как уже отмечалось, подчиненные могут демонстрировать вовлеченность в жизнь руководителя и эмоциональную привязанность именно потому, что последний хочет их видеть. То есть они будут не органическими, а инструментальными характеристиками, которые данная модель не учитывает.

Замечание второе. Нет свидетельств того, что респондентов спрашивали именно о *гуаньси*. Они могли просто отвечать на вопросы об отношениях начальника с подчиненным.

Третье замечание. Авторы сначала собирались ввести в модель четвертый параметр, так называемый параметр LMX (Leader — member exchange), который как раз и характеризует главное в отношениях между подчиненным и начальником — сделку (договор по умолчанию), в результате которой подчиненный надеется улучшить свое положение, в том числе материальное. А руководитель получает подчиненного, который не просто работает на компанию или государство, а лично обязан ему и имеет обязательства перед ним.

Однако в работе делается вывод, что *гуаньси* лучше всего представлен тремя факторами, и нет необходимости тестировать другие альтернативные модели, которые включали бы LMX. Y. Chen сообщает, что в процессе выработки утверждений, которые затем использовались в опросе, «высказывания участников часто содержали мысли о связи *гуаньси*-отношений с продвижением по службе, важными заданиями, наградами, частыми похвалами, привилегированными льготами и другими выгодами. Но такие проявления *гуаньси*-отношений могли бы подтвердить их существование, но не помо-

гают понять настоящую природу этих отношений»²³. Это означает, что психологизм этих отношений был поставлен над причинно-следственной связью. Ведь, на самом деле, выгоды (бенефиции) *гуаньси*-отношений являются не следствием, а настоящей причиной их возникновения. А преданность и служение начальнику как фиксируемый паттерн *гуаньси* могут рассматриваться параллельно с частным интересом, лежащим в основе. Для начальника проявление их может служить дополнительной гарантией надежности подчиненного. Для подчиненного это неотъемлемая часть конструкта *гуаньси*, по сути, традиция.

Несомненно, аргументы, которые используют сторонники трехкомпонентной модели, заслуживают внимания. Модель *Leader — member exchange* создана для свободного легального рынка труда, имеет дело только с рабочими (служебными) отношениями²⁴, в то время как *гуаньси* идет дальше, подразумевая, что начальник и подчиненный находятся в рамках социального обмена и взаимодействия за пределами работы.

Хотя и *гуаньси*, и LMX основаны на социальном обмене²⁵, модели отношений у них разные и принципы взаимной выгоды тоже. Модель отношений в теории LMX подразумевает «равенство при согласовании», она основана на справедливом обмене на рынке труда — производственная отдача (усилия подчиненного), с одной стороны, с другой — вознаграждение от руководителя. А *гуаньси* подразумевает «коллективное долевое участие» ради провозглашаемых руководителем общих целей, при личных обязательствах подчиненного, основанных на доверии между всеми участниками группы. Но это совершенно не значит, что в *гуаньси*-отношениях стороны лишены свободы вступать в отношения и выходить из них, если их положение не соответствует целям.

Именно этот «традиционный компонент» отношений руководитель — подчиненный в Китае (подчинение начальнику, семейная модель социальной жизни с правом главы семьи властвовать) дает, наоборот, больше оснований говорить о значении личного интереса и распределяемых ресурсов. По сравнению с западным рынком, зарегулированным правовыми нормами, с прозрачными процедурами менеджмента, на китайском рынке руководители имеют больше свободы в манипуляции ресурсами и могут серьезней влиять на жизнь сотрудников различными способами²⁶. Рынок труда в Китае тоже не настолько развит и свободен, чтобы, потеряв работу по воле начальника, легко найти другую без особых потерь. И с этой точки зрения хорошие личные отношения с руководителем могут иметь материальное измерение. Лояльность подчиненного, оцененная руководителем, положительно связана с карьерным ростом и отрицательно — с необходимостью искать новую работу.

Китайская специфика состоит в том, что ресурс, которым начальник рассчитывается с подчиненным, может быть не только материальным. В традиционно иерархичном китайском обществе огромное значение играют статусы. Воспринимаемое высокое качество отношений с начальником может повысить гордость и самооценку сотрудников, что, в свою очередь, убедит в справедливости процедур, проводимых в группе²⁷. Таким образом, происходит обмен лояльности подчиненного на ресурсы, которыми распоряжается начальник, справедливость этого обмена создаст положительную связь в отношениях начальник — подчиненный и усиливает вовлеченность сторон в сделку.

Аналогичным образом иерархические связи работают не только в *гуаньси*. В разных культурах есть подобные неформальные отношения обмена услуг, влияния, ведущие к взаимной выгоде. Там другие традиции и другая психология, но основа та же — личный интерес.

Так, в арабских странах практика неформального взаимодействия с ключевыми фигурами на высоких позициях в личных интересах получила название *wasta*, что может быть переведено: «кого ты знаешь», или посредничество. Связи персонализированы и часто основаны на родственных или близких дружеских отношениях²⁸. *Wasta* в большей степени «непотизм», чем *гуаньси*, но суть та же — только через личные отношения мож-

но добиться каких-то существенных выгод. Наибольшее значение и распространение *wasta* имеет в Иордании, Саудовской Аравии и других монархиях Залива²⁹. Однако *wasta* чаще упоминается при получении разрешений от государства, назначении на должность. И в меньшей степени, чем *гуаньси*, связана с коллективизмом.

Использование связей или влияния в Латинской Америке имеет несколько названий. В Чили это *pituto*, в Бразилии — *pistolão* и *jeitinho* (пронырливость). *Jeitinho* релевантно не просто услуге, помощи, протекции, а некоей выгоде, которую законно не получишь. Это устойчивая особенность поведения, характерная для представителей различных сегментов общества Бразилии³⁰. Кроме того, для Латинской Америки эти отношения строятся на более равной основе («услуга за услугу»). Хотя, в отличие от *гуаньси*, сделка не подкрепляется серьезными гарантиями (за стороны не отвечает община, группа), отношения могут быть и кратковременными, ситуативными. *Гуаньси* подразумевает, что помощь будет предоставлена именно тогда, когда она необходима. А в *jeitinho*, например, таких коллективных гарантий нет. Но общее правило одно: оказывая услугу, актер инвестирует в себя, а когда просит, то получает дивиденды от тех ресурсов, которыми поделился, либо сам берет эти ресурсы в долг.

Аналогом *гуаньси* может считаться «блат» — тип отношений, распространенный в СССР. Но «блат» имел в советской реальности только утилитарную функцию получения ресурсов и их обмена через связи и знакомства в отсутствие рыночных механизмов. По сравнению с *гуаньси*, в этих отношениях не было значительной личностной включенности³¹, ответственности или внешней обусловленности. В них можно было легко вступить и легко выйти. В современной России они редуцированы, с одной стороны, до обыкновенного nepотизма, понимаемого как обычай между родственниками, а с другой — до коррупционных цепочек, живущих по законам криминальных сообществ.

Отношения, направленные на получение материальных и нематериальных ресурсов через личные связи, есть также в Германии (*vetternwirtschaft*), Турции (*destek*), Великобритании (*pulling strings*), Польше (*plecy*).

Кросс-культурный подход к анализу неформальных отношений начальник — подчиненный

П. Смит с соавторами³² провел кросс-культурное исследование в пяти странах и установил, что различные модели фаворитистских отношений схожи с *гуаньси*. Российские исследователи Л. Григорян и Н. Лебедева также нашли на примере пяти стран (Сингапура, Саудовской Аравии, России, Великобритании, Бразилии) культурно-универсальную взаимосвязь между компонентами неформальных отношений и организационной лояльностью, возникающей в трудовых отношениях³³.

За основу была взята трехкомпонентная модель *гуаньси*. Результаты социально-психологического опроса и конфирматорный факторный анализ показали: во всех пяти культурных группах структура неформальных связей повторяет китайскую модель *гуаньси*.

Но были выявлены и культурные отличия. Например, в шкале «Почтение к руководителю» относительно «очень китайского» утверждения «Даже не соглашаясь с начальником, я бы поддержал его решения» не было совершенно никакого единства в оценках. Бросается в глаза, что для Великобритании «вовлеченность в личную жизнь» начальника ниже, чем для Бразилии, а для Бразилии ниже, чем для Сингапура. В целом, все три компонента — эмоциональная привязанность, вовлеченность в личную жизнь и почтение к руководителю — возрастают от стран с индивидуалистской культурой к странам с коллективистской организацией общества.

Нельзя исключать и то, что расширение участия в личной жизни «руководителя» может ослаблять бенефициарную отдачу после какой-то черты. Подчиненные могут чув-

ствовать, что, став «родственниками», не получают по справедливости заслуг из единственного соображения начальника: зачем платить больше «членам семьи».

Еще одно отличие, подчеркивающее коллективистскую и семейственную структуру *гуаньси*, от прочих: в более индивидуалистических культурах количество связей у одного актора в группе в среднем 2–3, а в *гуаньси* 5–7–9.

Таким образом, если эндогенные, культурно-специфичные модели неформальных связей имеют общий базис, и базис этот, распределение ресурсов на основе личных связей, экономический, то, возможно, экономический подход может объяснить больше, чем психологический. Более того, экономический подход может открыть дверь для анализа к другим группам связей и цепочкам отношений, которые ранее не рассматривались как особые культурно-специфические конструкты. Например, систему взаимодействия лоббистов и политиков, основанную на обмене законодательного ресурса политиков на взносы в избирательные кампании со стороны групп специальных интересов. Также экономический подход может быть использован при рассмотрении процессов циркуляции в элитах — кооптации и фильтрации.

Рациональное экономическое поведение подразумевает стремление индивидуума получить максимальный результат при минимальных затратах в условиях ограниченности используемых возможностей и ресурсов. Выигрывает тот, кто ведет себя рационально, и проигрывает тот, кто не придерживается рационального поведения³⁴. В случае неформальных отношений их культурный контекст и будет определять рациональность. Например, поддержание множества связей, получение личных выгод через коллективные интересы и будет рациональным поведением для *гуаньси*.

Рациональность подразделяют на:

- полную (максимум выгоды при минимуме затрат, предполагает исчерпывающую информацию для принятия решений);
- ограниченную рациональность (отсутствие полноты информации, или возможности ее обрабатывать). В этом случае человек стремится к реализации наилучшего варианта, не имея всей полноты информации или способности ее обработать. Решения принимаются на основе интуиции³⁵;
- органическую рациональность (решение принимается с соблюдением формальных и неформальных правил поведения)³⁶.

Ф. Хайек указывает, что взаимодействие людей рационализируется формальными и неформальными правилами поведения, сложившимися эволюционным путем институтами человеческого общества.

Именно органическая рациональность характерна для особых специфических отношений между начальником и подчиненным (старшим и младшим, патроном и клиентом), где нет контрактов с гарантиями, нет писаных правил, нет ясных перспектив, и расчета выгод и издержек.

Тем не менее речь идет о сделке, об обмене ресурсами, и представляется важным рассмотреть условия заключения сделки, соблюдения сделки, выхода из сделки. К. Чен и С. Чен³⁷ также выделяют три стадии создания отношений, где третья — прагматичное использование в решении проблем с соблюдением принципа долгосрочной справедливости (или несоблюдения, что может вести к разрыву).

Что такое «прагматичное использование» и «долгосрочная справедливость»? Первое означает, что в результате прагматичного подхода выгода станет больше, чем было на момент принятия решения. То есть, состояние дел в перспективе улучшится (иначе, зачем что-то менять). Второе: такие психологические и эмоциональные характеристики *гуаньси*, как «справедливость», «преданность», «верность», означают совершенно конкретную вещь — выполнение условий соглашения. В *гуаньси* принято считать выполнение правил имплицитным, т.е. гарантированным самой природой этих отношений.

Но при научном подходе мы не должны исключать никаких возможностей и основывать любой сценарий на рациональных отношениях.

На начальном этапе t (0–1), еще до вступления в сделку, происходит выделение «своих» и «не своих» людей. Очевидно, что инициатива может исходить как сверху, так и снизу. В качестве критерия доверия будут рассматриваться и место происхождения / обучения, имя / родственные связи и другие категориальные маркеры. Но они являются для начальника только ориентирами в поиске. «Своим» будет тот, кто согласится действовать в обход легальных процедур (или установленных администрацией, государством) при другом обязательном условии — возникновении выгоды для обеих сторон. То есть легальность процедуры (+L1) в следующей точке времени должна поменять знак (-L2), а бенефиции возрасти ($B1 < B2$).

Если это не случайное стечение обстоятельств, и кооптируемый проходит проверку на отношение к правилам *гуаньси* — готовность действовать в обход прописанных процедур с обоюдной выгодой — стороны могут взаимодействовать подобным образом дальше. На этапе t (1–2) их решение будет описываться представленной ранее формулой:

$$B(2) = B(1) - Cost + K \times B(2) - K \times Cost(2).$$

Понятно, что вторая сторона в диадических отношениях будет иметь точно такой же свой баланс выгод и издержек. А развитие отношений (можно выделить еще испытательный срок, или проверку) будет описываться коэффициентом вовлеченности — K (engagement). Вовлеченность, разумеется, требует добровольности согласия младшего (донора) действовать на условиях старшего (акцептора). Эта степень отражает силу поддержки и важность услуг, которые подчиненный готов предложить руководителю. Степень вовлеченности (или продвижение в структуре *гуаньси*) означает большие права при распределении благ, но не означает гарантий как самих добытых благ, так и причитающейся доли. Право наделения (распределения) имеет властный актор-начальник, а подчиненный находится к нему в положении принимающего условия (в *гуаньси* — как члена семьи к главе семьи).

В формуле согласия может быть также отражена готовность разделить коллективные издержки (убытки) и поделиться частью будущих выгод (результатов труда), которые могут не иметь ничего общего с зарплатной ведомостью.

На этапе t (2–3) может возникнуть ситуация, предшествующая выходу из отношений, когда выгоды от сохранения отношений уменьшились — $B(3) < B(2)$. То есть:

$$K \times B(3) - K \times Cost(3) < K \times B(2) - K \times Cost(2).$$

В момент времени t (3) выгод станет меньше, чем в момент t (2). Но, кроме логичного разрыва отношений, может сложиться ситуация, когда единовременные издержки $Cost$ от разрыва будут больше тех, что ожидаются при сохранении отношений. Значит, выход из отношений может не произойти. Это своего рода цугцванг, принуждение к отказу от хода. В том числе из-за угрозы «потери лица».

К вопросу о специфике *гуаньси*, о том, что исключительность этого рода связей не концептуализируется в рамках экономического подхода (или *Leader — member exchange* в широком смысле) и можно ли *гуаньси* воспринимать как частный случай более общих закономерностей. Во-первых, мы не имеем дело с константой *гуаньси*. Это, действительно, культурный паттерн, существующий в определенных социальных доменах, который имеет свойство постоянно меняться и принимать формы новых институтов и социальных структур. Влияние его может снижаться в одних социальных доменах и появляться в других в измененных форматах и практиках³⁸.

Во-вторых, структура коллективистских групп *гуаньси* и правила, на которых они основаны, служат одному — гарантиям. Ни одна организованная группа, вовлеченная в любой процесс (даже спортивный), не может обойтись без соблюдения правил сторонами. Коллективность, общинность *гуаньси*, незыблемость правила «подчиненный предан руководителю, а руководитель является защитником подчиненного», рас-

ширение «родственных» отношений за счет людей, которые не являются родственниками — фамилизация, или панфамилизация³⁹, которая выступает важной частью *гуаньси* — все это служит укреплению связей внутри группы, а значит — гарантиям. Кстати, подобным образом на Руси «крестный» становился человеком, связанным с семьей, почти родственником. Совместное участие в религиозном таинстве создавало гарантии негласного союза.

Иностранец не сможет иметь полноценных *гуаньси*-отношений, потому что предоставлен самому себе и, следовательно, волен поступать так, как ему заблагорассудится. В отличие от китайца, который принадлежит еще и своему роду, связан ответственностью и с живущими, и с умершими, и теми, кто еще будет рожден. Метафизические концепции имеют совершенно физическую цену, если стороны в них верят.

Но одной веры недостаточно. Нужны видимые подтверждения. Взятые в основу трехкомпонентной модели «эмоциональная привязанность» к начальнику, «включенность в его личную жизнь» и «почитание» являются ритуальными индикаторами лояльности подчиненного. Это демонстрируемое подчиненным проявление *гуаньси* (может быть искренним или нет) отражает лишь внутреннее содержание *гуаньси*, а по сути — соблюдение одного из правил. Конечно, нельзя исключать, что связи в *гуаньси* могут быть и иррациональны. Если люди становятся по-настоящему близки, между ними могут возникнуть и нематериальные привязанности. Но такие отношения, как дружба, любовь — когда один человек чувствует перед другим нематериальный долг — тема отдельного исследования. Трудно представить, что подчиненные находятся в таких отношениях *гуаньси* с руководителем какого-нибудь китайского бизнеса.

Однако, если взглянуть на *гуаньси* без идеализации, то можно поставить рядом другие модели коллективных отношений, по сути, так же основанных на вере в принципы общинной справедливости и требующих от своих членов следования ритуалам этой веры. Например, советский «колхоз» — форма идеологической организации труда с идеологически справедливым распределением его результатов, которая на самом деле являлась подневольной трудовой мобилизацией в интересах правящего партийного аппарата (как в СССР, так и в Китае).

Внутри «коллективного хозяйства» происходила многоступенчатая фильтрация и выделение людей, которые лучше других усваивали не только внешнюю обрядовость «колхозной жизни», но и неписанные правила начальник — подчиненный в партийно-хозяйственной системе. Почти бесплатный труд требовался системе, а начальнику требовалось окружить себя подчиненными, лояльными и способными исполнять функции, в которых особенно нуждался начальник. В свою очередь, он их приближал и кооптировал в «колхозную» элиту. А дальше матрица отношений воспроизводила сама себя на всех уровнях партийно-хозяйственной системы. Подчиненный (донор) должен был принимать чужие риски в обмен на протекционизм. Не допускать утечки информации, которая может повредить интересам начальника (акцептора). Принимать ответственность за ошибки членов группы с более высокими статусами в иерархии. И главное — не капитализировать результаты своего труда («не тянуть одеяло на себя»), а согласиться на распоряжение ими начальником (акцептором). Другими словами, проявить готовность разделить как коллективные издержки (убытки), так и результаты своего труда, в обмен на продвижение в иерархии. Перспектива нового статуса — социальный лифт, один из механизмов кооптирования в управленческую элиту.

Можно отметить и другую сторону «колхозной» модели. Если существуют особые отношения между начальником и подчиненным (с вовлеченностью в личную жизнь, эмоциональной привязанностью, уважением), то подчиненному будет труднее требовать у руководителя вознаграждения. А руководителю будет легче заменить материальное вознаграждение каким-то другим, например, морально, общественно, идеологически значимым. Подобные отношения мы находим и в *гуаньси*, где начальники тоже могут ис-

пользовать эмоциональную вовлеченность, дружескую эмпатию, чтобы сделать из подчиненных преданных солдат⁴⁰.

* * *

Итак, китайский конструкт *гуаньси* может рассматриваться и как эмоционально психологические связи между людьми, и как определенная социальная структура со специфическими правилами, действующая в интересах ее членов. Особые отношения, используемые для получения выгод между индивидуальными акторами, существуют во многих культурах. Там, где индивидуализм является распространенной нормой поведения, индивидуум действует, как самостоятельный актер. В более коллективистских обществах акторы видят пользу от действий через групповые формы (*гуаньси*). В Китае благоприятную почву для неформальных связей создает слабая правовая инфраструктура и неуважение к договорному праву. Включенные в *гуаньси* акторы следуют обязательствам, т. к. нарушение несет за собой издержки. Механизм *гуаньси* («сохранение лица», обмен благ, услуг и информации) аналогичен системе неформальных отношений, известных в других культурах, где групповые или индивидуальные акторы выступают брокерами на рынке власти с целью распределения и перераспределения различных ресурсов. Подобные особые отношения между групповыми акторами на административном и политическом рынках в европейских странах давно известны как *logrolling*⁴¹.

Таким образом, у различных моделей неформальных связей есть общий базис. Этот базис — частный интерес, который культурно универсален и определяется выгодами и издержками. Механизм гарантий и справедливого распределения меняется от одной эндогенной матрицы к другой. Рассмотрение действий индивидов через баланс экономических интересов делает более информативным моделирование механизма *гуаньси* по сравнению с психологическим подходом.

Дальнейшим развитием моделирования конструктов, подобных *гуаньси*, мог бы стать переход от бихевиаристско-экономической модели к модели коллективной игры с правилами, нарушение или соблюдение которых отражается на счете. При том, что судьей в игре является сильная сторона, а один из мотивов слабой — соблюдение справедливости относительно установленных правил.

В то же время китайская система неформальных отношений представляет собой скелет социальной стабильности. Исследование взаимодействия актора-руководителя с актором-подчиненным и функционирование самой системы *гуаньси* могло бы обогатить теорию развития и кооптации элит. Западная проблема отмирания и циркуляционной смены элит в китайском случае решается через социальное воспроизводство строительного материала для элиты. Другой социальный материал в Китае не выживает.

1. Yi, L. and Ellis, P. Insider-Outsider Perspectives of Guanxi // *Business Horizons*, 2000, 43(1): 25–31. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S000768130087384X>; Wong, Y.H. and Chan, R. Y. Relationship Marketing in China: Guanxi, Favouritism and Adaptation // *Journal of Business Ethics*, 1999, 22(2): 107–118. URL: http://www.academia.edu/13907098/Relationship_marketing_in_China_Guanxi_favouritism_and_adaptation.
2. Hong, W. and Speece, M. Sales Force Development in China, *Journal of International Selling and Sales Management*, 1998, 4(1): 3–20; Tsang, E. Can “Guanxi” be a Source of Sustained Competitive Advantage for Doing Business in China? // *The Academy of Management Executive*, 1998, 12(2): 64–73. URL: https://www.jstor.org/stable/4165458?seq=1#page_scan_tab_contents; Luo, Y. ‘Guanxi: Principles, Philosophies and Implications’, *Human Systems Management*, 1997, 16(1): 43–52.
3. Guthrie D. *The Declining Significance of Guanxi in China’s Economic Transition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. (Возможно, автор воспроизводит трактовку англоязычного ориги-

- нала. В прямом переводе с китайского *guanxisiyao* означает «науку о связях», но никак не коррупцию. — *Прим. ред.*)
4. *Chen X.P., Chen C.C.* On the Intricacies of the Chinese Guanxi: A Process Model of Guanxi Development // *Asia Pacific Journal of Management*. 2004. № 21. P. 305–324.
 5. *Lin T. W.* Business Strategy and Guanxi Business Strategies, PhD Marshall Review, Volume 2, May 4, 2004.
 6. *Dunfee, T. W., & Warren, D. E.* Is guanxi ethical? A normative analysis of doing business in China // *Journal of Business Ethics*, 2001, 32(3): 191–204.
 7. *Cheng, B.S., Farh, J.L., Chang, H.F., Hsu, W.L.* Gunaxi, zhongcheng, competence and managerial behavior in the Chinese context. *The Journal of Chinese Psychology*, 2002, 44(2). P. 151–166; *Law K.S., Wong C.S., Wang D., Wang L.* Effects of Supervisor-Subordinate Guanxi on Supervisory Decisions in China: An Empirical Investigation // *International Journal of Human Resource Management*, 2000, V. 11. P. 715–730.
 8. *Lin, M.* The effects of supervisors' differential guanxi on leadership behaviors and effectiveness. Unpublished Master's thesis, National Zhongshan University, Taipei, 2002.
 9. *Wright, P., Szeto, W.F., Cheng, L. T.W.* Guanxi and professional conduct in China: a management development perspective // *Int. J. of Human Resource Management*, 13:1 February 2002. P. 166–167, URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/apcity/unpan007386.pdf>.
 10. *Cheng, B. S., Farh, J. L., Chang, H. F., & Hsu, W. L.* Gunaxi, zhongcheng, competence and managerial behavior in the Chinese context // *The Journal of Chinese Psychology*, 2002. 44(2). P. 151–166.
 11. *Law K.S., Wong C.S., Wang D., Wang L.* Effects of Supervisor-Subordinate Guanxi on Supervisory Decisions in China: An Empirical Investigation // *International Journal of Human Resource Management*, 2000, V. 11. P. 715–730.
 12. *Lin, M.* The effects of supervisors' differential guanxi on leadership behaviors and effectiveness. Unpublished Master's thesis, National Zhongshan University, Taipei, 2002.
 13. *Chen, X. P., Peng, S.* Guanxi dynamics: Shifts in the closeness of ties between Chinese coworkers. *Management and Organization Review*, 2008, 4. P. 63–80.
 14. *Tsui A.S., Farh J.L.* Where guanxi matters: Relational demography and guanxi in the Chinese context // *Work and Occupations*. 1997. V. 24. № 1. P. 56–79. URL: <http://wox.sagepub.com/content/24/1/56>.
 15. *Farh J.L., Tsui A.S., Xin K., Cheng B.S.* The Influence of Relational Demography and Guanxi // *Organization Science*. 1998. V. 9. P. 471–498.
 16. *Chow, I.H., Ng, I.* The characteristics of Chinese personalities (Guanxi): Evidence from Hong Kong // *Organizational Studies*, 2004, 25(7). P. 1075–1093.
 17. *Yang, C.F.* A critical review of the conceptualization of guanxi and renqing. In: C.F. Yang (Ed.) *The interpersonal relationship, affection, and trust of the Chinese: From an interactional perspective*, Taipei: Yuan Liou Publishing, 2001. P. 3–26.
 18. *Law K.S., Wong C.S., Wang D., Wang L.* Effects of Supervisor-Subordinate Guanxi on Supervisory Decisions in China: An Empirical Investigation // *International Journal of Human Resource Management*, 2000, V. 11. P. 715–730.
 19. *Chen, X. P., Peng, S.* Guanxi dynamics: Shifts in the closeness of ties between Chinese coworkers. *Management and Organization Review*, 2008, 4. P. 63–80.
 20. *Chen Y., Friedman R., Yu E., Fang W., Lu X.* Supervisor-Subordinate Guanxi: Developing a Three-Dimensional Model and Scale // *Management and Organization Review*. 2009. № 5. P. 375–399.
 21. *Fiske, A. P.* The four elementary forms of sociality: Framework for a unified theory of social relations. *Psychological Review*, 1992, 99(4): 689–723.
 22. *Yang, C. F.* Familism and development: An examination of the role of family in contemporary China Mainland, Hong Kong, and Taiwan. In D. Sinha & H. S. R. Kao (Eds.). *Social values and development: Asian perspectives*: Thousand Oaks, CA: Sage. 1988. P. 93–123.
 23. *Chen Y., Friedman R., Yu E., Fang W., Lu X.* Supervisor-Subordinate Guanxi: Developing a Three-Dimensional Model and Scale // *Management and Organization Review*. 2009. № 5. P. 382.
 24. *Law K.S., Wong C.S., Wang D., Wang L.* Effects of Supervisor-Subordinate Guanxi on Supervisory Decisions in China: An Empirical Investigation // *International Journal of Human Resource Management*, 2000, V. 11. P. 715–730.
 25. *Fiske, A. P.* The four elementary forms of sociality: Framework for a unified theory of social relations. *Psychological Review*, 1992, 99(4). P. 689–723.

26. Hui, C., Lee, C., Rousseau, D.M. Psychological contract and organizational citizenship behavior in China: investigating generalizability and instrumentality // *Journal of Applied Psychology*, 2004, 89. P. 311–321.
27. Tyler, T. R. Psychological models of the justice motive: Antecedents of distributive and procedural justice // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1994, 67(5): 850–863.
URL: <http://psycnet.apa.org/record/1995-09388-001>.
28. Cunningham R.B., Sarayrah Y.K. *Wasta: The Hidden Force in Middle Eastern Society*. Westport, CT: Praeger, 1993.
29. El-Said, H., McDonald F. Institutions and joint ventures in the Middle East and North Africa. In: H. El-Said & K. Becker (Eds.) *Management and international business issues in Jordan (65–83)*, Binghamton, NY: Haworth, 2001.
30. Duarte F. Exploring the Interpersonal Transaction of the Brazilian Jeitinho in Bureaucratic Contexts // *Organization*. 2006. V. 13. P. 509–528; Barbosa N. L., The Brazilian jeitinho: An exercise in national identity / The Brazilian puzzle // Eds. D. Hess, R. Da Matta. New York: Columbia University Press, 1995.
31. Batjargal B. Network Triads, Transitivity, Referral and Venture Capital Decisions in China and Russia // *Journal of International Business Studies*. 2008. V. 38. P. 998–1012; Batjargal, B., Liu M., Entrepreneurs' Access to Private Equity in China: The Role of Social Capital // *Organization Science*. 2004, № 15. P. 159–173; Michailova, S., Worm, V., Personal Networking in Russia and China: Blat and Guanxi. Copenhagen Business School Working Paper 15–2002, 2003.
32. Smith P.B., Torres C., Leong C-H., Budhwar P., Achoui M., Lebedeva N. Are indigenous approaches to achieving influence in business organizations distinctive? A comparative study of guanxi, wasta, jeitinho, svyazi and pulling strings // *The International Journal of Human Resource Management*. 2011. V. 23. № 2. P. 333–348. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09585192.2011.561232>.
33. Григорян Л.К., Лебедева Н.М. Кросс-культурное исследование роли неформальных связей в формировании организационной лояльности // *Экспериментальная психология*. 2014. Т. 7. № 2. С. 128–147.
34. Дуглас Н. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики, Издательский дом: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
35. Simon A. H. Rationality as Process and as Product of Thought. Richard T.Ely Lecture // *American Economic Review*, May 1978. V. 68. No. 2. P. 1–16. URL: <http://www2.econ.iastate.edu/tesfatsi/RationalityAsProcessAndProductOfThought.ElyLecture1978.HSimon.pdf>.
36. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма, Новости при участии Catalaxy, 1992. С. 53–55.
37. Chen X.P., Chen C.C. On the Intricacies of the Chinese Guanxi: A Process Model of Guanxi Development // *Asia Pacific Journal of Management*. 2004, № 21. P. 305–324.
38. Yang M. M. The resilience of guanxi and its new deployments: A critique of some new guanxi scholarship // *China Quarterly*, 2002, 170: 459–476. URL: http://www.academia.edu/3349535/_The_Resilience_of_Guanxi_and_its_New_Deployments_A_Critique_of_Some_New_Guanxi_Scholarship_in_China_Quarterly_June_2002_
39. Yang, K. S. Chinese social orientation: From the social interaction perspective. In K. S. Yang & A. B. Yu (Eds.) *Chinese psychology and behaviour*: 87–142. Laurel, Taipei: Kew Gong Book. 1992.
40. Shih C. T., Lin C. T. From good friends to good soldiers: A psychological contract perspective // *Asia Pacific Journal of Management*, 2014, March. V. 31. Issue 1. P. 309–326.
41. Buchanan J.M., Tullock G. *The Calculus of Consent, Logical Foundations of Constitutional Democracy*, Ann Arbor, Univ. of Michigan Press, 1962.

История

Южно-Уссурийское пограничное комиссарство: от проекта до реализации (конец 60-х — начало 70-х годов XIX века)

© 2018

Е.И. Нестерова

В статье рассматривается начальный этап создания института пограничного комиссарства в Южно-Уссурийском крае в контексте общих административных преобразований в регионе. Автором также предпринята попытка реконструкции биографии первого пограничного комиссара В.Д. Овандера.

Ключевые слова: Дальний Восток, пограничный комиссар, Южно-Уссурийский край, Восточно-Сибирское генерал-губернаторство, В.Д. Овандер.

DOI: 10.31857/S013128120001144-9

Пекинским договором 1860 года была окончательно определена конфигурация территории южных районов Дальнего Востока Российской империи. Одной из важнейших задач, на которую практически сразу после подписания договора обратил внимание генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский, была «необходимость установить в приобретенном Амурском крае Приморской области особую самостоятельную местную власть, отдельную от Восточно-Сибирского генерал-губернаторства»¹. Однако во время его руководства генерал-губернаторством провести такую административную реформу не удалось. В 1864 г. М.С. Корсаков, сменивший Н.Н. Муравьева-Амурского на посту генерал-губернатора Восточной Сибири, вновь поставил вопрос об изменении управления Восточной Сибирью и об образовании Амурского генерал-губернаторства². Однако и он не смог воплотить эту идею в жизнь.

После «манзовской войны», актуализировавшей для местного начальства ряд насущных проблем, связанных с системой управления этой отдаленной территорией и контроля за ней, 17 декабря 1868 г. М.С. Корсаков подал императору записку с предложениями по реформированию системы управления Приморской областью. Он предлагал перенести центр гражданского и военного управления из Николаевска в Хабаровку; образовать в Хабаровке городское полицейское управление и областное казначейство; учредить в Южно-Уссурийском крае военно-гражданское управление³. В числе прочих предложений особое место занимала идея учреждения в одном из южных пограничных пунктов Приморской области должности пограничного комиссара «для заведования пограничными делами и сношения с китайскими властями по пресечению перехода через границу злонамеренных людей»⁴. С этого момента можно отслеживать историю создания и функционирования института пограничного комиссарства в Южно-Уссурийском крае.

Нестерова Елена Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета (Москва). E-mail: b1b1@mail.ru.

Историография этого сюжета относительно скромна. Одной из первых работ, посвященных истории пограничного комиссарства в Южно-Уссурийском крае, была статья А.М. Буйкова, опубликованная в 1995 г.⁵ Почти десятилетие она оставалась единственным исследованием по этой теме. В последнее время появился ряд статей, анализирующих различные аспекты деятельности пограничных комиссаров в Южно-Уссурийском крае⁶. Однако ранний период существования комиссарства и фигура первого пограничного комиссара оказались исследованы недостаточно полно. Начальный период, включавший в себя время от артикуляции идеи о необходимости учреждения должности пограничного комиссара Южно-Уссурийского края до утверждения первой кандидатуры, стал предметом исследования данной статьи.

К концу 60-х годов XIX века в Восточно-Сибирском генерал-губернаторстве подобная должность уже существовала в Забайкальской области⁷. Инструкция, составленная для Кяхтинского пограничного комиссара, послужила образцом при составлении новых проектируемых должностных инструкций.

Меры, предложенные М.С. Корсаковым, были одобрены императором, его резолюция гласила: «Рассмотреть в Комитете министров в присутствии самого генерал-губернатора, и сообразить о приведении предположений сих в исполнение»⁸. Делу был дан ход.

Параллельно с запиской на высочайшее имя шло согласование предложений с заинтересованными министерствами. В том же декабре 1868 г. (24.12.1868 г.) М.С. Корсаков писал министру иностранных дел: «значительное движение китайского населения на южной границе Приморской области для разного рода промыслов, производимых ими в наших пределах, и происшедшие в лете нынешнего года беспорядки приводят к убеждению в необходимости учреждения правильного и постоянного надзора за переходящими через нашу границу китайскими подданными в видах предотвращения наплыва к нам китайских авантюристов, привлекаемых распространившимся в Китае слухом о богатствах открытых в Южно-Уссурийском крае золотых россыпей. Кроме того, развивающиеся торговые сношения наши с соседними провинциями Китая и отчасти Кореи не должны быть оставлены без должного поощрения дальнейшего их развития»⁹.

Эта идея нашла отклик в Министерстве иностранных дел. Директор Азиатского департамента П.Н. Стремоухов в письме управляющему делами комитета министров Ф.П. Корнилову просил ускорить рассмотрение вопроса, отмечая, что «скорейшее осуществление этого предположения было бы весьма желательно в тех видах, чтобы по возможности пограничный комиссар мог начать свои действия еще в течение нынешнего лета, когда движение партий китайцев и корейцев, приходящих на разные промыслы в наши пределы, всего оживленнее»¹⁰.

В январе 1869 г. комитет министров ознакомился с содержанием всеподданнейшей записки и дополнительных сведений, представленных М.С. Корсаковым. Затем дело, по воле императора, было передано на рассмотрение особого совещания по делам Приамурского края под председательством брата императора, великого князя, генерал-адмирала Константина Николаевича¹¹.

Одновременно для обсуждения предложений генерал-губернатора Восточной Сибири была создана комиссия под председательством генерал-адъютанта Лутковского, работавшая в марте — апреле 1869 г. В состав комиссии вошли представители четырех министерств: финансов, иностранных дел, военного и морского. Выводы, к которым пришла комиссия, были изложены особому совещанию, работавшему под руководством Константина Николаевича.

На совещании 25 апреля 1869 г директор Азиатского департамента П.Н. Стремоухов заявил о необходимости скорейшего учреждения в южных портах Приморской области должности пограничного комиссара. Вот как он мотивировал это решение: «такое комиссарство может заменить отчасти консульства в Маньчжурии, учреждение которых потребовало бы несравненно значительнейшего расхода и представило бы во многих от-

ношениях неудобства»¹². Представитель МИДа отмечал целесообразность скорейшего принятия решения, повторив идею, изложенную в письме к Корнилову, о возможности начала работы пограничного комиссара уже летом 1869 г., тем более что издержки по организации комиссарства (4700 рублей в год) незначительны, и министр финансов был согласен на отпуск этой суммы¹³. В конечном итоге совещание постановило: «В Южно-Уссурийском крае учредить Пограничное комиссарство, согласно представленному генерал-губернатором Восточной Сибири штату, с отчислением изчисления на сие расхода, всего 4700 рублей в год, на счет Государственного Казначейства». Это заключение 5 мая 1869 г. было утверждено императором. Таким образом, принципиально вопрос об открытии комиссарства был решен в мае 1869 г.

Азиатский департамент МИД проинформировал об этом российского представителя в Пекине Е.К. Бюцова, поручив ему проинформировать китайских чиновников о скором появлении новой институции на границе¹⁴. Однако возникли и непредвиденные сложности — по мере комплексного решения вопросов, связанных с улучшением управления дальневосточной окраиной, стало ясно, что совещанию не хватает актуальных данных о конкретной ситуации: представления о Приамурском крае были фрагментарны, а иногда и противоречивы. Необходимость в уточненных сведениях о нем вынудила послать весной 1869 г. в Восточную Сибирь специальную комиссию под руководством генерала-адъютанта И.Г. Сколкова¹⁵ для изучения ситуации на месте¹⁶. В инструкции председателю комиссии говорилось: «точное разъяснение настоящего положения края, о котором получают иногда разноречивые сведения, необходимо и для твердого установления той системы действий в Приамурском крае, которая должна быть окончательно принята как наиболее соответствующего упрочению и развитию благосостояния»¹⁷.

Практически решенный вопрос об Южно-Уссурийском комиссарстве высочайшим повелением отложили до предоставления заключения комиссии Сколкова¹⁸. Ситуация прояснилась к осени 1869 г., и 12 ноября 1869 г. мнением Государственного Совета была учреждено управление пограничного комиссара, вплоть до общего преобразования Приморской области Восточной Сибири.

В пограничном комиссарстве было предусмотрено три должности: пограничного комиссара и двух переводчиков — китайского и корейского языков. Пограничный комиссар подчинялся непосредственно военному губернатору Приморской области, но по дипломатическим делам входил в представление генерал-губернатору. Назначался и увольнялся пограничный комиссар генерал-губернатором Восточной Сибири, а переводчики при нем — военным губернатором Приморской области. Место пребывания управления определялось так: залив Посыет, пункт по указанию генерал-губернатора Восточной Сибири. Круг обязанностей пограничного комиссара должен был определить восточносибирский генерал-губернатор и изложить в особой инструкции, согласованной с МИДом¹⁹. Годовые доходы пограничного комиссара складывались из 1000 рублей жалования и 1000 рублей столовых денег, кроме того, 1200 рублей выделялось на пограничные и канцелярские расходы. Годовое вознаграждение переводчика китайского языка составляло 1000 рублей, а корейского — 500 рублей²⁰.

В соответствии с «Временной инструкцией пограничному комиссару Южно-Уссурийского края», состоявшей из 20 пунктов²¹, должность пограничного комиссара вводилась «для пограничных сношений и заведования пограничными делами в этом крае»²².

В круг обязанностей пограничного комиссара входил достаточно широкий спектр вопросов: выдача загранпаспортов русским подданным (п. 13), охрана границы с китайской стороны от «бродяг и злонамеренных людей» (п. 8); выдача российских и китайских подданных в соответствующих случаях; решение вопросов, связанных с возвратом скота, оказавшегося за граничной чертой, урегулирование спорных вопросов между русскими и китайскими подданным. Пункт 9 подробно описывал алгоритм действия в последнем случае. Пограничный комиссар, в случае предъявления китайской сто-

роной претензии к русскому подданному, должен был с помощью местных властей найти виновных, записать их показания, и «по подробном рассмотрении удовлетворить претензии или требования китайских властей, уведомляя их о своем решении письменно или словесно». Виновных надлежало отослать к тому начальству, которому они подведомственны. Согласно пункту 10, пограничный комиссар должен был наблюдать, чтобы китайские подданные также несли наказание в надлежащем случае²³.

Пограничному комиссару разрешалось самостоятельно обращаться к пограничным начальникам Гириной и Хэйлуцзянской провинций на основании предписаний, данных ему военным губернатором Приморской области 25 ноября 1869 г. и 10 января 1870 г. В переговорах с китайскими властями комиссар приравнялся к Нингутскому фудутуну.

Возлагались на пограничного комиссара и таможенные функции. Он должен был следить, чтобы из Китая не провозили «хлебных крепких напитков», а в Китай не вывозили оружие и порох.

В его задачи входил также контроль за соблюдением правильного пересечения российской границы иностранцам: просмотр паспортов выезжающих в Китай европейцев и американцев и визирование билетов китайских подданных, приходивших в Южно-Уссурийский край через Новгородский пост. В последнем случае ему следовало руководствоваться предписанием военного губернатора Приморской области, заведующему Суйфунским округом от 21 сентября 1868 г. за № 1590.

Пункт 11 обязывал комиссара «заботится о сохранении соглашения между местными жителями обоих государств, а благоразумными и справедливыми действиями в сношениях с китайскими властями стараться приобрести нравственное над ними влияние и внушить им необходимое к себе уважение»²⁴.

Инструкция конкретизировала местопребывание комиссарства — (у залива Посьет) — Новгородский пост²⁵. Служебная аттестация переводчика китайского языка, представление его к наградам и найм переводчика корейского языка, являвшегося вольнонаемным, полностью зависели от пограничного комиссара. В отсутствие комиссара или в случае его болезни исполнение обязанностей поручалось начальнику Новгородского поста.

Ввиду слабой изученности сопредельных стран, пунктом 15, касавшимся Китая, в обязанности пограничного комиссара включался сбор и сообщение «верных и своевременных сведений о внутреннем состоянии этой страны, об ее администрации, инсurreкциях, беспорядках, путях сообщения, урожаях, ценах на товары, способах доставки» и т.п. Особо отмечалась важность сбора сведений о характере чиновников, с которыми приходится иметь дело, и о новых распоряжениях китайского правительства». Те же задачи ставились перед пограничным комиссаром относительно Кореи. Однако в силу ее закрытости в инструкции подробно описывался желательный характер отношений. «Комиссар обязан пользоваться всяким случаем для переговоров с пограничными властями, хотя бы только по самым мало важным вопросам, могущим возникнуть на границе, и вообще высказывать этим властям самое дружеское расположение». Признавалось полезным содействие частным отношениям русских и корейцев, преимущественно торговых²⁶.

До 1880 г. управление пограничного комиссара находилось в урочище Новокиевском, однако из-за Кульджинского кризиса и возросшего напряжения на границе оно было перенесено в глубь российской территории — в селение Никольское²⁷.

Первым пограничным комиссаром Южно-Уссурийского края становится Василий (Вильгельм) Дмитриевич (Эдуардович) Овандер. Так как в научной литературе практически отсутствуют биографические сведения о нем, остановимся на этом вопросе подробнее. Василий Овандер родился в 1830 г. в семье купца 2 гильдии. После окончания Дерптского университета В.Д. Овандер в сентябре 1853 г. был принят на службу канцелярским чиновником в Лифляндское губернское правление. Менее полугода ему потребовалось для того, чтобы занять должность столоначальника. Будучи в феврале 1857 г.

в отпуске в Санкт-Петербурге Овандер подал прошение с просьбой о переводе в Азиатский департамент МИД. Вопрос был решен положительно, и в апреле 1857 г. он приступил к службе в новом министерстве²⁸. В том же году, 25 декабря, последовало новое назначение — на должность секретаря только что учрежденного консульства в Хакодате. Это учреждение стало первым российским постоянным представительством в Японии.

Путь в Японию занял почти год. Благодаря записям лейтенанта Назимова мы можем представить себе, как проходил последний отрезок пути. «Консульство наше, назначенное в Японию, в Хакодати, состоящее из консула коллежского советника И.А. Гошкевича, секретаря консульства, коллежского секретаря В.Д. Овандера, доктора, надворного советника М.П. Альбрехта, иеромонаха Филарета, и по морской части лейтенанта П.Н. Назимова (консул и доктор с семействами) прибыло в Николаевск-на-Амуре в июле 1958 г.»²⁹. Из-за нехватки судов Сибирской флотилии пришлось задержаться в Николаевске. Только 16 сентября были назначены для дальнейшего плавания в Японию два судна — пароход «Америка» и клипер «Джигит», 17 сентября вышедшие в море. Не без приключений, ставивших под вопрос возможность выполнения поручения³⁰, в конце октября добрались до японских берегов. Городок Хакодате в то время был очень невелик — несколько тысяч жителей, большинство из которых занималось торговлей, в том числе и с иностранцами.

Необходимо было приступать к работе. Однако первоначальной задачей было устройство помещения консульства. Под размещение состава консульства был предназначен храм. Как свидетельствует П.Н. Назимов, «помещение действительно было готово, но т.к. японцы не знали о числе лиц, составлявших консульство, и что некоторые из них будут с семействами, то изготовленное помещение оказалось тесным, оно состояло из одной комнаты. Видя необходимость расширить помещение, японцы затрудились и приступили к старой методе медлительности. Для сколько-нибудь удобного помещения, надо было чуть не с бою брать по маленькому уголку. Японцы на все соглашались, но между их согласием и исполнением проходили сутки в переговорах, нам же медлить было нельзя»³¹. Спешка была связана еще и с тем, что часть сотрудников консульства, в том числе и В.Д. Овандер, в ожидании помещения, жила на «Нахимове», а корабль нужно было отправлять на зимовку.

Получив место для жительства в храме одной из самых шумных сект, да притом в дни празднеств, по случаю конца 9 месяца, пришлось привыкать и к толпе народа, шедшего в храм, не столько молиться, сколько посмотреть на русских, и к барабанному бою — непременно спутнику японского богослужения. Консул и доктор с их семействами поместились временно в двух комнатах храма³². Назимов и Овандер продолжали жить на клипере. После очередной аудиенции у губернатора было получено новое помещение — комнаты в храме, где первоначально был помещен базар для европейцев. Назимов отмечал: «будучи окружены с двух сторон монахами, с третьей храмом мы целый день слышим их богослужение, трезвон и барабанный бой»³³. Но не только шум досаждал Назимову и Овандеру. «Поселясь на берегу, во вновь отведенной комнате, или лучше сказать в сарае, в котором стены прозрачны; крысы распоряжаются как дома и ветер свистит во все щели, — невольно займешься устройством не комфорта, а только возможности иметь угол, где можно было бы сидеть, хотя бы в шубе»³⁴.

Трудный путь, повлиявший на здоровье, и экзотические условия жизни в Японии оказались не под силу В.Д. Овандеру. Уже в октябре 1859 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский в письме к Егору Петровичу Ковалевскому просит назначить на должность секретаря в Хакодате нового человека, упоминая, что «коллежский секретарь Овандер просил меня разрешить ему выехать из Японии, т.к. тамошний климат ему вреден»³⁵. Не дожидаясь решения из Петербурга, Н.Н. Муравьев-Амурский разрешил ему отправиться в Николаевск на одном из российских военных судов и поручил военному губернатору Приморской области отправить его из Николаевска в Иркутск³⁶.

Официально Овандер сложил полномочия секретаря в Хакодате и был назначен канцелярским чиновником в Азиатский департамент 10 февраля 1860 г.³⁷ 11 февраля того же года ему был присвоен чин титулярного советника, но узнал он об этих событиях спустя несколько лет.

Овандер покинул Японию задолго до этой даты. Осенью 1859 г. на транспорте «Японец» он отбыл из Хакодате в Николаевск, но транспорт был вынужден, не дойдя до устья Амура, вернуться в Японию. После этого следы секретаря консульства потерялись. Да так потерялись, что в июне 1860 г. Азиатский департамент был вынужден официально начать розыски Овандера, дабы успокоить семью секретаря³⁸.

В ходе расследования выяснилось, что Овандер был вынужден высадиться в заливе Де-Кастри, откуда отправился в Николаевск, однако, достигнув Марининского поста, заболел, и смог продолжить путь только в первых числах января. Оправился от болезни, как сообщил контр-адмирал Казакевич, он только в начале лета 1860 г.³⁹ и продолжил путь. В начале июля Овандер появился в Шанхае, откуда отправился в... Нагасаки. Правда, пробыл он в Нагасаки всего несколько дней. Чиновника, уже демонстрировавшего признаки душевного нездоровья (приступы бешенства), на русском корвете «Посадник» отправили в Шанхай и поместили в госпиталь доктора Зиббольда⁴⁰.

Медики настоятельно рекомендовали срочно перевезти Овандера в Европу. Российское консульство в Шанхае наняло парусное судно, капитан которого согласился доставить больного из Шанхая в Лондон вокруг мыса Доброй Надежды.

24 декабря 1860 г. судно пришвартовалось в Лондоне, и бывший секретарь консульства в Хакодате был передан российскому консулу. Консул сообщил, что Овандер находится в тяжелом состоянии, его мысли путаются и бессвязны⁴¹. Необходимость лечения была очевидна.

За братом в Лондон приехал Эдуард Овандер, поручик лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады, он и помог больному добраться до Германии, где В.Д. Овандера поместили на лечение в заведение доктора Герца в Бонне⁴².

Через несколько лет курс лечения был закончен, В.Д. Овандер вернулся в Россию, и в октябре 1864 г. подал прошение о восстановлении его на службе в МИДе, откуда он был уволен по болезни 18 июля 1863 г.⁴³

Прошение было удовлетворено, и Овандер продолжил службу в Азиатском департаменте. В департаменте он числился на хорошем счету, глава департамента Стремоухов благоволил к нему, т.к. ценил его за усердную службу.

Осенью 1869 г., когда вопрос об учреждении должности пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае был окончательно решен, начались поиски кандидатуры, способной выполнять весь огромный объем обязанностей, изложенных в инструкции. МИД предложил В.Д. Овандера, которого протезировал глава Азиатского департамента. Стремоухов в телеграмме от 29 ноября 1869 г. торопит М.С. Корсакова с назначением: «Штат управления пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае утвержден. Поспешите с представлением о назначении Овандера»⁴⁴.

Временно, до прибытия чиновника, утвержденного в должности пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае, его обязанности исполнял князь Трубецкой, находившийся в крае (25.11.1869)⁴⁵.

В самом начале 1870 г. рассматривается назначение Овандера на должность пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае, причем окончательное решение должен был принять генерал-губернатор Восточной Сибири⁴⁶.

В конце концов М.С. Корсаков решил — Овандер назначен пограничным комиссаром Южно-Уссурийского края. К этому моменту Василий Дмитриевич уже женатый человек, надворный советник, переводчик Азиатского департамента МИДа⁴⁷. Новый пост предполагал и смену министерства — теперь Овандер служил не в МИДе, а в МВД.

В конце февраля 1870 г. чета Овандеров выехала из Петербурга к новому месту службы⁴⁸. Путь до Иркутска занял около полугода. Уже в дороге стало ясно, что изнурительное путешествие не по силам Овандеру. Припадки меланхолии были столь сильными, что пришлось задержаться на месяц в Екатеринбурге для лечения. В Иркутске Овандера осмотрел доктор Богословский, который отрицательно отнесся к идее продолжить путь на восток, он считал, что здоровье его вряд ли поправится⁴⁹. Однако было принято решение — ехать. Иркутский губернатор К.Н. Шелашников в письме к П.Н.Стремоухову (от 11.09.1870 № 941) отмечал, что Овандер прибыл в Иркутск и отправился далее в болезненном состоянии⁵⁰.

От М.С. Корсакова Овандер получил инструкцию для пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае, составленную в канцелярии генерал-губернатора Восточной Сибири. Корсаков в письме директору Азиатского департамента отмечал, что «инструкция, составленная на ближайших соображениях и окончательно не выработанная, не может быть представлена на утверждение государственного канцлера... И в предстоящую мою поездку в Амурский край, при проверке обстоятельств дела, на месте, вероятно, будет несколько изменена и дополнена, в каком виде и будет уже представлена его сиятельству на утверждение»⁵¹.

К месту службы чета Овандеров прибыла в начале февраля 1871 г. Находивший там в это время архимандрит Палладий в письме Ф.Р. Остен-Сакену от 14 февраля 1871 г. упоминает: «На днях прибыл во Владивосток новый комиссар для Посыета господин Овандер с супругой»⁵². Развязка не заставила себя долго ждать — 24 июля 1871 г. военный губернатор Приморской области И.В. Фуругельм телеграфировал директору Азиатского департамента: «Доношу Уссурийский пограничный комиссар Овандер впал умопомешательство на скорое выздоровление надежды нет. Обязанность комиссара поручил временно начальнику Новгородской гавани»⁵³. Таким образом, реальная работа Овандера в крае исчислялась несколькими месяцами. В июле 1871 г. временно исполнять обязанности пограничного комиссара стал майор Май-Маевский.

Для Овандера начался второй, не менее драматичный, путь домой. Денег выехать с Амурского края у него не было, на получение казенных прогонов не было прав. Только в марте 1872 г. удалось привезти его из Владивостока в Иркутск, но никто не хотел везти далее — в Санкт-Петербург. После долгих хлопот эту миссию взял на себя иркутский купец Краузе⁵⁴.

Трагедия, случившаяся с Овандером, имела и более масштабные последствия. Новому «генерал-губернатору Восточной Сибири генералу Н.П. Синельникову показалось более рациональным заменить Управление пограничного комиссара одним чиновником». Необходимость поиска новой кандидатуры, представление его к назначению дали повод Н.П. Синельникову «высказать несколько соображений, внушенным настоящим положением дел в Южно-Уссурийском крае» (30.07.1871). Соображения эти сводились к следующему: «Перемена в положении вещей изменила круг действий Пограничного Комиссара; ныне его дело ограничивается визированием билетов приходящих к нам китайских подданных и изредка перепискою с пограничными маньчжурскими властями по торговым спорам между русскими и китайскими купцами. Вследствие этой малосложности занятий, я полагаю бы вполне возможным и удобным заменить управление Пограничного Комиссара одним чиновником, со званием заведывающего пограничными делами в Южно-Уссурийском крае и с назначением ему в содержание 1000 руб. из штатных сумм Комиссарства и 500 руб. из того же источника, на наем переводчика и канцелярские расходы; остальные же по штату 3200 руб. отнести в доход казны»⁵⁵. Однако предложение Синельникова принято не было. Управление продолжило свое существование и работу.

2. Там же.
3. АВПРИ. Ф. 143 (Китайский стол). Оп. 491. Д. 3184. Л. 18.
4. Там же. Л. 3, 18.
5. *Буяков А.М.* На передовом рубеже России в Северо-Восточной Азии: краткий очерк истории пограничного комиссарства в Южно-Уссурийском крае // Россияне в Азии: литературно-исторический ежегодник. Торонто, 1995. № 2. С. 215–224.
6. *Павлов Ю.А.* Офицеры — пограничные комиссары на Дальнем Востоке (конец XIX — начало XX в.) // Вестник ДВО РАН. 2007. № 1. С. 105–109; *Соколенко А.В.* Участие пограничных комиссаров Приамурского генерал-губернаторства в борьбе с деятельностью иностранных разведок на Дальнем Востоке России в начале XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60): в 3 ч. Ч. II. С. 152–157; *Сорокина Т.Н.* «... Для пограничных сношений и заведывания пограничными делами в этом крае»: должность южно-уссурийского пограничного комиссара в конце XIX в. // Этномиграционные и этнодемографические процессы на Востоке России в конце XIX — начале XXI веков / ред. К.В. Григоричев. Иркутск: «Оттиск», 2012. С. 54–67; *Шмонин И.В., Шмонин Д.И.* Деятельность управления пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае по защите национальных интересов Российской империи // Россия и АТР. 2016. № 4. С. 206–217.
7. 20 июня 1851 г. при Кяхтинском градоначальнике учреждена должность пограничного комиссара в Кяхте. По Положению, утвержденному 9 февраля 1863 г., его переподчинили военному губернатору Забайкальской области, а по дипломатическим делам он замыкался на генерал-губернатора Восточной Сибири. Кяхтинский пограничный комиссар руководствовался инструкцией, подписанной М.С. Корсаковым 24 марта 1864 г. (№ 283). В его компетенцию входило заведывание пограничными делами в Кяхтинской слободке, решение дел о взаимной выдаче людей, ошибочно перешедших границу, разбор денежных споров местных жителей и китайцев, возникших в ходе русско-китайской торговли; решение вопросов о передаче скота и лошадей, случайно перешедших границу, либо украденных. Кроме того, комиссар должен был взаимодействовать с «Цзаргучеем Кяхтинского Маймачена». «Вообще Комиссар обязан заботиться о сохранении доброго согласия между местными жителями обоих государств, а благоразумными и справедливыми действиями в сношениях с Цзаргучеем приобрести над ним нравственное влияние и внушить ему к себе необходимое уважение» (АВПРИ. Ф. 327 (Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе). Оп. 579. Д. 42. Л. 3–3 об.) В комиссарстве предусматривались должности двух переводчиков монгольского языка. Во время отсутствия или болезни комиссара исполнение должности временно поручалось кяхтинскому полицмейстеру.
8. АВПРИ. Ф. 143 (Китайский стол). Оп. 491. Д. 3184. Л. 18.
9. Там же. Л. 3.
10. Там же. Л. 2.
11. После ликвидации Второго Сибирского комитета это совещание в течение более десяти лет являлось инстанцией, в которой обсуждались перспективы развития русского Дальнего Востока и вопросы, требовавшие межведомственного взаимодействия.
12. АВПРИ. Ф. 143 (Китайский стол). Оп. 491. Д. 3184. Л. 19.
13. Там же.
14. Вскоре Гиринский цзян-цзюнь поручил коммуникацию с пограничным комиссаром Южно-Уссурийского края селену (начальнику с шариком 3 степени) г. Хунь-Чуня. АВПРИ. Ф. 143 (Китайский стол). Оп. 491. Д. 3184. Л. 34.
15. Комиссия И.Г. Сколкова начала работу в апреле 1869 г., была закрыта высочайшим решением 9 ноября 1870 г. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 178. Л. 198.
16. АВПРИ. Ф. 143 (Китайский стол). Оп. 491. Д. 3184. Л. 18об.
17. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 178. Л. 26об.
18. АВПРИ. Ф. 143 (Китайский стол). Оп. 491. Д. 3184. Л. 15.
19. АВПРИ. Ф. 327 (Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе). Оп. 579. Д. 42. Л. 19об.
20. Там же. Л. 20.

21. Предполагалось, что инструкция должна действовать три года, а затем будет переработана с учетом конкретного опыта и предложений пограничного комиссара. АВПРИ. Ф. 143 (Китайский стол). Оп. 491. Д. 3184. Л. 32об.
22. АВПРИ. Ф. 327 (Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе). Оп. 579. Д. 85. Л. 96.
23. АВПРИ. Ф. 143 (Китайский стол). Оп. 491. Д. 3184. Л. 29–29об.
24. Там же. Л. 29об.
25. Там же. Л. 27об.
26. Там же. Л. 31.
27. АВПРИ. Ф. 327 (Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе). Оп. 579. Д. 85. Л. 259.
28. АВПРИ. Ф. 161. (Спб. Главный архив) IV-1. Оп. 117. Д. 6 (1857 г.). Л. 107об.
29. Известия из Японии. Извлечение из письма лейтенанта Назимова // Морской сборник. 1859. № 5. IV. С. 49 (пагинация раздельная).
30. Там же. С. 52. Дойдя в начале октября до залива Де-Кастри, командир парохода «Америка» объявил консулу, что «не имея по сне время топлива, не может отправиться дальше, и по причине позднего осеннего времени должен возвратиться в Николаевск на зимовку».
31. Там же. С. 56.
32. Там же.
33. Там же.
34. Там же. С. 57–58.
35. АВПРИ. Ф. 161. (Спб. Главный архив). IV- 1 (1857 год). Оп. 117. Д. 6. Л. 13.
36. Эти данные, а также дальнейшее развитие событий ставят под сомнение версию японских исследователей, связывающих отставку и отъезд В.Д. Овандера с тем, что Гошкевич подверг его опале. См.: *Курата Юка*. Первый российский консул в Японии Гошкевич и Хакодатэ. Сайт «Общество по изучению истории японо-российских связей. г. Хакодатэ». URL: <http://hakodate-russia.com/main/image/goshkevich.pdf>.
37. АВПРИ. Ф. 161 (Спб. Главный архив). IV- 1 (1857 год). Оп. 117. д. 6. Л. 19, 107об.
38. Там же. Л. 20об.
39. Там же. Л. 22об.
40. Там же. Л. 38об.
41. Там же. Л. 72.
42. Там же. Л. 80.
43. Там же. Л. 107об.
44. АВПРИ. Ф. 161 (Спб. Главный архив). IV- 3 (1869 год). Оп. 120. Д. 1. Л. 2.
45. Ф. 327 (Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе). Оп. 579. Д. 308. Л. 7об.
46. АВПРИ. Ф. 161 (Спб. Главный архив). IV- 1 (1857 год). Оп. 117. Д. 6. Л. 15.
47. 3 февраля 1870 г. В. Овандер впервые вступил в законный брак. Его женой стала вдова скульптора Штейнбергера — Прасковья Петровна, урожденная Андриянова. АВПРИ. Ф. 161 (Спб. Главный архив). IV- 1 (1857 год). Оп. 117. Д. 6. Л. 118.
48. АВПРИ. Ф. 161 (Спб. Главный архив). IV- 3 (1869 год). Оп. 120. Д. 1. Л. 5.
49. АВПРИ. Ф. 161 (Спб. Главный архив). IV- 1 (1857 год). Оп. 117. Д. 6. Л. 117.
50. Там же. Л. 116об.
51. АВПРИ. Ф. 143 (Китайский стол). Оп. 491. Д. 3184. Л. 26–26об.
52. *Хохлов А.Н.* Новые материалы о путешествии П.И. Кафарова по Дальнему Востоку в 1870–1871 гг. // П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение. Ч. 2. М.: Наука, 1979. С. 135.
53. АВПРИ. Ф. 161 (Спб. Главный архив). IV- 3 (1869 год). Оп. 120. Д. 1. Л. 9.
54. Там же. Л. 12.
55. *Сорокина Т.Н.* Указ. соч. С. 57–58.

Культура

Разработка компетенций владения китайским языком как иностранным: элемент политики по распространению китайской культуры

© 2018

Т.Л. Гурулёва

В статье рассмотрен процесс разработки компетенций владения китайским языком как иностранным. Представлена история создания китайского экзамена HSK, проведен сопоставительный анализ структуры и содержания старой и новой систем экзаменов HSK. Описаны предпосылки и этапы разработки системы компетенций владения китайским языком, структура и уровни коммуникативной компетенции китайского языка.

Ключевые слова: компетенции владения китайским языком, уровни владения китайским языком, экзамен HSK, Общевропейские компетенции владения иностранным языком.

DOI: 10.31857/S013128120001145-0

Одной из основных задач, поставленных на 5-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва в области развития образования на 13-ю пятилетку, является развитие международного образовательного сотрудничества, в частности, продолжение работы институтов Конфуция по всему миру.

Заявленной целью институтов Конфуция является популяризация китайского языка и распространение китайской культуры. В рамках работы институтов Конфуция Китай успешно занимается этой деятельностью с момента открытия первого такого института в Республике Корея в 2004 г.

Однако еще задолго до открытия первого института Конфуция Китай занялся проблемой создания единого механизма измерения степени владения китайским языком как иностранным. Первым шагом в решении этой проблемы стала разработка экзаменационной системы для оценки уровня владения китайским языком как иностранным.

В 1984 г. в Пекинском институте иностранных языков (ныне Пекинский университет иностранных языков) была создана исследовательская группа по разработке экзамена HSK (Hanyu Shuiping Kaoshi) — стандартизированного квалификационного экзамена по китайскому языку (путунхуа) для лиц, не являющихся носителями китайского язы-

ка, а именно иностранных студентов, зарубежных китайцев и представителей этнических меньшинств, проживающих в КНР¹. В течение пяти лет шла разработка экзамена HSK для начального и среднего уровней, который в 1990 г. прошел экспертизу Государственной комиссии по образованию КНР². В том же году экзамен был апробирован на территории КНР, а в 1991 г. — за рубежом.

Чтобы система экзамена HSK была полной, начиная с 1989 г. приступили к разработке экзамена HSK высшего уровня на основе предварительных результатов, полученных при апробации экзамена для начального и среднего уровней. В 1993 г. высший уровень экзамена HSK был утвержден Государственной комиссией HSK.

Для того чтобы расширить возможности сдать экзамен HSK для лиц, изучающих китайский язык, в 1995 г. началась разработка базового уровня экзамена HSK, который в 1997 г. также был утвержден Государственной комиссией HSK. С этого момента разработка системы экзамена HSK была полностью завершена. Данная система состояла из трех частей и включала в себя 11 уровней. Система уровней экзамена HSK, существовавшая до 2009 г., представлена в табл. 1.

Таблица 1

Система уровней экзамена HSK (до 2009 г.)

Базовый	1-й уровень
	2-й уровень
	3-й уровень
Начальный и средний	3-й уровень
	4-й уровень
	5-й уровень
	6-й уровень
	7-й уровень
Высший	8-й уровень
	9-й уровень
	10-й уровень
	11-й уровень

Источник: составлено автором.

При этом сертифицируемыми уровнями (уровнями, по которым выдавались сертификаты экзамена HSK) были начальный, средний и высший уровни. Названные уровни имели следующие буквенные и балльные соответствия (табл. 2).

Таблица 2

Сертифицируемая система экзамена HSK (до 2009 г.)

Сертификат старого экзамена HSK		Буквенные соответствия	Балльные соответствия	Уровневые соответствия
Общий балл за начальный и средний уровень (400)	Сертификат начального уровня	С	152 –	3
		В	189 –	4
		А	226 –	5
	Сертификат среднего уровня	С	263 –	6
		В	300 –	7
		А	337 –	8
Общий балл за высший уровень (500)	Сертификат высшего уровня	С	280 –	9
		В	340 –	10
		А	400 –	11

Источник: составлено автором.

Очевидно, что система экзамена HSK имела целый ряд недостатков:

– была запутанной и тяжелой для понимания;

– устная часть была включена только в экзамен высшего уровня, что при изучении китайского языка и при подготовке к экзамену позволяло не уделять достаточного внимания аудированию и говорению и снижало возможности изучения китайского языка с целью его практического использования;

– давала сбои в практическом применении. Так, исследователи отмечают³, что студенты из Японии или Республики Корея, имеющие весьма низкий уровень разговорного китайского языка, сдавали экзамен 7-го или даже 8-го уровня за счет сходной письменности, существующей в этих языках, что ставило их в неравные условия со студентами, чьи родные языки имели звуко-буквенное письмо, и не отражало реального уровня владения языком. Кроме того, степень трудности письменной части экзамена начального и среднего уровня была почти такой же сложной, как и экзамен высшего уровня. Это приводило к тому, что студенты, имеющие достаточно высокий уровень разговорного китайского языка, не могли сдать экзамен 8-го уровня начального и среднего HSK из-за сложной письменной части, но при этом иногда успешно сдавали высший HSK 9-го и даже 10-го уровней, что вступало в противоречие с принципом уровневого повышения сложности экзамена и также не отражало реального уровня владения языком;

– не имела соответствий с аналогичными западными системами, что затрудняло установление соотношений между китайской и уже появившимися к тому времени уровнями системами компетенций владения западными языками, такими, как, например, Общеευропейские компетенции владения иностранным языком, разработанные на общеευропейском пространстве в 1989–1996 гг. Система Общеευропейских компетенций включала три основных уровня: А (элементарное владение), В (самостоятельное владение) и С (профессиональное владение), каждый из которых делился на два подуровня: А1 — уровень выживания, А2 — предпороговый уровень, В1 — пороговый уровень, В2 — пороговый продвинутый уровень, С1 — уровень профессионального владения, С2 — уровень владения в совершенстве. Уровней китайской системы было 11, буквенные соответствия для каждого из уровней (начального, среднего и высшего) были одинаковыми: А, В и С, располагались в порядке, обратном соответствиям, принятым в аналогичных западных системах и делали практически невозможным установление соответствий между китайской и западными системами. Кроме того, общеευропейская уровневая система была рекомендована Советом Европы для применения в национальных системах оценки владения европейскими языками как иностранными и широко распространялась по всему миру, в частности была положена в основу создания уровневой системы оценки русским языком как иностранным в России. Китайская же система оставалась единственной в своем роде.

К моменту открытия первых институтов Конфуция за рубежом стало понятно, что существующая система экзамена HSK не может выступать инструментом объективной оценки компетенций владения китайским языком, пригодной для сопоставительного анализа. Изучив опыт зарубежных коллег по разработке уровневых систем оценки компетенций владения иностранным языком, Китай приступил к реформированию существующей системы экзамена HSK.

В 2005 г. Государственной канцелярией КНР по распространению китайского языка за рубежом (Ханьбань) была поставлена задача реформирования HSK с целью упрощения и популяризации этого экзамена. В 2009 г. разработка нового экзамена была завершена, были изданы Программы 1-го и 2-го уровней, а в 2010 г. Программы 3-го–6-го уровней. С марта 2010 г. новый экзамен HSK стал проводиться по всему миру. Начиная с 2010 г. право проведения экзамена HSK получила мировая система институтов Конфуция, в том числе и институты Конфуция, открытые в России.

Реформированная система экзамена HSK стала включать шесть уровней, соответствующих с Общеввропейскими компетенциями владения иностранным языком (табл. 3).

Таблица 3

Соотношение уровней нового экзамена HSK и Общеввропейских уровней владения иностранным языком

Новый HSK	CEFR
HSK 6-го уровня	C2
HSK 5-го уровня	C1
HSK 4-го уровня	B2
HSK 3-го уровня	B1
HSK 2-го уровня	A2
HSK 1-го уровня	A1

Источник: составлено автором.

В новой модели экзамена HSK были учтены недостатки старой модели. Кроме того, новый HSK также был значительно облегчен с точки зрения объема слов и выражений, которые было необходимо усвоить на каждом уровне. Количественное соотношение слов и выражений в старом и новом экзамене HSK представлено в табл. 4.

Таблица 4

Количественное соотношение слов и выражений в старом и новом экзамене HSK

Новый HSK	Старый HSK
HSK 6-го уровня: 5000 и более	HSK высшего уровня: 5000–8000
HSK 5-го уровня: 2500	HSK начального и среднего уровня: 2000–5000
HSK 4-го уровня: 1200	HSK базового уровня: 400–3000
HSK 3-го уровня: 600	—
HSK 2-го уровня: 300	—
HSK 1-го уровня: 150	—

Источник: составлено автором.

Государственной канцелярией по распространению китайского языка за рубежом было разработано следующее соответствие старой сертифицируемой и новой систем экзаменов HSK (табл. 5).

Таблица 5

Официальное соответствие старой сертифицируемой и новой систем экзаменов HSK

Сертификат старого экзамена HSK		Буквенные соответствия	Балльные соответствия	Уровневые соответствия	Новый HSK 4 уровень Общий балл (300)	Новый HSK 5 уровень Общий балл (300)	Новый HSK 6 уровень Общий балл (300)
Общий балл за начальный и средний уровень	Сертификат начального уровня	C	152 –	3-й уровень	180 –		
		B	189 –	4-й уровень	195 –		
		A	226 –	5-й уровень	210 –		

Сертификат старого экзамена HSK		Буквенные соответствия	Балльные соответствия	Уровневые соответствия	Новый HSK 4 уровень Общий балл (300)	Новый HSK 5 уровень Общий балл (300)	Новый HSK 6 уровень Общий балл (300)
(400)	Сертификат среднего уровня	C	263 –	6-й уровень		180 –	
		B	300 –	7-й уровень		195 –	
		A	337 –	8-й уровень		210 –	
Общий балл за высший уровень (500)	Сертификат высшего уровня	C	280 –	9-й уровень			180 –
		B	340 –	10-й уровень			195 –
		A	400 –	11-й уровень			210 –

Источник: составлено автором.

Кроме того, были внесены изменения в содержание и структуру экзамена. Если устное высказывание в старом экзамене HSK включалось только в структуру высшего уровня, то новый экзамен HSK стал иметь устную и письменную части уровневой структуры. Содержание и структура старого и нового экзаменов HSK представлены в табл. 6 и 7.

Таблица 6

Содержание и структура старого экзамена HSK

Уровни	Объект тестирования	Время выполнения
Базовый уровень	Аудирование и понимание	примерно 35 мин
	Грамматическая структура	40 мин
	Чтение и понимание	60 мин
Начальный, средний уровень	Аудирование и понимание	примерно 35 мин
	Грамматическая структура	20 мин
	Чтение и понимание	60 мин
	Общее заполнение пропусков	30 мин
Высший уровень	Аудирование и понимание	примерно 30 мин
	Чтение и понимание	15 мин
		25 мин
Общее высказывание	40 мин	

Источник: составлено автором.

Письменная и устная части нового экзамена HSK являются самостоятельными частями экзамена. По итогам сдачи каждой из частей (и письменной и устной) выдается отдельный сертификат. Допустимо сдавать только письменную или только устную часть. Сертификат представляет собой документ государственного образца Министерства образования КНР. Экзамен ориентирован на международное образовательное пространство, его результаты признаются во всем мире.

По мере разработки и совершенствования экзамена HSK возникло понимание необходимости дескрипции уровней владения китайским языком как иностранным и разработки содержания обучения для каждого из них. Этот путь для Китая также не был легким.

В 2006 г. Государственная канцелярия по распространению китайского языка за рубежом (Ханьбань) предприняла первую попытку разработки и описания уровней владения китайским языком. Была создана научно-исследовательская группа, состоящая из 80 китайских и зарубежных ученых (российские специалисты не входили в состав группы), которая на основе Общеввропейских компетенций владения иностранным языком CEFR, Канадских компетенций владения иностранным языком CLB (Canadian Language Benchmarks) и других международных уровней владения иностранным языком приступила к разработке первой уровневой системы владения китайским языком, которая была опубликована в 2007 г.⁴ Компетенции владения китайским языком включали только *речевые умения* и делились на 4 составляющие: устная перцептивная компетенция, устная рецептивная компетенция, письменная перцептивная компетенция, письменная рецептивная компетенция. Каждый из компонентов компетенции владения китайским языком имел 5 уровней⁵. Данная уровневая система компетенций владения китайским языком с трудом соотносилась как с существующими на то время 11-ю уровнями старого экзамена HSK, так и с международными уровневыми системами компетенций владения иностранными языками, имеющими 6 уровней. Очевидно по этой причине она не получила широкого международного распространения.

Таблица 7

Содержание и структура нового экзамена HSK

CEFR	Письменный HSK			Устный HSK		
	Уровень	Время	Содержание экзамена	Уровень	Время	Содержание экзамена
A1	HSK 1-й уровень	40 мин	Аудирование; чтение	Начальный	17 мин	Прослушайте и повторите предложения; прослушайте и ответьте на устные вопросы; ответьте на письменные вопросы
A2	HSK 2-й уровень	55 мин	Аудирование; чтение			
B1	HSK 3-й уровень	90 мин	Аудирование; чтение; письмо	Средний	21 мин	Прослушайте и повторите предложения; опишите картинку; ответьте на письменные вопросы
B2	HSK 4-й уровень	105 мин	Аудирование; чтение; письмо			
C1	HSK 5-й уровень	125 мин	Аудирование; чтение; письмо	Высший	24 мин	Прослушайте и повторите микро-текст; прочитайте вслух текст; прочитайте вопросы и ответьте на них
C2	HSK 6-й уровень	140 мин	Аудирование; чтение; письмо			

Источник: составлено автором.

В 2007 г. Государственная канцелярия по распространению китайского языка за рубежом (Ханьбань) занялась разработкой программы по обучению китайскому языку как иностранному, объединив более 300 специалистов китайского языка и преподавателей из разных стран мира. В состав разработчиков программы вошли представители Ассоциации преподавателей китайского языка, Институтов Конфуция, учебных заведений, осуществляющих преподавание китайского языка. К сожалению, участие России в разработке программы было минимальным и российские специалисты не обозначены в качестве основных участников исследовательской группы. В результате этой работы в конце 2009 г. в Пекине был опубликована Единая программа обучения китайскому языку как иностран-

ному на русском и китайском языках⁶ с одновременным переводом на разные языки, в том числе и русский. Данная Программа предлагала четыре новых компонента коммуникативной компетенции китайского языка как иностранного (языковые знания, речевые умения, стратегии и культурная компетенция) и пять уровней владения этой компетенцией. Она содержала дескрипторы пяти уровней, иероглифический, лексический и грамматический минимумы, а также примеры тематического содержания по уровням. Разработанная Программа 2009 года имела следующее соответствие уровневой системе владения китайским языком 2007 года: дескрипторы компонента *речевые умения* (раздел *комплексное умение*), представленные в Программе почти полностью соответствовали дескрипторам уровневой системы 2007 года, (представленной одним компонентом *речевые умения*).

Существенным недостатком разработанных уровней владения китайским языком 2007 года и уровней владения китайским языком, предложенных в Программе 2009 года явилось отсутствие строгого соответствия предложенных уровней уже появившимся к тому времени новым шести уровням экзамена HSK. В связи с этим было принято следующее соотношение (табл. 8).

Таблица 8

Соотношение уровней экзамена HSK, уровней владения китайским языком года и Общеευропейских компетенций, CEFR (до 2014 г.)

Новый HSK	Уровни компетенций владения китайским языком как иностранным	Общеευропейские компетенции владения иностранным языком (уровни)
HSK 6-го уровня	5-й уровень	C2
HSK 5-го уровня		C1
HSK 4-го уровня	4-й уровень	B2
HSK 3-го уровня	3-й уровень	B1
HSK 2-го уровня	2-й уровень	A2
HSK 1-го уровня	1-й уровень	A1

Источник: составлено автором.

Для устранения данного недостатка и дальнейшей актуализации работы по обучению китайскому языку за рубежом в 2013 г. был создан коллектив по переработке данной Программы. Новый документ — Единая программа обучения китайскому языку как иностранному была опубликован в 2014 г.⁷ Она предлагала уже шесть уровней владения китайским языком, приведенных в соответствие с уровнями экзамена HSK, а также с Общеευропейскими компетенциями владения иностранным языком. Заимствование общеευропейской уровневой шкалы владения иностранным языком вовсе не означало заимствования и применения Китая структуры и содержания уже существующих моделей иноязычной коммуникативной компетенции для китайского языка. Для коммуникативной компетенции китайского языка были использованы компоненты Программы 2009 года: *языковые знания, речевые умения, стратегии, культурная компетенция*. Программа включила описание уровней владения китайским языком по предложенным структурным компонентам коммуникативной компетенции китайского языка, а также иероглифический, лексический и грамматический минимумы содержания обучения по всем шести уровням, тематический перечень, примеры различных моделей занятий и рекомендации по оцениванию в процессе обучения китайскому языку. В табл. 9 представлена общая шкала уровней владения китайским языком с соответствующими дескрипторами, представленная в новой Программе.

Уровни владения китайским языком: общая шкала (2014 г.)

Уровень владения китайским языком	Описание
1 уровень (A1)	Понимает основной языковой материал о себе и повседневной жизни. Может достаточно точно повторять, заучивать наизусть и переписывать фразы, может написать фразу по предложенному образцу. Начинает развивать у себя интерес к изучению китайского языка и уверенность в овладении им. Под руководством преподавателя начинает знакомиться с простыми учебными, коммуникативными, ресурсными и межпредметными стратегиями. Начинает овладевать знаниями о культуре Китая, начинает формировать межкультурную компетенцию и международный кругозор.
2 уровень (A2)	Понимает и владеет основным языковым материалом о себе и повседневной жизни. Владеет основными типами предложений, может самостоятельно составить несколько простых предложений, просто описать предметы и явления, с помощью довольно простых способов осуществить несложную вербальную коммуникацию. Начинает проявлять интерес к изучению китайского языка и уверенность в овладении им. Начинает изучать простые учебные, коммуникативные, ресурсные и межпредметные стратегии. Начинает овладевать знаниями о культуре Китая, обладает начальным уровнем межкультурной компетенции и международного кругозора.
3 уровень (B1)	Понимает языковой материал, касающийся учебы и повседневной жизни. Может, используя достаточно сложные типы предложений устанавливать контакты и общаться на знакомые темы, а также делать описание в рамках этих тем. Может написать простой микротекст. Проявляет интерес к изучению китайского языка и уверенность в овладении им. Владеет простыми учебными, коммуникативными, ресурсными и межпредметными стратегиями. Имеет общие знания о культуре Китая, обладает средним уровнем межкультурной компетенции и международного кругозора.
4 уровень (B2)	Понимает языковой материал, касающийся общественной жизни. В основном правильно составляет предложения. Может делать описания, давать пояснения или проводить сравнения в рамках знакомых тем. Может изъясняться несколькими основными последовательно связанными высказываниями, написать простой текст. Проявляет интерес к изучению китайского языка и уверенность в овладении им. Владеет общими учебными, коммуникативными, ресурсными и межпредметными стратегиями. Имеет базовые знания о культуре Китая, в основном обладает межкультурной компетенцией и международным кругозором.
5 уровень (C. 1)	Понимает языковой материал на различные темы. Правильно составляет предложения. Владеет навыком порождения нескольких последовательно связанных высказываний, умением написать достаточно законченный текст, умением осуществлять довольно беглую вербальную коммуникацию. Имеет явно выраженный интерес к изучению китайского языка и уверенность в овладении им. Достаточно полно владеет учебными, коммуникативными, ресурсными и межпредметными стратегиями. Довольно глубоко знает культуру Китая, обладает межкультурной компетенцией и международным кругозором.
6 уровень (C. 2)	Понимает языковой материал на различные темы. Правильно составляет предложения. Владеет навыком порождения последовательно связанных высказываний, умением написать законченный текст, умением осуществлять беглую вербальную коммуникацию. Имеет глубокий интерес к изучению китайского языка и уверенность в овладении им. Всесторонне владеет учебными, коммуникативными, ресурсными и межпредметными стратегиями. Глубоко знает культуру Китая, обладает межкультурной компетенцией и международным кругозором.

Источник: составлено автором.

Компонент коммуникативной компетенции китайского языка — *речевые умения* — имел следующие дескрипторы (табл. 10).

Таблица 10

**Общее описание речевых умений в составе коммуникативной компетенции
китайского языка (2014 г.)**

Уровни компетенции владения китайским языком	Дескрипторы речевых умений в составе коммуникативной компетенции китайского языка
1 уровень	Может понимать самый основной, простой и очень ограниченный языковой материал о себе и повседневной жизни, иногда делает, это прибегая к помощи языка жестов, реальных предметов, лингвистического контекста и т.д. Начинает понимать обращения к лицам. Знает несколько приветствий, употребляемых в повседневной жизни. Может, используя ограниченное количество простых слов и выражений представиться или общаться с другими лицами.
2 уровень	Может в основном понимать знакомый, простой языковой материал о себе и повседневной жизни, может общаться на эти темы при помощи довольно простых способов. Может представиться или в общих чертах представить других. Начинает понимать простые слова и выражения, обозначающие чувства (благодарность, извинение) и отношения (положительные или отрицательное), знаком со способами приветствия и прощания в различных ситуациях.
3 уровень	Может понимать самый основной языковой материал, касающийся повседневной жизни и учебы, часто встречающийся в обычной коммуникативной ситуации. Может общаться с собеседниками, обмениваться мнениями на знакомые темы, писать в рамках этих тем простые микротексты. Начинает формировать у себя основную способность к повышению эффективности коммуникации за счет ударения, паузы, интонации, языка жестов и других средств.
4 уровень	Может понимать довольно простой и знакомый по содержанию языковой материал в ситуациях трудовой деятельности или социального взаимодействия, выделять главное, понимать детали. Может общаться на знакомые темы, высказываться в основном ясно и связно, умеет использовать основные коммуникативные стратегии. Может описать свой опыт, выразить свою точку зрения, привести простые доводы или пояснения.
5 уровень	Может понимать языковой материал небольшой степени сложности по различным вопросам в различных ситуациях, включая языковой материал о себе, трудовой деятельности и специальности, способен выделять главное, осуществлять предварительное обобщение и анализ. Может, используя коммуникативные стратегии, принимать участие в беседе, в том числе обмениваться мнениями и участвовать в обсуждении по общим профессиональным вопросам, выражать свои взгляды и отношение, понимать различные точки зрения. Начинает понимать диалектные и региональные различия китайского языка, знаком с культурным компонентом значений некоторых простых фразеологизмов, пословиц и поговорок.
6 уровень	Может понимать сложный языковой материал по различным вопросам в различных ситуациях, включая языковой материал о себе, трудовой деятельности и специальности, способен выделять главное, осуществлять обобщение и анализ. Может, используя различные коммуникативные стратегии, принимать участие в беседе, в том числе обмениваться мнениями и участвовать в обсуждении по теме специальности, выражать свои взгляды и отношение, понимать и анализировать различные точки зрения. Понимает диалектные и региональные различия китайского языка. Знаком с культурными компонентами значений некоторых фразеологизмов, пословиц и поговорок, а также с культурным контекстом классических исторических персонажей и событий.

Источник: составлено автором.

В Программе было закреплено следующее соответствие уровней экзамена HSK, уровней владения китайским языком и Общеευропейских компетенций (табл. 11).

Таблица 11

**Соответствие уровней экзамена HSK, уровней владения китайским языком
Программы обучения китайскому языку как иностранному
и Общеευропейских компетенций, CEFR (после 2014 г.)**

Новый HSK	Уровни владения китайским языком как иностранным в Программе (2014 г.)	Общеευропейские компетенции владения иностранным языком (уровни)
HSK 6-го уровня	6-й уровень	C2
HSK 5-го уровня	5-й уровень	C1
HSK 4-го уровня	4-й уровень	B2
HSK 3-го уровня	3-й уровень	B1
HSK 2-го уровня	2-й уровень	A2
HSK 1-го уровня	1-й уровень	A1

Источник: составлено автором.

Интересным стало включение в состав коммуникативной компетенции китайского языка компонента *культурная компетенция*, способствующего в процессе изучения китайского языка овладению культурой Китая. По сути, речь идет о том, что в Единой программе обучения китайскому языку как иностранному представлен процесс *соизучения китайского языка и китайской культуры*. Компонент *культурная компетенция* состоит из следующих составляющих: культурные знания, осмысление культуры, межкультурная компетенция и международный кругозор. На каждом из шести уровней предусмотрено последовательное усложнение содержания названных составляющих.

Исходя из вышеизложенного, правомерным является вывод о том, что предложенное в Программе 2014 года описание уровней владения китайским языком с соответствующим иероглифическим, лексическим и грамматическим содержанием является уровнями дескрипторами компетенций владения китайским языком, аналогичными и сопоставимыми с Общеευропейскими компетенциями владения иностранным языком, уровнями владения русским языком как иностранным и другими международно признанными системами уровней владения иностранным языком, на основании которых разработаны национальные системы оценки коммуникативной компетенции (TOEFL, IELTS, FCE, ESOL, ТРКИ (TORFL) и др.). Уровни владения китайским языком, разработанные в 2007 г., являются составной частью уровней, предложенных в Программе 2014 года, и содержательно представляют собой раздел «Речевые умения» в структуре коммуникативной компетенции китайского языка.

В настоящее время уровневая система компетенций владения китайским языком вошла в практику обучения в институтах Конфуция по всему миру, а также в практику учебных заведений Китая, осуществляющих обучение китайскому языку как иностранному. Разработанные компетенции владения китайским языком, содержательно соответствующие уровням экзамена HSK, а также соотносимые с уровнями Общеευропейских компетенций владения иностранным языком, выступают единой шкалой измерения степени сформированности компетенций владения китайским языком при организации процесса обучения китайскому языку как иностранному в различных странах мира и в самом Китае. Разработав компетенции владения китайским языком, Китай осуществил качественный скачок в развитии теории обучения китайскому языку как иностранному, что неминуемо приведет к повышению качества обучения и ускорит распространение китайского языка и культуры во всем мире.

1. Чжунго ханьюй шуйпин каоши: [Китайский экзамен HSK]. URL: <https://baike.baidu.com/item/>
2. На тот момент Государственная комиссия по образованию КНР была высшим органом управления образованием в стране в структуре Госсовета КНР, существующим вместо нынешнего Министерства образования КНР.
3. *Цзинь Вэйвэй, Цун Лить*. Синь, цзю HSK цэши чэнцзю дуйби фэнси: [Сравнительный анализ результатов старого и нового экзаменов HSK]. URL: <http://www.doc88.com/p-9943632051282.html>.
4. Гоцзи ханьюй нэнли бяочжунь: [Уровни компетенций владения китайским языком как иностранным]. Пекин: Вайюй цзяосюэ юй яньцзю чубаньшэ, 2007.
5. Компетенция владения иностранным языком — это иноязычная коммуникативная компетенция, т.е. способность осуществлять эффективную речевую коммуникацию на иностранном языке в процессе межкультурного взаимодействия. Уровень владения иностранным языком — степень сформированности коммуникативной компетенции иностранного языка.
6. Гоцзи ханьюй цзяосюэ тунюн кэтан даган: эхань дуйчжао: [Единая программа обучения китайскому языку как иностранному на русском и китайском языках]. Пекин: Вайюй цзяосюэ юй яньцзю чубаньшэ, 2009.
7. Гоцзи ханьюй цзяосюэ тунюн кэтан даган: [Единая программа обучения китайскому языку как иностранному]. Пекин: Бэйцзин юйянь дасюэ чубаньшэ, 2014.

«Положение о религиозной деятельности» 2018 года в КНР

© 2018

Л.А. Афонина

В феврале 2018 г. в КНР принято новое «Положение о религиозной деятельности». Оно затрагивает большое количество аспектов религиозной сферы, налагая значительные ограничения на общины верующих. Документ направлен на борьбу с ростом религиозности в обществе и ограничение религиозной деятельности пределами уже существующих общин. Под удар попадают неофициальные общины верующих, которые на протяжении десятилетий в совокупности численно превосходили адептов официальных религиозных общин, относящихся к прогосударственным патриотическим объединениям.

Ключевые слова: «Положение о религиозной деятельности», религиозная политика, религиозные учебные заведения, служители культа, религиозная деятельность, китаизация религий, свобода вероисповедания, Единый фронт.

DOI: 10.31857/S013128120001146-1

В настоящее время основным документом, регламентирующим религиозную сферу в КНР, является «Положение о религиозной деятельности». Впервые документ с таким названием был принят на 57-м заседании Госсовета 7 июля 2004 г. и вступил в силу 1 марта 2005 г.

При Ху Цзиньтао основной тенденцией религиозной политики страны была работа по формулированию соответствующих нормативных актов. Текст Положения 2005 г. выработывался в течение шести лет. Тогда появление документа стало значимым шагом вперед, однако по большей части он являлся компиляцией ранее принятых постановлений и местных положений. Он задавал вектор регулирования религий, но не отвечал на многие частные вопросы, оставляя большой зазор для толкования правоприменителем.

Государственное управление КНР по делам религий (ГУДР) ежегодно публикует план своих задач на предстоящий год. В плане на 2017 г. значился пункт о выработке нового «Положения о религиозной деятельности» взамен действующего, что стало развитием указаний руководителя страны Си Цзиньпина, направленных на усиление законодательного регулирования в религиозной сфере, которые прозвучали в апреле 2016 г. на Всекитайском совещании по религиозной работе¹.

Афонина Любовь Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник ИДВ РАН.
E-mail: liubov.afonina@gmail.com.

Проект нового «Положения о религиозной деятельности» был опубликован в сентябре 2016 г. на сайте Госсовета КНР. Зарегистрированные пользователи в течение месяца могли выражать мнения по поводу его содержания, но это носило скорее формальный характер.

Окончательная версия нового «Положения о религиозной деятельности» была принята 14 июня 2017 г. на 176-м заседании Постоянного бюро Госсовета. 26 августа 2017 г. премьер Госсовета Ли Кэцян подписал соответствующий указ № 686. Текст Положения был опубликован 7 сентября 2017 г., документ вступил в силу 1 февраля 2018 г., в тот же день «Положение о религиозной деятельности» 2005 г. утратило свою силу.

В официальном печатном органе ЦК КПК газете «Жэньминь жибао» от 12 сентября 2017 г. была напечатана статья начальника ГУДР Ван Цзоаня «Учимся последовательно претворять в жизнь новую редакцию «Положения о религиозной деятельности»». В ней разъяснялось, что необходимость принятия нового документа вызвана изменением ситуации внутри страны и за рубежом, а также появлением новых вызовов в религиозной сфере. Новый документ, по его мнению, важен для дела упорядочивания правовой основы управления религиями в стране.

В статье затрагиваются основные проблемы и явления, которые, с точки зрения власти, необходимо разрешать или предотвращать. Среди них — использование иностранными государствами религиозного фактора для вмешательства во внутренние дела Китая, распространение идей религиозного экстремизма, необходимость контроля над материалами религиозного содержания в Интернете, коммерциализация религий, не контролируемая государственными структурами религиозная активность.

Ван Цзоань подчеркнул, что новое Положение будет способствовать процессу адаптации религиозных верований к особенностям китайской государственности и социалистического государства, т.е. позволит «китаизировать» религиозные учения².

Нужно пояснить, что в условиях нескоренности религий из общественной жизни перед китайским руководством стоит задача снизить степень исходящей от них идеологической угрозы. Лозунги, призывающие к адаптации религий к социализму, направлены на ассимиляцию религий, на их постепенное изменение до приведения к необходимому власти формату. Религии призваны обрести «китайскую специфику», перестроиться на служение политическим интересам власти. Так, Председатель КНР Си Цзиньпин высказывался о необходимости при сохранении основных постулатов вероучений и порядка служения истолковывать религиозные учения исходя из потребностей прогрессивного развития Китая, в соответствии с китайскими традициями. По его мнению, верующие должны соединять религиозные доктрины с китайской культурой, следовать законам и стремиться внести свой вклад в реализацию китайской мечты национального возрождения³.

Содержание «Положения о религиозной деятельности» 2018 г. расширено по сравнению с версией 2005 г. Новый документ содержит 9 глав — «Общие положения», «Религиозные объединения», «Религиозные учебные заведения», «Объекты религиозной деятельности», «Религиозные служители», «Религиозная деятельность», «Религиозное имущество», «Юридическая ответственность», «Дополнения» — и 77 статей (в прежней версии — 7 глав и 48 статей). Новыми являются главы, посвященные религиозным учебным заведениям и религиозной деятельности.

В главе 1 «Общие положения» подтверждается закрепленное в Конституции КНР право граждан на свободу вероисповедания, государство объявляет себя гарантом «нормальной религиозной деятельности», обязуясь защищать законные права и интересы религиозных общин и верующих граждан.

Стоит отметить, что свобода вероисповедания не воспринимается руководством КНР как право исповедовать и практиковать любую религию без доминирующей и определяющей роли государства. Граждане КНР, обладая формальной свободой вероиспове-

дания, терпят значительные ограничения в ее реализации. Руководство КНР в рамках декларируемой политики свободного вероисповедания всесторонне контролирует религиозную активность, объясняя это необходимостью поддержания общественной гармонии и стабильности. Фактически «свобода вероисповедания» распространяется только на ту религиозную активность, которая по совокупности параметров может быть отнесена чиновниками к «нормальной религиозной деятельности», юридическое определение которой отсутствует.

В предыдущей версии документа субъектами права выступали верующие граждане, религиозные объединения и объекты религиозной деятельности, в новом же Положении к ним добавились религиозные учебные заведения. Учитывая то внимание, которое уделяется последним в документе (им посвящена отдельная глава), можно сделать вывод, что власти страны одним из способов разрешения вопросов религиозной сферы видят свое участие в воспитании служителей культа, способных обеспечить режиму стабильности в среде верующих.

Согласно Положению, деятельность религиозных объединений, общин в объектах религиозной деятельности и верующих граждан должна соотноситься с положениями Конституции, законов, нормативно-правовых актов. Религиозные деятели и верующие обязаны стоять на позициях государственного единства, сплоченности нации и общественной стабильности (ст. 4). Данное предписание выглядит несколько странным для человека с западным мышлением, поскольку соблюдение законов обязательно для всех граждан страны, а единство и стабильность не являются прямыми задачами религии.

Религиозные группы должны придерживаться принципа самостоятельности и независимости от иностранных сил (ст. 5). Этот принцип был провозглашен в Китае вскоре после образования КНР в рамках движения за религиозное обновление. Тогда власти пошли по пути создания политизированных религиозных организаций, поддерживающих режим. Условием существования религиозных общин стал отказ от связей с зарубежными религиозными организациями. Новая концепция политического регулирования религий включала в себя три базовых принципа — «самостоятельная проповедь», «самостоятельное обеспечение» и «самостоятельное управление» (позднее этот принцип получил новое развитие в теориях адаптации религий к социалистическому обществу и китаизации религий).

По настоящее время все миссии, организованные из-за границы, законодательно запрещены, а официальные контакты религиозных объединений с иностранными организациями устанавливаются с одобрения гражданских властей, задача которых состоит в содержании религий в очерченных политико-националистических границах и предотвращении превращения религиозных групп в помощников продвижения западных интересов.

При этом разрешены внешние контакты и связи на основе дружбы и принципа равноправия. В документе приводятся аспекты связей с зарубежными религиозными организациями, расцениваемые как вредоносные, — незаконная проповедь иностранцами, политическое влияние с их стороны на китайских верующих (ст. 4).

Появилась новая статья, указывающая, что защита законной религиозной деятельности строится на принципах пресечения незаконных явлений, сдерживания экстремизма, противостояния проникновению чуждой идеологии, борьбы с преступностью (ст. 3). Отсюда видно, что выработка нового Положения направлена на усиление превентивного контроля в отношении религиозных групп граждан.

При выработке документа правительство не ставило перед собой задачу разрешения озабоченностей верующих, но, видя в религиях идеологическую угрозу, стремилось обезопасить себя от негативных явлений, причиной которых могут стать религиозные убеждения. В документе сказано, что религиозный фактор может быть связан с такими общегосударственными проблемами, как угроза национальной безопасности, пропа-

ганда религиозного экстремизма, провокация внутривластных конфликтов, террористическая деятельность (ст. 4).

В большинстве статей религиозная деятельность не отделяется от административной деятельности отделов по делам религий правительств различных уровней. Под предлогом повышения роли права в религиозной сфере был усилен контроль государственных и партийных органов в отношении общин верующих.

На Всекитайском совещании по религиозной работе в 2016 г. Си Цзиньпин подчеркнул важность внесения религиозного вопроса в повестку работы всех государственных и партийных органов власти, ведения ими плановой работы при едином руководстве и системе проверок. Он отметил, что Отдел Единого фронта ЦК КПК должен сыграть ведущую роль, а отделам по делам религий народных правительств следует ответственно заниматься практической реализацией курса религиозной политики. Новым смыслом это утверждение наполнилось после начала реализации очередной административной реформы 2018 года. В Положении народные правительства всех уровней были призваны укрепить свою руководящую роль в религиозной работе. Новым стало указание на то, что парткомы на низовом уровне должны оказывать содействие правительственным структурам (ст. 6).

Об укреплении религиозной работы на низовом уровне упоминалось в «Положении о работе Единого фронта КПК», принятом ЦК КПК на Всекитайском совещании по работе единого фронта (18–20 мая 2015 г.) под председательством Си Цзиньпина. В документе сформулирована задача создания системы двойного контроля и ответственности со стороны парткомов и правительств на уездном, волостном, деревенском уровнях⁴. На практике это означает, что чиновники на местах призваны более пристально следить за деятельностью религиозных общин, в первую очередь, не имеющих официального статуса.

В рамках ведущейся административной реформы полномочия по управлению религиозной сферой были полностью переданы Отделу Единого фронта ЦК КПК и его подразделениям на региональном уровне. ГУДР упразднено как структура исполнительной власти в составе Госсовета КНР и переведено в ведение Отдела Единого фронта ЦК КПК с сохранением названия для внешнего использования, что соответствует формуле «один орган, два названия». Таким образом, все функции ГУДР и управлений по делам религий, упоминаемые в этом Положении, стоит относить к соответствующим подразделениям Отдела Единого фронта ЦК КПК.

Глава 2 «Религиозные объединения» регламентирует деятельность религиозных объединений, являющихся важными составными частями государственной системы управления религиями и призванных осуществлять политику правящей партии в среде верующих. Их можно охарактеризовать как религиозно-политические институты, имеющие государственные цели и задачи. Они отвечают за организацию религиозной деятельности и административные вопросы, обеспечивают процесс обучения служителей культа, несут представительскую функцию в религиозной сфере в рамках конкретной административной единицы. Объединения подразделяются на общенациональные и местные вплоть до уездного уровня.

На национальном уровне представлены религиозные объединения для пяти религий — буддизма, даосизма, католицизма, протестантизма и ислама, что в специальной литературе именуется «пятью большими религиями Китая». На местном уровне все объединения обладают монопольным положением единственной законной организации в рамках одной административно-территориальной единицы и находятся под контролем органов партии и правительства соответствующего уровня.

«Религиозные объединения должны регистрироваться в соответствии с постановлениями об управлении общественными организациями. Устав религиозных объединений должен соответствовать государственным постановлениям об управлении общест-

венными объединениями» (ст. 7). Здесь в первую очередь подразумевается «Положение о регистрации и контроле религиозных объединений» (принято 25 октября 1998 г., дополнено и исправлено 6 февраля 2016 г.)

С появлением нового Положения повышается роль и статус религиозных объединений. Перечисляются их функции (ст. 8): 1) содействие правительствам в претворении в жизнь законов, законодательных и нормативных актов; защита законных прав и интересов верующих; 2) управление религиозной деятельностью, установление соответствующих регламентов и контроль их исполнения; 3) исследования религиозной культуры, разъяснение вероучительных догматов, реализация религиозно-идеологического строительства; 4) подготовка кадров в рамках программ религиозного образования, назначение и контроль служителей культа; 5) другие функции в рамках законодательства и устава объединения.

К полномочиям религиозных объединений отнесено толкование религиозных учений. Это стало развитием одного из принципов «трех самостоятельности» — самостоятельной проповеди, который в современном мире обретает новое значение: в нем видят принцип независимости в провозглашении доктрин веры, и более того, возможность самостоятельной ревизии вероучений с целью соответствия текущему политическому контексту. При этом не разъясняется, кто конкретно является ответственным за интерпретацию религиозных доктрин и правил. Отсутствие персональной ответственности, возложенной на лицо конкретного духовного статуса, создает угрозу произвольного видоизменения религиозных доктрин в угоду режиму.

Направлять людей на обучение за границу и принимать студентов из-за рубежа для получения религиозного образования позволено лишь религиозным объединениям национального уровня, автономных районов и городов центрального подчинения. Всем прочим организациям это запрещено (ст. 9).

Религиозные учебные заведения, объекты религиозной деятельности и религиозные служители должны подчиняться системе правил, устанавливаемым религиозным объединением (ст. 10). Такое прямое указание на обязанность подчинения выражено впервые.

Глава 3 «Религиозные учебные заведения» отсутствовала в прежнем документе. Религиозные учебные заведения упоминаются и в других главах документа. Данный акцент демонстрирует, что для руководства страны обучение религиозных служителей и тема интерпретации ими доктрин веры имеет ключевое значение в решении поставленной задачи китаизации религий.

Религиозные учебные заведения могут учреждаться только религиозными объединениями уровней национального, провинциального, автономных районов и городов центрального подчинения (ст. 11). Однако в современной реальности у многочисленных не имеющих регистрации христианских и псевдохристианских церквей функционируют собственные семинарии. Они готовят священнослужителей или пасторов для удовлетворения духовных потребностей возрастающего количества верующих. Реализация этого пункта Положения может привести к закрытию нелегальных семинарий и учебных центров.

Утверждение требований к преподавателям, правил набора студентов, систем присуждения степеней относится к компетенции ГУДР (ст. 15). Участие в образовательном процессе иностранных преподавателей должно также согласовываться с ГУДР (ст. 17). Повышение квалификации религиозных служителей по программе свыше 3 месяцев согласовывается с отделами по делам религий (ст. 18).

Глава 4 «Объекты религиозной деятельности» посвящена процедуре регистрации храмов, моленных домов, монастырей, мечетей, святынь и порядку их функционирования. В китайском законодательстве отсутствует категория первичных религиозных организаций — общин верующих граждан. Вместо этого в качестве первичной религиозной организации регистрируются объекты религиозной деятельности с их органами демократического управления.

Религиозные обряды могут совершаться только в местах, обладающих соответствующим статусом и свидетельством. Регистрация объекта религиозной деятельности является сложной и многоэтапной процедурой, зависящей от его административно-территориальной принадлежности. Предлагаемый к регистрации объект должен отвечать следующим условиям: 1) наличие устава, не противоречащего рассматриваемому Положению; 2) наличие верующих граждан, имеющих потребность в коллективных собраниях; 3) наличие служителя; 4) наличие финансирования из легальных источников; 5) рационально размещенное здание, соответствующее потребностям городского планирования и не препятствующее нормальной жизни граждан и производственным процессам организаций (ст. 20).

Общины часто оказываются не в состоянии справиться с бюрократическими препятствиями, связанными с регистрацией. Так, православная община Пекина, ориентировочно насчитывающая более 300 китайских граждан, при регулярных обращениях в органы власти на предмет восстановления хотя бы одного из ранее существовавших на территории города православных храмов, получает неформальный отказ, связанный, в том числе, с отсутствием у них священнослужителя. При этом те же органы власти не дают позволения рукоположить священников для пекинского региона, несмотря на наличие желающих и отвечающих требованиям кандидатов. На регулярных заседаниях российско-китайской рабочей группы по контактам и сотрудничеству в религиозной сфере представители ГУДР уверяют российскую сторону в малочисленности православной общины Пекина и в отсутствии потребности у этих людей в проведении богослужений, что не соответствует реальному положению вещей.

Для учреждения объекта религиозной деятельности объединение подает ходатайство в отдел по делам религий народного правительства по месту предполагаемого открытия. После рассмотрения в 30-дневный период дело о регистрации передается в правительство городского уровня, которое в течение 30 дней с приложением своего мнения обязано передать дело в отдел по делам религий народного правительства уровня провинции. Здесь же требуется еще 30 дней для вынесения утвердительного или отрицательного решения (ст. 21). По прошествии согласований в три этапа отдел по делам религий народного правительства уездного уровня в течение 30 дней проводит согласование состава административной команды, системы уставных правил и прочих аспектов работы будущего храма, по итогам выдается «Свидетельство о регистрации объекта религиозного назначения» (ст. 22).

В отличие от всех ранее издаваемых законодательных актов, имевших отношение к религиозной сфере, в новом Положении говорится о возможности регистрации объекта религиозного назначения в качестве юридического лица. Для этого требуется согласие курирующего религиозного объединения и отдела по делам религий соответствующего административно-территориального уровня (ст. 23). Юридическим лицом могут стать и религиозные учебные заведения (ст. 14). Впервые возможность регистрации храмовых объектов в качестве юридических лиц была упомянута в ст. 92 «Общих принципов гражданского права», принятых 15 марта 2017 г. на 5-й сессии ВСНП 12-го созыва⁵.

Объекты религиозной деятельности формируют орган демократического управления, члены которого избираются в результате демократических консультаций и подлежат постановке на учет в органе регистрации (ст. 25). Таким образом, власти имеют возможность влиять на выбор ответственных лиц в общинах.

Отделы по делам религий обязаны контролировать соблюдение объектами религиозного назначения законодательства страны, применение ими системы демократического управления и своевременное внесение изменений в регистрационные документы. Новым в действующем документе стало вменение в обязанность правительств контролировать и непосредственно религиозную деятельность, и деятельность, включающую иностранный фактор (ст. 27).

Помимо этого, объекты религиозной деятельности обязаны принимать руководство и контроль со стороны соответствующих органов власти в отношении финансовых, имущественных, санитарно-эпидемиологических вопросов, общественной безопасности, пожарной безопасности, сохранения культурного наследия и пр. (ст. 26). Эти и иные формы контроля являются проявлением программы по китаизации, а в отдельных случаях — и политизации религий. Общины в объектах религиозного назначения в период правления Си Цзиньпина вынуждены проводить церемонии поднятия государственного флага еженедельно или в праздничные дни с пением гимна и патриотических песен⁶. Кресты над христианскими храмами заменялись на национальные флаги в провинциях Чжэцзян, Хубэй и др.⁷, в Синьцзяне водрузили флаги над мечетями. Внутри храмовых зданий стали появляться красные баннеры с иероглифическими лозунгами, призывающие, например, как к китаизации ислама, так и любви к Родине и партии⁸.

Небезызвестно, что в стране создается проект национальной базы данных, а также строится сеть камер видеонаблюдения, позволяющая за короткое время определять местоположение искомого гражданина. В СМИ все чаще появляется информация о принудительной установке органами общественной безопасности камер с функцией распознавания лиц внутри китайских храмов и мечетей. С их помощью власти смогут отслеживать посещение храмов гражданами, время пребывания там, а также покупку ими духовной литературы и прочие аспекты их духовной жизни. Не исключено, что эта информация может быть учтена и в системе цифрового социального рейтинга граждан⁹.

В храмовых объектах допускается осуществлять торговлю религиозной атрибутикой и печатной продукцией (ст. 28), однако категорически запрещается распространение религиозных материалов и проповедь вне их стен. Политика партии в религиозной сфере направлена на формирование религиозного гетто. Тем не менее представители нелегальных сект порой прибегают к уличной проповеди, что нередко приводит к задержанию их органами безопасности.

Орган демократического управления храмом обязан отчитываться перед отделом по делам религий уездного уровня о фактах нарушения общественного порядка в объектах и прочих происшествиях (ст. 29). Такое указание отсутствовало в предыдущей версии документа.

Содержится запрет на несанкционированное сооружение монументальной скульптуры в пределах религиозного объекта. Новым пунктом стал запрет на возведение скульптуры вне территории религиозного объекта, это позволяет предположить, что подобные явления участились. Для возведения религиозной скульптуры объединение и община должны испросить разрешение отдела по делам религий уровня провинции, который проводит рассмотрение дела в течение 30 дней и передает данные для окончательного решения в ГУДР, где они изучаются в течение 60 дней (ст. 30).

Мы видим, что по законодательным предписаниям все согласования в религиозной области проводятся в значительный временной период. Что касается практики, то согласования могут затягиваться на неопределенное время. Запросы верующих в предыдущие годы могли оставаться совершенно без ответа. Нет уверенности, что принятие нового Положения сможет изменить ситуацию.

Новым стало указание правительствам на всех уровнях вносить в градостроительные планы объекты религиозной деятельности исходя из текущей ситуации. Странительство храмов должно отвечать требованиям законов о землепользовании, планировании застройки, защите объектов культурного наследия и т.д. (ст. 32). Разрешение отдела по делам религий нужно испрашивать также при постройке общинами новых зданий или реконструкции старых (ст. 33), что позволяет органам власти сдерживать развитие общин.

Если объекты религиозной деятельности являются частью природного парка или туристической достопримечательностью, в сферу обязанностей правительственных органов входят координация и разрешение вопросов, касающихся взаимоотношений общины

с управляющими органами парков. В их задачи входит защита законных прав и интересов верующих, охрана «нормальной религиозной деятельности» (ст. 34). Наиболее сложными в этом случае являются ситуации с храмами, признанными частью культурного наследия.

В условиях активной застройки и расширения городов теперь могут быть рассмотрены ходатайства о предоставлении временных мест для молитвы и религиозных обрядов. Для этого представитель группы верующих может обратиться с заявкой в отдел по делам религий местного уровня, который после консультации с религиозным объединением и волостным правительством может определить временное место для молитвенных собраний (ст. 35).

Возможно, что временные места религиозной деятельности предусмотрены для решения вопроса с так называемыми домашними христианскими собраниями и незарегистрированными мусульманскими и буддийскими общинами, однако описанная система согласований вряд ли доступна для прохождения существующими неформальными общинами.

В современном Китае неофициальные общины — сложное и неоднородное явление. Некоторые из них представляют собой слабо организованные группы людей, базирующиеся в частных квартирах. Другие же являются многочисленными общинами, имеющими храмовые помещения и иерархическую организацию, ведут активную деятельность, включая издание печатной продукции и содержание профильных учебных заведений.

Власти надеются посредством давления и пропагандистской работы определить часть незарегистрированных общин под управление религиозных объединений со статусом «временных мест религиозной деятельности». Еще до принятия документа участилась практика проведения доверительных бесед представителей органов безопасности и отделов по делам религий с лидерами неофициальных общин, на которых им рекомендуется подать ходатайство на регистрацию. Однако вряд ли подобные меры позволят решить более чем полувековую проблему параллельного существования курируемых государством и неофициальных общин.

В главе 5 «Религиозные служители» акцентируется, что религиозную деятельность могут осуществлять только служители культа, имеющие специальное свидетельство, т.е. получившие признание религиозных объединений и соответствующих органов государственной и партийной власти. Не имеющие или утратившие статус религиозного служителя не имеют права возглавлять религиозные мероприятия (ст. 36).

Остается не вполне ясным, какую конкретно деятельность не может осуществлять человек без свидетельства — может ли он возглавлять общую молитву (например, в христианстве — мирским чином), чтение вслух священных книг, пение религиозных песен, беседы на тему веры?

Прописана руководящая роль буддийского объединения в деле преемственности живых будд в тибетском буддизме, а также обязанность утверждения кандидатур в народном правительстве уровня провинции и выше (ст. 36). Метод жеребьевки из Золотой вазы сопровождается участием и контролем правительства. Согласно действующим «Правилам реинкарнации живых будд в тибетском буддизме» (вступили в силу 01.09.2007), реинкарнация живого будды производится по заявке буддийского объединения или монастыря. Поисковая группа формируется из живых будд и титулованных лам монастыря Ташилунпо (Шигадзе). Список кандидатур представляется для утверждения властям, а церемония жеребьевки совершается под председательством уполномоченного центрального правительства. Избранник, на которого пал жребий, утверждается центральным правительством. По мнению политического руководства, такая процедура завершения ритуала позволяет избежать подлога.

Католические епископы ставятся на учет в ГУДР национальным католическим объединением (ст. 36). Перед выборами епископа епархия направляет ходатайство в като-

личный административный комитет (региональный аналог Китайской католической патристической ассоциации), который после консультации с властями на своем уровне направляет обращение в Епископскую конференцию католической церкви Китая (ЕККЦК). Проводится тайное голосование, в котором принимают участие все священники епархии, а также представители монахинь и мирян. Выборы считаются состоявшимися, если кандидат получил свыше половины голосов. Результаты голосования направляются в отдел по делам религий народного правительства провинции, а после отправляются на одобрение ЕККЦК. Хиротония совершается в течение трех месяцев после получения одобрения. В китайской католической церкви игнорируется общемировая процедура назначения епископов главой Вселенского католицизма — Папой Римским. Однако при этом большинство епископов официальной католической церкви имеют признание Папы, которое они получают в неофициальном порядке.

Назначение или увольнение религиозного служителя в конкретном объекте религиозной деятельности осуществляется через одобрение религиозным объединением и при регистрации данных в отделе по делам религий (ст. 37). Служители культа обладают правом на социальную защиту, религиозные организации обязаны оформлять социальное страхование для своих сотрудников (ст. 39).

В новой *Главе 6 «Религиозная деятельность»* говорится о том, что коллективные религиозные мероприятия могут быть организованы религиозными объединениями или религиозными учебными заведениями внутри объектов религиозной деятельности и возглавляться служителями культа или другими людьми, соответствующими требованиям конкретного вероучения (ст. 40). Правительства обязаны в рамках своей компетенции обеспечивать безопасность и надлежащее проведение массовых религиозных мероприятий.

Отмечается также, что организации, не относящиеся к религиозным объединениям, религиозным учебным заведениям, объектам религиозной деятельности или утвержденным временным местам для молитвенных собраний, не имеют права на проведение религиозных служб и обрядов (ст. 41).

В десятилетие Ху Цзиньтао (2003–2013 гг.) термин «подпольная церковь» почти вышел из обихода и был заменен на «незарегистрированная церковь» или «неофициальная церковь», что означает молитвенное собрание верующих в любом месте, отличном от официальных объектов религиозной деятельности. Общины собирались по домам, арендовали помещения для совершения служб и обрядов, другие даже строили настоящие церковные здания и открыто собирались для молитв с ведома местных властей. Общины численностью до 15 человек могли без последствий собираться для молитвы, в связи с чем часто многие разросшиеся общины со временем распадались на более мелкие во избежание проблем с властями. С приходом к власти Си Цзиньпина незарегистрированные общины стали вытесняться из религиозного поля.

Новым Положением ограничивается возможность получения пожертвований при отсутствии официального статуса организации религиозной направленности (ст. 41). Такое указание подрывает основу развития любой неофициальной церковной организации, ставит под удар существование подпольных общин в их прежнем виде.

Отмечается, что организациям, не имеющим статуса религиозных, не разрешается организовывать выезд граждан за рубеж для участия в религиозных мероприятиях, конференциях, тренингах (ст. 41). Ранее ограничения на несанкционированные выезды с религиозными целями касались только поездок в Мекку для совершения хаджа, что имеет связь с квотами, устанавливаемыми Саудовской Аравией. Мусульмане для совершения хаджа организуются только Китайской исламской ассоциацией (ст. 43).

Ранее власти в разных регионах практиковали задержания в аэропорту или конфискацию паспортов у верующих перед поездками за границу по религиозным мотивам. Так, во время визита Папы Римского Франциска I в Южную Корею в августе 2014 г. ки-

тайские католики, в том числе студенты Национальной семинарии, направившиеся в Сеул для участия в богослужении, возглавляемом понтификом, задерживались властями при пересечении границы. С конфискацией паспортов и беседами с представителями органов безопасности сталкивались и некоторые православные верующие в середине 2000-х годов при попытках поехать в Россию с целью получения духовного образования.

Сегодня стало традицией проведение молитвенных собраний и конференций для верующих в Гонконге, на Тайване, в Таиланде, Сингапуре китайскими протестантскими и псевдохристианскими неофициальными организациями. Теперь у чиновников появляется формальный повод препятствовать подобным выездам. Практика применения документов китайскими чиновниками показывает вариативность их толкования. Есть опасения, что участие в религиозных мероприятиях за рубежом в любом виде станет приравниваться к незаконному деянию.

С конца 2016 г. у жителей СУАР под лозунгами сохранения общественного порядка изымаются загранпаспорта с возможной выдачей для каждого отдельного выезда за границу после согласования с властями¹⁰. Уйгурам, находящимся в других регионах КНР, предписывается сдавать паспорта по месту нахождения¹¹.

Коллективные религиозные мероприятия, проводимые за пределами объекта религиозной деятельности, а также межрегиональные религиозные мероприятия должны согласовываться в срок за 30 дней с отделом народного правительства городского уровня, который в 15-дневный срок после получения ходатайства этот вопрос согласовывает с органами общественной безопасности. При положительном решении информация регистрируется в отделе по делам религий провинциального уровня (ст. 42).

Практика показывает, что в случае необходимости участия служителя культа в мероприятиях за пределами объектов религиозной деятельности, например, для проведения обрядов в доме верующего, на кладбище, в крематории и пр., требуется подача сведений в отдел по делам религий. Согласование с местными органами власти осуществляется и при принятии в общину новых верующих. Например, христианские священнослужители обязаны предоставлять властям списки людей, принимающих крещение.

В светских учебных заведениях запрещается любая религиозная практика организации мест для молитвы (ст. 44). Еще с 2014 г. в стране заметно ужесточился идеологический контроль над студентами и преподавателями, существует тенденция к его дальнейшему усилению. В октябре 2014 г. ЦК КПК был подготовлен документ «Мнения об укреплении и совершенствовании системы ответственности директоров учебных заведений под контролем парткомов», призывающий к усилению идеологической работы в сфере образования, укреплению роли парткомов в вузах, которые повсеместно выпускают распоряжения, запрещающие проповедь среди студентов и проведение религиозных мероприятий в учебных заведениях.

В вузах СУАР более не выдают дипломы политически неблагонадежным студентам. Газета «Синьцзян жибао» публиковала следующее высказывание секретаря парткома Кашгарского педагогического университета Ли Чжунъяо: «Высшее руководство и преподаватели, не отвечающие политическим требованиям, вне зависимости от их профессиональных качеств, должны отстраняться от работы; политически неблагонадежным студентам вне зависимости от успехов в учебе не должны выдаваться дипломы»¹². Преподавателям и студентам в мусульманских районах запрещается посещать мечети, соблюдать пост Рамадан и носить традиционную одежду.

В университетской среде неизменно ведется борьба с христианизацией, запрещается празднование Рождества студентами под предлогом предотвращения замещения традиционных праздников западными, в некоторых учебных заведениях запрет сопровождается угрозой исключения.

Отдельное внимание в документе уделяется вопросу публикаций и распространения печатных изданий религиозного содержания. Религиозные объединения, учебные

заведения, а также храмы и монастыри могут производить печатную продукцию для внутреннего использования и не имеют права распространять ее за пределами религиозных организаций.

Печатные издания религиозного содержания не должны содержать информацию: 1) нарушающую мирное сосуществование верующих и неверующих граждан, 2) нарушающую межрелигиозный мир или мир внутри одной религии, 3) дискриминирующую или оскорбляющую приверженцев религиозной традиции или неверующих граждан, 4) распространяющую идею религиозного экстремизма, 5) нарушающую принцип независимости и самостоятельности религий в Китае (ст. 45).

Ввоз религиозных атрибутики и книг на территорию Китая ограничивается объемом, предполагаемым для личного использования. Ввозимая религиозная печатная продукция сверх нормы подвергается конфискации (ст. 46). В связи с этим интересен следующий случай. В начале 2018 г. профессор-религиовед одного из пекинских университетов возвращался из Гонконга в Пекин с христианской литературой, предназначавшейся для его дальнейших исследований. Несмотря на то, что профессор читает абсолютно антихристианские лекции, сопровождая их немалым количеством еретических утверждений, ему пришлось столкнуться со сложностями при прохождении границы. Конфликт удалось уладить лишь путем привлечения руководства университета.

В последние годы власти озадачились контролем над проповедью в Интернете. В текущей версии Положения появились статьи, затрагивающие миссионерскую деятельность в сети. Теперь для публикации информации религиозного содержания в Интернете необходимо получить одобрение отдела по делам религий народного правительства у уровня провинции и выше (ст. 47).

Стоит отметить, что уже заметны тенденции работы в этом направлении. На крупнейшей электронной торговой площадке Таобао за последний год был закрыт целый ряд интернет-магазинов, торгующих Библией и сопутствующей литературой. На китайские видеосервера с обычного пользовательского аккаунта за редкими исключениями стало невозможно загрузить видеоролики религиозного содержания, а на популярнейшем ресурсе по хранению аудиофайлов была удалена большая часть записей христианских проповедей¹³.

Глава 7 «Религиозное имущество» заметно расширена. В ней подчеркивается, что законно принадлежащие религиозным организациям земли, здания, сооружения, иное законное имущество находятся под защитой закона (ст. 50).

Право собственности или пользования религиозные организации должны регистрировать в отделах земельного контроля и управления по недвижимости народных правительств уездного уровня и выше и подтверждать свидетельством. Отделы земельного контроля при утверждении или изменении права религиозных организаций на пользование землями должны консультироваться с отделами по делам религий (ст. 51).

Одним из акцентов нового документа стала борьба с коммерциализацией религии. Подчеркивается, что религиозные объединения, учебные заведения, храмы и монастыри являются некоммерческими организациями. Их имущество и доход не подлежат распределению, должны использоваться в соответствии с их уставными целями, а также тратиться на благотворительность (ст. 52). Никакие организации и частные лица, жертвовавшие на строительство храма, не могут иметь прав владения, пользования или получения дивидендов. Используемые общинами помещения, здания и строения не могут передаваться, закладываться или выступать в качестве объекта инвестирования. Запрещается использовать религиозный контекст для коммерческой рекламы (ст. 53).

В последние десятилетия религиозная тематика использовалась некоторыми предприимчивыми гражданами для извлечения прибыли. Местные администрации, компании и частные лица инвестировали деньги в постройку храмов традиционных религий, нанимали людей на роль монахов и извлекали прибыль от продажи входных биле-

тов. Власти страны также вынуждены были издать запрет на превращение храмов и монастырей в акционерные общества с обращением бумаг на фондовом рынке. Пойти по этому пути в свое время стремились такие объекты массовых паломничеств, как монастыри Утай, Цзюхуа и Шаолинь.

В документе присутствует статья на случай принудительного отчуждения зданий и помещений религиозных организаций. В такой ситуации они могут претендовать на денежное возмещение, распределение и строительство новых зданий (ст. 55).

Религиозные деятели и организации имеют право заниматься благотворительностью. Однако в новом Положении появился запрет заниматься социальной благотворительностью в целях проповеди веры (ст. 56). Этот пункт может стать беспроектным предложением для расправы с неудобными подпольными общинами, поскольку многие из них ведут активную социальную работу.

Положение разрешает религиозным объединениям, учебным заведениям и объектам религиозной деятельности принимать пожертвования как от китайских граждан и организаций, так и из-за рубежа, но запрещает принуждение к денежным выплатам со стороны верующих. Содержится новое предписание, согласно которому о пожертвованиях от иностранных организаций или физических лиц, превышающих 100 тыс. юаней, нужно докладывать отделу по делам религий местного правительства (ст. 57).

Государственные органы власти осуществляют контроль в отношении финансов и активов религиозных организаций. Акцентируется необходимость организации финансового менеджмента внутри храмовых объектов. Аналогичные правила уже существовали в течение последних лет в виде документа «**Правила контроля над финансами объектов религиозной деятельности**» (2010 г.) Органы управления объектами религиозной деятельности должны отчитываться перед отделами по делам религий о своих доходах и расходах, об использовании пожертвований. Вся полученная прибыль должна фиксироваться в бухгалтерских отчетах и использоваться для задач, отвечающих основным целям таких объектов, и на общественно-полезную деятельность (ст. 58).

Религиозные организации должны быть зарегистрированы в налоговом органе, они пользуются налоговыми преференциями, служители обязаны подавать налоговые декларации (ст. 59).

Стоит отдельно отметить, что в вопросе недвижимости религиозных организаций имеется ряд существенных изъянов. Вследствие исторических и политических причин остаются неясными вопросы о праве собственности на многие объекты религиозной деятельности. Одной из основных проблем регулирования недвижимости религиозных организаций является изобилие форм собственности: собственность религиозных объединений, общин, общественная собственность, государственная собственность, коллективная собственность, частная собственность. Фактически объекты религиозного назначения оформляются как на местные религиозные организации, так и на госорганы, управляющие недвижимостью, на учреждения культуры и даже на монахов и частных лиц. Помимо этого, множество объектов религиозного назначения не имеют никакой регистрации, в особенности в отдаленных сельских районах.

Глава 8 «Юридическая ответственность» посвящена последствиям нарушения норм законодательства в религиозной сфере.

Предусмотрена ответственность для чиновников, задействованных в работе с религиозной сферой, злоупотребляющих служебным положением в корыстных целях, за халатное отношения к своим обязанностям (ст. 61). Возникает ответственность за принуждение граждан страны к исповеданию религий или отказу от веры, за вмешательство в деятельность религиозных объединений, учебных заведений и органов управления объектов религиозной деятельности (ст. 62).

Власти озадачены борьбой с религиозным экстремизмом, в первую очередь в районах массовой концентрации мусульманских народов и последователей тибетского

буддизма. Вводится ответственность за пропаганду, поддержку и финансирование идей религиозного экстремизма, за использование их для создания угрозы государственной или общественной безопасности, за сепаратистскую и террористическую деятельность (ст. 63). Борясь с религиозным экстремизмом, чиновники нередко борются с религиозной практикой; они относят к религиозному экстремизму явления обыденные для религиозного мировоззрения (также, например, как соблюдение поста).

При посягательстве на права личности, демократические права, при нанесении вреда общественному порядку, посягательстве на государственную или частную собственность наступает уголовная ответственность вплоть до аннулирования регистрации или лицензии на осуществление деятельности религиозной организацией (ст. 63).

Несогласованное проведение массовых религиозных мероприятий, совершение обрядов в незарегистрированных зданиях нелегальными служителями культа карается штрафом от 100 тыс. до 300 тыс. юаней (ст. 64). Если такое мероприятие проводится имеющими официальный статус религиозными организациями без согласования, то регистрирующий орган имеет право на замену главного управляющего в религиозном объединении или объекте религиозной деятельности.

Смена ответственного лица религиозной организации, а также отзыв лицензии на ведение деятельности возможны и в случае происшествий, с точки зрения властей несущих угрозу государственной безопасности и общественному порядку во время проведения обрядов и молебнов (ст. 64).

Религиозные организации несут ответственность в случае нарушения фиксации изменений в регистрационных данных, нарушения согласованного учебного плана в профильных учебных заведениях, при неприменении системы демократического управления, незаконных манипуляциях с недвижимостью, в случае несвоевременного донесения информации о происшествиях внутри храмовых объектов, при нарушении принципов трех самостоятельности, при нелегитимном получении материальных средств из-за рубежа, отказе от контроля со стороны органов власти. Наказание варьируется от выговора с распоряжением об исправлении или приостановке деятельности с реформированием состава управляющей группы до отзыва лицензии на осуществление деятельности с конфискацией незаконного имущества (ст. 65).

При нарушении установлений Положения во временных местах молитвенных собраний отдел по делам религий обязан сделать предписания об исправлении, а в случае наличия отягчающих обстоятельств вынести решение о приостановлении деятельности и изъять нелегальное имущество (ст. 66). В случае нарушения финансового, налогового или иного законодательства на религиозные организации налагается взыскание соответствующими органами, которые в свою очередь имеют право ходатайствовать об отзыве их лицензии (ст. 67).

Ведение несанкционированной проповеди в Интернете запрещено (ст. 68). Размытость и неясность формулировки позволяет применять различные трактовки.

Очевидно желание руководства страны максимально ограничить распространение так называемого серого пласта религиозной жизни. Власти намерены расширить борьбу с неофициальной религиозной активностью. На это направлены многие статьи, посвященные описанию ответственности за нелегальные деяния.

Самовольное основание объектов религиозной деятельности, ведение деятельности в лишенных регистрации объектах, самовольное открытие религиозных учебных заведений пресекаются управлением по делам религии совместно с органом общественной безопасности с изъятием незаконного имущества (ст. 69).

Предусмотрены наказания за несанкционированную деятельность вне официальных храмовых объектов (ст. 69). Строгое исполнение данного установления может противоречить естественным процессам жизни многих людей. Например, для многих пожилых людей чтение духовных книг и пение псалмов в парковых скверах заменило та-

кие традиционные способы времяпрепровождения, как игры в карты или маджонг. Если для таких собраний им нужно перемещаться в строго установленное для этого место, то нередко для этого необходимо преодолеть значительные расстояния.

Предусматривается ответственность за незаконное получение пожертвований нелегальными религиозными организациями. Нелегальное имущество и активы неофициальных религиозных организаций подлежат штрафу в размере, не превышающем их троекратную стоимость (ст. 69).

Несанкционированная организация граждан для выезда за рубеж с паломническими целями, а также нелегальная организация религиозных обучающих программ пресекается отделами по делам религий совместно с органами общественной безопасности с наложением штрафа от 20 тыс. до 200 тыс. юаней (ст. 70).

Религиозная проповедь и молитвенные обряды в светских учебных заведениях караются отзывом лицензии образовательного учреждения, а при наличии состава преступления привлечением к уголовной ответственности (ст. 70).

Предоставляющим условия для нелегальной религиозной деятельности гражданам придется столкнуться со штрафами в размере от 20 тыс. до 200 тыс. юаней (ст. 71). Данная статья адресована, в первую очередь, арендодателям помещений. В городах существуют многоэтажные здания, специализирующиеся на аренде помещений для молитвенных собраний религиозных групп. Лишение общин помещений станет ударом, направленным на подрыв базы их существования.

В случае самовольного возведения религиозной скульптуры под открытым небом отдел по делам религий совместно с отделами по делам земли, планирования, туризма, строительства обязаны остановить строительство, организовать снос, конфискацию незаконного имущества, а при наличииотягчающих обстоятельств определить штраф в размере от 5 до 10% от стоимости строительства (ст. 72).

Разрешение вопросов инвестирования и подрядного хозяйствования в объекте религиозной деятельности проводится совместно отделами по делам религий с органами промышленности и торговли, отделами по делам строительства и планирования. При отягчающих обстоятельствах аннулируется свидетельство объекта, а также несут наказание ответственные лица (ст. 72).

Служители культа несут ответственность в случае поддержки и пропаганды экстремизма, сепаратизма и терроризма, получения распоряжений из-за рубежа, назначения на духовную должность иностранцами, в случае получения незаконным способом благотворительной помощи из-за рубежа или организации несанкционированной религиозной деятельности вне официальных объектов. В случае серьезных нарушений при наличии отягчающих обстоятельств отдел по делам религий может рекомендовать религиозным объединениям временно отстранить от деятельности или аннулировать статус религиозного служителя, привлечь к ответственности соответствующих представителей религиозной организации (ст. 73).

Ответственность, предусмотренная в отношении тех, кто «принимает управление внешних сил» и «принимает священный сан от иностранных религиозных организаций без согласования» ставит под сомнение возможность нормализации отношений КНР и Ватикана, о диалоге которых ведется речь на протяжении последних пяти лет. Статья направлена на демонстрацию нежелания китайского руководства уступать в деле рукоположения епископов католической патристической церкви Китая.

Не являющиеся официальными служителями люди, совершающие нелегальные обряды или иные противоправные действия, направленные на вымогательство денег у граждан, должны пресекаться отделами по делам религий с наложением штрафа в пределах 10 тыс. юаней. В случае наличия состава преступления возникает уголовная ответственность (ст. 74).

Штрафы, вводимые статьями данной главы, вполне внушительны, что, несомненно, поставит под удар существование многочисленных небольших общин в регионах.

Важным и новым в Положении стало содержание ст. 75, в которой говорится о том, что в случае несогласия с решением органов власти возможно подать апелляцию о его пересмотре, а в случае дальнейших разногласий обратиться в суд.

Согласно *главе 9 «Дополнения»*, контакты религиозных организаций материкового Китая с братьями по вере в особых административных районах Сянган, Аомынь и районе Тайвань должны осуществляться на основании законов, административного законодательства и соответствующих нормативных положений.

Итак, при прочтении ныне действующего «Положения о религиозной деятельности» 2018 г. просматривается его основная цель — усиление превентивного контроля в отношении верующих. По сравнению с предыдущей версией новый документ вводит более строгие ограничения для религиозных организаций. Очевидна задача воспрепятствовать росту религиозности в обществе, влиянию на религиозные массы со стороны зарубежных сил, распространению религиозного экстремизма. Внесение изменений в регулирование религиозной сферы является частью идеологической борьбы за усиление власти КПК в стране.

Документ нацелен на попытку искоренения неофициального пласта религиозной жизни, сделан акцент на уменьшение пространства деятельности подпольных общин и интеграцию верующих в контролируемые государством патриотические религиозные объединения. Незарегистрированные религиозные общины столкнутся с проблемой крупных штрафов, конфискацией помещений и имущества, уголовными преследованиями. В случае выявления чрезмерности религиозного содержания в лекционных материалах преподаватели будут лишаться работы. Официальным общинам допускается проповедническо-миссионерская деятельность только внутри конгрегации, запрещается любая форма внешней проповеди. Создается в определенном смысле религиозное гетто.

На протяжении десятилетий религиозная активность вне системы контроля со стороны власти официально декларировалась незаконной, но она имела возможности для существования в формате, определяемом обстановкой и настроением властей в каждом конкретном регионе, в ней принимало участие большое количество людей. Теперь борьба с незарегистрированными общинами уже активирована в ряде регионов.

Руководство страны намерено обновить систему контроля над религиозной деятельностью на всех уровнях власти. С появлением нового документа усиливается руководящая роль управлений по делам религий всех уровней (теперь — как подразделений отделов Единого фронта партийных комитетов), а сельские и домовые комитеты стали частью системы контроля над религиозными общинами.

Стоит отметить, что представители официальных религиозных объединений высказываются в положительном ключе о содержании нового административного акта. Так, председатель Китайской исламской ассоциации Ян Фамин считает, что новый документ «является прорывом», «более соответствует реальному положению ислама в Китае», «представляет юридические основания более высокого уровня для направления мусульманских масс по пути правильной веры и правильных дел».

Однако в кругах представителей неофициальных религиозных лидеров появление нового Положения вызвало бурю негодования. Так, «подпольный» ахун из города Дэчжоу провинции Шаньдун Ли Юньфэй направил письмо в Канцелярию Госсовета КНР по делам законодательства. Копия этого письма была опубликована на популярном среди мусульман интернет-ресурсе. В письме, в частности, поднят важный вопрос об использовании термина «религиозный экстремизм», для которого нет юридически закрепленного определения, что позволяет его вольно трактовать, подводя под это понятие ревность в религиозной жизни.

Начальник ГУДР Ван Цзоань (с марта 2018 г. также является одним из заместителей заведующего Отделом Единого фронта ЦК КПК) следующим образом прокомментировал принятие нового административного акта: «Свобода вероисповедания не приравнивается к религиозной деятельности без юридических ограничений. Эти правила помогут поддержать китаизацию религий в нашей стране... и сохранить правильный путь адаптации религий к социалистическому обществу»¹⁴. При этом желание китайского государства принимать участие в регламентации непосредственно самой религиозной деятельности, вводить ограничения по времени, месту и характеру ее осуществления оказывается несколько чрезмерным.

С внедрением передовых технологий власти получают возможность решать вопрос неконтролируемого пласта религиозной сферы альтернативным методом. Вводимая в КНР система цифрового социального рейтинга начала начислять и снимать баллы за неблагоданное поведение, к которому с большой долей вероятности будет отнесено посещение незарегистрированных молитвенных собраний, а также покупка и хранение версии Библии, изданной вне патриотических объединений.

Законодательное регулирование религиозной сферы в КНР направлено на сохранение правящего режима и целостности страны. Оно преимущественно происходит на подзаконном уровне. У субъектов права в их деятельности достижение целей, формулируемых религиозным учением, подчас замещается необходимостью выполнения государственных предписаний по достижению властями практических целей политического характера.

В Китае традиционно сложилась система законодательства, при которой широкое применение получило местное нормотворчество. Общенациональные документы, принимаемые высшими органами власти, получают более подробную регламентацию в нормативных документах на местах. Так, наряду с «Положением о религиозной деятельности» 2005 г. параллельно действовали местные положения провинций и городов центрального подчинения. Логично предположить, что в скором времени соответствующие поправки в действующие документы будут внесены и на местном уровне.

Коммунистическая партия Китая на современном историческом этапе уже не стремится искоренить религии в целом как явление, как это происходило в 1960-е годы, однако она борется с религией в ее чистом виде, создавая ее гибридную форму, именуя ее «нормальной религиозной деятельностью», находящейся под защитой государства (ст. 4). Властями страны ставится глобальная задача китаизации действующих на территории страны религий. Так, с подачи властей христианские богословы работают над проектом построения «китайского христианского богословия», а имамы — над проектом «толкования Корана» в направлении согласования с политическим развитием Китая. В то же время звучит призыв к добровольному и постепенному реформированию религиозных канонов и обычаев, наносящих вред общественному производству, жизни или здоровью людей. При этом частое фундаментальное различие между нормами религий и законодательством Китая не принимается в расчет, поэтому «нормальная религиозная деятельность» является вызовом и угрозой сохранения аутентичности религиозной доктрины.

1. Гоця цзунцзяо шунцзюй 2017 нянь гунцио яодянь: [Основные положения работы ГУДР в 2017 году]. URL: <http://www.sara.gov.cn/xxgk/ndgzzyd/bs/380338.htm> (дата обращения: 22.08.2018).

2. Ван Цзоань. Суэи гуаньчэ синь сюйдин дэ цзунцзяо шун тьяли: [Учимся последовательно претворять новую редакцию «Положения о религиозной деятельности»] // Жэньминь жибао. 12.09.2017.

3. Си Цзиньпин цзай цоаньго цзунцзяо гунцзо хуэйи шан фабяо чжунъяо цзянхуа: [Важная речь Си Цзиньпина на Всекитайском совещании по религиозной работе].
URL: http://www.sara.gov.cn/ztzz/xxgchyjs/kybd_xxgc/347314.htm.
4. Чжунго гунчаньдан тунъи чжансянь гунцзо тяоли: [Положение о работе единого фронта КПК].
URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2015/0923/c64107-27622040.html> (дата обращения: 22.08.2018).
5. Чжунхуа жэньминь гунхэго миньфа цзунцзэ: [Общие положения гражданского права КНР].
URL: http://www.npc.gov.cn/npc/xinwen/2017-03/15/content_2018907.htm (дата обращения: 22.08.2018).
6. Xinjiang Authorities Convert Uyghur Mosques Into Propaganda Centers // RFA. 03.08.2017.
URL: <https://www.rfa.org/english/news/uyghur/mosques-08032017153002.html> (дата обращения: 22.08.2018).
7. Beijing using CCTV in churches to spy on Christians // UCAN. 22.03.2017.
URL: <https://www.ucanews.com/news/beijing-using-cctv-in-churches-to-spy-on-christians/78721> (дата обращения: 22.08.2018).
8. Natl flag flown at all religious sites in Zhejiang's Lanxi // Global Times. 17.06.2018.
URL: <http://www.globaltimes.cn/content/988897.shtml> (дата обращения: 22.08.2018).
9. In 'China's Jerusalem', 'anti-terror cameras' the new cross for churches to bear // SCMP. 03.04.2017.
10. China is confiscating the passports of citizens in its Muslim-heavy region // QUARTZ. 25.11.2016.
URL: <https://qz.com/845929/china-is-confiscating-the-passports-of-citizens-in-muslim-heavy-xinjiang-uyghur-autonomous-region/> (дата обращения: 22.08.2018).
11. China Expands Recall of Passports to Uyghurs Outside of Xinjiang // RFA. 08.12.2017.
URL: <https://www.rfa.org/english/news/uyghur/passports-12082017152527.html> (дата обращения: 22.08.2018).
12. Сюй Цзянмин. Яо ба Синьцзян гаосяо цзянь чэн фань фэньле фань шэньтоу дэ цзяньцянь чжэньди: [Нужно университеты Синьцзяна сделать сильными позициями антисепаратизма и антипроникновения] // Синьцзян Жибао. 26.11.2013.
13. Online Christian programs get deleted in China // UCAN. 10.03.2017.
14. Ван Цзоань. Указ.соч..

Русский храм на Янцзы

© 2018

В.Г. Шаронова

В статье рассматриваются вопросы истории православия в Китае. Большую роль в строительстве храмов играло русское купечество, считавшее своим долгом укрепление веры среди русского населения, проживающего вдали от родины. Одним из важных пунктов русско-китайской чайной торговли с середины XIX века являлся г. Ханькоу (сейчас часть г. Ухань). Здесь в 1884 г. на средства русского купечества был построен православный храм во имя Святого благоверного князя Александра Невского.

Ключевые слова: Ханькоу, храм, православие, купцы, чайная торговля, русско-китайские отношения.

DOI: 10.31857/S013128120001147-2

Более 130 лет центр города Ухань украшает здание православного храма во имя Святого благоверного князя Александра Невского, построенное на средства русского купечества. В настоящее время в нем располагается Дом российско-китайских культурных обменов. Православные службы в храме не проводятся уже много лет. Его помещения использовались местным правительством. Само здание Александро-Невского храма прекрасно отремонтировано, восстановлены архитектурные детали, из купола свисает красивое паникадило. Прицерковная территория ухожена, по периметру изящного забора растут пальмы, кусты декоративных бананов и цветы. Правда, попасть за калитку к храму с улицы практически невозможно, так как он постоянно закрыт. Поэтому во время официальных посещений сюда заходят и случайные прохожие, чтобы сфотографироваться на фоне интерьеров.

На вопрос о том, почему на ханькоуском храме есть кресты, хотя он не является действующим, местный историк ответил, что считает это проявлением уважения к русским купцам, так много сделавшим для развития чайной торговли в регионе. Историк назвал несколько фамилий чаоторговцев — «Литвинофу», «Банюфу», «Молчанюфу» — и далее последовал его короткий рассказ о том, как в середине XIX века в далекий уголок Китая приехали русские купцы, построили здесь фабрики по производству чая, а позже обустроили свою концессию. Но прежде они на века возвели этот дорогой для их сердца храм...

Первые русские торговцы появились в Ханькоу в 1850-х годах, после открытия ряда китайских портов для иностранцев. Они оказались здесь, проделав долгий путь с верховьев реки Хань, после тяжелого перехода через Монголию каравана с русскими товарами, прибывшего из Кяхты в Китай. Купец И.А. Нерпин¹, отправленный на поиск рынков сбыта и закупки китайского чая, добился разрешения на проход внутрь страны. Двигаясь сухим путем через Ланьчжоу вдоль Хуанхэ, купцы достигли реки Хань, по которой спустились вниз, в Ханькоу. Депутация положила начало русскому делу вблизи слияния двух рек, Хань и Янцзы.

В 1861 г. двое русских купцов, Н.А. Иванов² (в качестве агента торгующего в Кяхте купечества и помощника И.А. Нерпина) и А.И. Оборин³, участники того самого каравана, приехали сюда вновь для налаживания торговли. Ханькоу был тогда небольшим поселением, и иностранцы проживали все вместе в его северной части. Интересы русских подданных стал представлять американский консул. Над домом, где находилась его резиденция, развевался российский флаг, а при входе в здание висела табличка, на которой на китайском языке было написано «Временный консул Российской империи». Приезд русских не понравился ни здешним иностранцам, особенно британским коммерсантам, видевшим в них конкурентов, ни местным китайцам, привыкшим единолично торговать русскими товарами. Как сообщал в своих письмах казанский купец Н.А. Иванов, один из шаньсийских торговцев сказал, что новые переселенцы «из рук наших берут чашку с рисом». Русским первооткрывателям чайного дела предстояло налаживать свою жизнь в этих нелегких условиях.

Обосновавшись, Н.А. Иванов сообщал, что «в настоящее время в Ханькоу 22 европейских конторы, лучшие дома под постройки уже раскупили, и пока не поздно, нужно приобретать землю и недвижимость»⁴. Вскоре в город стали приезжать русские торговцы, которые открывали здесь свои конторы и оставляли для ведения дел доверенных (*прикащиков*). Наше купечество постепенно продвигалось к своим коммерческим целям. Сначала чай покупался на горных плантациях в уезде Синъян, затем там же стали арендовать фабрики, на которых производился кирпичный чай. В 1873 г. компания «Токмаков, Шевелев и К^о»⁵ перевела производство в Ханькоу. Численность русской колонии росла с каждым годом параллельно с количеством чайных фабрик. Если в 1863 г. было только 3 фабрики, то в 1870 их насчитывалось уже 14. Одновременно с чайными закупками и производством наши купцы продавали русские товары: сукно, пушнину, керосин, мишуру и т.д.

Находясь на далекой чужбине, оторванные от внешнего мира, среди непривычной обстановки и жаркого климата, тоскуя по родным краям и близким им лицам, русские купцы вели полукитайский образ жизни, лишённые удобств и привычных им событий общественной жизни.

Супруга Н.А. Иванова — Елизавета Михайловна⁶ называла Ханькоу «громадным поселением». В своей книге «От Москвы до Ханькоу» она так описывала столицу чайного бизнеса в начале 1870-х годов: «Окрестности Ханькоу чрезвычайно бедны растительностью; банда, или набережная, является действительно единственным местом гуляния здешней публики; при том же за городом много огородов, мимо которых нельзя пройти, не зажимая носа»⁷.

Чтобы вникнуть в производство чая, изучить все его свойства, а также держать его покупку под своим контролем, многие купцы должны были отправляться на лодках, а потом первобытными тропинками в горы, главным образом в местность Янлоудун. Там они и проживали в китайских домиках годами, имея лишь деловую связь с центром Ханькоу. Рассказывая своим читателям о тяготах русских чаоторговцев, Елизавета Михайловна очень красочно описывала их быт и работу: «Что касается до занятий русских в Ханькоу, то самая горячая пора рабочих русских наступает с открытием чайного сезона. Одни без устали с 6 часов утра до темноты прихлебывают чай, чтобы определить его достоинство и цену; другие записывают покупки и ведут счета. Нужен действительно громадный навык, чтобы приучиться сразу узнавать, даже какой местности принадлежит известный чай. При том же свежий чай вовсе не вкусен; как бы он ни был хорош по своему сорту; он всегда отзывается как бы пареным веником; такой чай еще трудно определить. Рынок первого сбора начинается с 1 мая, а иногда и раньше, и продолжается около трех недель; в это время приходится перепробовать около 700 проб, сделать из них выбор и определить цену. Не даром обходится для здоровья это продолжительное «прихлебывание чая»: у одних является одышка, у других болезнь печени и сердцебиение. Рабо-

та в это время кипит повсюду; там привешивают, в другом месте переплетают ящики камышом и делают марки; нагрузка чая на пароход идет днем и ночью. Рынок второго сбора значительно менее оживлен; он продолжается до июля; а потом уже идет покупка чая третьего сбора и выделка кирпичного, из мелких высевок двух предыдущих сборов или хуасяна. С ноября месяца кончаются все счета и расчеты до следующего мая. Каждый занимается чем кто вздумает; одни кое-что почитывают, другие делают фотографии, занимаются зубрежкой английского языка... первым русским, приехавшим сюда без знаний английского языка, и притом людям с ограниченными средствами, пришлось преодолеть много препятствий и трудностей. Необходимость заставила преодолеть все»⁸.

Фирмы русских часторговцев пополнялись, в основном, служащими из Сибири, народом своеправным и свободолюбивым. Часто заглушали они тоску по родине дешевой китайской водкой и, к ужасу местных жителей, принимались «озоровать». Последствия «озорства», приводящие к громким происшествиям, на следующий день обсуждались ханькоуским обществом и, превращаясь в легенды, доходили до русских властей в Пекине.

Начиная с 1868 г. среди купечества, торгующего китайскими товарами, стали вестись разговоры о необходимости постройки в городе православного храма. Инициаторами выступили московские купцы, возглавляемые П.П. Боткиным⁹, которые стали собирать необходимые средства по подписному листу. Заниматься вопросами устройства храма в Ханькоу было поручено Н.А. Иванову, который к тому времени представлял интересы России уже как вице-консул. Он вел переговоры с администрацией британской концессии о покупке участка под строительство храма и вскоре приобрел его на земельном аукционе за собственные деньги. Место было выбрано удачно, оно располагалось напротив британского консульства, недалеко от реки Янцзы. Позже этот участок был передан им в дар как вклад в общее дело создания в Ханькоу православного храма. По просьбе купцов в обязанности вице-консула входило и ведение финансовых дел по сбору средств на строительство, в которых ему помогали открывшиеся в Ханькоу русские торговые дома «Н.А. Иванов и К°», «Окулов, Токмаков и К°», «Хаминов, Родионов и К°». Сбор средств шел с переменным успехом, так как основным источником был процент с прибыли от отправленных в Россию чаев. В 1871–1872 гг. было получено пожертвований ямбовым серебром¹⁰ от:

- Петра Боткина и сыновей — 1029 л. 98 ф.
- Кандинской М.Н. — 429 л. 04 ф.
- Кандинского А.С. — 79 л.
- Расторгуевых Д. и А. — 409 л. 88 ф.
- Трапезникова и К° — 296 л. 68 ф.
- Прянишникова В.С. — 98 л. 80 ф.
- В. Прянишникова и Ф. Деньгина — 125 л. 20 ф.
- Братьев Л. и М. Лосевых — 71 л. 76 ф.
- ТД Вогау и К°. — 43 л. 60 ф.
- Шубина И.О. — 32 л. 80 ф.
- Попова К. А. — 452 л. 92 ф.
- Орлова М. Г. — 155 л. 80 ф.
- Оборина А. И. — 40 л. 92 ф.
- Сабашникова В.Н. — 237 л. 56 ф.
- Сабашникова Ф.Н. — 48 л. 04 ф.
- Ленинова А.Н. — 12 л. 64 ф.
- Шайкина И.О. — 313 л. 84 ф.
- Александрова А.С. — 118 л. 32 ф.
- Молодых Г.Т. — 79 л. 96 ф.
- Немчинова Я.А. — 1063 л. 92 ф.
- Осокина М.О. — 160 л. 36 ф.

Корзухина М.И. — 31 л. 04 ф.

Котельникова И.С. — 160 л. 28 ф.

Лаврентьева И.М. — 31 л. 04 ф.

Лаврентьева Д.М. — 24 л. 80 ф.

Его превосходительства Е.К. Бюцева — 97 л. 50 ф.

Иванова Н.А. — 1200 л. 00 ф. (сделал пожертвование в 1879 г.)

Итого: Ханькоусских лан (х. л.) — 7 299¹¹.

В 1875 г. Н.А. Иванов подал прошение об отставке и передал свои полномочия приемнику — П.А. Пономареву¹², который сразу после своего назначения в 1876 г. взялся за скорейшее разрешение затянувшегося вопроса о возведении храма. В мае того же года в Ханькоу состоялось большое собрание представителей русской колонии, на котором председательствовал императорский консул К.А. Скачков¹³. В своей вступительной речи он сказал: «Мысль о постройке храма явилась лет восемь назад в среде москвичей, заинтересованных торговыми делами в Китае, и, приобретая теперь некоторые крохи прибыли, их преданность к православию говорила им, чтобы они не оставались за то неблагодарными Богу, и, должно сказать, столь счастливая мысль всего более была поддержана в Москве, выразившейся добровольной подпиской»¹⁴. Далее Константин Адрианович высказал мнение, согласованное с П.П. Боткиным, о том, что строить отдельное церковное здание в китайской глубинке не нужно, а стоит сделать храм домовым, домашним, разместив его в одном из лучших зданий какой-либо русской компании («с походным престолом, с православным крестом на доме, и чтобы в том же доме помещались квартиры для священника и причетника»). Этот вопрос он объявил уже решенным. Особое внимание консул уделял выбору священника и причетника, предлагая, чтобы священник был обязательно семейным, и «при всех благочестивых качествах был украшением для чести нашей колонии в здешнем порте»¹⁵. Отвечая на вопросы собравшихся о том, почему лучше сделать храм домовым, Константин Адрианович сказал: «К сему побудительной необходимостью есть та предосторожность, всегда благоразумная в Китае в среде его населения, вообще неприязненного к конкурентам и из христианской религии, чтобы наша святая не была поругана, оскунствована. Уже известным уроком, что церковь с куполом и со всеми его церковными атрибутами, как строят здесь иностранцы, скорей приманивают ненавистных к христианству китайцев, чем тот же самый храм, но помещенный в простом опрятном доме с крестом над ним и довольно просторной комнатой для пристойного помещения походного иконостаса и походного престола и там же места для молящихся. При угрожающей опасности, такие иконостас и престол всегда будет легко оберечь от поруганий»¹⁶. Заканчивая свою речь, дипломат предложил назвать храм во имя святого Алексия, вспомнив недавний визит в Ханькоу великого князя Алексея Александровича.

После многочисленных обсуждений, споров, согласований, купцами, наконец, было решено начать в 1877 г. строительство отдельно стоящего храма во имя святого благоверного князя Александра Невского, покровителя Русской земли и святого покровителя правящего императора Александра III. Открытие храма намечалось в 1884 г.

В Кяхте вопросом сбора пожертвований занимался приезжающий в Иркутск по делам службы П.А. Пономарев. В своем письме от 31 января 1877 г. он рассказал о сложностях по оформлению подписного листа посланнику в дипломатической миссии в Пекине Е.К. Бюцову¹⁷: «Ваше Превосходительство, Евгений Карлович! Согласно вашего назначения, я принял на себя обязанности в осуществлении постройки православного храма в Ханькоу, для чего и составил подписку по прибытии моему в Кяхту с тем, чтобы в течение семи лет делать сбор с ящиков чая, и должен признаться, что много перенес в Кяхте неприятностей и крайне оскорбительных нареканий от некоторых, имеющих капиталы личностей; *поверители* по 2 часа промыкались в некоторых домах, убеждая подписать подписку, причем источая все свое красноречие и энергию, но при таком положении я не мог прийти к предполагаемому вновь мной результату»¹⁸.

Рис. 1. Храм после открытия в 1886 г.

Источник: Журнал «Нива». № 1. 1887. С. 25.

Казалось бы, именно кяхтинское купечество должно было быть больше других заинтересовано в этом вопросе, однако существующие разногласия между московскими и сибирскими коммерсантами мешали им договориться. Наконец, к концу 1876 г. кяхтинцы подписали свой документ, снабдив его многочисленными оговорками:

«Мы, нижеподписавшиеся, обязуемся в течение 7 лет, начиная с будущего года по 1884 г., платить в Ханькоу на постройку православного храма и на облачение священника, церковных служителей, с покупаемого в Китае для нас как в Ханькоу, так и в Фучао чая:

– с байхового: по 10 фын с ящика, по 7 фын с полуящика;

– с кирпичного, выделываемого на наших фабриках или на фабриках наших комиссионеров для нас с черного обыкновенного и зеленого, по 6 фын;

– с сахара-леденцу по 4 фына с кужлы, последний, покупаемый в Тяньцзине, откуда по окончании каждого года или сезона комиссионеры должны будут пересылать капитал в Ханькоу в Императорское Российское вице-консульство, если будет консул из купцов, в противном же случае, в комитет, имеющий быть при постройке церкви точно также ханькоуские и фучаоские наши комиссионеры должны уплачивать деньги в вице-консульство или же в комитет, как сказано выше. Уведомления отдельных комиссионеров наших о настоящем добровольном соглашении для нас необязательно, если кто-либо из нас и не уведомит, то достаточно будет показать комиссионерам нашим эту подписку, и они должны беспрекословно платить деньги.

Подписи поставили:

Павел Андреевич Пономарев и.д. вице-консула Императорского вице-консульства в Ханькоу, купец 1-й гильдии.

Иван Федорович Токмаков, кяхтинский купец 1-й гильдии.

Осип Яковлевич Молотков, арский купец 1-й гильдии.

Алексей Михайлович Луишиков, кяхтинский купец 1-й гильдии.

Матвей Васильевич Шишмарев, кяхтинский купец 1-й гильдии;

Михаил Немчинов — кяхтинский купец 1-й гильдии;

Михаил Корзухин — кяхтинский купец...»¹⁹.

Среди подписавших были известные сибирские купцы Я. Немчинов, М. Коковин, Ф. Пахолков, И. Хаминов, В. Родионов, М. Шишмарев, А. Швецов и др. Так общее дело по возведению храма в китайском Ханькоу объединило российских купцов в разных концах России и Китая.

В качестве архитектора был приглашен В.Ф. Ватсон, имевший большой опыт строительства зданий в Ханькоу. Проект был одобрен в Москве, церковь решили построить в византийском стиле, частично каменную и частично деревянную. Большую помощь в покупке и переправке в Китай добротного строительного материала оказал П.П. Боткин, принявший близко к сердцу идею русского храма в Ханькоу. Неслучайно до сих пор этот храм местные жители современного города называют «боткинским».

Общие расходы на строительство составили 11 608 лан²⁰ 58¼ фын. В них входили насыпь земли, оплата работы архитектора В.Ф. Ватсона, налоги и сборы, расходы по установке железных решеток на окна, покрытие крыши железом, установка крестов, стекол, расходы по страхованию и т.д. Перерасход средств составил 118 лан 58¼ фын. Оставался открытым вопрос по строительству каменного церковного дома для священника и слуг, ограды вокруг церкви, караулки и проезда причта из Москвы в Ханькоу, на что было нужно еще около 9000 лан. Необходимо было подумать и об обеспечении священника и причта, то есть об оплате их содержания. Ханькоуские чайные компании вновь пришли на помощь и внесли очередные крупные взносы, особенно торговый дом «Пятков, Молчанов и К°»:

«Получено от:

П.А. Пономарев и К° — 1000 л. 00 ф.

Токмаков, Шевелев и К° — 1000 л. 00 ф.

Молчанов, Пятков и К° — 2000 л. 00 ф.

И.Р. Лебедев — 100 л. 00 ф.

Л.П. Ширкунов — 100 ф. 00 л.

Итого: х.л. 11 489 л. 95 ф.²¹

Ежедневно П.А. Пономарев бывал на стройке, проверяя расходы согласно смете и сокрушаясь, что денег опять не хватает. Его подорванное здоровье не выдержало колоссальных нагрузок, связанных с ведением консульских и собственных чайных дел, и в декабре 1883 г. он умирает. Согласно воле купцов, представлять русские интересы в Ханькоу в качестве вице-консула должен был кто-то из их среды. Но не найдя достойного претендента, они выразили согласие на назначение таковым профессионального дипломата Павла Андреевича Дмитриевского²², сыгравшего важную роль в развитии русско-китайских отношений. Было открыто императорское консульство, и молодой дипломат приступил к своей работе. К моменту его приезда здание церкви было уже построено, и шло оформление внутренних помещений.

В очерке, посвященном созданию храма, иеромонах Николай Адоратский²³ писал: «В 1883 г. через посредство П.П. Боткина были присланы из Москвы дубовый иконостас (работы В.А. Астафьева), прекрасные сосуды в цинке (М.П. Боткина²⁴ и его школы)²⁵ и богатая церковная утварь. Священные сосуды с эмалью работы П.А. Овчинникова красовались на московской выставке 1882 г.»²⁶ Однако открытие храма затягивалось. Проблема состояла в отсутствии церковнослужителей. Несмотря на хлопоты П.П. Боткина и обещания Святейшего Синода прислать в Ханькоу постоянного священника, его приезд из Москвы не предвиделся. Поскольку храм еще летом 1884 г. был готов принять верующих, купцы обратились с просьбой к начальнику Пекинской миссии архимандриту Амфилохию (Лутовину) отправить кого-то из ее членов для его освящения и проведения богослужений. Купцы просили прислать священника к концу августа, чтобы освящение состоялось 30 числа, в день равноапостольного благоверного князя Александра Невского.

Описывая вид церкви в своем донесении от 7 июля 1884 г. в Миссию в Пекине, П.А. Дмитриевский сообщал: «Церковь имеет хороший, рисованный известными живописцами иконостас, богато отделанные священные сосуды, ризницу и все необходимое для совершения православного богослужения»²⁷.

Затруднения, связанные с приездом священника и причта, были вызваны поиском денежных средств на их содержание. Ханькоуские купцы обращались к московским купцам, а также к другим заказчикам чая с просьбой о пожертвовании; не получив никакого отклика, они решили обойтись собственными средствами. Но обговоренная ими сумма позволяла принимать в Ханькоу церковнослужителей только полгода, причем переезды и дорожные расходы, помещение также оплачивались из этих денег. Купцы предлагали закрепить ежегодные отчисления в виде местного налога, который были бы обязаны выплачивать все имеющиеся в городе русские торговые дома, поскольку рассчитывать на добровольные пожертвования было уже рискованным. Отсутствие денег и источников их получения затягивали освящение храма. Наконец, представители российских торговых домов «Пятков, Молчанов и К^о», «Токмаков, Молотков и К^о» и «А.Л. Родионов и К^о» подписали Соглашение о пожертвовании в фонд церкви на освящение и содержание православной церкви по ½ фына²⁸ с каждого полуящика покупаемого ими в Ханькоу байхового чая и по ½ фына с каждого полу ящика, покупаемого в Ханькоу и Кьюкианге (Цзюцзяне) на русских фабриках кирпичного чая. Было оговорено, что при изменении названий фирм эти обязательства остаются; вновь открываемые фирмы также должны привлекаться к уплате этого платежа. Финансирование началось сразу после подписания документа в 1884 г. Купцы просили Российскую духовную миссию о командировании одного из иеромонахов на зимнее время в Ханькоу. Для обеспечения надежности собранных средств было предложено хранить их в консульстве.

После получения положительного ответа из Миссии о направлении в Ханькоу о. Николая Адоратского, купцы стали готовиться к его приезду. Торжественный день долгожданного освящения был назначен на 26 апреля 1885 г. В своем письме к члену Пекинской Миссии о. Алексию (Виноградову) иеромонах сообщал: «Вот уже три недели пребываю здесь. 26 апреля Бог помог мне освятить здешний храм. Приехал я полуболь-

ной и накануне лежал в постели. Но соотечественники настояли на необходимости освящения, и я через силу совершил его. Во весь день накануне и 26 числа шел дождь, поэтому в церкви были одни русские, ни одного иностранца. До сих пор никто из них не заглядывал к нам. Церковь достойна вашего изучения: особенно хора и иконы на иконостасе и сосуды. Если Бог приведет вас послужить здесь, Вы не без пользы для храма проведете время в Ханькоу. Осень и зима здесь злостные, даже летом свирепствуют малярийные лихорадки. Я еще ни разу не почувствовал себя здесь в нормальном состоянии. Неудобство помещения вынудило меня поднять вопрос о постройке дома подле церкви. Обещают, но дальше из года в год нельзя будет перейти в него. И не знаю, сколько времени позволит мне здоровье оставаться здесь. Доктор Вуд советует положительно уехать отсюда, как и О.Я. Молотков. Пока положил себе сроком службу до св. пятидесятницы с постам, как Бог укажет. Мало в церковь приходят матросы со стоящих здесь судов, предпочитают слоняться по городу, когда их спускают на берег по определенным дням. И певцы мои теперь все заняты срочными работами. Пока здесь П.А. Дмитревский, служба может идти беспрепятственно, а с отпуском его в отпуск большое затруднение. Мало средств собрано на содержание храма и священнослужительство. Моему слуге дается 10 долларов в месяц, вопрос о певцах из Пекина еще не решен»²⁹.

Одновременно с о. Николаем о состоявшемся радостном событии сообщал в Миссию и консул П.А. Дмитревский, обращая внимание на то, что благодарные верующие сочли своим долгом выразить искреннюю благодарность отцу Николаю за командировку.

В середине мая русская колония проводила выздоровевшего, но еще слабого после болезни иеромонаха в Пекин. Ханькоуская церковь осталась на попечении самих прихожан, число которых постоянно увеличивалось за счет роста количества служащих в торговых домах.

Русская колония жила дружно, помогая друг другу во время чайных сезонов и при производстве чая, несмотря на существующую конкуренцию. Такое сплочение было вызвано наличием общего дела, так как русские компании считали, что их деятельность ведется на благо России.

Храм по-прежнему не имел своего постоянного настоятеля. Следующее посещение русской колонии о. Николаем Адоратским состоялось весной 1886 г. «С 14 марта жил в Ханькоу, — писал он о. Алексию. — Служба идет неотпустительно. 26 марта окрестил одного ребенка у служащего фирмы Молчанова, о чем специальным письмом известил о. архимандрита [Амфилохия] через консульство. Готовлюсь к страстной неделе и Пасхе. Певцы помогают мне по мере сил и усердия. Здесь необходимо иметь двух певцов, которым можно было дать угол в церковном доме и в русской типографии. Нужен бас. Церковный дом готов и теперь просыхает. На Пасху надеюсь перейти в него. Он обошелся в 5000 лан и вышел великолепный, при нем восемь больших комнат. Содержание его особенно зимой, будет стоить недешево, при нем восемь каминов. Церковь в течение 4-х лет должна уплачивать суммы за тепло в доме, около 2000 лан уже внесены. Меблировка дома уже приобретена на аукционе. В столовой будет стол из красного дерева. Зимой можно жить в одной половине»³⁰. В своем следующем письме он рассказывает о событиях Пасхи и добрым словом отзывается о русских купцах: «С помощью Божией я справил благополучно службы страстной и пасхальной недель. Все сошло благоразумно и по чину. Исповедовались и причастились Святых тайн 14 человек, о чем я известил о. архимандрита отношением. Крещен младенец Сергей Кузнецов... Здешнее купечество в благодарность за освящение храма и службы в нем оплачивало мне 200 лан. Дорого яичко к крашеному дню! Иеромонах Николай»³¹. Вскоре в большой церковный дом переехал консул П.А. Дмитревский, вернувшийся из отпуска с молодой женой.

Русская колония в Ханькоу окрепла. Приезжать в далекий край стали семьями, рождались дети, появлялись свои местные традиции по отмечанию праздников. Кроме известных представителей купеческого мира, в ее состав входили служащие торговых

компаний, а также представители различных транспортных и страховых контор. Основными чайными компаниями были торговые дома «Токмаков, Молотков и К^о», «Спешиллов С. И. и К^о», «Пятков, Молчанов и К^о». Глава последней компании Н.М. Молчанов был выбран председателем правления Ханькоуского Международного клуба. Своих представителей имели фирмы «Братья Поповы и К^о», «Петр Боткин и сыновья». Среди жителей большим авторитетом пользовалась семья туринского купца Семена Андреевича Чиркова. Сразу после приезда в Ханькоу его супруга Елизавета Николаевна, дочь тюменского купца Чмутина, стала уделять большое внимание церковным делам.

В церкви и в молитвах русские подданные находили утешение, устав от тяжелой работы, связанной со многими трудностями, от тоски по дому, от жаркого климата и неизвестных болезней. Первоначально при покупке чая они пили его в больших количествах, не разбираясь. Это отрицательно сказывалось на здоровье, уходили из жизни пионеры чайного бизнеса в Ханькоу: Г.Е. Окулов, М.Ф. Пятков, П.А. Пономарев, Н.А. Иванов, Я.М. Молчанов и другие. Церковь давала возможность духовной крепости, давала силы для преодоления тягот непростой жизни вдали от Родины.

Иеромонах Николай полюбился местному обществу, и когда через два года он вернулся в Пекин, многие представители русской колонии искренне сожалели об этом. Находясь в России, отец Николай написал о храме в Ханькоу в популярный журнал «Нива». Его статья на эту же тему была опубликована ранее в журнале «Православное обозрение». Вместо него 26 августа 1886 г. к храмовому празднику и дню тезоименитства императора из Пекина прибыл недавно приехавший в Китай иеромонах Амфилохий (Шипунов) с двумя певчими для совершения церковной службы с исправлениями требы в течение предстоящей зимы. Новый священник был сибиряком, недавно закончившим духовную семинарию. Он пробыл в Миссии до 1892 г. и затем уехал в Россию, продолжив службу в Иркутске и на Алтае.

К началу 1890-х годов в русской колонии произошли большие перемены. Ведущими торговыми домами, имеющими свои филиалы в Кьюкианге и Фучжоу, стали «Токмаков, Молотков и К^о», «Молчанов, Печатнов и К^о», и «Спешиллов С.И. и К^о». Были открыты чайные фирмы Панова, Чиркова, Вершинина, Наквасина, действовали представительства московских компаний братьев Поповых и Высоцкого, продолжали свою закупочную деятельность коммерческие агенты фирм «Петр Боткин и сыновья», «А. Губкин и его преемник А. Кузнецов и К^о», «Грибушин и К^о» и многих других. Ханькоу становился центром русско-китайской торговли, авторитет русского купечества был очень высоким. Это привело к тому, что многие британские компании, не выдержав конкуренции, были вынуждены закрыться и перебраться в южный Фучжоу, потеснив там, в свою очередь, наших купцов. Такие успехи были отмечены правительством, внимательно следившим за развитием событий в далеком Ханькоу. В 1891 г., путешествуя по Востоку, будущий наследник престола Николай Романов посетил Ханькоу.

6 (18) апреля 1891 г. наследник престола прибыл в Ханькоу. Его торжественно встречали поверенный в делах Миссии К.В. Клейменов и консул П.А. Дмитриевский. Вскоре после приезда цесаревич направился со своей свитой на службу в церковь, где при входе его встретил архимандрит Амфилохий со святой водой и крестом. По описанию Э.Э. Ухтомского, делегация с благоговением вошла на паперть ханькоуской церкви: «Светлый храм с пронизывающими камильный дым солнечными лучами и озаренные ими задумчиво-строгие лики на иконостасе, — все живо напоминает родину и наполняет душу сладостно-жгучим ощущением. Хор любителей (Орлов, Масленников, Токмаков, Милютин, Останин, Кандинский) превосходно поет во время Божественной литургии и молебна. Приехавший из столицы вместе с архимандритом длиннокопый христианин-китаец внятно по-своему читает Апостола»³².

По окончании службы наследник приложился к кресту. Церковный староста Никита Матвеевич Молчанов поднес ему просфору с просьбой удостоить его дом посеще-

нием и откусать хлеба-соли. Приняв приглашение, августейшие путешественники отправились в смежное церковное здание, где в квартире консула Дмитревского был приготовлен чай. Наследнику представили жену консула и жену купца Спешилова. Затем ему были также представлены члены депутации ханькоусцев и посредников в чайной торговле в Северном Китае (из Калгана для этой церемонии прибыл купец Басов). Во время чаепития прозвучали приветственные речи, произнесенные компаньоном компании «Токмаков, Молотков и К^о» (в Ханькоу, Фучжоу, Тяньцзинь, Кяхте и Москве), селенгинским купцом Алексеем Петровичем Малыгиным и представителем русских купцов в Северном Китае Алексеем Дмитриевичем Старцевым.

Позже в доме Никиты Матвеевича Молчанова состоялся завтрак, во время которого будущий царь беседовал с купцами об их достижениях и проблемах. Были высказаны пожелания о ремонте ханькоусской церкви, которая, простояв более семи лет в тяжелых климатических условиях, стала в нем остро нуждаться. Шла речь и о том, что в условиях развития русской чайной промышленности в данном регионе было бы полезно иметь здесь свою концессию. Все эти вопросы наследник обещал обсудить с наместником Чжан Чжидуном. Ремонт церкви также был обещан.

После завтрака наследник посетил фабрику «Молчанов, Печатнов и К^о», где в одном из помещений фирмой «Токмаков, Молотков» по инициативе одного из ее представителей С.В. Литвинова была устроена интереснейшая выставка китайских произведений. Кроме различных предметов искусства, здесь были выставлены коллекции всех сортов китайского чая (цветочного, байхового, плиточного, кирпичного) с обозначением мест происхождения. Великий князь приобрел некоторые предметы с выставки, а также попробовал некоторые чаи, которые еще с весны компания закупала в ожидании визита цесаревича.

Э.Э. Ухтомский, впечатленный достижениями русских купцов в Ханькоу, писал: *«Наши коммерсанты пользуются в Китае огромным влиянием. Несмотря на свою крайнюю малочисленность и обособленность от отечества, невзирая на грозную конкуренцию иностранных капиталистов и кратковременность серьезного занятия чайным делом, — они шутя сумели отвоевать себе в нем почти первенствующее положение, которое что ни год, должно крепнуть. Китайцы очень любят здешних русских: при взрыве негодования черни против европейского элемента, служащие у них готовы грудью встать за своих хозяев»*³³.

После осмотра выставки наследник внимательно ознакомился на с производством кирпичных и плиточных чаев фабрики «Молчанов, Печатнов и К^о». У входа цесаревичу было поднесено на серебряном подносе прессованное блюдо, изготовленное из лучшего зеленого чая, с соответствующими надписями и хлебом-солью. Ему была показана полная и подробная картина фабрикации чая. В процессе посещения фабрики были озвучены сведения о том, что русскими фирмами только из Ханькоу ежегодно отправляется свыше 10 000 ящиков кирпичного и плиточного чая. Первенство принадлежит «молчановской» фабрике. После окончания визита наследнику преподнесли спрессованные (специально в память августейшего посещения) кирпичи зеленого чая с надписью о радостном событии, которые получили и все члены свиты.

В 8 вечера давался обед от имени консула, организованный в доме Молчанова. За столом собравшиеся иностранные дипломаты и старшие члены русской колонии обсуждали различные вопросы чайного рынка и продукции, а по окончании обеда был устроен фейерверк.

Несмотря на большее количество мероприятий, наследник старался ежедневно посещать церковь. В одно таких посещений Александровского храма он стал крестным отцом новорожденного младенца, сына консула Дмитревского, нареченного Николасм³⁴.

9 апреля состоялся очередной обед от всей русской колонии, прошедший в одном из отделений «токмаковского» пакагуза, нарядно и оригинально украшенного для

этого важного события. Во время обеда многие служащие русских чайных компаний были представлены будущему государю.

На следующий день наследник отправился вниз по реке, где недалеко от европейского квартала находилась фабрика кирпичного чая фирмы «Токмаков, Молотков и К^о». Было отпраздновано 25-летие одноименного торгового дома, которому она принадлежала. В память об этом событии было высказано пожелание о пожертвовании 10 000 рублей на учреждение стипендии имени Николая Романова в Петербургском университете на Восточном факультете по китайско-монголо-маньчжурскому разряду.

Во время посещения чайной фабрики «Токмаков, Молотков и К^о» наследник ознакомился с процессом приготовления чая от начала прессования хуасяна до упаковки готового «кирпича» в бамбуковые ящики. После осмотра цесаревич «откушал там чая и милостиво беседовал с ее представителями (тяньцзинским коммерсантом Алексеем Дмитриевичем Старцевым, временно селенгинским купцом Алексеем Петровичем Малыгиным и временно нарымским купцом Семеном Васильевичем Литвиновым)»³⁵.

Кульминационным событием стала встреча наследника с наместником провинции Чжили — Чжан Чжидуном, во время которой поднимались вопросы русско-китайской чайной торговли. Наследник озвучил пожелания русских купцов и дал понять, что вопросы двусторонней торговли крайне важны для российской экономики.

На следующий день цесаревич покинул гостеприимный Ханькоу, отправившись в соседний Кьюкианг (Цзяюцзян), где также находились русские фабрики по производству кирпичного чая («Молчанова, Печатнова и К^о» и «Молоткова, Токмакова и К^о»). Перед отъездом он присутствовал на прощальном завтраке с представителями обеих русских фирм в доме фирмы «Молчанов, Печатнов и К^о». Купец А.П. Малыгин, служащий этой компании, от лица ханькоуских коммерсантов (двух торговых домов: Товарищества «Братья К. и С. Поповы и К^о» и фирмы «Спешиллов, Чирков и К^о») объявил об их общем желании пожертвовать 10 000 рублей в память *незабвенного* посещения на учреждение стипендии цесаревича в одном из высших учебных заведений России на его усмотрение.

Впечатленный посещением Ханькоу и Кьюкианга, где наглядно была представлена деятельность и достижения русского купечества в этом далеком крае, Э.Э. Ухтомский писал в своей книге: «Пионеры необъятного по глубине и размерам русского будущего в пределах Китая, очевидно, широко смотрят на вещи и сознают свою органичную связь с Россней. Исполать им на этих помыслах и на этом великом деле!»³⁶

(Окончание следует)

1. Нерин Иван Алексеевич (1814–1875) — кятинский купец 2-й гильдии, общественный деятель.
2. Иванов Николай Алексеевич (1832–14.03.1882) — казанский купец 1-й гильдии, впоследствии русский вице-консул в Ханькоу, коммерции советник.
3. Оборин Адриан Иванович (ок. 1833—?) — одесский купец 1-й гильдии.
4. РГБ НИОР. Ф. 273. Картон 15. Е.Х. 1. Л. 158.
5. Преемник фирмы «Окулов, Токмаков и К^о», образована после кончины одного из владельцев.
6. Иванова (урожд. Сабашникова) Елизавета Михайловна (1837–1882).
7. От Москвы до Ханькоу: Извлечения из письма русской путешественницы. М.: Унив. тип. (Катков и К^о), 1873. С. 47.
8. Там же. С. 68.
9. Боткин Петр Петрович (1831–1907) — глава семейной фирмы «Петр Боткин и сыновья» после смерти отца, П.К. Боткина, известного купца и частоторговца. Состоял церковным старостой Храма Христа Спасителя в Москве.
10. Ямбовое серебро (ямбы) — русское название слитков серебра, обращавшихся в Китае до денежной реформы 1933 г.; Чаще всего они бывали весом около 1875 граммов и имели вид китайских башма-

- ков. Для проведения расчетов их использовали целиком или разрезали на части. Изготовлением и выпуском ямбов занимались частные банкиры и менялы (обычно из провинции Шаньси).
11. АВП РИ. Фонд Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 905. Л. 1. 4.
 12. Пономарев Павел Андреевич (1844–1883) — иркутский купец 1-й гильдии. Вице-консул Российской империи в Ханькоу.
 13. Скачков Константин Адрианович (1821–1883) — русский ученый и дипломат, китаевед. Генеральный консул в Чугучаке. Тяньцзинь, Шанхае.
 14. РГБ НИОР. Фонд 273. Картон 13. Ед. хр. 5. Л. 1.
 15. Там же. Л. 1.
 16. Там же. Л. 2.
 17. Бюцов Евгений Карлович (1837–1904) — русский дипломат. С 1858 г. — на службе в МИД России. В 1862–1873 гг. работал в дипломатическом и консульских представительствах в Китае и Японии; в 1862–1865 — консул в Тяньцзинь, в 1865–1869 — в Хакодаге, в 1869–1870 — поверенный в делах в Китае. в 1871 г. стал первым русским консулом в Иокогаме, совместив эту должность с постом поверенного в делах России в Японии. Был также посланником в Греции, Иране и Швеции.
 18. АВП РИ. Фонд Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 905. Л. 1.
 19. Там же. Л. 2.
 20. В среднем один лан (лян) серебра весил 31 г.
 21. Там же. Л. 3.
 22. Дмитриевский Павел Андреевич (1855–1899) — дипломат. С 1877 по 1899 г. — сотрудник МИД. В 1882–1883 гг. — и.о. консула в Ханькоу; 1884–1892 гг. — консул в Ханькоу; 1893–1896 гг. — консул в Тяньцзинь; с 1 июля 1896 по 17 августа 1899 г. — генеральный консул в Шанхае. Скончался в Сеуле по дороге в отпуск в Россию.
 23. Епископ Николай, в миру Пётр Степанович Адоратский (1849–1896). Прибыл в Китай в составе 16-й Миссии 1879–1883 гг. Пробыл в Пекине до февраля 1886 г. Позднее — епископ Оренбургский и Уральский. Скончался в возрасте 47 лет.
 24. Боткин Михаил Петрович (1839–1914) — художник, академик исторической живописи, искусствовед. Сын Петра Петровича Боткина.
 25. Возможно, что были подарены иконы из коллекции зятя П.П. Боткина — известного художника и коллекционера И.С. Остроухова.
 26. Журнал «Нива» № 1. 1887. С. 20.
 27. АВП РИ. Фонд Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 905. Л. 5.
 28. Фын — китайская монета, 1/100 лана.
 29. РГБ НИОКР. Ф. 52. Картон 52. Ед. хр. 60. Л. 3.
 30. Там же. Л. 2.
 31. Там же. Л. 7.
 32. *Ухтомский Э.Э.* Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891: [в 3 т., 6 ч.] / авт.-изд. Э.Э. Ухтомский; ил. Н.Н. Каразина. Санкт-Петербург; Лейпциг: Ф.А. Брокгауз, 1893–1897. Т. 2. С. 204.
 33. Там же. С. 224.
 34. Судьба царского крестника Николая Павловича Дмитриевского в дальнейшем сложилась трагически. После революции он стал известным художником-оформителем. Чтобы избежать ареста, он изменил фамилию на «Дмитриевский». Его работы неоднократно отмечались на всеобщих полиграфических выставках, в 1937 г. — на Всемирной выставке в Париже. Арестован 15 декабря 1937 г. (по другим данным — в октябре), обвинен в «шпионской деятельности в пользу Германии». 23 декабря 1937 г. Комиссией Наркома ВД и Прокурора СССР приговорен к расстрелу. Однако перед расстрелом его неожиданно выпустили. Приехав домой, он набросился на еду, но оголодавший организм не принял такого количества пищи, и молодой человек скончался от заворота кишок.
 35. *Ухтомский Э.Э.* Указ. соч. С. 241–242.
 36. Там же. С. 246.

Научная жизнь

О книге Курта М. Кэмпбелла «Поворот. Будущее американской дипломатии в Азии» (Campbell K.M. The Pivot: The Future of American Statecraft in Asia)

За последнее десятилетие наиболее значимым и масштабным внешнеполитическим действием США по отношению к Азиатско-Тихоокеанскому региону стало провозглашение и осуществление так называемой стратегии поворота (pivot), или перебалансировки (rebalancing).

Основой ее официального выдвижения в 2011 г. стало признание администрации тогдашнего президента США Б. Обамы того, что большая часть истории XXI века будет связана с Азией — регионом, где проживает половина мирового населения, а к 2030 г. будут сконцентрированы три из четырех крупнейших экономик мира¹. Американское руководство исходило из того, что внимание, уделяемое Соединенными Штатами АТР, не соответствовало реальному значению этого региона, и ему следует занять главное место среди внешнеполитических приоритетов США.

Увидевшая свет в 2016 г. книга Курта Кэмпбелла «Поворот. Будущее американской дипломатии в Азии»² призвана разъяснить сущность азиатской стратегии США широкой общественности и, несомненно, представляет интерес для экспертов-международников и всех, кто интересуется изучением процессов, происходящих в АТР.

Во-первых, особую ценность книга представляет потому, что написана специалистом, за плечами которого огромный опыт дипломатической и исследовательской работы на азиатском направлении внешней политики США. С 2009 по 2013 г., то есть в годы первой администрации Б. Обамы, Курт Кэмпбелл³ занимал должность помощника государственного секретаря США Хиллари Клинтон по делам Восточной Азии и Тихоокеанского региона и являлся, таким образом, одним из ключевых архитекторов «поворота». Его книга, основанная на опыте работы в Госдепартаменте и четырехлетней реализации азиатской стратегии США в условиях внутривнутриполитических ограничений и кризисных ситуаций, разгоравшихся в других точках мира, стала итогом размышлений о необходимости более активного участия Америки в азиатских делах. Используя ретроспективный анализ опыта американского присутствия в регионе, К. Кэмпбелл объясняет необходимость «поворота» и четко обозначает направления, по которым Соединенные Штаты должны работать, чтобы поддерживать жизнеспособность этой стратегии.

Во-вторых, следует принять во внимание, что объявление о «повороте» США в Азию было крайне неоднозначно воспринято как внутренними кругами, так и международной аудиторией. Возникли вопросы о том, какие мотивы стоят за запуском стратегии, какие последствия она будет иметь для обязательств США на Ближнем Востоке и будущем

го трансатлантических связей. Такое положение дел заставляет обратиться к книге К. Кэмпбелла как к своего рода «первоисточнику», где можно найти ответы на поставленные вопросы, и лучше понять, какими соображениями руководствовалась американская политическая элита, принимая решения, во многом определившие характер международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе в последнее десятилетие.

Книга К. Кэмпбелла выстроена вокруг двух ключевых аргументов. Во-первых, Азия должна занять центральное место при формулировании и проведении американской внешней политики. «Азия... имеет ключевое значение для успешной реализации фактически каждой из политических целей Вашингтона в XXI веке», — заявляет автор⁴. — «Интересы США неразрывно связаны с ситуацией в сфере экономики, безопасности и политики в Азии, и поэтому крайне важно, чтобы Соединенные Штаты расширили и углубили свое участие в делах региона»⁵. Во-вторых, увеличив свои амбиции в отношении региона, Соединенные Штаты должны преследовать всеобъемлющую и гибкую стратегию в Азии, подкрепленную вниманием на высшем уровне и соответствующими ресурсами, для того чтобы не только продолжать играть свою традиционную роль в регионе, сохранять свои союзные обязательства заслуживающими доверия, но и укрепить и поддержать «оперативную систему» Азии (сложный комплекс созданных институтов, соглашений и договоренностей в сфере безопасности, а также ценностей и норм, на основе которых выстроен текущий порядок в регионе⁶).

Первая глава посвящена анализу критических оценок стратегии «поворота». Условно их можно разделить на пять категорий:

1) к первой группе относятся аргументы тех, кто считает, что концепция «поворота» и даже наименование стратегии косвенно подразумевают, что предыдущие администрации ушли из Азии или в свое время отказались от нее. По мнению критиков, это не соответствует истине, так как Соединенные Штаты всегда были глубоко вовлечены в дела региона. Поэтому говорить о каком-то стратегическом новаторстве бессмысленно. Более того, умозаключение «ушли и внезапно вернулись», на которое наталкивает принятая терминология, наносит дипломатический урон стране, отрицает или умаляет значение усилий предыдущих администраций;

2) ко второй группе относятся опасения, что «поворот» означает аннулирование Америкой своих обязательств перед Ближним Востоком и Европой, что стало бы, с точки зрения сторонников этой позиции, ошибкой, если принять во внимание конфликты в Афганистане и Сирии, нестабильность в Ираке и Ливии, противоречия с Ираном и сложную обстановку в Европе;

3) в третью группу вошли опасения, что «поворот» может негативно повлиять на отношения США с Китаем и даже привести к конфронтации между двумя державами;

4) четвертая группа включает сомнения в возможности полноценной реализации стратегии. Америка сталкивается как с внутренними (сокращение бюджетных расходов), так и внешними (возникновение ситуаций, требующих стратегического внимания США в Восточной Европе и на Ближнем Востоке) ограничениями, создающими серьезные препятствия для реализации «поворота»;

5) пятой категорией стали дебаты, разгоревшиеся вокруг выбора термина для наименования стратегии: «поворот» или все же «перебалансировка»?

Обращаясь к вышеозвученной критике, К. Кэмпбелл заявляет, что несмотря на присутствие Америки в Азии и несомненные успехи, достигнутые предшествующими администрациями, чаще всего стратегическое внимание страны было обращено на решение проблем в других регионах. «Поворот» должен изменить общую направленность американского внешнеполитического курса, исходя из представлений о том, что Азия слишком долго находилась для США на «вторых ролях», и теперь ей нужно отдать должное. Вместе с тем «поворот» не нужно воспринимать буквально, в географическом смысле (переход с одного театра действий к другому). Америка не «отворачива-

ется» от остальных своих обязательств и возможностей в других регионах. Более того, с ростом взаимозависимости и взаимосвязанности многих событий и процессов в глобальном масштабе ключевой целью «поворота» становится «настройка» азиатского региона таким образом, чтобы он помог в достижении целей США и в остальном мире. Важным элементом «поворота» является построение конструктивных и продуктивных отношений с Китаем, утверждает Кэмпбелл. Не сдерживание Китая, а укрепление связей с Азией является сутью этой стратегии. Вместе с тем, по мнению автора, «поворот» призван напомнить Пекину о сохраняющейся мощи США в регионе⁷. Что касается внутренних и внешних ограничений в реализации азиатской стратегии США, то Кэмпбелл предвидит большую работу по их преодолению при развороте на восток. Автор считает, что даже в свете бюджетных сокращений на оборону Соединенные Штаты могут провести их, не нанеся ущерб своему присутствию в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Более того, критики чрезмерно фокусируются на наиболее «бросающемся в глаза» аспекте «поворота» — сфере безопасности — и игнорируют тот факт, что «поворот» к Азии включает в себя множество менее осязаемых, но не менее важных дипломатических и экономических инициатив⁸.

Остановившись на проблеме выбора названия для стратегии, автор затрагивает интересную тему соперничества Госдепартамента и Белого дома за право присвоения себе лавров разработки этого политического курса. Так, с самого начала «поворот» рассматривался как термин Госдепартамента⁹, а к наименованию «перебалансировка» более склонялся Совет национальной безопасности в Белом доме¹⁰. Кроме терминологического разграничения, как следует из книги, имелись явные различия в смысловом наполнении новой стратегии. Белый дом был в большей степени нацелен на поддержание равных отношений с Китаем и развитие двустороннего взаимодействия, чем Госдеп, который видел в усилении КНР угрозу давним позициям США в регионе и поэтому ставил в качестве приоритетных целей недопущение возможности бросить вызов Америке, укрепление отношений с региональными союзниками и партнерами и рассеивание сомнений по поводу сохранения своего присутствия в АТР.

Во второй главе книги К. Кэмпбелл иллюстрирует беспрецедентный потенциал Азии и вызовы, с которыми она сталкивается. Этот регион, покрывающий пространство от Японии и Китая до Индии, как подчеркивает автор, является самым динамичным в мире. Здесь находятся самые быстрорастущие экономики, самый большой по численности средний класс, а также расположены некоторые из наиболее опасных потенциальных «горячих точек». Кэмпбелл анализирует стремительные преобразования в самых различных сферах жизни общества, исследует вопросы демографических изменений в азиатских странах и их влияния на экономическое развитие, обращается к различным аспектам социальной политики, таким как борьба с бедностью, здравоохранение, образование, подчеркивая значение усилий правительств в этих областях для развития человеческого капитала в своих странах. Привлекая статистические данные ООН, Мирового банка, Всемирной организации здравоохранения, автор демонстрирует контрасты регионального развития, говорит о проблемах, связанных с урбанизацией, санитарией и загрязнением окружающей среды. Отмечая, что рост благосостояния государств тесно связан с улучшением условий жизни их населения, К. Кэмпбелл обращается к теме экономического развития азиатских стран, затрагивая вопросы инфраструктуры, энергетики и рассматривая целый ряд разнообразных «узких» секторов — от судоходства и оборонных расходов до изобразительного искусства и киноиндустрии, в которых Азия выходит на передовые мировые позиции.

Подводя итоги своего анализа, Кэмпбелл заявляет, что Азия имеет критически важное значение практически для всех основных внешнеполитических приоритетов США. Так, стабильность американской модели миропорядка частично зависит от того, как Вашингтон справится с возрастающей конкуренцией в сфере безопасности в Азии

и историческим подъемом Китая. В борьбе с исламским радикализмом будет полезен пример «умеренных и процветающих мусульманских демократий Азии, таких как Индонезия»¹¹. Азия является незаменимым рынком, поставщиком и партнером для американского бизнеса, что крайне важно для оживления экономики и повышения занятости в США. Путь к предотвращению климатических изменений также пролегает через Азию, учитывая, что здесь производится больше выбросов углекислого газа, чем в каком бы то ни было ином регионе. Соединенные Штаты не могут позволить себе пренебрегать этим жизненно важным регионом, подчеркивает Кэмпбелл и указывает на то, что уже с первых дней образования республики американцы обратили свой взор к Азии и постепенно стали участвовать в делах региона.

Обращаясь в третьей и четвертой главах к истории американского участия в Азии, Кэмпбелл отмечает, что политика США в этом регионе имеет долгое и сложное наследие при наличии в ней нескольких неизменных тем, или «констант». Ведение экономической деятельности и создание среды, благоприятной для продвижения коммерческих интересов США, миссионерская деятельность, распространение демократии и защита территориальных владений являлись устойчивыми и постоянными целями американской стратегии и политики в Азии. Условием достижения данных целей было недопущение становления регионального гегемона, исходя из чего в разные исторические периоды США стремились ограничить влияние в Азии Британии, Японии или Советского Союза. Однако за военными или дипломатическими успехами страны обычно следовали крайне дорогостоящие периоды стратегического ухода и невнимания к региону. Этот цикл интенсивного внимания и последующего относительного стратегического пренебрежения нанес ущерб и осложнил присутствие и деятельность США в Азии. Недостаточная вовлеченность в региональные дела исказала восприятие американцами Азии, породила мифы и не соответствующие действительности представления о ней. Кроме того, как считает Кэмпбелл, чрезмерное внимание к борьбе с ростом коммунистического влияния в Европе и сосредоточенность на ближневосточных конфликтах фактически отодвигали Азию на второй план, что, в свою очередь, вело к недостаточной комплектации американского политического аппарата компетентными кадрами и специалистами по азиатскому региону, ставя под угрозу интересы США.

Кэмпбелл отстаивает идею, согласно которой для разработки стратегии, позволяющей США ответить на вызовы XXI века, Америке сегодня следует прервать этот цикл, покончив с проявлением невнимания и нерешительности в отношении азиатского региона¹². Необходимо создать стратегию, которая опиралась бы на ключевые аспекты предшествующей политики США в Азии и вместе с тем включала новые элементы. Предлагаемый К. Кэмпбеллом вариант азиатской стратегии США XXI века ставит перед страной задачу играть более активную роль и, подобно «дирижеру оркестра», обеспечить слаженное действие всех азиатских игроков, чтобы, с одной стороны, не допустить появления азиатского гегемона (на что были направлены усилия предшествующих администраций), а с другой — укрепить существующую региональную систему, созданную Америкой, или, пользуясь терминологией Кэмпбелла, «кооперативную систему» Азии, опирающуюся на принципы свободы судоходства, торговли, региональной транспарентности и мирного разрешения споров. На сегодняшний день Кэмпбелл выделяет в американской политической мысли пять соперничающих подходов к тому, как должна выстраиваться азиатская стратегия США. Во-первых, это подход *China first* («Китай на первом месте»), помещающий Китай и задачу выстраивания с ним крепких и стабильных отношений в центр американской стратегии в Азии и рассматривающий остальные двусторонние отношения в регионе как вторичные по значимости. Во-вторых, подход, делающий ставку на двусторонние альянсы и партнерства США. Его сторонники считают, что их укрепление станет ключом к решению сложных проблем, с которыми сталкивается Америка, таких как стратегическая неопределенность вокруг подъема Китая или ядерная проблема

Корейского полуострова. Третий подход к организации стратегического пространства в Азии включает так называемую школу китайской угрозы. Она акцентирует динамику соперничества в американо-китайских отношениях. Предвидя рост гегемонистских амбиций Китая и напряженности в регионе, сторонники этой позиции призывают сосредоточить внимание на сдерживании Китая и быть готовыми к потенциальному военному столкновению с ним. Четвертый подход ставит акцент на транснациональных вызовах, с которыми сталкиваются державы региона и международная система в целом, и призывает перейти к построению и укреплению институциональных механизмов, включающих целый ряд стран, для совместного решения этих вызовов. Пятый подход заключается в отходе от концентрации на потребностях долгосрочной региональной стратегии в пользу решения конкретных актуальных вопросов или кризисов¹³.

С точки зрения Кэмпбелла, наилучшим решением для создания перспективной стратегии является совмещение модифицированной версии второго подхода с выстраиванием позитивных отношений с Китаем и широким региональным сотрудничеством по решению транснациональных вызовов. Такой всеобъемлющий подход позволит США создать стабильный баланс сил в Азии, укрепит существующий порядок и даст возможность лучше воздействовать на поведение «непокорных» региональных держав, таких как Китай¹⁴. Этот подход создаст как стимулы для поддержания существующей «оперативной системы», считает Кэмпбелл, так и обозначит цену за ее подрыв.

Как показывает К. Кэмпбелл в пятой главе, время для реализации такой всеобъемлющей стратегии настало. После десятилетий стремительного развития и усиления региональной напряженности Азия переживает переходный период неопределенности и перемен, который станет определяющим для будущего региона и потребует решительных действий и присутствия Америки, считает автор. Он рисует два альтернативных пути дальнейшего развития региона: один, если Азия будет развиваться без активного американского участия, и другой, если она выберет дорогу, предлагаемую ей США. Таким образом, Кэмпбелл представляет будущее Азии как вариант из некоего спектра, на концах которого находятся, с одной стороны, гегемония, с другой — региональный баланс сил, порядок девятнадцатого или порядок двадцать первого века, роль растущих держав в качестве нарушителей порядка или его заинтересованных участников, экономический протекционизм или высокие стандарты торговых отношений, авторитарные режимы в странах и внутренние репрессии или движение к демократии. В интересах Америки — направить вектор развития региона в сторону предлагаемого ей «идеального» будущего. Стратегия «поворота» должна служить реализации этого замысла.

Автор предлагает план из десяти пунктов, по которым следует реализовывать деятельность в рамках стратегии (глава 6). Во-первых, необходимо разъяснить суть «поворота» и мобилизовать общественную поддержку с помощью публикации ежегодных стратегических документов, излагающих цели и перспективы этой политики, а также обращений президента к широкой общественности касательно значения азиатской стратегии Америки. Во-вторых, Соединенные Штаты должны укрепить систему своих союзов, предпринимая усилия по преобразованию альянсовой системы «оси и спиц» (*hub and spokes*¹⁵) в сетевую модель взаимодействия, подразумевающую создание горизонтальных связей между союзниками, т.е. «связывание» своих восточноазиатских альянсов с помощью новых двусторонних и многосторонних договоров и соглашений. В-третьих, ставится задача последовательно формировать среду, или «контуры», для подъема Китая.

Остановимся на этой теме подробнее, так как вопрос выстраивания отношений с Китаем красной нитью проходит через всю книгу. Кэмпбелл отмечает изменения во внешнеполитическом курсе КНР, произошедшие в последние годы и выразившиеся в увеличении напористости внешней политики Китая, и указывает на те факторы, которые, с его точки зрения, являются движущими силами этих подвижек, так как их понимание крайне важно для формирования внешней политики США¹⁶. Во-первых, считает

автор, у руководства КНР появилось ощущение, что баланс сил изменился или меняется в пользу Китая. Во-вторых, возрос личный контроль Си Цзиньпина над формулированием китайской внешней политики. В-третьих, в Китае происходит рост национализма на уровне элит и масс. В условиях замедления темпов роста экономики КНР есть опасность, что руководство страны будет использовать националистические настроения для сохранения своей легитимности и переключения внимания населения с экономических неурядиц, а это, в свою очередь, изменит характер внешнеполитического курса Китая в сторону еще большей напористости.

Уже сейчас в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях «поведение Китая начинает идти вразрез с жизненно важными национальными интересами США и ставить под сомнение его общую приверженность мирному подъему», утверждает Кэмпбелл¹⁷. В этих условиях Соединенным Штатам следует продемонстрировать решимость остаться в регионе, заняв активную позицию, и работать по нескольким направлениям, чтобы быть способными управлять соперничеством по вопросам, вызывающим разногласия, а также укрепить сотрудничество по вопросам, требующим партнерства Америки и Китая. В военной сфере сосредоточить внимание и укрепить свои силовые позиции в Юго-Восточной Азии, усилить возможности по борьбе с противником, использующим системы A2/AD (anti-access/area denial, системы ограничения доступа, дают возможность ограничить доступ или заблокировать какой-либо район для сил противника), укрепить свое присутствие в регионе посредством военной дипломатии, совместных учений с азиатскими странами, мероприятий по ликвидации последствий природных катастроф. Что касается территориальных споров Китая в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, то Соединенным Штатам следует продолжать подтверждать то, что в отношении островов Сэнкаку (Дяоюйдао) действуют гарантии по защите территории Японии в соответствии с американо-японским Договором о взаимном сотрудничестве и безопасности. Необходимо укреплять связи с государствами Юго-Восточной Азии, подтверждать свое присутствие в регионе, в том числе посредством военных учений. Следует поддерживать использование международного права в разрешении данных территориальных споров, а также способствовать продвижению совместного развития спорных территорий вовлеченными странами. Более того, Кэмпбелл выступает с призывом о ратификации Америкой Конвенции по морскому праву, подчеркивая, что это придаст авторитет голосу США в спорных вопросах, возникающих с Китаем в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях¹⁸. Автор также отмечает, что следует поддерживать стремление КНР и Тайваня к сохранению статус-кво в районе пролива, ведению диалога и обменов, а если Китай усилит давление в отношении Тайваня, Америка должна активно и недвусмысленно поддерживать Тайбэй. В экономической сфере для разрешения возникающих с Китаем споров следует использовать международное право, торговые соглашения, механизмы ВТО, а также активно работать с союзниками и партнерами для создания Транстихоокеанского партнерства и Трансатлантического торгово-инвестиционного партнерства, которые сформируют стандарты международной торговли, принятые большинством стран мира и таким образом окажут влияние на поведение остальных государств. Если Китай предпримет действия для соответствия высоким стандартам этих соглашений, возможно его присоединение к ним¹⁹. Более того, Кэмпбелл отмечает необходимость внимательно подходить к иницированным Китаем программам и институтам. С одной стороны, не все они должны рассматриваться как представляющие угрозу для США, а с другой стороны, даже предпочтительно, что Китай будет связан нормами и правилами, пусть даже они не были иницированы Америкой. Соединенным Штатам следует либо вовлекаться в работу создаваемых Китаем организаций и институтов, для того чтобы иметь возможность формировать их изнутри, активно с ними взаимодействовать, либо усиливать свои организации, которые предложат альтернативу странам региона. По ряду острых вопросов американо-китайской повестки, таким как кибербезопасность, от США потребуются при-

менение силовой дипломатии и готовность идти до конца с применением санкций против компаний, вовлеченных в кибершпионаж или получающих от него прибыль. По линии прав человека Кэмпбелл предлагает вести работу начиная от защиты китайских диссидентов, организации двусторонних обменов для судей, прокуроров, юристов, работников полиции до поддержки свободного обмена информацией в Интернете, вплоть до введения запрета на экспорт западных технологий и ноу-хау, которые помогли бы китайскому правительству в цензуре или мониторинге своего населения. Вместе с тем двум странам необходимо работать по преодолению стратегического недоверия. Для этого от американской стороны потребуются ясное заявление о своей стратегии в Азии, способствование более широкому и глубокому двустороннему правительственному взаимодействию, особенно на уровне лидеров; диалог и сотрудничество по решению транснациональных вызовов в Азии; совместные усилия по решению мировых проблем: более тесные связи по кризисному взаимодействию и оказанию помощи при стихийных бедствиях²⁰.

Возвратимся к выдвинутому Кэмпбеллом плану по реализации «поворота». Четвертым пунктом он указывает необходимость укрепления связей со старыми партнерами США, такими как Тайвань и Новая Зеландия, и новыми партнерами — Индией, Вьетнамом, Индонезией, Малайзией и тихоокеанскими островными государствами. Развитие этих отношений, поясняет Кэмпбелл, позволит Соединенным Штатам влиять на направление общего регионального развития и расширит влияние США за пределами традиционной модели организации двусторонних альянсов «оси и спиц».

Пятым пунктом является работа по заключению соглашений о свободной торговле, углублению регионального экономического взаимодействия и реализации Транстихоокеанского партнерства. Важность этого направления обусловлена тем, отмечает автор, что те принципы экономической деятельности, которые примет Азия, окажут влияние на глобальное управление в сфере экономики на век вперед.

В-шестых, Америка должна принимать участие в развитии все более многочисленных и более интегрированных региональных институтов. Задача страны — «сесть за каждый стол, где обсуждается будущее Азии» и способствовать формированию не паназиатских институтов, исключая США, а транстихоокеанских, позволяющих Америке принимать участие в формировании правил и норм в регионе по важным для ее интересов вопросам.

Седьмым пунктом является обновление и модернизация американского военного потенциала в регионе. Восьмым — поддержка государств, находящихся в переходном периоде, в их движении в сторону демократии. В-девятых, следует укреплять общественные связи между народами Америки и Азии, способствовать активизации обменов, запуску новых программ. Необходимо рассмотреть использование потенциала американской диаспоры в Азии для налаживания взаимодействия на основе личных контактов (people-to-people level). И, наконец, десятым пунктом является укрепление связей с европейскими партнерами для выработки более интегрированного трансатлантического подхода к азиатскому региону.

Отдельную главу Кэмпбелл посвящает вызовам, которые необходимо преодолеть Соединенным Штатам, для того чтобы успешно реализовать намеченный план «поворота». С одной стороны, это проблемы внутренние. Децентрализация политической системы США, выражающаяся в неспособности достигнуть межпартийного консенсуса по целому ряду внешнеполитических вопросов, усиление изоляционистских настроений в обществе, накопившееся разочарование в традиционных аргументах в пользу международного участия и поддержки глобализации бросают вызов способности Америки к проведению политики интернационализма. Недостаточное финансирование в сфере обороны ставит под угрозу передовое присутствие США в Азии²¹. Автор отмечает необходимость долгосрочного планирования азиатской стратегии, реформирования кадровой политики внешнеполитического ведомства с тем, чтобы к работе приступало как можно больше

специалистов, обладающих глубокими знаниями азиатского региона²². Что касается международной арены, то и здесь возникают ситуации, грозящие отвлечь внимание руководства США от Азии, в частности кризис на Ближнем Востоке. Кэмпбелл высказывает опасения, что нестабильное внимание Америки к азиатскому региону может привести к разочарованию расположенных здесь государств в надежности обещаний и обязательств, взятых на себя США. Вместе с тем он отмечает, что описанные проблемы не являются непреодолимыми. Вопрос активной реализации «поворота» — это не столько вопрос возможностей, сколько вопрос политической воли.

Соображениями о некоторых принципах, которые следует помнить при осуществлении «поворота», и воспоминаниями личного характера о своей службе в Государственном департаменте США Кэмпбелл делится в заключительной, восьмой главе. Он отмечает стремление Совета по национальной безопасности осуществлять строгий контроль над большинством разрабатываемых аспектов американской стратегии и над ее реализацией. Подтверждая необходимость руководства на высшем уровне, автор говорит о контрпродуктивности удушающего контроля над дипломатией, для которой требуется некоторая степень импровизации²³. Также Кэмпбелл говорит о принципе баланса: необходим баланс между элементами общей стратегии для обеспечения ее эффективности, баланс в реагировании на развитие ситуации. Так, нужно балансировать между четкой готовностью к позитивному взаимодействию с Пекином, где это возможно, и проявлением твердости и бдительности, когда это необходимо. Не стоит забывать и о связи практической дипломатии с научной мыслью. Следует обращаться к новым академическим работам и знаниям, считает Кэмпбелл, так как они могут помочь современным дипломатам в понимании обстоятельств и среды, в которых протекает их работа²⁴.

Признавая, что данная книга дает развернутое представление о целях Америки в азиатском регионе, истоках, характере выдвинутой стратегии «поворота» и направлениях для ее дальнейшей реализации, необходимо отметить и ее слабые стороны. Во-первых, работе недостает четкого определения и анализа проблемы, которую должен решить «поворот» США к Азии. Проблема, стоящая сегодня перед Америкой в Азии, заключается в том, что благодаря изменениям в относительной мощи двух стран за последние десятилетия Китай стремится утвердиться в качестве доминирующей азиатской державы и предпринимает усилия по формированию своей модели региональной архитектуры. Ставя акцент на задаче укрепления «оперативной системы», созданной США в Азии, автор не уделяет того же внимания первостепенной внешнеполитической цели Соединенных Штатов — недопущению становления здесь регионального гегемона. Для начала Кэмпбелл выбирает крайне осторожные формулировки, избегая прямо и открыто называть Китай государством, чье появление в качестве уверенного регионального игрока стало главной причиной затруднительного положения, в котором оказалась сегодня Америка в АТР, и утверждать, что именно из-за противоположных целей двух держав отношения между ними характеризуются значительной конфликтной составляющей. «...Очевидно, что баланс сил в регионе редко был более неопределенным. Хотя Китай занимает сильные позиции в Азии в качестве крупнейшей экономики региона, его рост замедляется, в то время как другие крупные державы, такие как Индия, рвутся вперед. Смотря в будущее, представляется преждевременным заключать, что Азия окажется под неизбежным китайским господством...»²⁵. Видится доля определенного лукавства в таком заявлении и последующем снятии с обсуждения в книге вопроса о региональной гегемонии, учитывая, что на протяжении всего повествования читатель косвенно убеждался в том, что именно Китай становится реципиентом запущенной американской инициативы, целью которой является сохранение доминирования США в регионе. Признание «китайского вызова» для Америки требует серьезной оценки стратегических намерений и потенциала Поднебесной, основываясь на которой, далее уже можно проводить серьезный анализ вариантов формулирования внешней политики США в Азии. Четкое определение

целей Америки и Китая позволило бы проследить, в какой степени эти цели конфликтуют между собой и насколько серьезна эта конфронтация. Без прояснения масштабов проблемы затруднительно предложить ее удовлетворительное решение. Описанное в шестой главе книги «установление контуров для подъема Китая» не учитывает, что у Китая может не быть оснований идти в заданном для него Америкой русле развития и что в настоящее время Пекин стремится формировать среду вокруг себя самостоятельно, а у многих государств в регионе нет желания ухудшать отношения с КНР, объединяясь «против» нее. Из недостаточной проработки мер, необходимых для ответа на стоящие перед Америкой в АТР вызовы, вытекает недооценка издержек и рисков — дипломатических, экономических и стратегических — на которые, возможно, придется пойти для этого США. И, пожалуй, главный вопрос, на который, к сожалению, книга не дает ответ — готова ли Америка вступить в войну с Китаем для сохранения своего первенства в АТР? От потенциальной готовности или неготовности США на этот шаг и от осознания этих настроений странами АТР во многом зависит то, как будет выглядеть региональный порядок в XXI веке. И еще одна тесно связанная с этим проблема — как влияет на подход США тот факт, что КНР является ядерной державой? Тема обладания и США, и Китаем ядерным оружием незаслуженно, на наш взгляд, обойдена в книге, что затрудняет эффективный анализ вопросов выработки азиатской стратегии США.

Можно также отметить идеологическую ангажированность труда в целом (неудивительную, если учитывать должность, которую занимал автор), которая наверняка бросится в глаза российскому читателю. Идеи американского мессианства и лидерства, как можно заметить, продолжают формировать внешнеполитическую повестку Соединенных Штатов. В своем труде К. Кэмпбелл возводит национальные интересы США в абсолют: утверждается, что их реализация служит гарантней стабильности и процветания всего региона. Принимается за аксиому, что большинство азиатских стран приветствуют присутствие США и разделяют цели и видение будущего, которое предлагает им Америка в соответствии с ее собственными национальными интересами. Государства же, не готовые встроиться в региональный миропорядок по американской модели, объявляются «деструктивными силами», «подрывными элементами» (spoilers) или иждивенцами (free riders), и целью Америки становится направление их по сформированному ею пути развития.

Встает вопрос, с одной стороны, насколько справедливы абсолютизация западных ценностей и навязывание всем странам региона движения по предлагаемому США пути? Мировой опыт неоднократно подтверждал тупиковость моделей развития без учета региональной специфики, не-универсальность Вашингтонского консенсуса, демократизации без учета особенностей обществ, где ее пытаются провести. Как отмечал лидер Сингапура Ли Куан Ю, «...поскольку различные общества развивались на протяжении тысячелетий по-разному, то их идеалы и общественные нормы неизбежно должны были различаться... Существует фундаментальное различие между обществами, основанными на конфуцианских ценностях и на западных либеральных ценностях, между государствами Восточной Азии и западными государствами... Америке не стоит без разбора навязывать свою систему ценностей другим обществам, в которых эта система не будет работать»²⁶.

С другой стороны, возникает вопрос относительно справедливости тезиса о стабилизующей роли США в регионе в настоящее время. Учитывая эксклюзивный характер системы безопасности, созданный Америкой в Восточной Азии, увеличение регионального военного потенциала США, укрепление связей с союзниками и партнерами по мере сдвига в балансе сил между Вашингтоном и Пекином ведут не к стабилизации ситуации, а к углублению «разделительных линий» между государствами, увеличению чувства взаимного недоверия и подозрительности и провоцируют новые витки гонки вооружений. Озвученный Кэмпбеллом подход по укреплению региональной системы, действующей согласно американским правилам и нормам, не способен предложить решение этих проблем.

Любопытно, что события, происходившие уже после выхода данной книги, продемонстрировали — реализация «поворота» сталкивается с ощутимыми трудностями. Так, рост напряженности в районе Южно-Китайского моря в последние годы пребывания администрации Б. Обамы у власти и отказ Китая признать результаты арбитража по вопросу ЮКМ поставили под сомнение успешность проводившейся политики по укреплению «оперативной системы» в Азии для достижения целей США. Еще большим потрясением стала смена американской администрации, произошедшая в результате победы на президентских выборах в декабре 2016 г. кандидата от Республиканской партии Дональда Трампа. Предвыборная платформа Д. Трампа под знаменем *America First* несла посыл о том, что Соединенные Штаты будут участвовать в мировых делах и использовать свою мощь только тогда и таким образом, когда сочтут это нужным. Такой подход оказался созвучен настроениям избирателей. Верно отмеченное К. Кэмпбеллом в качестве возможного вызова «повороту» чувство усталости среди американцев от интернационалистской политики США, затратных внешнеполитических инициатив, особенно на Ближнем Востоке, на фоне экономических неурядиц внутри страны продемонстрировали результаты опроса *Pew Research* в апреле 2016 г. Оказалось, что 57% американцев (наибольшее количество за всю пятидесятилетнюю историю проведения подобных опросов) согласны с тем, что Америке нужно заняться собственными проблемами и дать другим странам решать свои по мере их возможностей²⁷. В ходе избирательной кампании Д. Трампом была поставлена под сомнение необходимость союзнических отношений с Японией и Южной Кореей, возникла перспектива отказа от политики «одного Китая» и сохранения «стратегической неопределенности» США по вопросу суверенитета Тайваня. Он обещал решительно разобраться с ядерной проблемой на Корейском полуострове, выйти из соглашения о создании Транстихоокеанского партнерства, говорил о принятии жестких мер против Китая в экономической сфере по целому ряду вопросов, включая приписываемые Китаю манипуляции с обменным курсом. Фактически, речь шла о разрыве со всеми основными положениями стратегии «поворота».

Однако когда утихли волнения в связи со вступлением Д. Трампа в должность и его первыми шагами на новом посту, оказалось, что коренной «революции» в азиатском направлении внешней политики США не произошло. Нынешний курс наряду с определенными изменениями демонстрирует черты преемственности с азиатской политикой Б. Обамы (хотя Трамп избегает использования терминов «поворот» или «перебалансировка»), что подтвердили итоги первого визита Трампа в Азию в качестве главы государства в ноябре 2017 г. Самое радикальное изменение, пожалуй, коснулось сферы экономики. Д. Трамп отказался от участия Америки в Транстихоокеанском партнерстве, ключевом элементе азиатско-тихоокеанской стратегии Б. Обамы. Выбор был сделан в пользу заключения двусторонних соглашений о торговле со странами региона на принципах «справедливости и взаимности», которые более соответствуют протекционистским настроениям новой администрации США. Отказ Трампа от участия в ТТП вызвал волну критики, мол такое решение пошатнет «либеральный порядок», негативно скажется на настроениях американских союзников и партнеров, которые все более склоняются к выводам о непредсказуемости и ненадежности Соединенных Штатов, а также даст возможность Китаю усилить глобальное влияние и позиционировать себя как «поборника» свободной торговли²⁸. Вместе с тем Америка сохраняет и укрепляет «костяк» для обеспечения своего присутствия и просеивания влияния в регионе — систему союзнических отношений и партнерств — по «сетевой» модели и продолжает играть структурирующую роль в региональном порядке.

Тем не менее в своей программной речи, произнесенной в ноябре 2017 г. во вьетнамском Дананге, Д. Трамп, представляя свое видение стратегии дальнейшего развития отношений США со странами региона, акцентировал внимание на концепции «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (*free and open Indo-Pacific*), сместив тем

самым акценты в стратегическом пространстве, в котором Америка реализует свою азиатскую политику²⁹. Этот же термин (Индо-Тихоокеанский регион, ИТР) был употреблен в Стратегии национальной безопасности США (СНБ), представленной в декабре 2017 г. Согласно этому документу, Китай является ревизионистской державой³⁰, страной, которая подрывает стабильность в этом регионе³¹, является государством-соперником США, стремящимся занять их место в ИТР, «бросающим вызов американской мощи, влиянию и интересам, пытающимся подорвать безопасность и процветание Америки»³².

Это определение продемонстрировало поспешность и излишнюю оптимистичность высказывавшихся некоторыми китайскими исследователями прогнозов о том, что политика Трампа, видимо, будет иметь мало общего с «перебалансировкой» Обамы, а китайско-американское геополитическое соперничество в регионе маловероятно³³. Учитывая, что даже используемый Трампом термин для обозначения желаемой модели регионального порядка — «индо-тихоокеанская мечта»³⁴ — наводит на мысль о противопоставлении ее с озвученной ранее Си Цзиньпином «азиатско-тихоокеанской мечтой»³⁵, а наиболее очевидным игроком, нарушающим, с точки зрения США, принципы, на которых этот порядок должен строиться (верховенство права, защита прав человека, свобода судоходства), является Китай, надежды на спад стратегического соперничества США и КНР в этой части мира представляются маловероятными. Ставя, таким образом, перед собой задачу предотвращения неблагоприятных для себя изменений в балансе сил в Индо-Тихоокеанском регионе³⁶, США активизируют усилия по развитию отношений с Индией. «Мы приветствуем становление Индии в качестве ведущей мировой державы и более сильного стратегического и оборонного партнера. Мы будем стремиться к наращиванию четырехстороннего сотрудничества с Японией, Австралией и Индией»³⁷. Среди изменений, произошедших с приходом новой администрации, также можно наблюдать отчетливый перенос фокуса внимания США с Юго-Восточной на Северо-Восточную Азию. Приоритетной политической целью Америки ставится «достижение полной, верифицируемой и необратимой денуклеаризации на Корейском полуострове»³⁸. Далее, Америка продолжает линию администрации Б. Обамы по участию в региональных многосторонних организациях, форумах для представления и продвижения своих интересов и укрепления сотрудничества государств в целях решения региональных проблем. Обратило внимание отсутствие Д. Трампа на встрече глав государств в рамках Восточноазиатского саммита в ноябре 2017 г., однако представляется, что подобное не станет закрепившейся практикой.

Сам Курт Кэмпбелл, анализируя в своей недавней статье внешнеполитический курс новой администрации в Азии, предупреждает, что многие из предпринятых Д. Трампом шагов и сделанных заявлений — чрезмерный акцент на вопросах дефицита в двусторонней торговле со странами региона, отказ от многосторонних торговых соглашений, высказывавшиеся сомнения в значимости альянсов и меньшее внимание проблеме прав человека и дипломатии — могут поставить Америку перед угрозой того, что ее подход окажется «конфронтационным», а не «конкурентоспособным». Пекин же, наоборот, тем временем смог стать более конкурентоспособным игроком, не становясь в позицию конфронтации. Более того, шаги США сеют в союзниках и партнерах неуверенность и чувство, что Америка не настолько предсказуема, надежна и сильна как союзник и друг³⁹. И, пожалуй, самые кардинальные мысли были высказаны в новой статье К. Кэмпбелла в соавторстве с И. Ратнером, опубликованной в журнале *Foreign Affairs*, где фактически содержится признание краха одного из основных пунктов «поворота» — формирования «контуров» для развития Китая. Заявляя, что Вашингтон сейчас столкнулся с самым энергичным и грозным конкурентом в современной истории, авторы призывают отказаться от оказавшихся ложными предположений, на которых строилась политика США в отношении Китая: что Америка может задать направление его развитию, что дипломатическое и экономическое «вовлечение» КНР принесут стране политическую и экономическую открытость, а военная мощь США и выстраивание регионального ба-

ланса сил удержат Пекин от стремления к замещению ключевых компонентов возглавляемого Соединенными Штатами порядка. Либеральный мировой порядок не обладал настолько привлекательной или обязывающей силой для Китая, как ожидалось, говорят авторы. Необходимо отказаться от этого полного надежд подхода, который в течение долгого времени характеризовал политику США по отношению к Китаю, и новая Стратегия национальной безопасности, считает Кэмпбелл, сделала шаг в этом верном направлении. Вместо попыток изменить, изолировать, ослабить Китай США должны сконцентрироваться на укреплении своих позиций, собственной мощи и своих действиях, а также на укреплении мощи и на действиях своих союзников и партнеров⁴⁰.

Подводя итог, отметим, что книга К. Кэмпбелла служит прекрасным инструментом для понимания движущих сил и мотивов американского участия в азиатском регионе. Она позволяет увидеть, что стратегия «поворота» США — долгосрочное предприятие и ожидать скорого ухода Америки из этого региона не приходится. Вместе с тем, уклоняясь от анализа непростых вопросов азиатской стратегии США, которые мы затронули выше, она продемонстрировала слабости, присущие и самому «повороту». Эти слабости приводят к тому, что стратегия проходит через кризисные моменты, модифицируя составляющие ее элементы, или даже отказываясь от части из них. Успех азиатской политики Америки в дальнейшем будет во многом зависеть от того, насколько точно администрации Д. Трампа и последующим президентам США удастся определить цели Америки в регионе, доступные для их реализации средства, региональные проблемные узлы и масштаб «китайского вызова», меры, необходимые для их решения, а также издержки и риски. Без ответа на эти вопросы говорить о будущей стратегии Америки в Азии не представляется возможным.

© 2018

*А.В. Волошина,
младший научный сотрудник ИДВ РАН.
E-mail: anna-voloshina1136a@yandex.ru.*

1. См.: Asia 2050: Realizing the Asian Century. Executive Summary. Manila: Asian Development Bank, 2011. P. 11. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28608/asia2050-executive-summary.pdf> (дата обращения: 21.05.2018).
2. *Campbell K.M.* The Pivot: The Future of American Statecraft in Asia. New York and Boston: Twelve, 2016. 399 p.
3. В настоящее время К. Кэмпбелл является председателем и главным исполнительным директором Asia Group — группы стратегического консультирования и управления капиталом, специализирующейся на Азиатско-Тихоокеанском регионе. Он также является председателем правления Центра новой американской безопасности, членом-нерезидентом центра Белферского центра Гарвардского университета и заместителем председателя центра Восток-Запад на Гавайях.
4. Campbell, K. Op. cit. P. 7.
5. Ibid. P. 6.
6. См.: Ibid. P. 7.
7. См: Ibid. P. 17–26.
8. Ibid. P. 26–29.
9. Причем этим именем стратегия обязана строке из появившейся на страницах журнала Foreign Policy в октябре 2011 г. статьи госсекретаря США Х. Клинтон. «Поскольку война в Ираке заканчивается, и Америка начинает выводить свои войска из Афганистана, Соединенные Штаты находятся в точке “поворота”». Как позже вспоминала в своих мемуарах «Сложные решения» Х. Клинтон, «журналисты ухватились за слово “поворот” как выразительное средство для описания нового особого внимания администрации к Азии».
10. См.: Ibid. P. 29–32.

11. Ibid. P. 80.
12. Ibid. P. 138–139.
13. См.: Ibid. P. 146–151.
14. Ibid. P. 150.
15. Данная система предполагает наличие обособленных двусторонних союзнических отношений США со странами Восточной Азии.
16. См.: Ibid. P. 233.
17. Ibid. P. 238.
18. Ibid. P. 276–277.
19. Ibid. P. 240.
20. Более подробно см.: Ibid. P. 230–250.
21. См.: Ibid. P. 295–307.
22. Ibid. P. 310–314.
23. Ibid. P. 318–320.
24. Ibid. P. 330.
25. Ibid. P. 156.
26. Ли Куан Ю. Из третьего мира — в первый. История Сингапура (1965–2000): пер. с англ. Алексаидра Боня / Ли Куан Ю. — 2-е изд. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. С. 401–402.
27. Drake, B., Doherty, C. Key findings on how Americans view the U.S. role in the world // Pew Research Center. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/05/05/key-findings-on-how-americans-view-the-u-s-role-in-the-world/> (дата обращения: 25.05.2018).
28. См.: Jentleson, B. Trump's Global Foreign Policy Is Bad News for Asia // Global Asia. 2017. № 4. P. 10–14.
29. Remarks by President Trump at APEC CEO Summit. Ariyana Da Nang Exhibition Center, Da Nang, Vietnam. November 10, 2017 // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-apec-ceo-summit-da-nang-vietnam/> (дата обращения: 22.05.2018).
30. National Security Strategy of the United States of America. The White House, Washington, December 2017. P. 25. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 20.05.2018).
31. Ibid. P. 46.
32. Ibid. P. 2.
33. См.: Wu Xinbo. Constructive Engagement: China's Handling of Trump // Global Asia. 2017. № 4. P. 38–41.
34. См.: Remarks by President Trump at APEC CEO Summit. Ariyana Da Nang Exhibition Center, Da Nang, Vietnam. November 10, 2017. Op. cit.
35. Концепция общей «азиатско-тихоокеанской мечты» народов региона сформулирована Си Цзиньпином в ноябре 2014 г. в выступлении на заседании саммита АТЭС. См.: Си Цзиньпин: яньцзян шоути Ятай мэнь: жан жэньминь гошан аньнин фуцзу шэнхо: [В своем выступлении Си Цзиньпин впервые упомянул азиатско-тихоокеанскую мечту: дать народам счастливую жизнь в безопасности и процветании] // Цзиньхуа шибао. 10.11.2014. URL: <http://finance.sina.com.cn/china/20141110/020020771647.shtml> (дата обращения 21.05.2018).
36. National Security Strategy of the United States of America. Op. cit. P. 45.
37. Ibid. P. 46.
38. Ibid. P. 47.
39. См.: Ex-U.S. Diplomat Says Trump Administration Lacks North Korea Experience // Wall Street Journal. 16.05.2017 URL: https://www.youtube.com/watch?v=Q_bvnvr0o6Y (дата обращения: 15.05.2018).
40. Campbell K., Ratner E. The China Reckoning: How Beijing Defied American Expectations // Foreign Affairs. March/April 2018. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2018-02-13/china-reckoning> (дата обращения: 25.05.2018).

Рецензии

Белов А.В. Япония: экономика и бизнес: учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2017. 384 с.

Книга «Япония: экономика и бизнес», выпущенная Издательством СПбГУ в 2017 г., призвана помочь читателю составить целостную картину японской экономической жизни. Автор — Андрей Васильевич Белов, д.э.н., профессор Университета префектуры Фукуи (Япония). Профессор Белов активно участвует в научной жизни как Японии, так и России, публикуя исследования и выступая с докладами по региональной политике, бюджетным отношениям и, конечно, проблемам японо-российского экономического сотрудничества¹.

Автор видит Японию одновременно со стороны и изнутри: его основной инструментарий — западные экономические теории и терминология, но в них он старается вдохнуть все своеобразие японской повседневности, объяснить логику поведения людей, бизнеса и государства. Легкость изложения и свежий взгляд на проблемы делают эту монографию доступной и интересной для широкого круга читателей. Андрей Васильевич приводит большое количество примеров из собственной исследовательской практики: в книгу вошли интервью автора с менеджерами компаний, представителями органов местного самоуправления префектуры Фукуи, японскими учеными-экономистами.

Основная особенность и несомненное достоинство работы — ее синтетический характер, обобщение и систематизация. По мере прочтения читатель может сложить из первичных разрозненных фактов целостную картину японской экономической жизни как уникального культурно-исторического феномена. Для этого автор, объединив и переработав несколько подходов к описанию национальной экономики, предлагает собственную трехмерную модель, объединяющую все уровни функционирования экономики и всю совокупность ее участников. По мнению автора, национальную экономику можно представить в виде кубика Рубика (гл. 1.1), подвижные грани которого — это участники хозяйственной деятельности (госу-

дарство, домохозяйство, компания), уровни ее осуществления (макро-, мезо-, микро-) и «срезы» существования экономики (культура, пространство, время). Экономика структурируется по отдельным граням «кубика», и читатель может постепенно собрать головоломку.

В гл. 2 автор рассказывает об истории развития экономики и бизнеса Японии, давая подробную характеристику каждому из ее этапов и сравнивая с экономической историей других стран. Подобный анализ представляет особую ценность: впервые в отечественной научной литературе сведены воедино исторические предпосылки формирования национальной модели экономики, которая, как отмечает автор, приобрела заверченный вид к началу 1950-х годов (с. 73).

Благодаря комплексному подходу книга показывает контекст появления многих «модных» практик японского менеджмента, их место в культурной и экономической жизни страны. При этом мы не отрываемся от западной экономической науки — логика развития многих отраслей все равно подчиняется классическим рыночным законам, и необычность многих подходов, в конечном счете, сводится к отличной (от западной) структуре спроса, консерватизму потребительского поведения, некоторым специфическим характеристикам рабочей силы.

Япония предстает перед читателями не только как страна «галапагосского синдрома», где чуть ли не каждая глобально востребованная отрасль развивается по своему уникальному «островному» сценарию, но и как страна, активно отстаивающая свои позиции на глобальном рынке, где ей приходится играть по общим правилам.

Очень интересен подробный анализ регионального измерения экономической политики японского правительства, проблем развития «депрессивных» территорий и растущего регионального неравенства. Автор, как специалист по региональной политике, приводит опыт

Японии как экспериментальный образец, который в дальнейшем наверняка найдет применение и в других странах. Япония первой в мире столкнулась со столь острой проблемой как старение населения, катастрофически низкой рождаемостью и другими социальными феноменами «постаревшей экономики» и сейчас активно ищет способы решения этих проблем на всех уровнях государственного управления. Центральное правительство принимает не только меры по стимуляции рождаемости и введению первых послаблений иммиграционной политики, но и программы для контролируемой адаптации экономики к неизбежному «сжатю» населения. Региональные власти и местные органы самоуправления стараются искать все возможные способы, актуальные для конкретной местности. Только в Японии никто не удивляется, когда местные власти, к примеру, организуют центры знакомств для местных жителей и даже следят за количеством свадеб, сыгранных благодаря их работе².

Все повествование в книге пронизано *идеями перехода* — к новой демографической политике, к новой модели занятости, к новой бюджетной политике и т.д. Япония пытается адаптироваться к меняющейся глобальной и локальной экономической реальности. Автор приглашает читателя следить за этими шагами, успешностью тех или иных начинаний, чтобы видеть сценарии, которые наверняка будут разыгрываться и в других странах.

К некоторым недостаткам работы можно было бы отнести несколько меньшее внимание к внешнеэкономическим проблемам. Микро- и мезоуровню в книге посвящено четыре главы, всего 169 страниц, в то время как макроэкономике — только две главы. Одна из них — глава 3 «Макроэкономика и государство» (с. 74–141) — посвящена национальной экономике и регулирующим функциям государства, а вторая — глава 8 «Мировая экономика и внешнеэкономические связи» (с. 312–372) — делает основной акцент на российско-японские экономические отношения (им посвящено 45 из 60 страниц). С учетом важности японской экономики в глобальном масштабе, влияния процессов офшорни-

зации на внутренний промышленный потенциал, а также постепенного изменения роли Японии в международном разделении труда было бы интересно увидеть более подробный анализ стратегии и тактики поведения страны на международной арене. Все эти процессы отражаются на разных уровнях и в разных срезах национальной экономики.

В главе, посвященной российско-японским экономическим отношениям, предсказывается преобладание геоэкономического подхода, то есть превосходства прагматических экономических интересов над сиюминутной политической конъюнктурой. Книга опубликована в 2017 г., то есть основная работа над текстом, скорее всего, была завершена еще в 2016 г. — автор фактически предсказывает постепенное потепление российско-японских отношений и оказывается абсолютно прав.

В декабре 2016 г. с рабочим визитом в Токио прибывает президент РФ В.В. Путин³. В результате российско-японского саммита активизируется диалог по вопросу заключения мирного договора, подписывается весомый пакет двухсторонних документов, для российских туристов упрощается визовый режим, в Японии раскупают всё понравившееся российскому президенту sake. В 2017 г. контакты на высшем уровне активизируются⁴. Растет туристический поток, бизнес с интересом смотрит на дальнейшие перспективы и в более «тяжелых» отраслях, таких, как машиностроение и энергетика. В 2017 г. товарооборот между Японией и РФ начинает расти впервые после кризиса 2014 г., причем преимущественно за счет импорта из России⁵.

В свете сегодняшнего развития российско-японских отношений книга А.В. Белова представляет действительно ценный материал, предназначенный не только для студенческой аудитории. Все термины и гипотезы объясняются простым языком, текст не перегружен транскрипциями японских слов или сложными наукообразными конструкциями. Книга будет интересна более широкому кругу читателей — ученым-международникам и экономистам, участникам бизнес-сообщества и просто интересующимся проблемами японской экономики.

1. Fukui Prefectural University Faculty Members: Andrey Belov [электронный ресурс] // Fukui Prefectural University. 2010–2018. URL: http://www.fpu.ac.jp/faculty_members/open/abelov.html (дата обращения: 10.04.2018).
2. Koda H. The “Ehime Method”: Using Big Data to Support Matchmaking [электронный ресурс] // Nippon Communications Foundation. 2018. 2 апреля. URL: <https://www.nippon.com/en/features/c04603/> (дата обращения: 16.04.2018).
3. Визит в Японию // Администрация Президента России. 2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/trips/53488> (дата обращения: 10.04.2018).
4. Материалы по выбранной теме: Япония // Администрация Президента России. 2018. URL: <http://kremlin.ru/catalog/countries/JP/events> (дата обращения: 10.04.2018).
5. Trade statistics // Portal Site of Official Statistics of Japan. 2008–2018. URL: <https://www.e-stat.go.jp/en/stat-search/files?page=1&layout=dataset&toukei=00350300&tstat=000001013137&cycle=1&tclass1=000001013254> (дата обращения: 23.04.2018).

Юбилей ученого

Юбилей Аллы Леонидовны Верченко

11 сентября 2018 г. отметила юбилей Алла Леонидовна Верченко. Она пришла на работу в Институт в 1976 г. и не прерывала связи с ним, находясь в заграничных командировках с мужем, постоянно обогащая свои профессиональные знания в КНР, Бирме, на Тайване.

А.Л. Верченко окончила факультет международных отношений МГИМО МИД СССР в 1971 г. и тогда же состоялось ее первое знакомство с Китаем. Он в разных образах, в разные периоды своей истории навсегда вошел в жизнь и профессию Аллы Леонидовны как китаеведа, связанного с исследованиями международных отношений, новой и новейшей истории Китая, социальной истории, проблемы сохранения традиций в современном китайском обществе.

С 2005 г. А.Л. Верченко — старший научный сотрудник Центра изучения новейшей исто-

рии Китая ИДВ РАН. Ее отличают огромный интерес к работе и, можно сказать, профессиональный азарт, которые помогают преодолевать трудности, встречающиеся на пути любого исследователя. Она постоянно участвует в российских и зарубежных научных китаеведческих форумах, регулярно публикует статьи, принимает участие в работе различных «круглых столов», семинаров. В своих работах Алла Леонидовна поднимает малоисследованные темы, привлекает документальные источники и архивные материалы. Как один из авторов, она участвовала в подготовке трех томов 10-томного издания «История Китая с древнейших времен до начала XXI века», в настоящее время работает над коллективной монографией о помощи СССР КНР в 1950-е годы.

Алла Леонидовна — постоянный и квалифицированный помощник в научно-организационной работе и Центра, и Института. Одно из ее главных качеств — оперативность и готовность выполнить поставленные задачи в установленный срок. Она принадлежит к людям, у которых слово не расходится с делом, на которых можно уверенно положиться в работе. Ее отличают порядочность и принципиальность.

Особое место в жизни Аллы Леонидовны занимает работа в Обществе российско-китайской дружбы. В качестве ответственного секретаря Общества (с 2005 г.) она сделала и делает много полезного для укрепления традиционной дружбы между народа-

ми наших стран, распространения знаний о Китае среди разных слоев российской общест-венности, особенно среди школьников и студентов, изучающих китайский язык.

Алла Леонидовна своей любовью к делу, которому она служит, своими профес-сиональными и интересными работами, доброжелательным отношением к коллегам за-воевала уважение не только в Институте, но и среди ученых, работающих в других горо-дах и за рубежом.

Желаем Алле Леонидовне творческого долголетия на пути успешного изучения новых страниц истории Китая, оставаясь в добром здравии в окружении коллег и друзей.

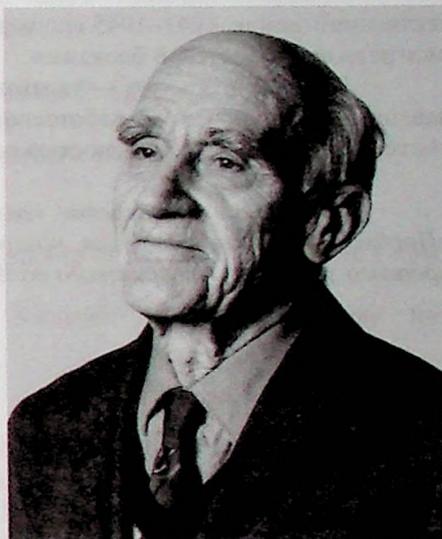
*Дирекция и коллектив ИДВ РАН,
редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока»*

Борису Григорьевичу Доронину — 90

20 июня 2018 г. исполнилось 90 лет профессору кафедры истории стран Дальнего Востока, многолетнему директору филиала Института Дальнего Востока РАН при Восточном факультете СПбГУ, доктору исторических наук Борису Григорьевичу Доронину.

Б.Г. Доронин в 1952 г. с отличием окончил Восточный факультет Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) государственного университета. После обучения в аспирантуре с 1956 по январь 1968 г. работал в Библиотеке АН СССР, где занимался комплектованием китайского фонда.

С января 1968 г. по настоящее время Б.Г. Доронин является преподавателем кафедры истории стран Дальнего Востока Восточного факультета СПбГУ. Общий стаж его работы на Востоке — 50 лет. В 1976 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Династийная история

“Мин ши” как источник по истории крестьянской войны в Китае 1627–1646 гг.», а в 1994 г. — докторскую диссертацию на тему «Официальное историописание — государственно-политический институт империи Цин (XVII—XVIII)», в 1998 г. был утвержден в звании профессора. В 1985–1986 гг. Б. Г. Доронин проходил научную стажировку в Пекинском университете (КНР).

За время работы в университете Б.Г. Дорониным подготовлено и прочитано большое количество курсов по истории и культуре Китая и Филиппин, которые неизменно отличает высокий научный уровень и умелая подача изучаемого материала. В частности, в настоящее время Б. Г. Дорониным обновлены программы и читаются такие актуальные курсы, как «Введение в специальность», «Культура и этнография Китая», «История Китая», «Источниковедение и историография истории Китая», «Социально-политическая система и экономика Китая», «Проблемы истории Китая XVII—XVIII вв.», «Цивилизационный фактор модернизации Китая на современном этапе». Б. Г. Доронин руководил курсовыми работами студентов, выпускными квалификационными работами и магистерскими диссертациями, выступал в качестве рецензента бакалаврских и магистерских работ. Читал лекции в Восточном институте ДВГУ и в Амурском государственном университете (г. Благовещенск), возглавлял Государственную экзаменационную комиссию в Восточном институте ДВГУ. Под руководством профессора Доронина прошли подготовку и защитили кандидатские диссертации несколько аспирантов.

Б.Г. Доронин регулярно участвует в научных, российских и международных конференциях, вносит большой вклад в поддержание и развитие научных контактов с учеными КНР и ведущими западными китаеведами. Им опубликовано более 150 научных работ, в том числе несколько монографий и учебных пособий. В настоящее время Борис

Григорьевич работает над фундаментальной монографией, посвященной 35 векам китайского традиционного историописания (с древности по начало XX века).

Б.Г. Доронин являлся заместителем декана Восточного факультета (1976–1981 гг.), в течение ряда лет был членом Ученого совета факультета, заместителем председателя Организационно-методической комиссии университета. В настоящее время он — ответственный секретарь Российской ассоциации китаистов, член правления Санкт-Петербургского отделения Общества российско-китайской дружбы.

Б.Г. Доронин имеет звание «Заслуженный работник высшей школы», многочисленные правительственные награды, в их числе знак «Жителю блокадного Ленинграда», медаль «В память 300-летия Санкт-Петербурга», медали в честь победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., медаль «В честь 60-летия полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады».

Борис Григорьевич — талантливый педагог и исследователь, яркий пример преподавателя необыкновенной работоспособности, самоотдачи и любви к своей профессии, учитель, которого с благодарностью вспоминают восточники, выпускники разных лет.

Российские китаеведы, коллеги и ученики, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока, поздравляют Бориса Григорьевича с юбилеем и желают крепкого здоровья и творческого долголетия.

Contents

TO THE MEMORY OF ACADEMICIAN S. TIKHVINSKY

Note by the Editor

[Condolences of Minister of Foreign Affairs of Russia S. Lavrov]

A. Ipatova. About Sergey Leonidovich Tikhvinsky

K. Khafizova. Orientalists of Kazakhstan Remember Academician S. Tikhvinsky

POLITICS

V. Portyakov. To the 40th Anniversary of the Beginning of Economic Reform in China (a Brief Overview)

A. Shenin, S. Shenin. After the Singapore Summit: American strategies for Denuclearization of North Korea

ECONOMY

V. Andrianov. The Role of International and Regional Development Banks in the Industrialization and Modernization of South-East Asia

L. Boni. The New Agricultural Strategy of the XIX Congress of the CPC: Goals and Challenges

MILITARY BUILD-UP

V. Kashin, L. Krasheninnikova. Chinese Academy of Engineering Physics – Creator of Chinese Nuclear Weapons

P. Kamennov. China: Military-Civil Integration

STATE AND SOCIETY

E. Goryacheva. Historical Background of the Formation of the Modern Media System in Japan

D. Grafov. The Economic Model of the *Guanxi* Practice in China: Comparative Analysis

HISTORY

E. Nesterova. Administration of Boundary Commissioner in the South Ussuri Region: from Project to Implementation (Late 60's – early 70's of the XIX Century)

CULTURE

T. Gurulyova. Development of Framework of Reference for Chinese as a Foreign Language: a Part of the State Policy in the Field of Chinese Culture Dissemination

RELIGION

L. Afonina. “Regulations on Religious Activity” of 2018 in China

V. Sharonova. Russian Temple on the Yangtze River

SCIENTIFIC EVENTS

A. Voloshina. About Kurt M. Campbell’s Book “The Pivot: The Future of American Statecraft in Asia”

BOOK REVIEW

A. Slobodenyuk. Belov A. Japan: Economy and Business

SCHOLAR JUBILEE

Jubilee of A.L. Verchenko

Boris Grigorievich Doronin — 90 Years

Contents

Summary

Summary

V. Portyakov. To the 40th Anniversary of the Beginning of Economic Reform in China (a Brief Overview)

The article traces the general course of transformations in the economic mechanism and economic system of the People's Republic of China during four decades of its reformist development. Separately, the most important changes in the ownership system and of reformist financial sector are shown.

Key words: China, economic reform, dynamics and content of reforms in the economic mechanism, changes in the ownership structure, changes in the financial and banking sectors.

A. Shenin, S. Shenin. After the Singapore Summit: American Strategies for Denuclearization of North Korea

The article is devoted to the study of the process of discussing by American politicians and experts the problem of denuclearization of the Korean peninsula from the point of view of the possibility to achieve a political consensus in the U.S. In the context of the current developments in the region the authors make comparative analysis of viewpoints of the most influential interest groups within the American establishment both in the Democratic and Republican parties. It is concluded that since all of these viewpoints of the groups in many respects go in line with President Trump's policy of denuclearization, it should be expected that the Administration and Congress can reach a consensus on the problem in the near future.

Key words: United States, North Korea, D. Trump, denuclearization, China, neoliberals, realists, conservatives.

V. Andrianov. The Role of International and Regional Development Banks in the Industrialization and Modernization of South-East Asia

The article analyzes the role of international and regional development banks in the dynamic development and transformation of the economies of Southeast Asian countries. The contribution of these financial institutions to the priority development of export industries and the orientation of economic development to the world market are shown. Financial assistance to the development of innovations, introduction of modern technologies, modernization of infrastructure facilities, development of the institutional environment of the market economy, Southeast Asian countries' solution of environmental protection issues are considered.

Key words: Southeast Asian countries, international and regional development banks, economic modernization, investment cooperation, subsidies, grants, loans, technical and consulting assistance.

L. Boni. The New Agricultural Strategy of the XIX Congress of the CPC: Goals and Challenges

The new agricultural strategy of China, put forward by the XIX Congress of the CPC: its goals, objectives and causes, role and importance; the specifics of the main social contradictions, new challenges and new chances for the development of the Chinese village are considered.

Key words: agrarian strategy, modernization, «production revival», qualitative agriculture, «green agriculture», farmer's income, rural migrants, urbanization, urban-rural relations.

V. Kashin, L. Krasheninnikova. Chinese Academy of Engineering Physics – Creator of Chinese Nuclear Weapons

The article examines the development and the current structure of the China Academy of Engineering Physics (CAEP), the only Chinese entity responsible for development and production of the nuclear weapons. CAEP is a little known, but important element of the Chinese military industrial complex. The activities of the CAEP are not limited to nuclear weapons sphere but include works on laser weapons, the weapons on new physical principles and some high impact civilian research.

Key words CAEP, China, nuclear weapons, R&D, production.

P. Kamennov. China: Military-Civil Integration

The author considers the problems of deepening the interaction between Chinese military-industrial corporations and civil sector in the information, scientific, research, technological and production spheres. This process is carried forward in the context of the implementation of state strategy aimed at transforming China into innovation power by 2020. Such interaction has to ensure the qualitative growth of the country's economic and military potential on the basis of scientific achievements in the rational use of resources.

Key words: military-industrial corporations, the integration of military and civil technology, attraction of private and foreign capital, corporatization of some enterprises of the military industrial complex, participation of the military industrial complex in commercial activities.

E. Goryacheva. Historical Background of Formation of Modern Media System in Japan

The article views the historical background of a modern media system in Japan (television, radio, print media, news agencies). The article discusses the issue of the origins of the interaction practice between the media and the Japanese government in the process of broadcasting and publishing news events. In addition, a brief overview of the main stages of the development of the Japanese media system is given, as well as an analysis of the key factors that have influenced the process of forming the media system of Japan at different periods of its history, including present situation.

Key words: mass media, Japan, television, press clubs, media history.

D. Grafov. The Economic Model of the Guanxi Practice in China: Comparative Analysis

The article is devoted to revising of a three-dimensional concept of supervisor-subordinate *guanxi*. For better understanding of the complex and intricate *guanxi* phenomenon we offer to examine individual interests as main force in building *guanxi* relations and networks. The economic model of the tie between supervisor and subordinate may facilitate explanation of favor and benefit changes between the parties connected by the tie. Moreover, this approach does not ignore concept of leader-member exchange benefits. Loyalty, dedication, reciprocity, trust, all set of values, beliefs and associated behavioural norms that refer to *guanxi* may be considered as rationality of the "economic man" model.

Key words: Chinese networking, guanxi, leader-member exchange, supervisor-subordinate.

E. Nesterova. Administration of Boundary Commissioner in the South Ussuri Region: from Project to Implementation (Late 60's – early 70's of the XIX Century)

The paper analyses early period of creation Administration of boundary commissioner in the South Ussuri region in the context of administrative's reforms in the region. Reconstruction of the first boundary commissioner V.D. Ovander's biography is made.

Key words: Far East, boundary commissioner, South Ussuri region, East Siberian governor-general, V.D. Ovander.

T. Gurulyova. Development of Framework of Reference for Chinese as a Foreign Language: a Part of the State Policy in the Field of Chinese Culture Dissemination

The article examines the historical process of developing framework of reference for Chinese as a foreign language. The history of the creation of the Chinese HSK exam, which was the preliminary stage in the development of framework of reference for Chinese, was studied, a comparative analysis of the structure and content of the old and new HSK exam systems was conducted. The prerequisites and stages of the development of framework of reference for Chinese as a foreign language, the structure and levels of the communicative competence of the Chinese language are described. The ratio of the developed levels to the levels of the HSK exam and the Common European Framework of Reference is presented.

Key words: framework of reference for Chinese, the levels of the framework of reference for Chinese, HSK, communicative competence of the Chinese language.

L. Afonina. "Regulations on Religious Activity" of 2018 in China

In February 2018, China adopted a new "Regulation on religious activity". It touches upon a large number of aspects of the religious sphere, imposing significant restrictions on the communities of believers. The document is aimed at combating the growth of religiosity in society and limiting religious activity outside the existing communities. Unofficial communities of believers, which for decades collectively outnumbered the adherents of official religious communities belonging to pro-state patriotic associations, are under attack.

Key words: "Regulations on religious activity", religious politics, religious schools, priests, religious activities, sinification of religions, freedom of religion, United front.

V. Sharonova. Russian Temple on the Yangtze River

The article deals with the history of Orthodoxy in China. An important role in the construction of churches was played by Russian merchants, who considered it their duty to strengthen the faith among the Russian population living far from home. One of the important points of the Russian-Chinese tea trade since the middle of the XIX century was the city of Hankou (now part of Wuhan). Here, in 1884, at the expense of Russian merchants, an Orthodox Church was built in the name of St. Alexandr Nevsky.

Key words: Hankou, Church, Orthodoxy, merchants, tea trade, Russian-Chinese relations.

Переломов Леонард Сергеевич
05.12.1928 — 14.09.2018

14 сентября 2018 года, не дожив нескольких месяцев до своего 90-летия, скончался известный российский китаевед, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, член редколлегии журнала «Проблемы Дальнего Востока», доктор исторических наук, профессор Леонард Сергеевич Переломов.

Сын революционера, крупного государственного деятеля Китая Цзи Чжи, Л.С. Переломов в 1951 г. окончил Московский институт востоковедения, получив фундаментальную китаеведческую подготовку. С защитой кандидатской (1954) и докторской (1970) диссертаций Леонард Сергеевич заявил о себе как об одном из ведущих отечественных специалистов по проблемам Древней истории, философии и политической системы Китая. Высокий авторитет у российского и международного научного сообщества Л.С. Переломов снискал своими переводами и комментированием классических древнекитайских текстов «Книга правителя области Шан» (1968), Лунь Юй «Суждения и беседы Конфуция» (1998), Сы Шу. «Четверокнижие» (2004). За исследование текстов Конфуция Л.С. Переломов в 2000 г. был удостоен премии имени С.Ф. Ольденбурга. Широко востребованным в политическом сообществе России стал труд «Конфуцианство и современный политический курс КНР» (2007).

Л.С. Переломов активно участвовал в подготовке энциклопедии «Духовная культура Китая» в шести томах. Его перу принадлежит и 2-й том десяти томной «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века».

Неизменно требовательный к себе, Леонард Сергеевич запомнится коллегам по научному сообществу в России и за рубежом своей принципиальностью, широкой эрудицией, глубоким знанием и пониманием базовых основ китайской цивилизации.

Светлая память о Л.С. Переломове навсегда сохранится в сердцах его коллег, учеников, всех тех, кто знал и почитал этого замечательного ученого-китаеведа.

*Дирекция и коллектив сотрудников Института Дальнего Востока РАН,
редакция и редколлегия журнала «Проблемы Дальнего Востока»*

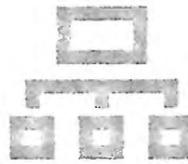
ГАУГН-ПРЕСС

осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия

Ключевые направления:

- формирование учебно-методических комплексов
- внедрение мировых стандартов научной периодики и коммуникации
- популяризация науки

Принципы деятельности:

- сетевое взаимодействие ведущих научных центров
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- интеграция науки и образования

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК с 1994 года

Преподаватели – ведущие русские ученые

• Более 36% – доктора наук
• Более 45% – кандидаты наук

Стажировки в:

• Ведущие российские и зарубежные организации
• Организации культуры, науки, искусства

• Международный общественный фонд «Центр культуры и образования»

Интеграция науки
и образования

Бюджетные
места

Насыщенная
студенческая жизнь

Отделение от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

- История
- Философия
- Политология
- Социология
- Международные отношения
- Зарубежное регионоведение
- Востоковедение и африканистика
- Психология
- Культурология
- Археология
- Менеджмент
- Юриспруденция
- Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

[facebook.com/gaun](https://www.facebook.com/gaun)

[instagram.com/gaun/](https://www.instagram.com/gaun/)

gaun.ru

E-mail: info@gaun.ru

vk.com/gaun

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК РФ. В нем публикуются основные научные результаты исследований по следующим отраслям науки (согласно Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени) – экономические, исторические, политические науки.

Издание входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) <http://www.elibrary.ru>.

В соответствии с издательскими требованиями все научные статьи, поступающие в журнал, проходят предварительное рецензирование с целью их экспертной оценки.

Подробная информация о правилах направления, рецензирования и опубликования статей размещена на официальном сайте журнала: <http://www.ifes-ras.ru/pdv>.

- ✶ индексной индекс издания в каталоге «Пресса России» – 70 758.
- ✶ возможно оформление льготной подписки в редакции.
- ✶ по вопросам подписки обращайтесь к заведующей редакцией журнала Александре Александровне Лапшиной (тел.: 8 (499) 124–02–15).

Для получения электронной версии журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Тел.: 8 (495) 935–01–01. С условиями подписки можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: www.elibrary.ru.

*Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Проблемы Дальнего Востока» обязательна.
Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.*

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ № 0110158 от 05.02.1993 г.)

Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32;
Тел. (499) 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-ras.ru
Оригинал-макет © 2018 г. Дмитрий Славинский

Подписано к печати 05.10.2018 г. Формат 70×100 1/16 Усл. печ. л. 14,6
Тираж 400 экз., включая 24 экз. бесплатно. Зак. 31/5а. Цена свободная.

Учредители: Российская академия наук; Институт Дальнего Востока РАН

Издатель: Российская академия наук
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-014-18 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
117418, Нахимовский проспект, 47

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»